299
131

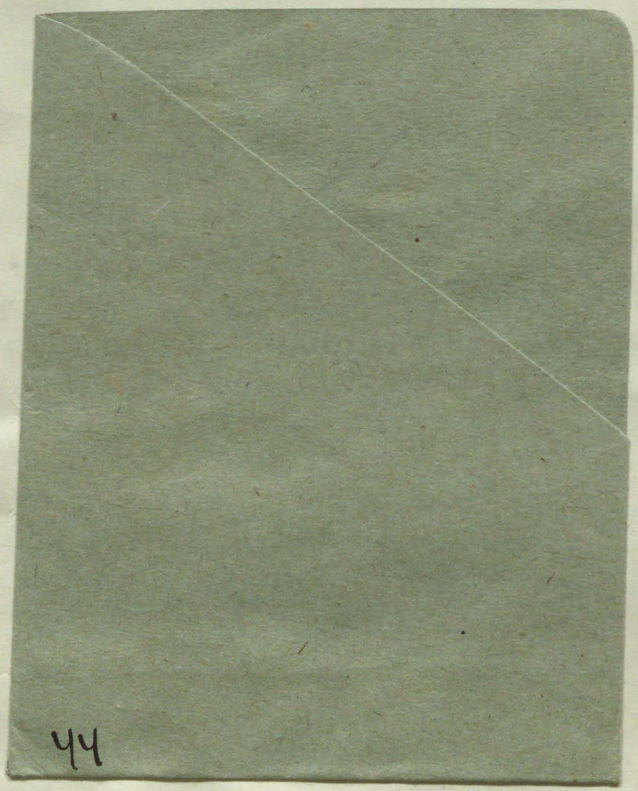
КАЗАВАТЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ Л. А. ЧАРСКОЙ

ИЗДАНІЕ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ.

Александр
Дв-мц 3
детск. пол
учебн. комн.
млад. княжен.
№ 406

3409


44

Ч 299/131

ГАЗАВАТЪ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
изданныя Т-вомъ М. О. Вольфъ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 2-е.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 2-е.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ съ илл.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. повѣсть для юнош., съ иллюстр. Е. П. Самокишъ-Судковской.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

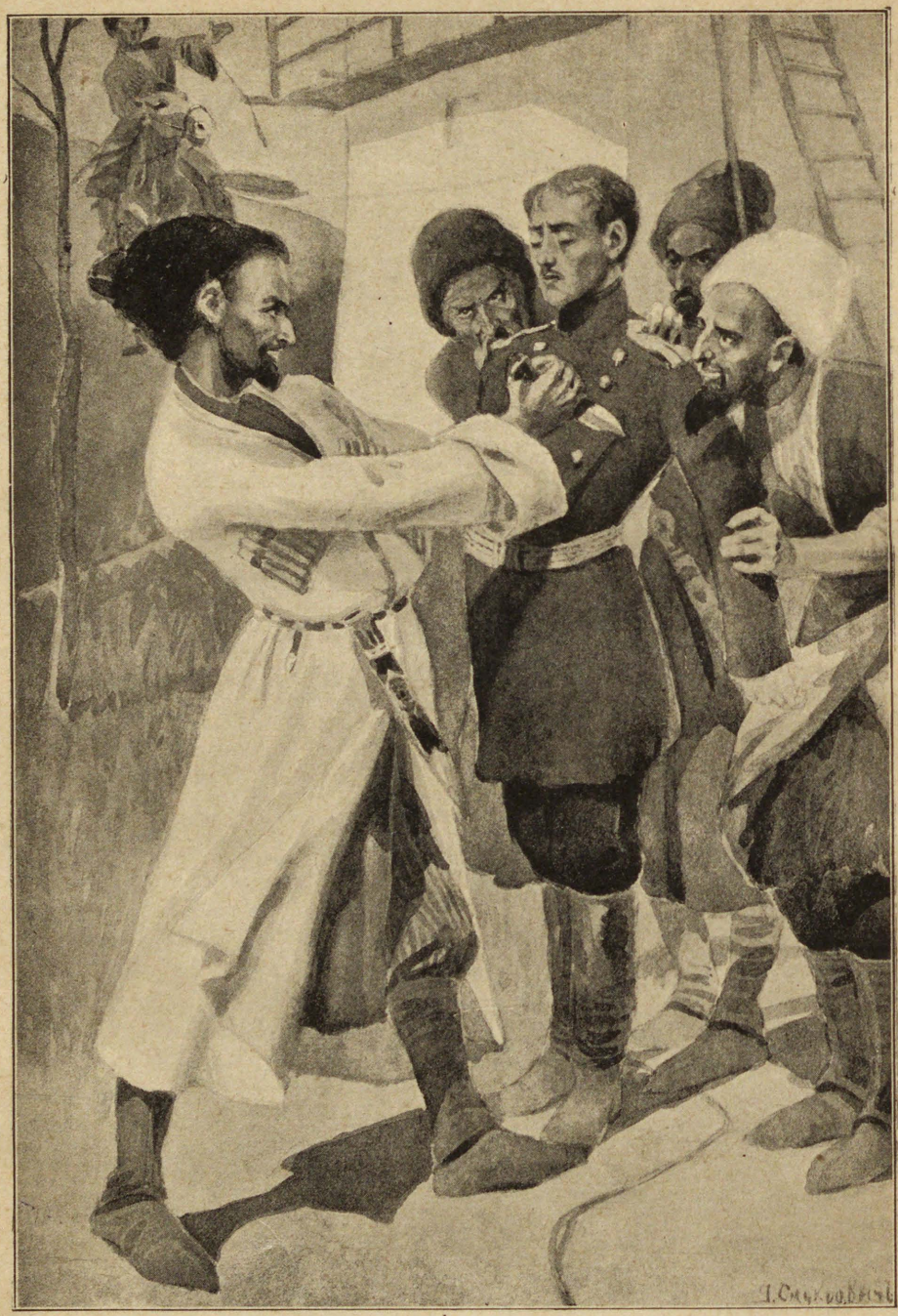
ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ.
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт.



Съ дикимъ крикомъ онъ поднялъ свой кинжалъ...

Ч-223

ГАЗАВАТЪ

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ БОРЬБЫ ГОРЦЕВЪ ЗА СВОБОДУ

И 299/131

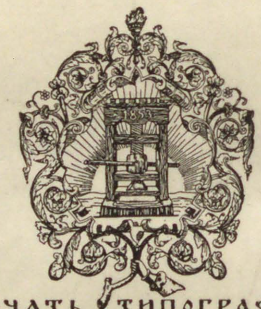
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 10 оригинальными иллюстраціями І. Смукровича и 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ проф. Горшельта, проф. Грузинскаго, Тимма и друг. русскихъ художниковъ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Пбургъ • Москва •



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас · Остр · 16 линія соб · домъ ·

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА
Drs-17097
Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА
ф27041-42.
вас. 4308
2007086430

Отъ издателей.

ЯРКО и выпукло выдѣляется на страницахъ русской исторіи минувшаго вѣка героическая эпопея многолѣтней, упорной, ожесточенной, стоившей много крови, многихъ усилій, борьбы за владычество надъ горцами Чечни и Дагестана.

Цѣлыхъ тридцать лѣтъ длилась эта борьба, выдвинувъ многихъ, многихъ героевъ изъ рядовъ какъ русской арміи, такъ и нашихъ враговъ.

Со стороны горцевъ это была послѣдняя, отчаянная попытка сохранить независимость, свободу; со стороны русскихъ—твердое рѣшеніе завершить увеличеніе государства на границахъ Азіи пріобрѣтеніемъ и подчиненіемъ русскому владычеству многихъ неприступныхъ горныхъ ауловъ.

Возгорѣвшаяся изъ-за этого священная война, „газаватъ,“ какъ назвали ее горцы, заняла очень видныя страницы въ исторіи завоеванія нами Кавказа.

На фонѣ этой героической борьбы, полной трогательныхъ эпизодовъ самоотверженности русскихъ воиновъ—

отъ генерала до солдата—и доходящей до самозабвенія отчаянной храбрости горцевъ—отъ простого узденя до главнаго вождя, имама, включительно — произошли событія, описанныя въ настоящей книгѣ.

Герои и героини повѣсти: молодой русскій офицеръ, его другъ, сынъ вождя возставшихъ горцевъ, привязавшійся къ Россіи и полюбившій русскихъ, юная страдалица-христіанка, попавшая въ плѣнъ къ горцамъ, свирѣпый и жестокій воинъ-мюридъ, добрая, сострадательная чеченка и пр. пр.—это большею частью лица историческія, имена которыхъ записаны на скрижаляхъ войны за завоеваніе Кавказа. Всѣ они группируются вокругъ знаменитаго вождя кавказскихъ мюридовъ, Шамиля, являющагося какъ бы центромъ и главнымъ рычагомъ многолѣтней борьбы горцевъ за вѣру и свободу.

Описанныя въ книгѣ событія наглядно иллюстрированы многими рисунками, часть которыхъ составляютъ спеціально исполненныя изображенія отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ повѣсти, другая же часть—копіи съ картинъ и рисунковъ, воспроизводящихъ историческія событія и принадлежащихъ кисти или карандашу извѣстныхъ художниковъ. Кромѣ того помѣщены также портреты наиболѣе выдающихся дѣятелей этой знаменательной эпохи.

Настоящая книга предназначена для юношества. Но при ея составленіи авторъ руководствовался словами незабвеннаго, великаго русскаго критика Бѣлинскаго: „Только то сочиненіе хорошо и полезно для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравиться имъ не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, написанное для всѣхъ“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЗАЛОЖНИКЪ.

ГЛАВА I.

Предсказаніе Фатимы.

ЛЯ-ИЛЛЯХЪ-ИЛЛЬ Алла!—звучитъ протяжно-заунывный призывъ съ высоты башни мусульманскаго храма.

— Ля-илляхъ-илль Алла!—вторитъ ему эхо недоступныхъ горныхъ стремнинъ и глубокія темныя бездны.

— Ля-илляхъ-илль Алла!—снова выкрикиваетъ высокій, бронзовый отъ загара, старикъ въ бѣлой одеждѣ, медленно поворачиваясь лицомъ къ востоку и, помолчавъ немного, добавляетъ тѣмъ-же пѣвучимъ, гнусавымъ голосомъ:

— Магометъ-рассуль-Алла!

Это мусульманскій священникъ — мулла, призывающій правовѣрныхъ къ обычной утренней молитвѣ.

Солнце медленно и плавно поднялось надъ горизонтомъ и, брызнувъ цѣлымъ потокомъ лучей, окрасило пурпуромъ и мечеть и аулъ съ его крошечными хижинами—саклями, въ видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ, прикрѣпленныхъ къ вершинамъ огромной недоступной скалы.

Утро начиналось. Аулъ оживился.

Плоскія кровли саклей стали покрываться молящимися. Одинъ за другимъ спѣшили правовѣрные—какъ называютъ себя мусульмане—совершать утреннюю молитву—*сабахъ-намазъ*. Быстро совершивъ обычное омовеніе, они разстилаютъ небольшіе коврики, такъ-называемые намазники, и, примостившись на нихъ, шепчутъ молитвы. Лица ихъ повернуты къ востоку—такъ какъ на востокѣ находится священный городъ Мекка, гдѣ родился и умеръ Магометъ, святой пророкъ мусульманъ, основатель ихъ вѣры. И, приступая къ молитвѣ, они повторяютъ тѣ же слова, которыми мулла призывалъ прежде всего къ намазу: „Ля-илляхъ-илль Алла, Магометъ-рассуль-Алла!“—„Нѣтъ Бога, кромѣ Единаго Бога и Магомета—пророка его!“ — слова, составляющія основу мусульманской религіи.

Изъ внутренняго двора сакли или, вѣрнѣе, нѣсколькихъ саклей, соединенныхъ между собою крытыми галлереями, обнесенныхъ каменною стѣною и носившихъ громкое названіе сераля, т.-е. дворца, вышла небольшая толпа женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ укутаны чадрами или покрывалами, плотно охватывающими весь станъ и голову и имѣющими лишь маленькія отверстія для глазъ. Это замужнія: по закону Магомета онѣ не имѣютъ права открывать лица внѣ дома и при мужчинахъ. Рядомъ съ ними, держась немного поодаль, слѣдуютъ дѣвушки, съ открытыми лицами, съ длинными черными косами, перевитыми золочеными и металлическими бляхами, въ то

время какъ у женщинъ даже волосы скрыты подъ чадрой.

Двое изъ женщинъ, шедшихъ впереди, одѣты нарядн҃е остальныхъ и держутся онѣ какъ-то особнякомъ отъ толпы. Прочія, слѣдуя за ними на почтительномъ разстояніи, несутъ на своихъ сильныхъ плечахъ глиняные кувшины. Впереди женщинъ бѣгутъ два мальчика, одѣтые въ длиннополые кафтаны, обшитые галунами и пе-

Видъ аула въ Дагестанѣ.

ретянутые поясами серебряной чеканки съ чернью. За пояса заткнуты маленькіе кинжалы. Въ блестящихъ, пришитыхъ на груди, патронникахъ заложены патроны. На бритыхъ, по горскому обычаю, головенкахъ—мохнатыя папахи изъ бѣлаго барана.

Одинъ изъ мальчиковъ выше и стройн҃е. У него красивое тонкое личико, прямой точеный носъ и черные глаза, сіяющіе искренностью и добротою. Другой—рыжеватый и плотный, съ лицомъ, исполненнымъ лукавства, далеко

уступаетъ первому въ стройности и красотѣ лица и фигуры. И все-таки, и черненькій и рыжій мальчикъ похожи другъ на друга какъ два родные брата. Они и есть братья, сыновья великаго имама, вождя, первосвященника и полновластнаго повелителя горцевъ, отъ одного слова котораго зависитъ жизнь тысячей преданныхъ ему воиновъ. Съ мальчиками—жена и сестра имама,—ихъ мать и тетка, и цѣлая толпа каравашъ, т.-е. служанокъ.

Маленькое шествіе не вышло на улицу, а боковымъ ходомъ, проложеннымъ между пристройками, окружающими дворецъ имама, стало спускаться по уступамъ къ пропасти. Прыгая съ утеса на утесъ и скользя по горнымъ тропинкамъ, съ чрезвычайной ловкостью минуя валуны и камни, они достигли наконецъ дна пропасти, гдѣ бѣшено металась, ревѣла и стонала пѣнящаяся рѣка Койсу.

Шедшія впереди женщины усѣлись надъ крутымъ отвѣсомъ рѣки и отбросили съ лицъ покрывала.

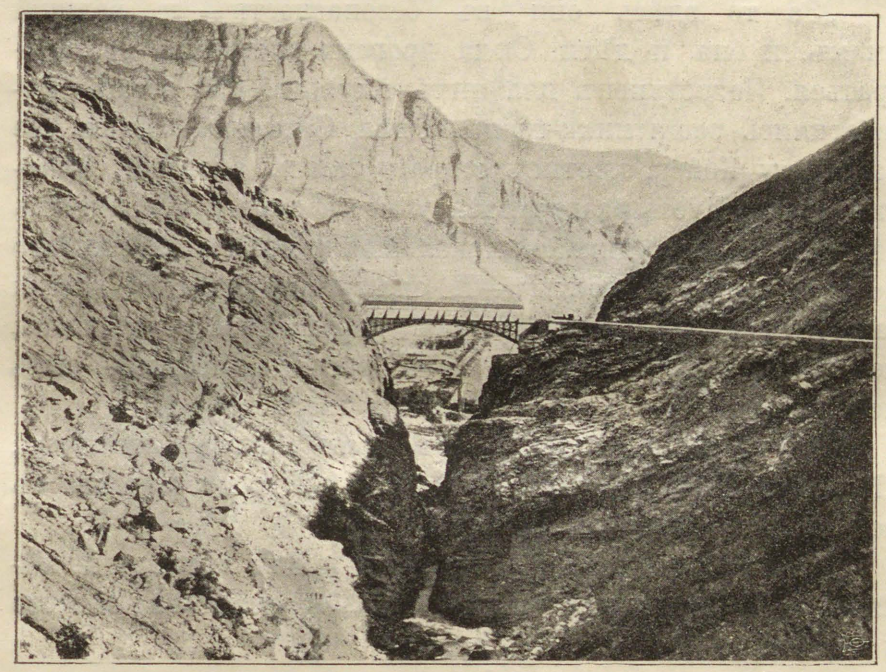
Одна изъ нихъ, черноокая стройная красавица лѣтъ 23-хъ, съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій горный воздухъ и съ дѣтски безпечной улыбкой смотрѣла на небо. Другая, тоже еще далеко не старая горянка, была-бы не менѣе красива, нежели ея спутница, еслибъ не выраженіе глубокой печали, смѣшанной съ озлобленіемъ, не искажало ея исхудалыхъ чертъ. Первая изъ нихъ—постарше—была жена имама и носила имя Патиматъ; вторая—ея золовка по имени Фатима, была женою Хасбулата бека, одного изъ старшихъ начальниковъ-наибовъ и приближенныхъ имама.

Обитательницы дворца имама не имѣютъ права выходить на улицу и показываться на глаза народу, но сегодня онѣ нарушили дворцовый обычай: зная, что ихъ повелитель находится въ храмѣ джаміи, на священномъ таинствѣ, онѣ рѣшили воспользоваться случайной свободой. Ихъ служанки отошли въ сторону, чтобы наполнить кувшины гремучею струею потока. Мальчики тоже занялись

между собою, бросая мелкіе камешки въ Койсу и веселыми звонкими голосами будя утреннюю тишину.

Патиматъ, оставшись наединѣ съ золовкой, попрежнему мечтала, не отрываясь глазами отъ неба.

„Слава Аллаху, хорошо здѣсь! — думала она. — Правда, далеко не такъ хорошо, какъ въ родимыхъ Гим-



Рѣка Кара-Койсу.

рахъ, а все-таки лучше и привольнѣе, нежели въ духотѣ сераля... Гимры! Далеко онѣ! Родныя Гимры, дорогой аулъ, взятый и сожженный русскими, гдѣ она выросла и расцвѣла на волѣ, откуда шла замужъ. Тутъ все такъ пусто и уныло; тамъ все покрыто нѣжной растительностью... Тамъ и чинары, и дубы, и каштаны растутъ въ изобиліи... А въ маѣ цвѣтутъ куполообразныя миндальныя деревья и раины, кроваво-красные цвѣты граната мелькаютъ тамъ и сямъ среди пушистой зелени вѣтвей; бѣлыя азаліи и голубоватыя очи горныхъ цвѣтовъ кра-

сиво ласкаютъ глазъ... Здѣсь, въ этомъ мрачномъ Ахульго, ничего этого нѣтъ...“

Далеко уже не радостно взглянула она на повисшія отвѣсно надъ бездной скалы и, глядя на укрѣпленныя бойницы башенъ, вдругъ улыбнулась лукаво и самодовольно.

„За то здѣсь они въ безопасности — и великій имамъ, и она, и дѣти! Сюда врагамъ-русскимъ не пробраться. Недоступенъ для нихъ Ахульго. Обо всемъ позаботились защитники-горцы. Одна Сурхаева башня, что на берегу Койсу, противъ стараго замка, способна навести страхъ. Пусть разгораются у нихъ очи, у проклятыхъ гяуровъ, какъ у дикихъ шакаловъ на добычу, а Ахульго не взять имъ, не взять!“—И она разсмѣялась по-дѣтски заразительно и звонко. Потомъ вдругъ сразу осѣклась, неожиданно встрѣтивъ на себѣ взглядъ золовки, весь исполненный мрачнаго отчаянія и тоски.

Что-то больно кольнуло въ самое сердце Патиматъ... „Ну, можно-ли радоваться и смѣяться, когда рядомъ съ нею такое безпредѣльное горе?“

Въ два прыжка она очутилась подлѣ золовки и, обнявъ ее и заглядывая ей въ глаза, залепетала ласково и сердечно:

— Фатима-джанымъ [1], бѣдная ласточка горныхъ ущелій, не тоскуй! я знаю, о чемъ ты горюешь... Судьба сына твоего Гамзата мучаетъ тебя. Ты страдаешь потому, что его отдали русскимъ въ аманаты, въ заложники. Они, какъ побѣдители, потребовали, чтобы имамъ послалъ имъ своихъ близкихъ родственниковъ въ обезпеченіе, что не будетъ воевать съ ними больше. Что было дѣлать? Пришлось согласиться—и отдать имъ, вмѣстѣ съ другими, твоего Гамзата... Но успокойся: и твой Гамзатъ, и племянники Кибитъ-Магома въ безопасности у гяуровъ. Вѣдь

[1] Душа моя.

русскій саибъ [1], пріѣхавшій за ними, чтобы взять ихъ въ заложники, поклялся головою, что мальчики будутъ живы...

— Поклялся головою, говоришь ты!—прервала невѣстку съ бѣшенствомъ Фатима и глаза ея вспыхнули, какъ у волчицы.—Развѣ ты не знаешь, что клятва гяура [2]—пустой звонъ горнаго потока, а голова его, которою онъ поклялся, не значительнѣе головы глупаго

Утро въ аулѣ.

эшака? [3]. Нѣтъ, чуетъ мое материнское сердце, что нѣтъ въ живыхъ моего Гамзата, свѣта очей моихъ, моего азиса [4] и что черный Азраилъ [5] вычеркнулъ его имя изъ книги жизни... Четыре года прошли со взятія русскими Тилетля, четыре года съ той минуты, когда его отняли у меня, а душа моя все тоскуетъ и плачетъ, какъ горная орлица по выпавшемъ изъ гнѣзда птенцѣ...

— Успокойся, сестра моя Фатима-джанымъ! Придетъ время, разобьетъ нашъ великій имамъ полчища русскихъ

[1] Офицеръ. — [2] Иновѣрца, русскаго. — [3] Осла. — [4] Милаго. — [5] Ангелъ смерти.

и выручитъ твоего Гамзата. Постой, вотъ придутъ они подъ Ахульго, шашками и кинжалами встрѣтятъ ихъ наши орлы; нечистой ихъ кровью зальютъ они утесы и горы, и русскій сардаръ [1], выкинувъ бѣлый флагъ, будетъ просить мира и тогда...

— Нѣтъ! нѣтъ!—прервала ее глухимъ голосомъ Фатима и страшнымъ блескомъ загорѣлись ея черные глаза,—придутъ русскіе и возьмутъ Ахульго, какъ взяли Гимры, какъ взяли Тилетль, и какъ, не далѣе двухъ недѣль, взяли Аргуань... Вѣдь и онъ казался недоступнымъ, и вокругъ него высились горы и онъ также стоялъ на недосягаемой вершинѣ! Эти шайтаны [2] урусы [3] обладаютъ силою льва и быстротою молніи... Они налетаютъ какъ коршуны и побѣждаютъ нашихъ горцевъ... И теперь они придутъ со своими желѣзными пушками и...

— Кесь-кесь, дели! [4]. Темные джины бездны [5] смущаютъ твою душу!—въ ужасѣ прошептала обезумѣвшая отъ страха Патиматъ,—горе омрачило твой разсудокъ! Молчи, именемъ Аллаха заклинаю тебя!

Но Фатима уже не помнила себя; вся охваченная своимъ мрачнымъ предчувствіемъ, она стояла теперь, выпрямившись во весь свой стройный ростъ и глаза ея горѣли дикимъ пламенемъ.

— Придутъ урусы!—говорила она глухимъ голосомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на страхъ невѣстки,—придутъ, и горы вздрогнутъ отъ основанія до вершины... И сердце гордаго имама обагрится кровью; онъ почуетъ свое безсиліе предъ могучимъ врагомъ. Будетъ часъ, и онъ заплачетъ кровавыми слезами, когда изъ-подъ крыла орла отторгнутъ его орленка!.. Гамзата отнялъ онъ у матери и отдалъ русскимъ въ заложники; придетъ время, когда одного изъ собственныхъ его птенцовъ постигнетъ та же участь...

---

[1] Главнокомандующій. — [2] Дьяволы. — [3] Русскіе. — [4] Молчи, молчи, безумная. — [5] Злые духи.

— Молчи!—съ новымъ отчаяніемъ и мукой вырвалось изъ груди Патиматъ,—твой языкъ зловѣщъ, какъ каркающая ворона, потому что сердце твое полно злобы на имама за сына. Шайтанъ говоритъ твоими устами... Но сила шайтана ломается о непреклонную волю Аллаха! Мой Джемалэддинъ останется при мнѣ. Я никому не отдамъ моего орленка!..

И съ крикомъ, исполненнымъ любви, ярости и страха, молодая женщина кинулась къ сыну.

ГЛАВА II.

Джемалэддинъ.—Гяуры.

О, мой азисъ! о, мой бѣлый розанъ изъ цвѣтущихъ Аварскихъ ущелій! О, золотое счастье моихъ очей! — лепечетъ внѣ себя отъ любви и гордости Патиматъ, обнимая своего мальчика.

Джемалэддинъ не ожидалъ ничего подобнаго. Онъ только что собрался запустить камешкомъ въ Койсу, какъ неожиданно попалъ въ объятія матери. Ему и хорошо и стыдно у нея на груди. Хорошо — потому что онъ больше неба и горъ, солнца и родины любить ее—свою красавицу-мать... Любитъ за ея нѣжность и доброту, любитъ за тѣ чудныя пѣсни, которыя она ему пѣла въ дни дѣтства, сидя надъ его колыбелью... Но стыдно ему прижаться къ ней и сказать ей это. Вѣдь онъ будущій джигитъ, [1] абрекъ, а можетъ быть и кадій [2] или даже имамъ — вождь народа,

---

[1] Наѣздникъ. — [2] Верховный судья изъ духовныхъ.

могучій и смѣлый, какъ его отецъ. Не даромъ-же онъ проходитъ всѣ нужныя для этого премудрости, изучаетъ въ мечети всѣ книги корана, заучиваетъ всѣ молитвы, старается вникнуть во всѣ тайны вѣры. Къ наукѣ его тянетъ больше, чѣмъ къ битвамъ. Только онъ еще никому не говоритъ объ этомъ... Узнаютъ — засмѣютъ... Цѣль горца — война... Какой-же онъ будетъ джигитъ, если вмѣсто кинжала и шашки возьметъ въ свои руки книгу? А можетъ быть на поприщѣ ученаго онъ также сумѣетъ заслужить уваженіе своего народа къ себѣ?.. То или другое—одинаково почетно среди горцевъ. Все равно! А вотъ, что его, будущаго воина или ученаго, цѣлуетъ, какъ самаго крошечнаго ребенка, женщина, мать—вотъ ужь это харамъ [1]. Еще, не приведи Аллахъ, увидитъ Кази-Магома и разскажетъ въ аулѣ, и сыновья наибовъ, ихъ кунаки [2], подымутъ его на смѣхъ...

И онъ, стыдливо уклоняясь отъ ласки матери, говоритъ ей, напрасно стараясь сдѣлать свой нѣжный голосокъ рѣзкимъ и твердымъ, какъ у взрослыхъ:

— Ступай, мать, тетка Фатима скучаетъ!

А у самого глазенки такъ и свѣтятся лаской.

Патиматъ не обижена нисколько. О, она отлично понимаетъ его: онъ будущій джигитъ, мужчина, не можетъ-же онъ быть пришитымъ къ суконной полѣ ея бешмета! Она приласкала его и довольно. Теперь на душѣ ея такъ же мирно, какъ въ саду Аллаха. Онъ съ нею, ея первенецъ, ея орленокъ, ея бѣлый кречетъ! О, пусть себѣ каркаетъ эта безумная Фатима сколько ей угодно, она ничего не боится теперь. Аллахъ сохранитъ ей ея сына; она не отдастъ его никому. Она до безумія любитъ его... Никого, никого, ни мужа, ни Кази-Магому, ея второго ребенка, она не можетъ такъ любить и лелѣять!... Все ея сердце отъ края до края заполнилъ сполна этотъ черногла-

[1] Позорно, стыдно. — [2] Друзья.

зый мальчикъ съ огненнымъ взоромъ и ласковой душой...

Въ горахъ Дагестана.

А черноглазый мальчикъ уже подлѣ брата.

— Зачѣмъ подходила къ тебѣ мать?— спрашиваетъ его тотъ лукаво.

Хотя Кази-Магомѣ только шесть лѣтъ, но онъ понимаетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ ребенку. Заносчивый и хитрый, онъ лукавъ, какъ кошка, и трусливъ, какъ горный олень.

Но Джемалэддинъ и не слышитъ вопроса. Все его

вниманіе привлечено любопытнымъ зрѣлищемъ. На сосѣднемъ утесѣ бьется что-то круглое и мохнатое, испуская жалобные крики.

Въ три прыжка достигнуть утеса, вскарабкаться на него и узнать что это такое—для мальчиковъ дѣло одной минуты.

Кричащее, распростертое существо не что иное какъ орленокъ, выпавшій изъ гнѣзда...

Алая струйка крови вытекаетъ изъ пораненнаго при паденіи крыла и струится по камнямъ, оставляя кровавый слѣдъ на утесѣ.

Оба мальчика быстро склонились надъ несчастной птицей и, затаивъ дыханіе, смотрятъ на нее. И вдругъ Кази-Магома, протянувъ руки, неожиданно схватываетъ за лапу орленка.

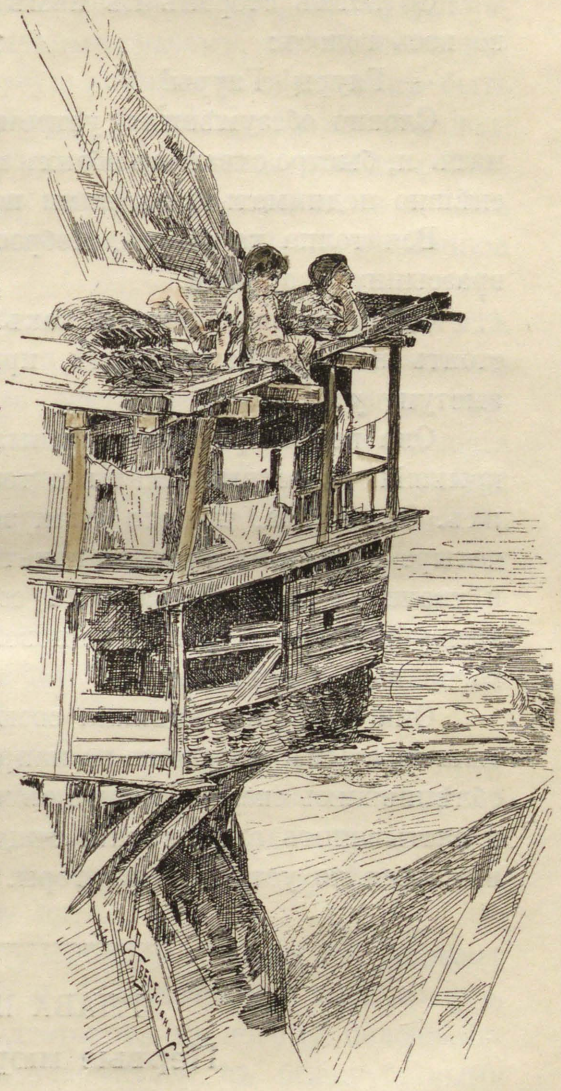
— Что ты хочешь дѣлать?—недоумѣвая спрашиваетъ его Джемалэддинъ.

— Хочу играть въ гяура!—со смѣхомъ отвѣчаетъ ему братъ.—Пусть это будетъ раненый урусъ,—и съ этими словами онъ, извернувшись, какъ кошка, припалъ къ землѣ и, заглядывая въ самые глаза орленку, сталъ медленно выворачивать ему когти, отрывая ихъ и приговаривая какимъ-то свистящимъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія и дикой радости: — Яхши! Яхши! Это ты, который уничтожаешь наши пастбища и сады, сжигаешь наши посѣвы и аулы. Такъ вотъ же тебѣ!—И онъ съ дьявольской жестокостью продолжалъ свою ужасную работу. Глаза его горѣли, грудь высоко вздымалась подъ тонкимъ сукномъ бешмета. Папаха сдвинулась на бокъ и обнажила круглую, какъ шаръ, бритую головенку.

Несчастный орленокъ всѣми силами старался вырваться изъ рукъ своего мучителя; онъ бился о камни и безсильно хлопалъ крыльями, еще не успѣвшими достаточно отрости и окрѣпнуть, то испуская дикіе крики, то жалобно пища отъ боли. Всѣ когти его были облиты

кровью. Теперь Кази-Магома оставилъ ихъ въ покоѣ, въ достаточной мѣрѣ изуродовавъ ноги птицы, и принялся выщипывать изъ ея крыльевъ перья, одно за другимъ.

Джемалэддинъ съ глазами, полными слезъ, и съ разрывающимся отъ жалости сердцемъ, долго крѣпился. Онъ стыдился выказать чувствительность, неприличную горцу, вступившись за несчастную жертву, и въ то-же время душа его обливалась кровью при видѣ мученій орленка. Наконецъ, когда Кази-Магома, выхвативъ изъ за пояса крошечную шашку, готовился выколоть птицѣ ея круглые и странно вытаращенные на него глаза, Джемалэддинъ быстрѣе молніи выхватилъ изъ его рукъ орленка и далеко отбросилъ его на сосѣднюю скалу. Орленокъ, почувствовавъ себя на свободѣ, поспѣшилъ укрыться за выступомъ горы.



Дагестанская сакля.
Рисунокъ Р. Гвелесіани

— Какъ смѣешь ты... харамзада [1],—началъ было взбѣшенный Кази-Магома, со сжатыми кулаками подступая

[1] Бездѣльникъ.

къ брату, какъ вдругъ отчаянные крики, внезапно раздавшіеся въ сторонѣ берега, заставили его сразу умолкнуть.

Со всѣхъ сторонъ къ нимъ бѣжали женщины, вопя во весь голосъ:

— Гяуры! Гяуры!

Словно обезумѣвшая устремилась къ дѣтямъ Патиматъ и, быстро схвативъ обоихъ мальчиковъ за руки, стала спѣшно подниматься съ ними по горной тропинкѣ.

Вся толпа каравашъ, побросавъ кувшины, кинулась вразсыпную за ними.

Одна только Фатима какъ была, такъ и осталась стоять на прежнемъ мѣстѣ, прислонясь къ громадному выступу утеса.

Она первая увидѣла черныя точки, въ изобиліи покрывшія окрестныя скалы и точно мухами облѣпившія ихъ. Она знала, что это были за мухи. Такія же точки четыре года тому назадъ налетѣли тучею къ Тилетлю и увели ея сына Гамзата за собою. Можетъ быть они уже убили его и пришли за новой жертвой... О, проклятые, когда имъ будетъ конецъ?

Она медленно подняла свою смуглую руку и погрозила сжатымъ кулакомъ по направленію черныхъ точекъ, облѣпившихъ скалы. Потомъ съ мрачно горящимъ взоромъ и застывшимъ въ отчаяніи лицомъ стала медленно подниматься по уступамъ въ горы.

ГЛАВА III.

Первые мюриды.

ПРАВОВѢРНЫЕ! Жители Дагестана! Насталъ часъ, когда для истиннаго мусульманина, желающаго достигнуть райскихъ блаженствъ, обѣщанныхъ намъ пророкомъ, мало однѣхъ молитвъ, соблюденія

постовъ, исполненія обрядовъ и добрыхъ поступковъ: мечомъ и огнемъ должны мы отстаивать завѣщанныя намъ истины. Правовѣрные! По ученію пророка, мусульманинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ, не долженъ никому подчиняться. Кто мусульманинъ, тотъ долженъ быть свободный человѣкъ, и между всѣми мусульманами должно быть равенство. И ради этой свободы и этого равенства мы обязаны бросить семейство, домъ и не щадить самой жизни, какъ это начертано въ нашей священной книгѣ, коранѣ!

Громко и грозно прозвучали слова эти въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія на Кавказѣ, среди магометанъ горнаго Дагестана. Особая секта, возникшая среди горцевъ, въ аулѣ Ярагъ, стала проповѣдывать необходимость огнемъ и мечомъ выступить въ защиту основъ ученія Магомета — *ислама* отъ притѣснителей. Съ кораномъ въ рукѣ, съ возгласами о притѣсненіи вѣры врагами ея, они взывали къ кровавымъ подвигамъ борьбы съ христіанами, появляясь въ аулахъ и селеніяхъ мирныхъ жителей и потрясая кинжалами, изступленными голосами кричали: „Смерть невѣрнымъ!“

Къ этимъ проповѣдникамъ примыкали многочисленные послѣдователи, и вскорѣ въ Дагестанскихъ горахъ образовались грозныя полчища стремящихся къ войнѣ и набѣгамъ горцевъ, называвшихъ себя *мюридами,* т-.е. идущими по правильному пути.

Но прежде чѣмъ стать мюридомъ, желающій долженъ былъ постомъ, молитвою и благочестивою жизнью усовершенствовать себя и подготовить къ новому положенію, а сверхъ всего этого — ознакомиться съ безчисленными правилами особаго ученія, которое называлось „тарикатъ“.

Мюриды считали себя не простыми воинами, но борцами за вѣру, которые прибѣгли къ мечу для того, чтобы достигнуть въ будущей жизни всевозможныхъ благъ, и

утверждали, что не набѣги на иновѣрцевъ, съ цѣлью захвата земли и богатствъ, составляютъ ихъ цѣль, а защита и распространеніе ислама. Новое ученіе предписывало строгое соблюденіе разнородныхъ обрядовъ, частыхъ молитвъ, омовеній, соблюденій постовъ. Избранные изъ среды мюридовъ ученые наставники—*мюршиды* (т.-е. указующіе путь желающимъ) установляли, какія именно молитвы долженъ творить вновь посвященнй мюридъ, какія дѣла долженъ онъ совершать, чтобы достигнуть блаженства и очищенія души, проповѣдываемыя тарикатомъ.

Сначала число мюридовъ было весьма ограничено, и примкнувшіе къ нимъ жители Дагестана и Чечни—наѣздники и горцы — носили болѣе скромное названіе таулинцевъ, т.-е. просто горцевъ (отъ слова тау—гора), которые только послѣ извѣстнаго испытанія получали право считать себя мюридами.

Все свое вниманіе мюриды и ихъ наставники мюршиды направили противъ русскихъ, успѣвшихъ съ 1800 года завоевать Закавказье, и рѣшили, во что бы то ни стало, изгнать „невѣрныхъ“ изъ страны мусульманъ, какою они считали Дагестанъ и значительную часть Кавказа.

И многія тысячи горцевъ, частью добровольно, частью подъ давленіемъ угрозъ примкнули къ новой сектѣ и стали въ ряды мюридовъ.

Началась длинная, многолѣтняя, упорная война русскихъ съ горцами. Русскіе всячески старались противостоять дѣйствіямъ мюридовъ. Они строили подлѣ мирныхъ ауловъ крѣпости, разставляли повсюду свои гарнизоны, сталкиваясь, чуть не каждый день, съ горцами, мѣшавшими имъ своими набѣгами на каждомъ шагу. Но занятая въ то время войною—сначала съ Персіею, а потомъ съ Турціею, Россія не могла принять дѣйствительныхъ мѣръ къ уничтоженію быстро развивающейся секты, тѣмъ болѣе что борьба съ отчаянными горцами среди неприступныхъ

скалъ Кавказа была упорная и трудная и требовала огромныхъ жертвъ.

Мюридъ съ наибскимъ знаменемъ.
Изъ альбома Т. Горшельта.

Между тѣмъ въ селеніи Гимры появился среди мюридовъ проповѣдникъ или газій, сумѣвшій такъ воодушевить горцевъ своими рѣчами и воззваніями, что они выбрали его имамомъ, т.-е. главнымъ своимъ начальникомъ,

Зар. 43088

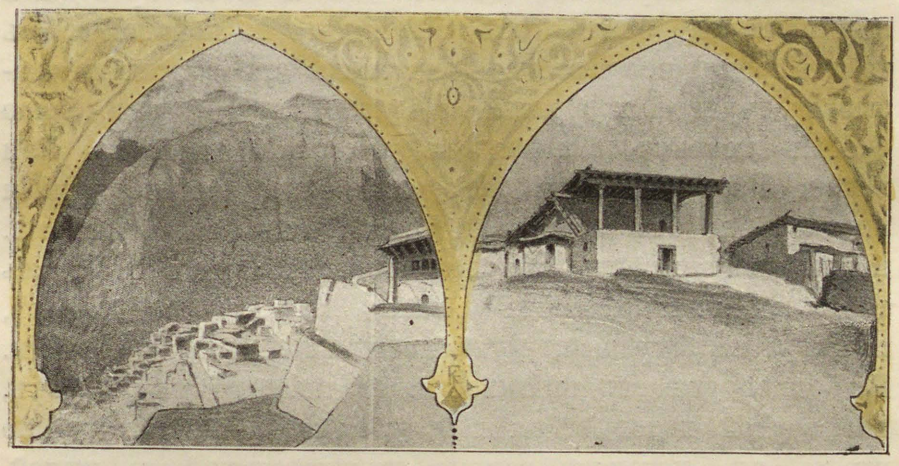
вождемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первымъ священникомъ, главою всей секты, обѣщая во всемъ безпрекословно повиноваться его волѣ. Его звали Кази-Мулла.

— Мусульмане!—взывалъ онъ къ своимъ единовѣрцамъ,—война, которую мы ведемъ, не простая война: это священная война за вѣру,—и всѣхъ, кто прольетъ на ней свою кровь, поплатится жизнью, ожидаютъ, по ученію нашего пророка, райскія блаженства въ загробной жизни, а кто, какъ трусъ, откажется идти съ нами, того не минуютъ страшныя мученія неугасающаго адскаго пламени. Знайте это, мусульмане!.. Я, какъ имамъ вашъ, какъ первый среди васъ, какъ воинъ и слуга Аллаха, объявляю, что война, которую мы рѣшили вести—священная война—*газаватъ*, и кто усомнится въ этомъ, тотъ будетъ проклятъ на вѣки вѣковъ...

— Газаватъ! газаватъ!—раздались изступленные голоса мюридовъ.

Собравъ полчища горцевъ, даже изъ числа такихъ, которые изъявили уже покорность Россіи, Кази-Мулла двинулся къ Таркамъ (близъ Петровска), гдѣ находились русскіе, и взялъ не только Тарки, но и всю окружающую ихъ мѣстность. Этотъ успѣхъ имама заставилъ стекаться со всѣхъ сторонъ подъ его начальство многія, не примкнувшія раньше къ мюридамъ племена горцевъ: такимъ образомъ скоро у него образовалось огромное скопище въ шесть тысячъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы, съ которымъ неутомимый Кази-Мулла подступилъ къ русской крѣпости Бурной. Гарнизонъ крѣпости состоялъ только изъ 516 человѣкъ. И все-таки полчища горцевъ не могли сломить мужества осажденныхъ. Нѣсколько разъ войска имама бросались на штурмъ, но принуждены были отступить. Скоро на выручку къ русскимъ подоспѣлъ отрядъ генерала Коханова, и Кази-Мулла ушелъ въ горы. Тѣ же неудачи постигли горцевъ и подъ крѣпостью Внезапной и подъ Дербентомъ, послѣ чего Кази-Мулла ушелъ проповѣдывать

газаватъ въ Чечню. Потомъ, съ новыми силами онъ неожиданно появился подъ Кизляромъ, разграбилъ его, угналъ около 170 человѣкъ плѣнными, а самъ укрѣпился въ Чумкестенѣ. Однако Чумкестенъ былъ взятъ русскими войсками, мюриды перебиты. Самъ Кази-Мулла съ племянникомъ Гамзатъ-Бекомъ и любимымъ своимъ приверженцемъ, мюридомъ Шамилемъ, успѣлъ скрыться и снова укрѣпился въ Гимрахъ. Но тутъ уже счастье измѣнило неутомимому фанатику-вождю. Вскорѣ Гимры были взяты барономъ Розеномъ съ его отрядомъ, а Кази-Мулла убитъ.



Аулъ Гимры, мѣсторожденіе Шамиля. Мечеть аула Ярагъ, гдѣ впервые проповѣдывался мюридизмъ.

Первый имамъ Дагестана погибъ, но ученье его, плотно запавшее въ души мусульманъ, все ярче и ярче разгоралось въ горахъ. Кази-Муллѣ наслѣдовалъ его племянникъ. Но Гамзатъ-Бекъ не болѣе полтора года властвовалъ надъ мюридами. Его убили аварцы, жители Хунзаха, столицы Аваріи, за то, что онъ предательски загубилъ ихъ хановъ.

И вотъ на восточномъ небѣ ярко загорѣлась звѣзда новаго имама, ближайшаго мюрида и друга Кази-Муллы и Гамзата—сына бѣднаго пастуха изъ селенія Гимръ,

продававшаго въ дѣтствѣ карагу (низшій сортъ персиковъ), по имени Али, прозваннаго Шамилемъ. Одаренный отъ природы блестящими способностями, проницательнымъ и изворотливымъ умомъ, необыкновенно твердымъ характеромъ и непоколебимою волею, Шамиль, поступивъ въ ряды мюридовъ, быстро сумѣлъ выдвинуться впередъ.

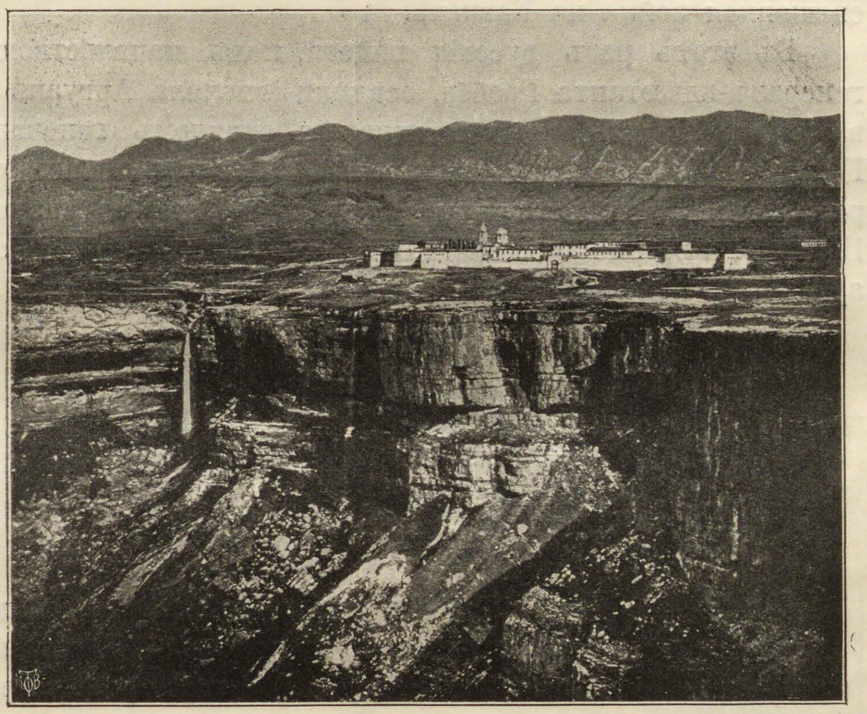
Благочестіе, суровый образъ жизни и удивительное краснорѣчіе Шамиля привлекали къ себѣ сердца горцевъ, а безстрашіе и мужество заставляли низко склоняться передъ нимъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ набожныхъ мюридовъ, цѣлые дни и ночи проводилъ въ молитвѣ, зналъ всѣ премудрости корана и въ то же время не разъ, въ схваткахъ съ русскими, оказывалъ чудеса храбрости и мужества. Тѣло его было сплошь покрыто ранами отъ русскихъ штыковъ. При жизни Кази-Муллы на него возлагали самыя трудныя порученія и онъ всегда исполнялъ ихъ съ успѣхомъ. Никто не понималъ такъ духа горцевъ, никто не умѣлъ такъ подчинять дикихъ сыновъ Кавказа своей волѣ, какъ этотъ суровый, мужественный фанатикъ-мюридъ. Въ одной уже его внѣшности, въ пылающихъ глазахъ, въ твердой походкѣ, смѣлой, убѣдительной рѣчи было что-то, что покоряло сердца окружающихъ его людей. И на освободившійся высокій постъ вождя и верховнаго главы, послѣ смерти Гамзата, мюриды единогласно выбрали Шамиля. Вѣсть объ этомъ избраніи быстро разнеслась по горамъ и долинамъ Закавказья, и вся Чечня и Аварія, всѣ дикія племена Кавказа (значительная часть которыхъ была уже покорена русскими) возстали и перешли на сторону новаго имама.

— Газаватъ! газаватъ! Идемте воевать за святую вѣру Магомета!— раздавалось повсюду и горцы дѣятельно стали готовиться къ предстоящей новой войнѣ.

Тогда главнокомандующій русскихъ войскъ на Кавказѣ, баронъ Розенъ, послалъ 5,200 человѣкъ съ 22-мя

орудіями въ Хунзахъ, гдѣ засѣли мюриды. Занявъ столицу Аваріи и укрѣпивъ ее, онъ пошелъ къ селеніямъ Ашильтѣ и Ахульго, занятымъ горцами, штурмовалъ ихъ и, наконецъ, подступилъ къ Тилетлю, гдѣ лично укрѣпился имамъ съ храбрѣйшими воинами.

Шамиль понялъ все свое безсиліе передъ силой русскихъ и выслалъ одного изъ своихъ приближенныхъ съ



Общій видъ укрѣпленія Хунзахъ.

выраженіемъ покорности, при чемъ, въ залогъ мира и въ обезпеченіе того, что онъ, Шамиль, не будетъ больше воевать съ мюридами, согласился передать въ руки русскихъ, въ качествѣ заложника или аманата, юнаго своего племянника Гамзата, сына сестры Фатимы и малолѣтняго родственника Кибитъ-Магомы, своего ближайшаго сподвижника.

Но разъ задавшись намѣченной цѣлью, Шамиль

уже не могъ отступить отъ нея и только и мечталъ, что о новыхъ подвигахъ газавата. Едва оправившись отъ нанесенныхъ ему ударовъ, Шамиль сумѣлъ привлечь на свою сторону, то убѣжденіемъ, то силой, новыя полчища горцевъ, построилъ возлѣ разрушеннаго аула Ахульго новый аулъ, словомъ, приготовился къ новымъ битвамъ. И, спустя нѣкоторый періодъ времени, вновь запылала священная война на Кавказѣ.

Въ этотъ разъ русскія войска, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, осадили сначала Аргуань и взяли ее. Потомъ, соединившись съ отрядомъ генерала Головина, значительно увеличившимъ силу русскаго отряда, они подошли вторично къ Ахульго, гдѣ укрѣпился Шамиль, и вторично осадили его, уничтоживъ по пути всѣ аулы, занятые мюридами.

ГЛАВА IV.

Нежданный гость Хаджи-Али.

МРАЧНО и грозно высятся на недоступныхъ твердыняхъ Дагестана два суровые и дикіе аула Ахульго. Громадными уступами и острыми утесами уходятъ въ небо кавказскія твердыни, все выше и выше, все дальше и дальше отъ зеленыхъ низинъ въ голубое царство, гдѣ плаваютъ въ свѣтло-лазоревомъ эфирѣ прозрачныя облака, да летаютъ горные орлы, пернатые цари Дагестана. Значительно дальше и выше бѣлыхъ облаковъ тѣснятся сѣрыя громады голыхъ, угрюмыхъ каменныхъ скалъ. А тамъ, внизу зіяютъ бездны,

непроницаемыя и черныя, какъ самая страшная невѣдомая тайна, непостижимыя и сурово-молчаливыя, какъ смерть. Сотни мелкихъ горныхъ потоковъ низвергаются съ дикимъ ревомъ съ уступовъ, пробивая себѣ путь среди обломковъ скалъ и валуновъ, туда, гдѣ ждетъ ихъ съ вѣчно неумолкаемымъ стономъ пѣнящаяся и бурливая Койсу... Рыдаетъ и мечется она, съ бѣшенымъ шумомъ катя свои бурныя воды, и нѣтъ конца этимъ стонамъ, грозно поднимающимся изъ глубины про-

Переправа горцевъ.
Рисунокъ Г. Г. Гагарина.

пастей, а по сосѣдству съ нею притаилась темная Ашильда и поетъ, не умолкая, свою боевую пѣснь...

Кругомъ все мертво, глухо и угрюмо. Тамъ, ниже, къ югу зеленѣютъ цвѣтущія поля кукурузы и пшеницы, тамъ прохладныя рощи дубовъ, чинаръ и каштановъ покрываютъ красивые склоны горъ. А тутъ, вверху одинъ холодный, мертвый камень. Кое-гдѣ только виднѣются кусты карагача, нетребовательнаго вскормленника горной тѣснины, да изрѣдка лишь попадается цѣпкая, ползучая, похожая на плющъ, архань. Казалось, сама природа позаботилась о неприступности этого горнаго гнѣзда, но

жители Ахульго, точно не довѣряя ея защитѣ, понастроили искусственные завалы, сложивъ цѣлыя груды камней на горныхъ тропинкахъ и взорвавъ порохомъ утесы, чтобы сдѣлать совсѣмъ непроходимыми пути къ вершинѣ скалы, гдѣ пріютился самый аулъ Ахульго.

Они давно ожидали незванныхъ гостей—русскихъ и теперь были готовы встрѣтить ихъ во всеоружіи среди своихъ каменныхъ недоступныхъ высотъ. И незванные гости не замедлили явиться...

На окрестныхъ скалахъ показались русскія войска и быстро стали стягиваться къ утесу... На правомъ берегу Койсу расположились два баталіона Кабардинскаго полка, у переправы—двѣ роты Апшеронскихъ стрѣлковъ. Всюду разъѣзжали безстрашные казаки, выискивая болѣе удобныхъ позицій. О скоромъ штурмѣ нечего было и думать; первыя-же бомбы, брошенныя въ это горное гнѣздо, не причинили никакого вреда прочно выложеннымъ изъ камня саклямъ. Надо было предварительно приготовиться къ штурму.

И вотъ закипѣла работа. Дѣлались завалы, взрывались порохомъ цѣлыя каменныя глыбы на воздухъ и въ искусственно устроенныхъ въ ихъ трещинахъ ложементахъ засаживались стрѣлки.

Но и со стороны Ахульго не дремали. Шамиль позаботился укрѣпить свой грозный замокъ. Въ окружающихъ башняхъ засѣли мюриды, осыпая градомъ пуль слишкомъ близко придвинувшихся къ стѣнамъ твердыни храбрецовъ.

Особенно хорошо укрѣплена была Сурхаева башня—ближайшая и сильнѣйшая защита Ахульго. Около сотни самыхъ отчаянныхъ мюридовъ заперлись въ ней, слѣдя зоркими глазами за малѣйшимъ движеніемъ осаждающихъ.

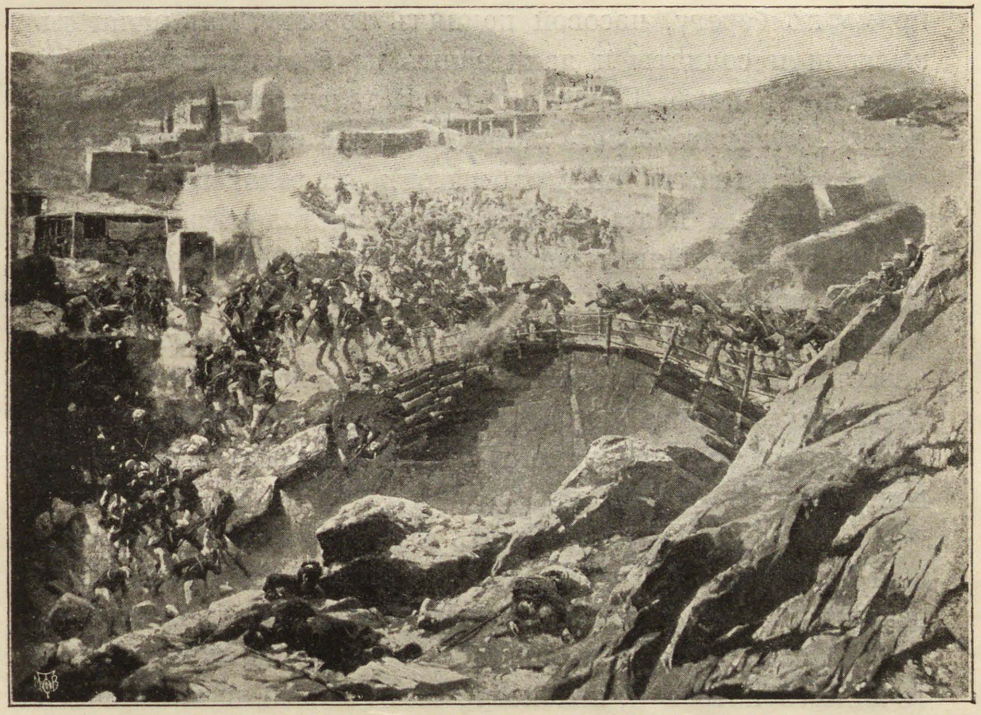
Жаркій іюньскій полдень смѣнился вечеромъ. Золотое свѣтило, обливая кровянымъ пурпуромъ окрестные утесы, утонуло въ безднѣ, позлативъ своимъ предсмертнымъ блескомъ серебряныя волны пѣнящейся Койсу.

Штурмъ Гимръ въ 1832 году.

Картина проф. Ф. Рубо.

Свѣжій вѣтерокъ потянулся со дна ущелій, принося на своихъ воздушныхъ крыльяхъ, откуда-то со стороны низинъ, чуть уловимый ароматъ горныхъ цвѣтовъ, далеко, далеко цвѣтущихъ отъ Ахульго...

Уже въ русскомъ лагерѣ пробили зорю и дружные голоса солдатъ пропѣли вечернюю молитву, когда со сто-



Штурмъ Ахульго.
Картина Ф. Рубо.

роны горъ, прилегающихъ кряжемъ къ укрѣпленнымъ скаламъ, показался всадникъ на быстромъ горномъ скакунѣ. Онъ несся, какъ вихрь, стороною отъ русскихъ позицій, по самой крутой, почти непроходимой дорогѣ, прямо къ берегу Койсу. Вотъ онъ ближе и ближе. Часовымъ уже хорошо видна его стройная, какъ-бы слившаяся въ одно съ конемъ фигура, пригнувшаяся къ лукѣ, его сѣрый бешметъ, обшитый потемнѣвшими отъ

пыли галунами, черная папаха съ малиновымъ верхомъ и загорѣлое молодое лицо съ тонкимъ хрящеватымъ носомъ и огненнымъ взоромъ пронзительно-острыхъ глазъ. Его приняли за мирнаго чеченца и подпустили на выстрѣлъ. Но когда онъ вмѣсто того, чтобы ѣхать на встрѣчу русскому разъѣзду, далъ крутой поворотъ коню и, снадбивъ его здоровымъ ударомъ нагайки, помчался прямо къ берегу, часовой поднялъ тревогу. Изъ палатокъ выскочили солдаты и дали залпъ по безстрашному всаднику и его коню. Когда дымъ разсѣялся, онъ уже былъ далеко, у самаго берега Койсу. Только издали сверкали серебряные газыри на его бешметѣ да золоченая оправа заткнутыхъ за поясъ кинжаловъ и пистолетовъ.

Онъ уже далеко опередилъ русскія позиція, какъ вдругъ разомъ осадилъ коня и остановился. Что это? На томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно былъ перекинутъ-мостъ черезъ Койсу, теперь зіяетъ темная пропасть. Русскіе очевидно уничтожили его огнемъ своихъ орудій и прекратили проходъ въ замокъ, чтобы никакая помощь не подоспѣла къ осажденнымъ...

Горецъ недолго простоялъ въ раздумьѣ. Разъ... новый взмахъ нагайки—и благородное животное вмѣстѣ съ всадникомъ прыгнуло прямо въ ревущія воды Койсу.

Нѣсколько минутъ онъ бѣшено борется съ быстрымъ теченіемъ потока и, наконецъ, осиливъ его, выскакиваетъ на берегъ. Теперь уже оба они, и конь и всадникъ, внѣ опасности, уйдя далеко отъ непріятельскихъ выстрѣловъ... По горной тропинкѣ, проложенной надъ адскою бездной, пробираются они все выше и выше, туда, въ аулъ; вотъ они у сторожевой башни замка, вотъ въѣзжаютъ на улицу аула, темную, узкую и кривую, какъ высохшее русло горнаго потока. По сторонамъ ея тѣсно лѣпятся сакли. Вотъ и дворецъ имама. Мимо него всадникъ проѣзжаетъ шагомъ, съ низко склоненной въ знакъ почтенія головой. Потомъ, минуя еще два-три домика, прилѣпленныхъ къ уступамъ,

онъ останавливается у одного изъ нихъ и, подъѣхавъ къ порогу сакли, значительно возвысивъ голосъ, говоритъ:

— Да будетъ благословеніе Аллаха надъ этой кровлей!

Въ ту же минуту на порогѣ появляется мальчикъ лѣтъ одиннадцати и, подойдя къ всаднику, почтительно принявъ его стремя и поддерживая его, пока тотъ соскакиваетъ съ лошади, отвѣчаетъ:

— Будь благословенъ твой приходъ, храбрый. Мой господинъ [1] и я привѣтствуемъ тебя!

— Ты сынъ Хаджи-Али? — съ улыбкой спросилъ его гость.

— Ты угадалъ, господинъ: Асланомъ Хаджи-Али зовутъ меня.

Дагестанцы.

И говоря это, онъ взялъ за поводъ коня вновь прибывшаго и повелъ его подъ навѣсъ. Въ ту-же минуту изъ сакли вышелъ почтеннаго вида горецъ съ выкрашенной хиною въ красный цвѣтъ бородою [2] и произнесъ:

— Да будетъ благословенъ Аллахомъ твой приходъ, сынъ мой. Моя сакля къ твоимъ услугамъ, я слуга твой,

[1] Отца и братьевъ младшіе члены семейства горцевъ называютъ господиномъ. — [2] Всѣ почтенные старики и старѣйшины-мюриды красили хиною бороды въ красный цвѣтъ.

мои жена и дѣти—твои рабы. Входи и распоряжайся, потому что съ гостями входятъ въ домъ благодать и ангелы Аллаха. Селямъ-Алейкюмъ [1].

— Алейкюмъ-Селямъ!—отвѣчалъ ему молодой горецъ. —Да оградитъ тебя и твоихъ Аллахъ отъ происковъ шайтана и сорока девяти его сестеръ [2]. Міръ и довольство да продлятся надъ кровлей твоей!

И говоря это, онъ вошелъ въ кунацкую въ сопровожденіи хозяина дома.

Это была просторная комната, глиняный полъ которой былъ выстланъ мягкими цыновками; на полкахъ, вдоль стѣнъ, разставлена посуда и домашняя утварь въ видѣ кувшиновъ, ковшиковъ, котловъ и желѣзныхъ вертеловъ для жаренія баранины. На почетномъ мѣстѣ висѣло оружіе—первое богатство горцевъ. Въ углу находилась жаровня, въ которой жители горъ жгутъ хворостъ и солому. На перекладинахъ, протянутыхъ отъ одной стѣны къ другой, висѣли туши барановъ и буйволовъ.

Хозяинъ и гость въ молчаніи опустились на полъ, на мягкія цыновки.

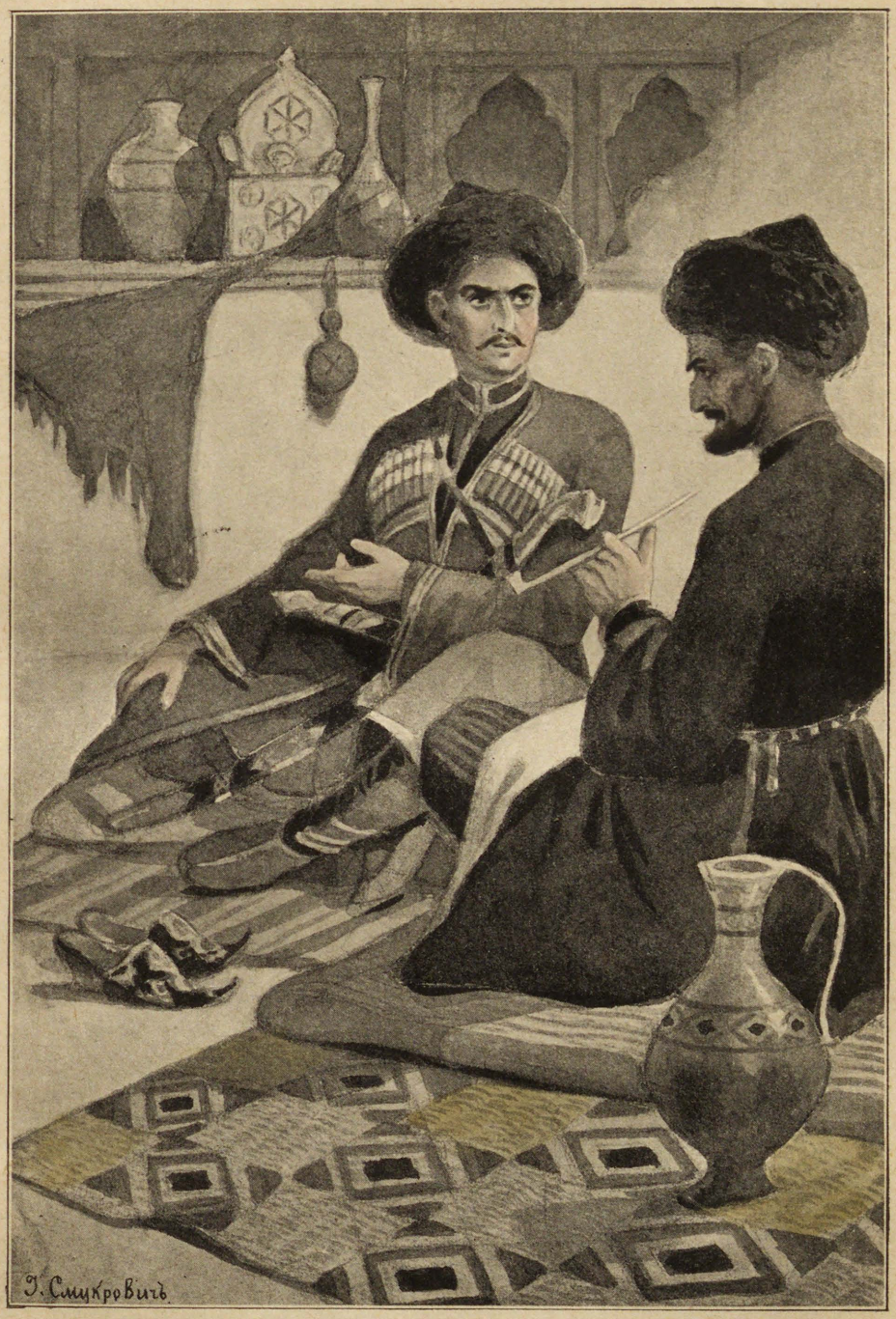
Гость не начиналъ разговора изъ уваженія къ почтенному возрасту хозяина; хозяинъ, по горскому обычаю, не могъ обнаруживать любопытства и разспрашивать о причинѣ пріѣзда гостя.

Наконецъ вновь прибывшій заговорилъ первый:

— Я Гассанъ, сынъ бека-Джанаида изъ аула Дарго-Ведено, что за Андійскимъ Койсу, въ сердцѣ горъ. Когда страна наша выслала на помощь святѣйшему имаму лучшихъ своихъ джигитовъ подъ знаменемъ храбраго Ахверды-Магомы, наиба Хунзахскаго, я пошелъ вмѣстѣ съ ними. Ахверды-Магома и его отряды близко. Они горятъ желаніемъ отбросить русскихъ коршуновъ отъ гнѣзда орла и пролить свою кровь въ священномъ газаватѣ. Я ускакалъ

---

[1] Привѣтствіе: «Будь здоровъ. Здравствуй». — [2] Болѣзней.



Старикъ ухмыльнулся въ свою крашеную бороду...

впередъ, прорвался черезъ цѣпь русскихъ, чтобы сказать имаму, что сердца его воиновъ жаждутъ сраженія!—заключилъ онъ пылко.

Его лицо горѣло отвагой. Глаза метали пламя. Ноздри тонкаго носа вздрагивали и трепетали. Онъ былъ дивно хорошъ и страшенъ въ эту минуту.

Старикъ молча окинулъ взоромъ всю статную фигуру юноши и чуть замѣтно ухмыльнулся въ свою крашеную бороду. Ему—ближайшему другу и вѣрному слугѣ имама—хорошо было знакомо это воодушевленіе. Онъ видѣлъ его не разъ на лицахъ храбрѣйшихъ изъ витязей Дагестана. И что-же? Ихъ львиная храбрость разбивалась о желѣзную волю русскихъ. Недавнее пораженіе мюридовъ подъ Аргуанью слишкомъ живо запечатлѣлось въ убѣленной сѣдинами головѣ Хаджи-Али.

Гассанъ-бекъ-Джанаида какъ-бы угадалъ мысль своего хозяина. Брови его угрюмо сдвинулись. Взоръ вспыхнулъ.

— Не думаешь-ли ты, отецъ мой, что въ Аваріи недостатокъ храбрыхъ?—мрачно спросилъ онъ Хаджи-Али.

— Сынъ мой,—произнесъ тотъ съ суровой ласковостью,—я вижу, что рука твоя тверда, какъ горная скала Дагестана, взоръ быстръ и вѣренъ, какъ очи молодого орла. Будь больше такихъ витязей у имама—Тилетль и Аргуань не были-бы взяты. Въ глазахъ твоихъ, юноша, я читаю, что кровь твоя кипитъ жаждою побѣдъ и славы. Не затѣмъ-ли ты пришелъ сюда, чтобы упиться ими?

— Ты мудръ, какъ змій, и свѣдущъ, какъ алимъ,—отвѣчалъ ему гость,—а потому тебѣ должны быть извѣстны мои помыслы. Мое сердце чисто, какъ хрустальная струя горнаго потока, моя мысль пряма, какъ дагестанскій кинжалъ. Я пришелъ вкусить отъ источника сладчайшаго: я хочу быть мюридомъ, хочу примкнуть къ тѣмъ, кто сражается противъ гяуровъ-урусовъ и мечомъ распространяетъ славу пророка... Проклятые гяуры убили моего отца. Моя мать умерла съ горя, оставивъ у меня на рукахъ малолѣт-

няго брата. Я пылаю жаждою мщенія урусамъ. Отнынѣ канлы [1] и газаватъ—основа и цѣль всей моей жизни!..

— Ты еще такъ молодъ, юноша,—положивъ ему руку на плечо, произнесъ Хаджи-Али,—а искушенія велики. Чтобы быть мюридомъ, надо предаться Аллаху и позабыть себя. Подготовленъ-ли ты къ этому, сынъ мой? Вѣдь для того, чтобы стать мюридомъ, не достаточно владѣть мечомъ и умѣть стрѣлять изъ винтовки. Нужно еще знать многія науки...

— Отецъ,—скромно отвѣчалъ Гассанъ,—я слышалъ и видѣлъ великаго имама, когда очи его метали молніи, а изъ устъ сыпались цвѣты. [2] И сердце мое предалось ему съ той минуты. Я полюбилъ Шамиля, какъ только можетъ любить черная ночь восточную звѣзду. И тогда-же рѣшилъ стать мюридомъ и заняться изученіемъ тариката. Я прошелъ тефсиръ, хадисъ [3], сіяръ и тавхидъ. Я не пропускалъ ни одного изъ заповѣданныхъ пророкомъ намазовъ. Я исполнялъ фарызы [4] и полагаю, что я достоинъ быть зачисленнымъ въ мюриды. О, отецъ мой, ты другъ и ближайшій совѣтникъ имама... Замолви передъ нимъ слово за меня!..

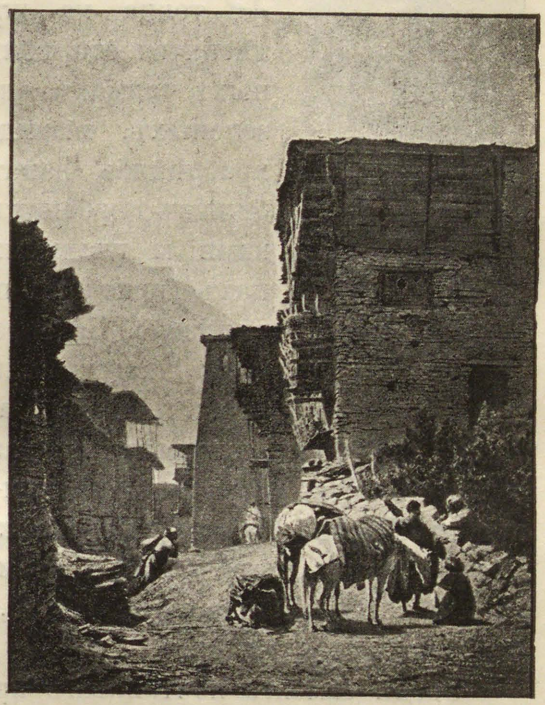
— Фатиха [5]! — произнесъ ласково Хаджи-Али. — Я горжусь твоимъ порученіемъ, сынъ мой, и готовъ услужить тебѣ. Молодость не можетъ быть помѣхой храбрости. Имамъ, какъ великій мудрецъ, пойметъ это и ты удостоишься посвященія, клянусь бородою пророка. А теперь ты усталъ съ дороги и голоденъ. Я слышу, женщины идутъ сюда съ пищею для насъ. Подкрѣпи себя, сынъ мой, чтобы идти на гудеканъ [6] ожидать вмѣстѣ съ другими появленія имама.

Въ ту-же минуту на порогѣ сакли появились жена и дочери хозяина.

---

[1] Кровавая месть. По обычаю горцевъ, не отомстить смертью за смерть считается позоромъ. — [2] Молніи и цвѣты краснорѣчія. — [3] Исторія жизни Магомета и его войнъ. — [4] Требованіе религіи. — [5] Кончено; быть сему, аминь. — [6] Площадь въ аулѣ.

Одна изъ нихъ несла огромные куски баранины, воткнутые на шампуры, другая—миску съ дымящимся хинкаломъ [1] и блюдо чурековъ [2] изъ пшеницы и кукурузы, третья—большой кувшинъ, до краевъ наполненный бузою [3]. Онѣ приготовились уже ложиться спать, какъ маленькій Асланъ возвѣстилъ имъ о пріѣздѣ гостя. Тогда онѣ быстро зарѣзали молоденькаго барашка, развели мангалъ и приготовили на немъ жирный шашлыкъ [4]. Потомъ, надѣвъ свои лучшіе чахланы и архалуки, понесли въ кунацкую ужинъ.



Улица въ аулѣ.
Картина Т. Горшельта.

По горскому обычаю, женщины не смѣютъ садиться за ѣду въ присутствіи главы семейства. Онѣ довольствуются скромною ролью каравашъ и прислуживаютъ ему и гостямъ. И теперь, поставивъ ужинъ передъ мужчинами, онѣ скромно удалились на свою половину, отвѣсивъ сперва нѣсколько поклоновъ пріѣзжему юношѣ.

Хаджи-Али и Гассанъ принялись за ѣду.

---

[1] Мучныя клецки въ водѣ, приправленныя чеснокомъ и перцемъ. — [2] Пшеничныя лепешки, замѣняющія хлѣбъ. — [3] Питье—наваръ изъ солода, опьяняющее какъ вино. — [4] Кушанье изъ баранины.

ГЛАВА V.

Видѣнія Шамиля.

ВЪ гробовомъ молчаніи стоитъ большая толпа на площади аула. Впереди тѣснятся старѣйшины и наибы въ красныхъ чалмахъ, алимы, кадіи и муллы въ зеленыхъ, мюриды — тѣлохранители и храбрѣйшіе фанатики-воины имама—въ бѣлыхъ тюрбанахъ, съ серебряными значками и гладкими кольцами на мизинцахъ (признакъ принадлежности къ мюридизму). На серебряныхъ значкахъ, въ видѣ полумѣсяца или четырехъугольника, — всевозможныя надписи на арабскомъ языкѣ. Это ордена храбрыхъ, которыми награждаетъ своихъ воиновъ великій имамъ, Шамуиль-Эффенди-Амируль-Аминима или просто Шамиль. На одномъ изъ такихъ орденовъ надпись: „Мечъ—ключъ къ раю“. На другомъ: „Путь храбрѣйшему въ рай“. „Будь медленъ къ обидѣ, къ отомщенію скоръ“, гласитъ третья надпись.

Среди самыхъ почтенныхъ краснобородыхъ наибовъ высится рослая фигура ближайшаго сподвижника имама Кибитъ-Магомы Тилетльскаго. Четыре года тому назадъ онъ лишился своего наибства, лишился вмѣстѣ съ тѣмъ и любимаго племянника, отданнаго въ заложники русскимъ, и всей казны. Но не это гложетъ наиба. Имамъ строгъ, но справедливъ. Онъ умѣетъ награждать храбрыхъ. И наибство и казна вернутся послѣ первой-же побѣды надъ русскими... Не о нихъ мысли Кибита... Урусы близко, урусы здѣсь. Они осадили Ахульго и ждутъ только удобной минуты, чтобы приступить къ штурму, а великій имамъ какъ будто и забылъ объ этомъ.

Что онъ медлитъ, Шамиль? Вотъ ужь третьи сутки, какъ заперся онъ въ мечети, предаваясь молитвѣ, заставляя терзаться невѣдѣніемъ и сомнѣніями своихъ вѣрныхъ друзей, не взирая на залпы русскихъ орудій, со всѣхъ сторонъ окружившихъ Ахульго.

Слышалъ-ли эти залпы Шамиль, или молитвы къ Аллаху слишкомъ высоко занесли его мысли? Но, въ такомъ случаѣ, почему онъ не передастъ начальство ему, Кибиту-Магомѣ? Вѣдь войско безъ вождя—стадо безъ пастыря! Чувствуетъ-ли это Шамиль?

Но Шамиль, дѣйствительно, далекъ отъ этихъ мыслей.

Въ то время какъ на площади народъ ожидалъ въ терпѣливомъ смиреніи своего имама, внутри мечети, въ глубокой четырехъугольной ямѣ, скорчившись на земляномъ полу, сидитъ человѣческая фигура. Лампады, озаряющія стѣны мечети, сплошь покрытыя письменами изъ корана и испещренныя знаками полумѣсяца, не достигаютъ однако до дна ямы и тамъ царитъ могильная темнота.

Изрѣдка только руки человѣка, сухія и темныя, поднимаются къ лицу и онъ шепчетъ надъ раскрытыми предъ глазами ладонями особую молитву—зикру, и тѣло его при этомъ раскачивается изъ стороны въ сторону. И чѣмъ скорѣе лепечетъ онъ слова молитвы, тѣмъ быстрѣе становятся круговыя движенія его худого, но сильнаго стана. Этимъ раскачиваніемъ и лепетомъ великій имамъ старается вызвать къ себѣ Пророка... Но на этотъ разъ Пророкъ остается глухъ къ мольбамъ своего вѣрнаго слуги. Вотъ уже третьи сутки, какъ Шамиль добровольно удалился въ мечеть, въ надеждѣ узрѣть Магомета и спросить его, за что онъ гнѣвается на правовѣрныхъ и посылаетъ побѣду ихъ врагамъ? Но ближайшій слуга Аллаха не является къ нему...

Въ изнеможеніи, изнуренный своимъ безплоднымъ качаніемъ, опускается Шамиль на земляной полъ ямы и

застываетъ въ отчаяніи, припавъ пылающимъ лицомъ къ каменистой почвѣ.

И въ ту-же минуту и куполъ мечети, и его добровольная тюрьма-яма—все исчезаетъ изъ очей Шамиля. Имъ овладѣваетъ какое-то сладкое спокойствіе. Мысли, похожія на грезы, навѣваютъ пріятные сны или дѣйствительность,—онъ не знаетъ даже точно, сны это или дѣйствительность, такъ давно все это было, о чемъ говорятъ его грезы. Какими необычайно странными кажутся ему онѣ! Да и мысли, затуманенныя долгимъ постомъ и молитвой, не такъ уже ясны и свѣжи, какъ прежде, и легко могутъ спутать дѣйствительность со сномъ.

И грезится ему, что онъ—нынѣ великій имамъ и вождь газавата—не имамъ, не вождь и не Шамиль даже, а просто Али, маленькій, бѣдный восьмилѣтній аварецъ Али, съ бритою, какъ шаръ, головенкой и съ умнымъ, проницательнымъ взоромъ большихъ черныхъ глазъ. Передъ нимъ знойное небо его родины, зеленыя пастбища и персиковые сады его родимыхъ Гимръ. Онъ стоитъ подъ навѣсомъ сакли передъ своимъ отцомъ, потупивъ голову.

— Неси этотъ мѣшокъ съ персиками на продажу, потому что въ домѣ нѣтъ ни одного карапула [1], и матери не изъ чего сварить хинкала,—говоритъ пастухъ Дэнькоу-Магометъ своему черноглазому сынишкѣ.

Они бѣдны, очень бѣдны, потому что отецъ Али, уздень [2] аула Гимры, пьетъ не только бузу, но и вино, запрещенное кораномъ, за которое надо платить много пуловъ [3] заѣзжимъ торгашамъ.

Али не хочетъ идти продавать персики на базарѣ, когда въ мечети, онъ знаетъ, юные муталиммы [4] слушаютъ почтеннаго ученаго старца изъ ученыхъ муршидовъ. Онъ,

---

[1] ½ копѣйки. — [2] Гражданинъ, свободный человѣкъ. — [3] Денегъ. — [4] Духовные студенты; они-же и помощники муллы.

Али, тоже любитъ слушать умныя рѣчи старцевъ. Онъ еще слишкомъ малъ—Али, чтобы быть муталиммомъ, какъ

Шамиль.

его другъ Кази и другіе. Но Кази успѣлъ выучить своего младшаго товарища многимъ толкованіямъ корана и арабскимъ письменамъ. Сегодня послѣ молебна муталиммы уйдутъ въ горы, гдѣ Кази среди своихъ юныхъ друзей

будетъ говорить объ ученіи Магомета. Кази еще очень молодъ, но онъ, волею Аллаха, уже мудръ и краснорѣчивъ. Али боготворитъ своего друга. Скажи ему Кази: „умри!“ и онъ съ радостью бросится на лезвіе кинжала. И, вспомнивъ о Кази, Али бросаетъ мѣшокъ съ персиками, которые навязывалъ ему для продажи отецъ, и, сломя голову, несется въ мечеть...

Это первое воспоминаніе смѣняется инымъ, новымъ...

Въ убогой саклѣ на рваныхъ цыновкахъ мечется въ сильной горячкѣ больной Али.

Уже мудрые знахари Гимръ и его окрестностей приговорили его къ смерти. Они неоднократно заходили въ саклю Дэнькоу-Магомета, шептали надъ мальчикомъ наговоры и мазали его кровью барана, зарѣзаннаго въ джуму [1]. Ничего не помогало. Маленькаго Али жжетъ адскій огонь и воспаленныя очи его уже видятъ черное крыло ангела смерти—Азраила.

Уже красавица Баху-Меседу, мать мальчика, въ приступѣ горя укутавшись чадрою, громко рыдаетъ, склонившись надъ своимъ единственнымъ ребенкомъ. Правда, у нея остается еще дочь Фатима, но дѣвочка не въ счетъ: она не можетъ прокормить семьи и обезсмертить свой родъ славой. Дѣвочка вырастетъ и уйдетъ въ домъ мужа, лишь только найдется джигитъ, могущій внести за нее условленный калымъ [2]. Это не то, что ея Али, ея горный соколъ, на котораго возложены всѣ лучшія ея надежды.

И вдругъ мысль Баху-Меседу прервалась, какъ нитка. Дверь сакли широко распахнулась и съ обычнымъ возгласомъ горцевъ: „Да будетъ Аллахъ надъ вами!“ — на порогѣ предсталъ юный отрокъ съ прекраснымъ, сурововдохновеннымъ лицомъ.

---

[1] Въ пятницу, праздничный день у магометанъ, то-же, что у насъ воскресенье. — [2] Выкупъ за невѣсту, который вноситъ родителямъ жениховъ.

— Хошъ—гяльды [1]! — отвѣчала ему Баху убитымъ голосомъ,—не радость увидишь ты въ нашей саклѣ: мой сынъ умираетъ волею Аллаха, и ты скоро лишишься твоего друга, юноша Кази!

Но черноглазый отрокъ молча качаетъ головою. Несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, онъ отлично знаетъ всѣ обычаи и вѣрованія страны. Знаетъ и то, что если перемѣнить имя больному, вмѣстѣ съ оставленнымъ именемъ уйдетъ и его болѣзнь. Онъ напоминаетъ про это Баху, которой горе, казалось, выѣло память.

И тотчасъ же, ободренный надеждой, Дэнькоу бѣжитъ за муллою, который переименовываетъ Али въ Шамиля (Самуила) и—о диво!—черный Ангелъ смерти на самомъ дѣлѣ оставляетъ его...

Новыя воспоминанія все дальше и дальше уносятъ имама отъ мрачной мечети и ея черной ямы.

Жаркій лѣтній день мѣсяца Мухарема [2] смѣнился прохладнымъ вечеромъ. Солнце утонуло за Кавказскимъ хребтомъ. Изъ долинъ и ущелій потянуло пряным и сладкимъ ароматомъ горнаго цвѣтка баятъ-ханы. Ночные цвѣты жадно раскрыли свои чашечки навстрѣчу прохладному вѣтерку. Толпа юношей возвращается изъ лѣса къ аулу. И онъ, Шамиль, среди нихъ. Онъ уже не ребенокъ. Высокъ и гибокъ его станъ не по лѣтамъ. Стройные члены упруги и сильны, какъ у взрослаго. Не даромъ онъ развивалъ эту силу постоянными упражненіями на шашкахъ и кинжалахъ, искусствомъ прыганья и джигитовки. Но, развивая свою физическую силу, онъ развивался и духовно въ одно и то-же время. Онъ ходилъ брать уроки у кадія [3] Танусской мечети. Многому успѣлъ его выучить тотъ. Помимо арабскихъ письменъ и толкованій корана и исторіи Магомета и двѣнадцати пророковъ, онъ успѣлъ пройти и курсъ макадамата—грамматики, логики и риторики араб-

[1] Милости просимъ. — [2] Іюля. — [3] Духовное лицо выше муллы.

скаго языка. Даже книгу звѣзды, которую написали великіе мудрецы, большую книгу въ 12 отдѣловъ, онъ прочелъ подъ руководствомъ того-же неизмѣннаго Кази, своего друга и наставника, прочелъ, понялъ и научился истолковывать самъ. Вотъ онъ, Кази, его учитель, идетъ впереди всѣхъ съ высоко поднятой головою, съ блѣднымъ лицомъ и сомкнутыми устами. А сейчасъ только изъ устъ этихъ падали благоухающія розы краснорѣчія. Тамъ, въ тѣни густолиственныхъ чинаръ и дикаго орѣшника, онъ передъ обширнымъ кругомъ слушателей говорилъ о сладости загробной жизни по ученію Магомета, о высшихъ блаженствахъ, ожидающихъ вѣрныхъ на томъ свѣтѣ. А всѣ они и онъ, Шамиль, и другъ его Хаджи-Али, и другіе, всѣ жадно слушали юнаго газія съ сердцами, готовыми открыться для духовнаго блаженства.

Шамиль сильнѣе другихъ воспринимаетъ слова Кази. Голова его горитъ отъ нихъ, мысль мечется въ ней, какъ раненая птица. Сердце бьется такъ, точно хочетъ вырваться изъ груди. Въ его душѣ нарастаетъ огромное, могучее стремленіе къ совершенству и любовь къ божеству... Постомъ и молитвой, помощью слабымъ и покорностью старшимъ онъ добьется его, этого совершенства, о которомъ гласитъ ученіе. И сейчасъ его охватываетъ непреодолимое желаніе выразить Аллаху свое стремленіе къ нему. Что-бы сдѣлать такое? Чѣмъ-бы доказать свою огромную любовь къ Предвѣчному, которая тѣснитъ его грудь?

Мозгъ его кипитъ. Взоръ блуждаетъ. И вдругъ онъ видитъ огромный, выше роста человѣческаго валунъ, преградившій имъ дорогу. Быстрая, какъ молнія, мысль прорѣзываетъ мозгъ Шамиля.

Онъ отходитъ въ сторону, напрягаетъ мышцы и, разбѣжавшись, съ изступленнымъ крикомъ: „Ля-илляхъ-иль-Алла!“ перепрыгиваетъ скалу, рискуя разбиться вдребезги объ острые уступы ея или скатиться въ пропасть. Кази и другіе подходятъ къ нему. Юный газій кладетъ

ему на голову свою смуглую руку и лицо его озаряется улыбкой. Шамиль замираетъ отъ блаженства, увидя эту улыбку: лучшей награды ему не надо...

Быстрѣе птицы несутся мысли имама, развертывая въ его памяти все новыя и новыя картины.

Юноша Кази сталъ уже Кази-Муллою, первымъ газіемъ-имамомъ горцевъ. Онъ, Шамиль, его любимый мюридъ и приспѣшникъ.

Цѣлый рядъ набѣговъ и сраженій съ ненавистными гяурами встаетъ въ его памяти... Счастье перемѣнчиво. То русскіе осиливаютъ ихъ, то они урусовъ...

Знакъ отличія, которымъ Шамиль награждалъ храбрѣйшихъ изъ его войска.

Предъ нимъ снова родимыя Гимры. Но это не прежній цвѣтущій аулъ съ его персиковыми садами и цвѣтущими пастбищами. Гимры въ огнѣ. Развалины еще дымятся. Проклятые гяуры послѣ долгой осады ворвались въ селеніе и рѣжутъ и бьютъ правовѣрныхъ. Шамиль, съ двумя десятками такихъ-же, какъ онъ, преданныхъ своему вождю мюридовъ, въ полуразрушенной саклѣ защищаютъ имама.

Но вотъ гяуры врываются въ саклю. Одинъ изъ нихъ пронзаетъ своей шашкой Кази-Магому, другой кидается къ Шамилю и штыкомъ прокалываетъ ему грудь. Вѣрный мюридъ падаетъ къ ногамъ своего имама. Имамъ убитъ, но онъ, Шамиль, еще дышитъ. Оторвавъ кусокъ чохи и заткнувъ имъ окровавленную рану, онъ, терпѣливо вынося адскую боль, дожидается ночи. Подъ темнымъ покровомъ

ея онъ отыскиваетъ подъ грудою тѣлъ защитниковъ трупъ своего владыки и, придавъ мертвецу положеніе молящагося, съ какимъ избранные святые должны предстать на судъ Аллаха, самъ тихонько скрывается въ горы, весь проникнутый тайной цѣлью проповѣдывать неумолимый газаватъ...

Но вотъ новое воспоминаніе прожигаетъ огнемъ душу имама.

На площади аула Корода собралась большая толпа. Здѣсь и кадіи, и муллы, и наибы, и простой народъ—таулинцы. Недавно убили ихъ второго имама, Гамзатъ-бека, и всѣ они сошлись сюда, чтобы выбрать новаго вождя.

Тутъ-же въ толпѣ мюридовъ, суровый и неумолимый, съ пламенными очами и высоко поднятою головою стоитъ Шамиль. Его сердце не ищетъ ни бреннаго тщеславія, ни почестей и славы. Вся его цѣль—служеніе Аллаху и распространеніе призыва къ священной войнѣ. Онъ стоитъ, ничуть не мысля о блестящей будущности, которая его ожидаетъ. Онъ весь ушелъ въ свою задумчивость, исполненный самыхъ чистыхъ помысловъ. И вдругъ слухъ его пораженъ странными возгласами толпы.

— Шамуилъ-Эффенди, сынъ Магомета-Дэнькоу, будь нашимъ вождемъ!—слышатся ему тихіе одиночные голоса. Вотъ они громче, звучнѣе. Все новые и новые присоединяются къ нимъ и скоро вся тысячная толпа на гудеканѣ слилась въ одномъ дикомъ ревѣ:

— Шамуилъ, будь имамомъ! Веди насъ!

Что это: греза или сонъ? Нѣтъ, не сонъ и не греза: его хотятъ, его просятъ. Яркимъ огнемъ загорается взоръ Шамиля. Станъ выпрямляется. Онъ дѣлаетъ движеніе рукою и, когда толпа умолкаетъ, говоритъ:

— Клянусь бородою Пророка, я не искалъ почести и славы. Какъ скромный рабъ Аллаха, я жажду одного: брызнуть священными струями потока ученія Магомета

Молитва Шамиля передъ сраженіемъ.

Картина проф. Ф. Рубо.

въ сердца ваши, наполнить головы ваши помыслами чистыми и вложить въ руки ваши мечи во славу Аллаха. Но Аллахъ изрекъ устами вашими волю свою. Кысметъ [1]! Будь по сему! Я, вновь избранный вождь вашъ, взываю къ вамъ: мусульмане, газаватъ [2]!

При этомъ послѣднемъ воспоминаніи легкій трепетъ охватилъ лежавшаго на днѣ ямы имама. Все его тѣло свело судорогой. Мысль притупилась и померкла. Онъ поднялся и началъ быстро, быстро шептать молитву, кружась какъ волчокъ на днѣ ямы.

Потомъ разомъ тѣло его конвульсивно вздрогнуло, вытянувшись на днѣ безъ признака жизни.

Онъ увидѣлъ Пророка.

ГЛАВА VI.

Воля Аллаха.—Новый мюридъ.

СОЛНЦЕ сѣло. Изъ ущелій потянуло прохладой. Мулла показался на балкончикѣ мечети и сталъ призывать правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ. Скоро на востокѣ зажглась одинокая звѣзда Оріона, „Око Пророка“, какъ ее называютъ мусульмане.

Въ русскомъ лагерѣ рожокъ горниста проигралъ зорю, и стройные голоса солдатъ пропѣли вечернюю молитву. И точно въ отвѣтъ имъ громкими звуками пронеслись по аулу возгласы: „Ля-илляхъ-иль-Алла“, повторяемые безсчетно толпою, все еще остававшейся на гудеканѣ.

---

[1] Судьба, предопредѣленіе. — [2] Мусульмане, на священную войну!

Въ эту минуту дверь мечети распахнулась и на порогѣ ея показался человѣкъ. Онъ былъ высокъ, плечистъ и строенъ. Тонкій станъ его былъ затянутъ бѣлымъ бешметомъ. Плечи и спина покрыты наброшенной на плечи пурпуровой мантіей. Съ бѣлой чалмы, окутывавшей голову, спускался длинный конецъ, заканчивавшійся кистью. Худое и мертвенно-блѣдное лицо съ тонкими чертами и сурово-строгимъ выраженіемъ заканчивалось рыжей, крашеной бородою. Оно не носило ни малѣйшаго слѣда утомленія, это гордое, дышащее суровостью и неумолимымъ фанатизмомъ лицо. Большія, острыя, пронзительныя очи горѣли неугасимымъ пламенемъ. Что-то властное и мощное, что-то царственное сверкало въ нихъ. Это и былъ Шамуилъ-Эффенди, духовный вождь и повелитель правовѣрныхъ.

И всѣ, находящіеся на площади—и алимы, и старѣйшины, и наибы, и кадіи,—всѣ низко склонились передъ нимъ. Двое изъ присутствующихъ, Кибитъ-Магома, бывшій наибъ Тилетльскій, и ученый алимъ Ташау-Хаджи, почтительно приблизились къ имаму и взяли его подъ руки. Поддерживаемый ими, Шамиль поднялся на уступъ скалы, находившейся на площади, и началъ твердымъ, сильнымъ голосомъ, обращаясь къ народу:

— Ля-иллях-иль-Алла Магометъ-россуль-Алла! Имя вѣчному Аднъ! Народы Дагестана, внимайте! Волю Единаго возвѣщаю я вамъ. Аллахъ великъ и могущественъ! Отъ милости Его созданы царства. Народамъ Чечни и Дагестана даны горы, прочимъ долины и низовья рѣкъ. Мы построили наши сакли, завели цвѣтущіе кутаны и поселились въ нашихъ аулахъ во имя Аллаха, славя Имя Его. Но народъ Гога и Магога [1] рѣшилъ завладѣть нами, превратить наши пастбища въ пустыни, наши аулы въ груды

[1] По убѣжденію горцевъ, всю землю Аллахъ раздѣлилъ на-двое Кавказскимъ хребтомъ и по ту сторону хребта живутъ народы Гога и Магога, вражеское племя.

пепла и развалинъ. Невѣрные силою хотятъ примѣнить къ намъ ученіе Иссы [1], который отмѣняетъ священные, завѣщанные намъ нашими предками канлы [2] и учитъ забывать обиды и зло. Наши враги хотятъ заставить насъ, какъ рабовъ, работать на себя... Но этому не быть Наибы, алимы, абреки, мюриды и вы, таулинцы, Алла-сахла-сынъ [3]! Волю Аллаха возвѣщаю вамъ: три дня и три ночи пробылъ я въ мечети, испрашивая, за что прогнѣвался на насъ Вѣчный, наказавъ пораженіемъ недоступной доселѣ Аргуани, и Аллахъ смилостивился надъ своимъ недостойнымъ слугою и послалъ мнѣ Пророка. Онъ явился мнѣ во всемъ могуществѣ райскаго блеска. Но я не смѣлъ взглянуть на него. Изъ устъ его пылало пламя, и грозныя очи кололи, какъ два острые клинка. Громъ и молнія были въ грозныхъ чертахъ его. Ему сопутствовалъ Зейналъ-Абидинъ [4], который и оповѣстилъ мнѣ волю Могучаго и причину его гнѣва. Старѣйшины и народъ, внимайте! Аллахъ гнѣвается на насъ, потому что Ему извѣстно, что среди насъ, мюридовъ, есть такіе, которые не исполняютъ должныхъ обрядовъ, молитвъ, постовъ и омовеній, не исполняютъ волю Пророка и предписаній тариката. И за ихъ грѣхи должны страдать всѣ. Но лишь только позорная казнь совершится надъ грѣшными, побѣда будетъ наша. Такъ рѣшилъ Пророкъ! Валла-билла [5]! Иншаллахъ [6]!

— Иншаллахъ! — эхомъ отозвалась толпа на слова своего имама.

Въ это время изъ толпы выдвинулся человѣкъ въ чалмѣ, съ жесткимъ взоромъ. Это былъ татель [7] Самитъ. Его называли очами и ушами имама, такъ какъ черезъ него Шамиль зналъ обо всемъ, что происходило среди мюридовъ. Ему же была дана неограниченная власть обли-

---

[1] Іисуса Христа. — [2] Мщеніе. — [3] Да сохранитъ васъ Аллахъ. — [4] Самый ближайшій святой у Пророка. — [5] Клятва. — [6] Да будетъ такъ. — [7] Наблюдающій за религіознымъ поведеніемъ мюридовъ и докладывающій обо всемъ имаму.

чать того или другого мюрида, будь онъ знатный наибъ или простой таулинецъ.

— Мой вѣрный Самитъ,—произнесъ Шамиль, кладя руку на плечо тателя,—тебѣ поручаю отыскать виновныхъ ослушниковъ Пророка и доставить ихъ какъ можно скорѣе на судъ. Проступокъ нарушенія вѣры въ дни газавата требуетъ жестокаго, немедленнаго возмездія. Такова воля Пророка.

Самитъ, молча, склонился предъ имамомъ.

И не одно сердце мюрида дрогнуло въ это мгновенье. Они знали, что словамъ Самита, будь они клевета или правда, повѣритъ имамъ и названному имъ преступнику пощады не будетъ.

Лишь только Шамиль знакомъ отпустилъ Самита, мюриды выстроились по обѣ стороны улицы, образуя живыя шпалеры отъ мечети до дома имама и громко запѣли священный гимнъ газавата, начинающійся неизмѣннымъ: „Ля-илляхъ-иль-Алла!“ Шамиль двинулся между этими двумя живыми стѣнами, поддерживаемый съ двухъ сторонъ ближайшими изъ своихъ наибовъ.

Но вотъ внезапное смятеніе произошло въ рядахъ его свиты. Кто-то метнулся навстрѣчу шествію и распростерся на землѣ у ногъ имама.

Ближайшіе мюриды бросились къ упавшему и, поднявъ его, поставили передъ лицомъ Шамиля. Въ ту-же минуту изъ толпы ихъ выдвинулся старикъ Хаджи-Али и сказалъ, указывая на незнакомца:

— Великій имамъ! Этотъ юноша—Гассанъ-бекъ-Джанаида, уроженецъ аула Дарго-Ведено, онъ джигитъ изъ отрядовъ храбраго Ахверда-Магомы. Онъ жаждалъ узрѣть тебя, великій имамъ, и съ этой цѣлью прорвался сквозь цѣпь русскихъ и прискакалъ въ аулъ. Сердце его чисто, какъ струя потока, и душа его жаждетъ блаженства вѣчнаго.

— Встань, юноша, и скажи въ чемъ твоя просьба?— ласково обратился къ Гассану Шамиль.

— Святѣйшій имамъ,—произнесъ тотъ, вперяя восторженный взоръ въ лицо своего повелителя.—Моя просьба дерзкая, я хочу многого и, быть можетъ, за мою дерзость я заслуживаю смерти: святѣйшій имамъ, я хочу быть мюридомъ!

— Въ твоемъ желаніи, юноша, нѣтъ преступленія,—отвѣтилъ Шамиль.—Напротивъ: великій Пророкъ сочувствуетъ всѣмъ, кто желаетъ стать въ ряды борцовъ газавата. Но ты слишкомъ молодъ, юноша, и врядъ-ли успѣлъ пройти все необходимое для вступленія на путь блаженства!

— Великій имамъ! Да сіяетъ твое имя золотою звѣздою надъ небомъ Дагестана... Молодость моя не послужитъ помѣхой моему благочестію. Я готовъ поклясться на коранѣ, что всѣ установленныя испытанія пройдены мною. Мой учитель, Даргійскій кадій, подтвердитъ тебѣ это. Цѣль моя—драться въ твоихъ отрядахъ на священномъ газаватѣ и отомстить урусамъ! Прими меня, имамъ!

Именная печать Шамиля, употребляемая имъ вмѣсто подписи.

Искренностью и горячимъ порывомъ вѣяло отъ рѣчей юноши, а черные глаза его такъ и сверкали рѣшимостью умереть по одному знаку имама.

Глядя на него, невольно припомнилось Шамилю время, когда онъ стремился къ тому-же, къ чему стремится теперь этотъ юный горецъ. И долгимъ, пронзительнымъ взглядомъ окинулъ онъ юношу.

— Твои слова дышатъ храбростью, — произнесъ имамъ ласково.—Ступай въ мечеть, гдѣ проведешь ночь въ уединеніи и молитвѣ, а съ зарею мулла свершитъ твое посвященіе.

И, ласково кивнувъ головою, Шамиль снова двинулся въ путь, оставивъ Гассана съ сердцемъ преисполненнымъ восторга и трепета.

ГЛАВА VII.

Гарай! Гарай! [1]

ПЛАЧЕТЪ джіанури[2]... рыдаетъ саазъ[3]... Красавица Патиматъ разбросала по плечамъ свои черные кудри и тихо напѣваетъ родныя Гимринскія пѣсни, быстро перебирая струны мелодичнаго джіанури. Ей вторитъ одна изъ служанокъ на звучномъ, какъ пѣсня соловья, саазѣ. Повелитель и мужъ Патиматъ, Шамиль, ушелъ на совѣщаніе и вернется домой лишь съ зарею. А то-бы не сдобровать имъ... Пѣсни, музыка и пляска строжайше запрещены въ имамскомъ дворцѣ вообще, а въ дни газавата особенно.

Но что ей газаватъ, когда она молода и жаждетъ радости и счастья. Пускай цѣлые дни отъ зари до зари слышатся залпы пушечныхъ выстрѣловъ. Тщетно вѣдь обстрѣливаютъ русскіе Сурхаеву башню и другія. Патиматъ знаетъ, какъ прочно выложены камнемъ Ахульгскія твердыни, какъ смѣлы и храбры мюриды, засѣвшіе въ нихъ!.. Не взять русскимъ ни Сурхаевой башни, ни Ахульго, и она можетъ спать спокойно, какъ подъ крыломъ ангела Джабраила [4]. Зачѣмъ-же тревожиться ей и грустить какъ Фатима, которая день и ночь плачетъ о своемъ Гамзатѣ. Слава Аллаха, съ нею ея мальчики, и Кази-Магома, и алый цвѣтъ ея сердца — красавчикъ Джемал-эддинъ. Вонъ сидитъ она, Фатима, въ углу со своей грудной Гюльмой, и глаза ея горятъ, какъ у волчицы... У нея всегда такъ горятъ глаза, когда она смотритъ на Джемал-эддина. Можно думать, что она завидуетъ долѣ ея, Патиматъ... Не желаетъ-ли она ему участи Гамзата? Нѣтъ,

[1] Тревога. — [2] Родъ трехструнной гитары. — [3] Музыкальный инструментъ горцевъ, — [4] Архангелъ Гавріилъ, особенно почитаемый горцами.

нѣтъ, у каждаго своя судьба, предназначенная Аллахомъ!

Но вотъ замолкла пѣсня... Съ унылымъ звономъ падаетъ джіанури на мягкіе ковры сераля. Слѣдомъ за нимъ умолкаетъ и звенящій саазъ... Служанка вноситъ цѣлое блюдо сладкой алвы. Другая зажигаетъ чирахи [1] въ глиняныхъ плошкахъ... За ними бѣгутъ Джемалэддинъ и Кази-Магома. Они уже отвѣдали вкуснаго лакомства, потому что губы ихъ стали слаще меда, и они поминутно обтираютъ липкіе пальцы о полы бешметовъ.

— Аллаверди [2]!—говоритъ имъ мать и улыбается обоимъ сразу, но глаза ея, помимо воли, останавливаются съ большею лаской и нѣжностью на лицѣ старшаго сына, уплетающаго за обѣ щеки сладкую, тающую во рту алву [3].

— Сегодня урусы два раза кидались на штурмъ,— говоритъ онъ, усиленно работая зубами.—Да что толку? Отбили ихъ наши. Слышишь, снова палятъ они?

Дѣйствительно, новый залпъ пушекъ громовымъ ударомъ пронесся по горамъ и замеръ гдѣ-то вдали, нѣсколько разъ повторенный эхомъ. Точно горный шайтанъ [4] обмѣнялся привѣтствіями съ черными джинами безднъ и ущелій.

— Сегодня на совѣщаніи старики говорили, что сардаръ [5] хочетъ идти на Ахверды-Магому къ высотамъ,— неожиданно вмѣшивается въ разговоръ Кази-Магома.— Наши ихъ допекли. Говорятъ, изъ горъ спѣшатъ новые наши отряды. Вотъ-бы пробиться имъ сюда! Небось много-бы отправили тогда въ адъ невѣрныхъ...

И маленькіе глазки его хищно сверкаютъ, какъ у голоднаго волчонка.

— Мать, спой мнѣ пѣсню,—проситъ Джемалэддинъ,

---

[1] Нефтяные фитили, которые горятъ въ плошкахъ, наполненныхъ бараньимъ саломъ. — [2] На здоровье. — [3] Кукурузовые пряники. — [4] Дьяволъ.— [5] Такъ горцы называли главныхъ начальниковъ русскихъ войскъ.

поднимая упавшую на полъ джіанури и заглядывая въ лицо Патиматъ просящими глазами.

Той уже теперь не до пѣсенъ. Залпы все усиливаются и усиливаются съ каждой минутой, несмотря на подступающую темноту ночи. Въ промежуткахъ между ними слышатся дикіе крики горцевъ и пѣніе ихъ священнаго гимна. Нѣтъ больше сомнѣній: тамъ, внизу, у башни идетъ рукопашный бой. Тамъ штурмуютъ Сурхай ненавистные урусы. „Аллахъ Великій, помоги джигитамъ!“ —шепчетъ она набожно. Потомъ разомъ хватаетъ джіанури и, чтобы отвлечь вниманіе дѣтей отъ боевого шума, живо настраиваетъ его и поетъ во весь голосъ:

Въ ущельѣ надъ утесомъ горнымъ
Въ аулѣ спитъ моя семья...
Прощайте всѣ. Съ конемъ проворнымъ
Съ зарей уйду къ джигитамъ я!

Мы полетимъ въ набѣгъ кровавый,
Врага трусливаго спугнемъ,
Покроемъ имя громкой славой
Иль пораженные умремъ.

Отецъ мой уздень былъ могучій,
Убитъ гяуромъ старшій братъ...
Мы налетимъ на русскихъ тучей,
Великій славя газаватъ...

Топотъ нѣсколькихъ коней и крики, огласившіе узкую улицу аула, внезапно прервали пѣсню Патиматъ. Дверь быстро распахнулась и старуха Баху, мать Шамиля, поспѣшно вошла въ саклю.

— Не во-время расчирикалась, ласточка,—сурово нахмурившись, проворчала она.—Урусы взяли Сурхай. Будь они прокляты!

Кази-Магома дико взвизгнулъ, услышавъ слова бабушки, и зарылся головой въ чахланъ матери. Онъ весь трясся отъ страха. Джемалэддинъ вздрогнулъ точно конь, впервые испробовавшій нагайки, и ринулся къ двери.

— Куда, куда, орленокъ?—кричали ему въ одинъ го-

лось мать, тетка и бабушка. Но онъ и вниманія не обратилъ на ихъ крики... Ему во что бы-то ни стало надо было узнать истину. Надо было узнать—впрямь-ли взяли русскіе башню... Вся кровь его кипѣла. Если правду сказала бабушка, то дѣло плохо. Сурхай — ворота Ахульго. Возьмутъ Сурхай—возьмутъ Ахульго. Надо торопиться... Онъ сегодня-же отточитъ шашку и заложитъ въ газыри новые патроны... Потомъ встанетъ у дверей сакли и скажетъ матери:

На развѣдкѣ.
Картина Т. Горшельта

— Не бойся, ласточка, я защищу тебя!

Да, онъ защититъ ее, бабушку и Кази! Онъ старшій въ родѣ! На его обязанности лежитъ это.

А можетъ быть все—одна неправда? Бабушка Баху туга на ухо и все это могло легко послышаться ей. Ложный страхъ и ничего больше!

Сердечко мальчика шибко, шибко бьется въ груди. Ему не за себя страшно, нѣтъ. Боязнь за мать, за ея участь наполняетъ всѣ мысли Джемалэддина. Не помня себя, бѣжитъ онъ на площадь по узкой, кривой улицѣ.

Аллахъ великій, сколько народу собралось уже тамъ! Вонъ и Хаджи-Али, и старикъ Джэддинъ, ихъ воспитатель, и Кибитъ-Магома, и всѣ наибы и старѣйшины. Что если они увидятъ здѣсь его — Джемалэддина? Дѣти имама не смѣютъ показываться среди народа... Достанется ему отъ отца!

Быстро юркаетъ за спины взрослыхъ крошечная фигурка малыша, для большей предосторожности нахлобучившаго на самые глаза папаху... Въ сгустившихся сумеркахъ вечера едва-ли можно замѣтить его. За то онъ самъ все видитъ, все замѣчаетъ.

Вотъ выходитъ изъ мечети его отецъ и бывшіе съ нимъ на совѣщаніи алимы.

Въ эту самую минуту изъ толпы выѣзжаетъ только что прибывшій изъ Сурхая мюридъ, быстро спѣшивается и подходитъ къ имаму. Джемалэддинъ знаетъ его. Это— Гассанъ, вновь посвященный въ мюриды. Еще недавно повелитель отправилъ его въ Сурхаеву башню въ подмогу остальнымъ. Изъ груди Гассана сочится кровь. Онъ раненъ въ плечо и рука его безжизненно болтается вдоль стана.

— Великій имамъ, — говоритъ онъ глухимъ голосомъ,—клянусь кораномъ, мы, твои вѣрные слуги, храбро бились, отстаивая башню. Но къ урусамъ подходили все новые и новые воины, ихъ было много, какъ звѣздъ на небѣ... а насъ, твоихъ вѣрныхъ мюридовъ, лишь горсть; они всѣ перебиты гяурами, лишь я одинъ успѣлъ прорваться сюда, чтобы возвѣстить тебѣ горе: башня взята.

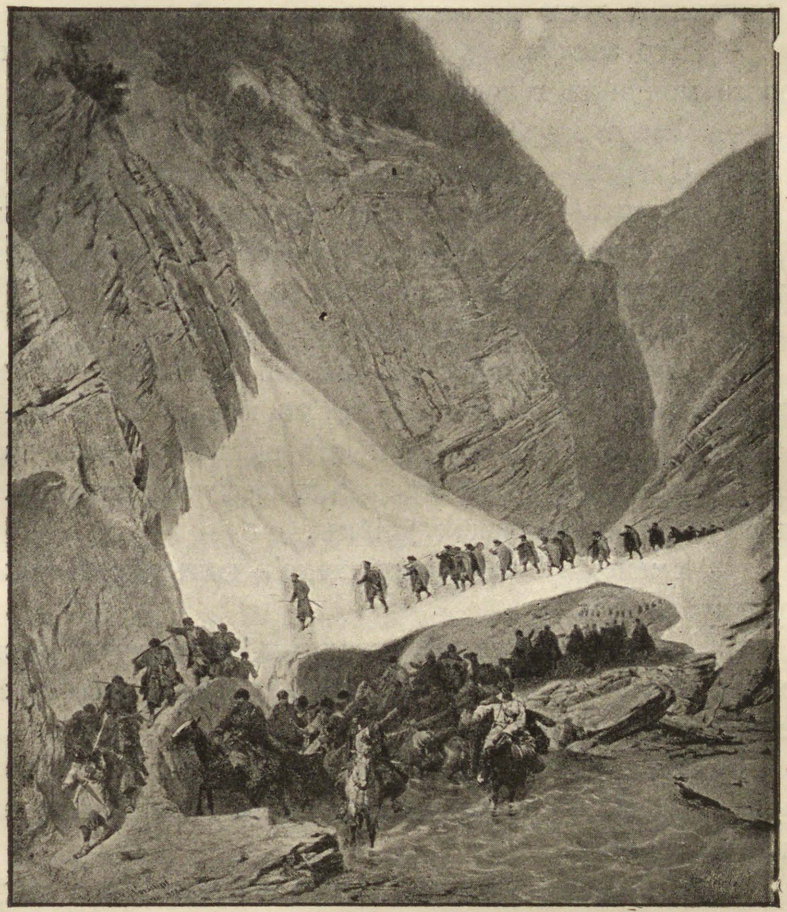
— Проклятіе гяурамъ!—грозно пронесся надъ толпою мощный голосъ имама. — Гнѣвъ Аллаха тяготѣетъ надъ нами! Заслуженная кара постигла насъ... Гдѣ Самитъ? Исполнилъ-ли ты повелѣніе и найдены-ли преступившіе законы вѣры?

Въ одну минуту изъ толпы вынырнулъ Самитъ.

— Одинъ преступникъ найденъ, повелитель, и ждетъ

приговора! — произнесъ онъ, почтительно склонясь предъ имамомъ.

Толпа разступилась и Джемалэддинъ увидѣлъ связаннаго по рукамъ человѣка, выступившаго впередъ, съ



Переходъ русскихъ войскъ черезъ обвалъ у Аварскаго Койсу.
Картина Т. Горшельта.

трудомъ волочащаго скованныя ноги. О бокъ съ нимъ шелъ палачъ въ черной тряпкѣ въ видѣ чалмы, обматывающей папаху, и съ обнаженной сѣкирой въ рукѣ.

Мирза [1] имама обратился съ рѣчью къ народу, въ

[1] Секретарь.

которой пояснилъ вину подсудимаго: онъ не молился Аллаху, не совершалъ обязательныхъ омовеній, не исполнялъ всѣхъ правилъ поста и молитвы, которыя предписаны ученіемъ тариката. Самитъ все это узналъ точно и виновный даже не оспариваетъ своей вины.

— Что заслужилъ виновный?—раздался среди гробового молчанія голосъ Шамиля.

— Смерти!—раздался дружный отвѣтъ.

— Смерти!—громче другихъ кричали мюриды.

— Смерти!—въ тонъ имъ вторили старѣйшины.

Приговоренный стоялъ блѣдный какъ мертвецъ и губы его чуть слышно шептали:

— Аманъ! Аманъ! (Пощады! Пощады!)

— Для грѣшниковъ, не исполняющихъ законовъ вѣры, нѣтъ пощады,—грозно прогремѣлъ голосъ Шамиля.—Иншаллахъ (быть по сему)!—и онъ сдѣлалъ знакъ палачу.

Тотъ взмахнулъ кинжаломъ, и обезглавленный мюридъ упалъ къ ногамъ своего убійцы.

— Именемъ Аллаха исполнено!—какъ одинъ человѣкъ произнесли всѣ.

Изъ мечети выбѣжали муталимы [1] и, покрывъ обезглавленное тѣло, скрылись съ нимъ изъ виду, чтобы сжечь мертвеца на кострѣ.

Теперь, когда кара постигла виновнаго, побѣда надъ гяурами была обезпечена и народъ могъ спокойно разойтись по домамъ.

Послѣдней съ площади скрылась маленькая фигурка. По лицу Джемалэддина катились слезы въ то время, какъ онъ торопливо пробирался къ сералю по улицамъ аула.

Его сердце сжималось жалостью къ казненному и впечатлительную дѣтскую душу грызла тоска.

---

[1] Духовные студенты, ученики.

ГЛАВА VIII.

Осада длится.—Подъ кровомъ восточной ночи.

СЪ той минуты, какъ Фатима Хазбулатъ замѣтила появленіе русскихъ на высотахъ, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Успѣшно добивались своей цѣли русскія войска. Осадныя работы были окончены. Оставалось приступать къ штурму. За эти два мѣсяца немало урону потерпѣли они. Въ самомъ началѣ осады огромныя скопища Ахверды-Магомы, вызванныя на помощь имаму, были оттѣснены генераломъ Лабинцевымъ назадъ въ горы. Но къ Ахверды-Магомѣ подоспѣли новыя полчища горцевъ и онъ настойчивѣе сталъ тревожить съ тыла русскій отрядъ, всячески мѣшая ему производить осадныя работы подъ стѣнами замка. Тогда генералъ Граббе двинулся на горцевъ со всѣми своими баталіонами, чтобы дать рѣшительный отпоръ дѣятельному помощнику имама. Осажденные воспользовались его уходомъ, сдѣлали вылазку и перерѣзали саперовъ, производившихъ окопныя работы.

Вернувшись подъ Ахульго, генералъ Граббе обратилъ все вниманіе на Сурхаеву башню, изъ которой особенно допекали пули засѣвшихъ въ ней мюридовъ, и взялъ ее приступомъ, предварительно разрушивъ ядрами стѣны. По взятіи Сурхаевской твердыни на помощь русскимъ подоспѣли еще три свѣжихъ баталіона Ширванскаго полка подъ начальствомъ полковника барона Врангеля, съ четырьмя горными орудіями. Теперь подъ стѣнами Ахульго собралось тринадцать баталіоновъ и тридцать орудій. Съ этими силами графъ Граббе рѣшился двинуть войска на рѣшительный штурмъ.

16-го іюля 1839 года русскіе бросились на завалы и ворвались въ переднія укрѣпленія со всѣхъ сторонъ, не обращая вниманія на тучи пуль защитниковъ. Мюриды не выдержали и дрогнули передъ дружнымъ натискомъ врага. Но въ эту минуту по рядамъ русскихъ пронеслась ужасная вѣсть: полковникъ баронъ Врангель тяжело раненъ. Храбрецы-ширванцы, боготворившіе своего командира, пришли въ смятеніе. Этимъ воспользовались горцы, ударили на осаждающихъ и первый штурмъ Ахульго былъ отбитъ.

Только по прошествіи мѣсяца можно было помыслить о новомъ штурмѣ. Наши солдатики съ неутомимой энергіей принялись исправлять завалы, рыть окопы и возводить новыя укрѣпленія, готовясь исполнить все къ назначенному дню.

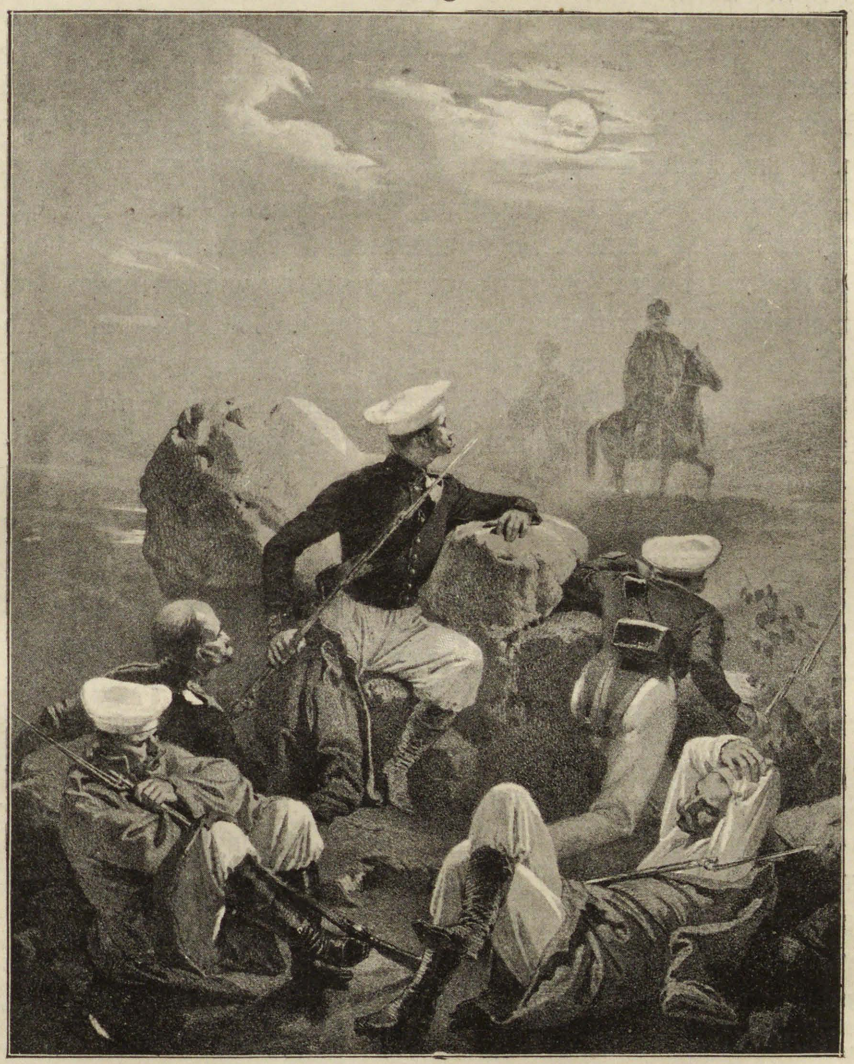
И вотъ, наконецъ, этотъ день наступилъ.

17-го августа былъ назначенъ второй штурмъ Ахульго.

* *
*

Темная и жуткая, какъ бездна, кавказская ночь тихо подкралась къ природѣ и раскинула надъ нею свой траурный пологъ. Русскій лагерь, теперь уже вплотную придвинутый къ самымъ утесамъ Ахульго, какъ-бы замеръ, придавленный мглою. Только изрѣдка раздается лязгъ ружья часового, нечаянно ударившаго дуломъ о каменистый грунтъ почвы, да гдѣ-то внизу, подъ землею, изрѣдка раздаются глухіе удары желѣзныхъ кирокъ. Такіе же точно удары слышны, когда копаютъ могилу... Впрочемъ это и есть могила, въ которой, можетъ быть, суждено погибнуть не одной человѣческой жизни. Завтра эта могила будетъ готова. Неутомимые саперы проложили своими лопатами длинный подземный ходъ отъ берега Койсу къ громадному уступу, съ котораго удобнѣе всего начать

штурмъ твердыни. Этотъ штурмъ, назначенъ съ зарею. До зари должны быть закончены подземныя работы; вотъ



Въ русскомъ лагерѣ.
Съ картины Зичи.

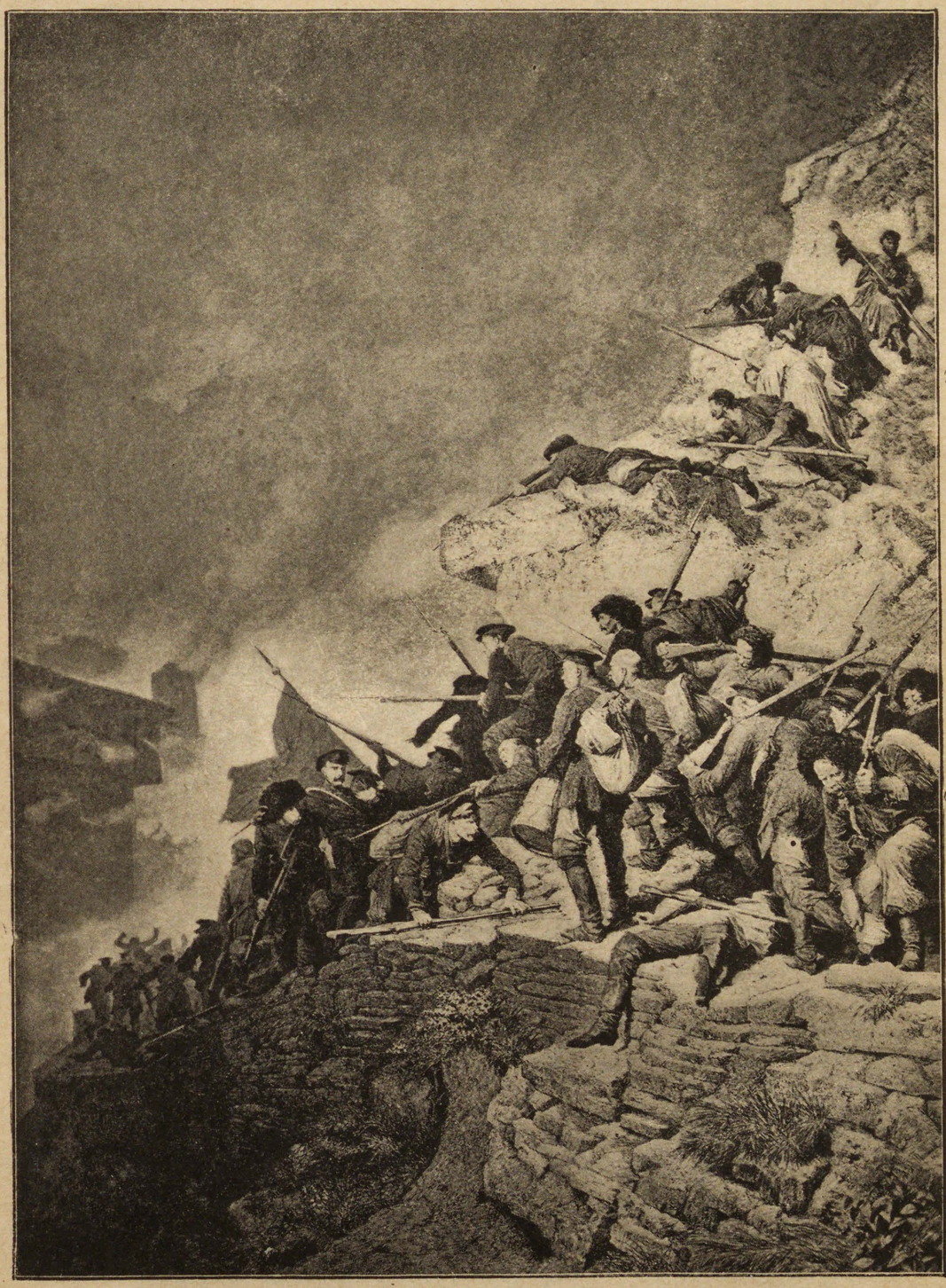
почему цѣлую ночь напролетъ стучатъ лопаты и кирки въ подземельѣ и глухіе подземные удары едва внятно будятъ тишину.

Чутко прислушивается къ нимъ, — этимъ ударамъ,

молодой офицеръ перваго Куринскаго баталіона, стоя неподалеку отъ своей палатки и вперивъ глаза въ безпросвѣтную темноту ночи.

Его зовутъ Борисомъ Владиміровичемъ Зарубинымъ. Несмотря на свою молодость, онъ уже отличенный герой. Бѣлый Георгіевскій крестикъ смутно бѣлѣетъ на его груди. Самъ главнокомандующій, баронъ Розенъ, повѣсилъ ему этотъ крестикъ за взятіе Гимръ, когда Зарубинъ, еще будучи совсѣмъ юнымъ поручикомъ, влетѣлъ вмѣстѣ со своимъ взводомъ удальцовъ-куринцевъ на брустверъ башни, защищаемой отчаяннѣйшими мюридами. Тогда-же онъ получилъ и чинъ штабсъ-капитана. А теперь, по прошествіи семи лѣтъ, онъ, капитанъ и командиръ одной изъ ротъ перваго баталіона, пришелъ вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Граббе брать Ахульго.

Его считаютъ храбрымъ, примѣрнымъ офицеромъ и онъ на отличномъ счету у начальства. Самыя трудныя порученія даются ему, потому что въ главной квартирѣ знаютъ, что капитанъ Зарубинъ выйдетъ изъ нихъ со славой и честью. Вотъ и теперь, при завтрашнемъ штурмѣ, генералъ-маіоръ Пулло, по указанію графа, предложилъ Зарубину съ его ротой войти въ составъ удальцовъ-охотниковъ, вызвавшихся съ зарею проникнуть подземнымъ ходомъ подъ стѣны замка. Порученіе опасно. Отъ него вѣетъ смертью. Наскоро вырытый проходъ можетъ обрушиться и заживо погрести подъ собою весь баталіонъ охотниковъ. А тамъ, впереди, еще большая опасность. Фанатики мюриды дорого продадутъ свою жизнь. Они дерутся, какъ львы, не считая врага, и въ какомъ-то дикомъ изступленіи кидаются на русскихъ. Это достойный непріятель. Онъ, Зарубинъ, убѣдился въ этомъ давно: у нихъ полное пренебреженіе къ смерти и безумная отчаянность во всемъ. Они точно ищутъ гибели, смѣло кидаясь въ русскіе ряды. Еще-бы! погибшихъ въ газаватѣ ожидаетъ неземное блаженство, и смерть—лучшая награда



На приступъ.

Картина проф. Т. Горшельта.

храбрецамъ! Таковъ девизъ этихъ безумцевъ. Борисъ Владиміровичъ успѣлъ ихъ узнать отлично. Постоянно участвуя въ дѣлахъ противъ горцевъ, онъ не только изучилъ ихъ обычаи и природу, но сумѣлъ довольно основательно познакомиться и съ ихъ языкомъ.

Онъ не могъ не уважать ихъ за храбрость и удивлялся имъ. Да, это страшный врагъ, не приведи Богъ подобнаго! И завтра онъ встрѣтится съ нимъ лицомъ къ лицу.

До сихъ поръ никогда еще сердце молодого офицера не трепетало при мысли объ опасности, а теперь, этою ночью, что-то больно и остро саднитъ его. Это не страхъ, нѣтъ! Сколько разъ приходилось Зарубину сталкиваться лицомъ къ лицу со смертью; на плечѣ его большой шрамъ—слѣдъ чеченскаго удара, полученнаго имъ подъ Гимрами; онъ не боится смерти... Онъ готовъ ко всему. А между тѣмъ сердце его болитъ сегодня и онъ знаетъ причину этой боли.

Вчера къ нимъ на передовыя позиціи примчался казакъ съ „летучкой“ [1] къ командиру. Въ переметной сумкѣ у него было нѣсколько писемъ къ офицерамъ отъ ихъ семействъ, воспользовавшихся оказіей. И на его долю нашлось письмо отъ жены, изъ Тифлиса, гдѣ она жила съ двумя дѣтьми: семилѣтнимъ Мишей и трехлѣтней Леной.

Ея письмо дышало лаской и заботами о немъ. Въ концѣ письма посылала свое благословеніе и привѣтъ дѣтей.

О, эти дѣти! все сердце его обливалось кровью, когда онъ оставлялъ ихъ, уходя съ полкомъ... Голубоглазый, жизнерадостный, всегда веселый, живой и улыбающійся Миша и немножко меланхоличная, задумчивая и поэтичная Леночка съ худенькимъ и болѣзненнымъ личикомъ

[1] Донесеніе.

крѣпко отца цѣловали передъ послѣднимъ походомъ. Онъ какъ сейчасъ видитъ ихъ милыя головки, слышитъ ихъ звонкіе, нѣжные голоса. Ахъ, если-бы увидѣть ихъ снова! И зачѣмъ жена прислала ему это письмо передъ самымъ штурмомъ! Ему тяжело будетъ умирать съ нимъ на груди! Жизнь кажется такой прекрасной и такъ тяжело разставаться съ нею, когда чувствуешь всю нѣжность и ласку ближнихъ! Одному, бобылемъ, легче умирать. Никого не оставишь сиротами и не обездолишь... Онъ поднялъ голову къ темному небу... И тамъ стояла непроглядная мгла, какъ и здѣсь внизу. Борису Владиміровичу стало невыносимо тяжело отъ этого мертвящаго душу мрака. Нестерпимо захотѣлось услышать человѣческій голосъ, почувствовать вблизи себя живое существо. Онъ тихо позвалъ:

— Потапычъ!

Изъ-за бѣлаго полога палатки выглянула фигура денщика, стараго, испытаннаго боевого солдата. Потапычъ и по сію минуту не бросилъ-бы строевой службы, если-бы чеченскія раны, обильно покрывавшія его старое тѣло, не давали себя знать.

Онъ неслышно приблизился къ офицеру и тихо произнесъ недовольно-ворчливымъ и въ то-же время добрымъ, ласковымъ голосомъ:

— И чего не спите, спрашивается? (Между Потапычемъ, обожавшимъ своего барина, у котораго онъ служилъ около восьми лѣтъ, и Зарубинымъ установились дружескія, далеко не дисциплинныя отношенія), шли-бы спать, ваше благородіе! Передъ штурмомъ то выспаться, какъ слѣдуетъ, не мѣшаетъ. Вѣдь дѣло не легкое, поди: съ самимъ Шумилкой схватиться, може, прійдется. Такъ вы-бы того, на боковую. А? Я вамъ и чайку съ ромомъ оставилъ, холодненькаго. Крѣпче отъ него соснете!

Голосъ стараго денщика звучалъ необычайной нѣжностью и заботой. Видно было, что благополучіе своего барина и его судьбу онъ ставитъ выше всего.

— Ладно! Ладно! Лягу, Потапычъ,—отвѣчалъ ему Зарубинъ.—Не ворчи... О ребятахъ задумался... Что-то они?..

— Чего они! Такъ-же по землѣ ходятъ, какъ и мы съ вами. Небось не вверхъ ногами. Что имъ у матери подъ крылышкомъ дѣлается? Лизавета Ивановна и приголубитъ ихъ, и укроетъ отъ всего дурного. Вамъ хуже... — снова недовольно заворчалъ тотъ.

Солдатъ Кавказскаго корпуса во время похода въ Дагестанѣ.
Съ литографіи Тимма.

— А какъ ты думаешь, возьмемъ мы Ахульго, старикъ? — внезапно прервалъ его вопросомъ Зарубинъ.

— Безпримѣнно,—радостно оживляясь, безъ малѣйшей паузы, залпомъ выпалилъ Потапычъ,—што-бы имъ,—такимъ, какъ его превосходительству Пулѣ [1] да полковнику Циклаурову да не взять? Помоги имъ, Господи! Да за такими господами наша братія хошь въ самый адъ пойдетъ! И то сказать: хороши наши молодцы-куринцы. Зналъ главнокомандую-

[1] Пулло.

щій, кого во главѣ штурма поставить... Небось возьмемъ!.. Гимры взяли, Тилетль взяли, Аргуань тоже... и это возьмемъ. Какъ Богъ святъ! Еще Шумилку гололобаго накроемъ... Во какъ! Длинный хвостъ ему прищемимъ; небось, еще аману заклянчитъ! Онъ, ваше благородіе, тольки издали храберъ... И морды эти евоныя...

— Мюриды!—поправилъ денщика Зарубинъ.

— Ладно, и за морды сойдутъ, не велики птицы!— произнесъ тотъ ворчливо.

— Ну, не скажи! Мюриды храбрые воины и въ битвѣ они хоть куда! А вотъ ты мнѣ, что сдѣлай, Потапычъ,— вдругъ неожиданно перевелъ Борисъ Владиміровичъ разговоръ на другую тему и голосъ его дрогнулъ затаенной тревогой,—если меня убьютъ (долго-ли до грѣха), ты мнѣ Богомъ побожись, старикъ, что семьи моей не оставишь. Мишу Елизаветѣ Ивановнѣ поможешь вырастить и такимъ-же вѣрнымъ царскимъ слугою его сдѣлаете, какимъ былъ отецъ. Что-бы онъ, Миша, ради царя и родины жизни своей не щадилъ—слышишь?

— Слышу-то слышу!—совсѣмъ уже сердито отозвался въ темнотѣ не совсѣмъ твердый голосъ Потапыча,— только что толку-то съ того, что слышу? Потому все брехня это одна, ваше высокоблагородіе... сущая брехня и только! Ишь вѣдь умирать вздумали! Гляди-ко-сь, на завтра второго Егорія нацѣпите... А вы смерть! Убьютъ! Да гдѣ-же это видано?.. Да что-же это?.. да я...

Голосъ старика внезапно дрогнулъ и оборвался.

Тихое, чуть замѣтное всхлипываніе послышалось подлѣ Зарубина. Не то ручей улькалъ, не то плакалъ кто-то.

„Славный онъ, вѣрный, добрый! — догадавшись о происхожденіи этихъ звуковъ, произнесъ мысленно офицеръ.—Съ такимъ, какъ онъ, и умирать не страшно. Выраститъ Мишу и храбрецомъ сдѣлаетъ... Истинный другъ...“

— Ну, старина, пойдемъ!—добавилъ онъ вслухъ,—

обнялъ-бы тебя, да въ темнотѣ не вижу. И то правда. Выспаться передъ штурмомъ не мѣшаетъ. Идемъ!

И онъ рѣшительно двинулся къ палаткѣ, сопутствуемый своимъ вѣрнымъ Потапычемъ.

ГЛАВА IX.

На штурмъ.

МЕДЛЕННО занялась заря на востокѣ и, раскинувшись по небу, розовымъ пятномъ нѣжнаго румянца обдала скалы. Но не всѣмъ суждено было увидѣть эту красавицу-зарю.

Первый баталіонъ Куринскаго полка подъ начальствомъ генералъ-маіора Пулло и подполковника Циклаурова еще далеко до разсвѣта спустился въ подземелье, законченное саперами этою ночью. Впереди своей роты, мѣтко отбивающей подошвами тактъ по каменистой почвѣ, энергично шагаетъ капитанъ Зарубинъ. Онъ славно выспался за ночь, благодаря заботамъ Потапыча, и ночной его тревоги какъ не бывало. Напротивъ того, какая-то необычайная бодрость охватываетъ теперь Бориса Владиміровича. Сердце его полно увѣренности въ успѣхѣ дѣла, полно увѣренности и въ себѣ, и своихъ.

„Возьмемъ Ахульго. Во что-бы то ни стало возьмемъ,—настойчиво и упорно выстукиваетъ оно.—А тамъ конецъ походу и опять въ Тифлисъ, къ нимъ, дорогимъ, милымъ: женѣ, Леночкѣ, Мишѣ. О, сколько новыхъ разсказовъ и разговоровъ будетъ у нихъ про гололобаго

Шумилку, какъ называетъ величественнаго имама Потапычъ... Славный этотъ Потапычъ! Вѣрный, преданный, любящій...“

„А они развѣ не славные, — обрываетъ самъ свою мысль Зарубинъ, напряженно вглядываясь въ темноту и стараясь разглядѣть въ ней родныя его сердцу лица солдатъ. — Молодцы, богатыри они! Безпрекословно идутъ туда, гдѣ многихъ изъ нихъ ждетъ вѣрная смерть... И при этомъ полная готовность умереть за вѣру и царя...“ Зарубинъ видѣлъ, какъ они сотнями погибали подъ мѣткими винтовками и штыками мюридовъ. И теперь идутъ побѣдить или помереть.

Темнота, царящая въ подземельѣ, мѣшаетъ видѣть ему эти добрыя, загорѣлыя, безхитростныя лица, но ему и не надо ихъ видѣть: онъ ихъ чувствуетъ сердцемъ; они какъ-бы сроднились съ его душой, вросли въ нее.

Чу! Что это такое? Внезапный шумъ... Легкій стонъ... И все стихло. Это камень оторвался съ отвѣса и на смерть придавилъ кого-то своей тяжестью.

— Ермоленку пришибло!— слышится подлѣ Зарубина трепещущій голосъ.

— Пришибло! Ермоленку!

Онъ зналъ хорошо этого Ермоленку. Такой бравый и лихой былъ солдатъ. Ловко отплясывалъ трепака на бивуакахъ и со смѣхомъ хвалился товарищамъ забрать въ полонъ самого Шумилку. А теперь его пришибло шальнымъ камнемъ, и лежитъ онъ въ темномъ подземельѣ, разомъ успокоенный и примиренный со своей судьбой. Одного пришибло, а другіе идутъ. Стройно идутъ по-одиночкѣ, гуськомъ, ощупью намѣчая дорогу.

Зловѣщая тишина царитъ надъ этой черной могилой, заживо проглотившей ихъ. Съ обѣихъ сторонъ плотныя каменистыя стѣны, грозящія ежеминутно рушиться и придавить ихъ своею тяжестью, какъ только что придавили Ермоленку. Онъ, Зарубинъ, нащупываетъ холодные

камни руками. О, какъ ужасенъ этотъ каменный гробъ... Скорѣе-бы на воздухъ, къ солнцу! Пусть даже неминуемая смерть ждетъ ихъ тамъ, у выхода подземной галлереи, лишь-бы смерть на волѣ, на землѣ, подъ открытымъ небомъ, а не въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, безмолвномъ и страшномъ.

И судьба точно подслушиваетъ это тайное желаніе Зарубина, и не одного только Зарубина, а всѣхъ этихъ смѣльчаковъ, жертвующихъ жизнью.

Что-то блеснуло вдали. Какая-то яркая, ослѣпительная точка заискрилась впереди нихъ. Это небо, это солнце, это воля! Ура! Еще немного, и они у цѣли. Черная галлерея осталась далеко позади. Впереди желанный уступъ... Быстро прилаживаются лѣстницы, и молодцы-куринцы безстрашно карабкаются на него.

— Братцы, впередъ! — слышится звучный голосъ Пулло.—За мной!

Онъ во главѣ отряда, съ шашкой на-голо, съ револьверомъ въ рукѣ. Вотъ онъ уже на утесѣ впереди своего баталіона. И вмигъ, разомъ со всѣхъ сторонъ, посыпался на нихъ свинцовый дождь. Голыя скалы словно оживились, точно по мановенію волшебнаго жезла. Въ одну минуту утесы и глыбы, все покрылось чеченцами.

И изъ каждаго уступа выглядывала или черная папаха или бѣлая чалма мюрида и торчало узкое дуло винтовки... Ихъ дикое: „Алла! Алла!“ слилось въ одинъ сплошной ревъ.

— За мною, братцы! За мной!—слышится среди грома и треска выстрѣловъ громкій призывъ подполковника Циклаурова. И, съ шашкой на-голо, онъ первый лѣзетъ на ближайшій утесъ, гдѣ засѣла густая толпа Шамилевыхъ воиновъ. Градъ пуль и камней сыпятъ они на головы осаждающихъ, но ничто уже не можетъ удержать смѣльчаковъ.

Могучее „ура“ мигомъ заглушаетъ чеченское „алла“. Вотъ отброшены винтовки... Горскіе кинжалы звякнули о

русскіе штыки... Лязгъ стали, стоны и крики смѣнили недавніе выстрѣлы винтовокъ. Кипитъ, усиливаясь съ каждой минутой, страшный, могучій штыковой бой. Зарубинъ во главѣ своей роты храбро и мѣтко отражаетъ удары и, въ то-же время, лѣзетъ все выше и выше по горнымъ уступамъ, шашкой прокладывая себѣ путь. Куринцы первые приняли боевое крещеніе. Но теперь не одни куринцы очутились на горныхъ уступахъ, ведущихъ къ аулу. Со всѣхъ сторонъ поднимались къ Ахульго другіе такіе-же русскіе удальцы. Съ берега апшеронцы строятъ взводную колонну, осыпаемые со всѣхъ сторонъ мѣткими пулями непріятелей. Вонъ съ противоположной имъ стороны саперы втаскиваютъ туры и фашины и на-скоро устраиваютъ ложементы—и все это подъ дружнымъ натискомъ Шамилевыхъ мюридовъ,—въ то-же время отражая лютаго врага.

Цѣлый адъ стоитъ вокругъ Ахульго. Каждый уступъ берется съ бою. Страшная, немилосердная рѣзня на утесахъ заливаетъ кровью каменный грунтъ. Десятками валятся тѣла убитыхъ, десятками-же поглощаетъ ихъ Койсу, окрашивая пурпуромъ свои сѣдыя волны. Груды тѣлъ осаждающихъ и осажденныхъ покрываютъ скаты и уклоны горъ. Груда тѣлъ скатывается въ Койсу и, не достигнувъ ея, обратившись въ окровавленную массу, распластывается на площадкахъ и выступахъ. Отчаянные стоны раненыхъ, шумъ скатываемыхъ камней и лязгъ скрестившихся сабель—все это покрывается голосами обезумѣвшихъ, озвѣрѣвшихъ въ схваткѣ мюридовъ, съ гимномъ газавата бросающихся въ бой. Люди, уже не разбирая, рѣжутъ и колятъ на удачу, не видя въ лицо врага отъ застилающаго ихъ глаза кроваваго тумана. Мюриды дорого продаютъ свою жизнь.

Вотъ съ однимъ изъ нихъ схватился Зарубинъ. Глаза его налиты кровью. Зубы бѣшено стиснуты. Глаза мечутъ искры...

— Алла! Алла!—Лепечетъ онъ хриплымъ голосомъ и заноситъ свою короткую шашку надъ головой русскаго саиба.[1] Борисъ Владиміровичъ во-время отклоняется отъ удара, взмахиваетъ саблей, и въ ту-же минуту голова въ

Горцы въ походѣ.
Рис. кн. Гр. Гагарина.

бѣлой чалмѣ, отдѣлившаяся отъ тѣла, летитъ въ бездну.

А передъ нимъ уже новый врагъ... Точно изъ-подъ земли выросъ. Совсѣмъ еще молодое лицо сурово и строго, съ пламенно-горящимъ взоромъ... А на мизинцѣ блеститъ гладкое кольцо — значекъ мюридовъ. Это Гассанъ-бекъ-Джанаида.

---

[1] Саибами горцы называли русскихъ офицеровъ.

— Ля-илляхъ-иль-Алла!—выкрикиваетъ онъ и кидается на Зарубина...

Борисъ Владиміровичъ шашкой выбиваетъ кинжалъ, разомъ обезоруживъ молодого мюрида.

Въ эту минуту чей-то яростный крикъ заставляетъ его обернуться. Наибъ въ красной чалмѣ заноситъ надъ нимъ свою кривую саблю.

„Смерть!“—вихремъ проносится въ мозгу Зарубина и передъ его глазами, какъ живой, предстаетъ его бѣлокурый Миша...

Жажда жизни охватываетъ Бориса Владиміровича: жить, во что-бы то ни стало жить, ради его жены, дѣтей, Миши!.. Не помня себя, онъ выхватываетъ револьверъ и въ упоръ стрѣляетъ въ голову наиба.

Красная чалма какъ-то странно виснетъ на бокъ, вслѣдъ затѣмъ вовсе исчезаетъ изъ его глазъ.

Ее снова замѣняетъ молодой мюридъ... Въ его рукахъ уже сверкаетъ клинокъ кинжала, который онъ успѣлъ поднять этимъ временемъ...

— Смерть гяурамъ! Вѣчная слава имаму!—кричитъ онъ и въ ту-же минуту валится, оглушенный ружейнымъ прикладомъ какого-то солдатика.

Зарубину некогда благодарить своего спасителя, некогда даже взглянуть—кто онъ.

Вокругъ него все сильнѣе и жарче разгорается битва... Все грознѣе закипаетъ она.

И вдругъ громовое ура слышится надъ его головою.

Это Куринцы успѣли подняться къ самому аулу... Къ нимъ спѣшатъ остальные.

— Алла! Алла!—перекрикивая ихъ, воютъ мюриды.

И новыя массы, нахлынувъ на русскихъ, оттѣсняютъ ихъ снова назадъ къ уступамъ.

А тамъ, высоко, у самыхъ стѣнъ замка, гдѣ строятся новые ряды, стройный всадникъ весь въ бѣломъ, на бѣломъ-же конѣ, въ зеленой чалмѣ съ кистью появляется

среди защитниковъ замка. Надъ нимъ вѣетъ черное знамя съ серебряною вязью изъ арабскихъ письменъ.

Лишь только онъ показался, какъ туча русскихъ пуль направилась въ его сторону. Но бѣлаго всадника не пугаютъ русскія пули. Онъ точно заговоренъ, этотъ бѣлый всадникъ, и не судьба ему, вѣрному слугѣ Аллаха, погибнуть теперь. Онъ необходимъ здѣсь на землѣ, въ священные дни газавата. Безстрашно появляется онъ всюду, гдѣ кипитъ битва, и громкимъ голосомъ ободряетъ своихъ воиновъ, суля райское блаженство убитымъ.

Этотъ бѣлый всадникъ никто иной, какъ вождь правовѣрныхъ, самъ имамъ—Амируль-Муминина-Шамиль.

ГЛАВА X.

Юный защитникъ.—Женщина-джигитъ.

Слуги вѣрные Аллаха,
Мечъ священный обнажите,
И во славу газавата
Въ битвѣ головы сложите.
У Зейнула Аббедина
Ключъ къ вратамъ священнымъ рая...
Тамъ блаженство ждетъ убитыхъ...
Васъ зову я, заклиная.
Вы, защитники корана,
Слуги вѣрные Аллаха,
Окажите помощь вашу,
И пріймите смерть безъ страха.
Ждетъ Пророкъ въ раю васъ храбрыхъ,
Самъ Аллахъ слѣдитъ за битвой...
На гяура киньтесь смѣло,
Смѣло—съ вѣрой и молитвой!

Грозно разносятся по аулу слова великаго гимна газавата... Смѣло идутъ умирать подъ звуки его все новые и новые ряды мюридовъ...

Шамиль уже выпустилъ подъ стѣны Ахульго своихъ

лучшихъ воиновъ, красу и цвѣтъ своего рыцарства. Кибитъ-Магома Тилетльскій, Ахверды Магома Хунзахскій, успѣвшій прорваться со своими скопищами въ осажденный замокъ, дерутся какъ львы, наравнѣ съ простыми воинами, у послѣднихъ заваловъ Ахульго. Но имъ уже не удержать орлинаго полета русскихъ удальцовъ: они взвились на высоты и теперь, того и гляди, прорвутся грознымъ потокомъ на улицы аула. Шамилевскіе наибы: Магометъ Худанатъ-оглы и Гаматъ-бекъ-Магометъ Гоцатльскіе, Юнусъ Черкеевскій и Зираръ-Али Шагадійскій ведутъ въ битву мюридовъ, спѣша выстроить преграду изъ живой ихъ стѣны, чтобы закрыть входъ въ аулъ...

Грозно распѣваютъ они священный гимнъ газавата.

Этотъ гимнъ похоронными звуками отдается на женской половинѣ дворца имама.

Тамъ все полно смятенія и паники. Женщины мечутся съ рыданіемъ, посылая тысячи проклятій на головы гяуровъ. Старуха Баху-Меседу, совершенно обезумѣвъ, какъ бѣлка въ колесѣ, носится изъ угла въ уголъ, спѣшно увязывая въ громадные бурдюки все, что есть цѣнное во дворцѣ Шамиля.

Кази-Магома воетъ, какъ затравленный волченокъ, уткнувшись носомъ въ уголъ и зажимая себѣ уши, чтобы не слышать шума битвы.

Блѣдная и трепещущая Патиматъ сидитъ на цыновкѣ,—вся олицетвореніе отчаянія и горя.

У ногъ ея помѣстился Джемалэддинъ и, не отрываясь, смотритъ на дверь. Онъ готовъ каждую минуту кинуться къ порогу, чтобы защищать женщинъ.

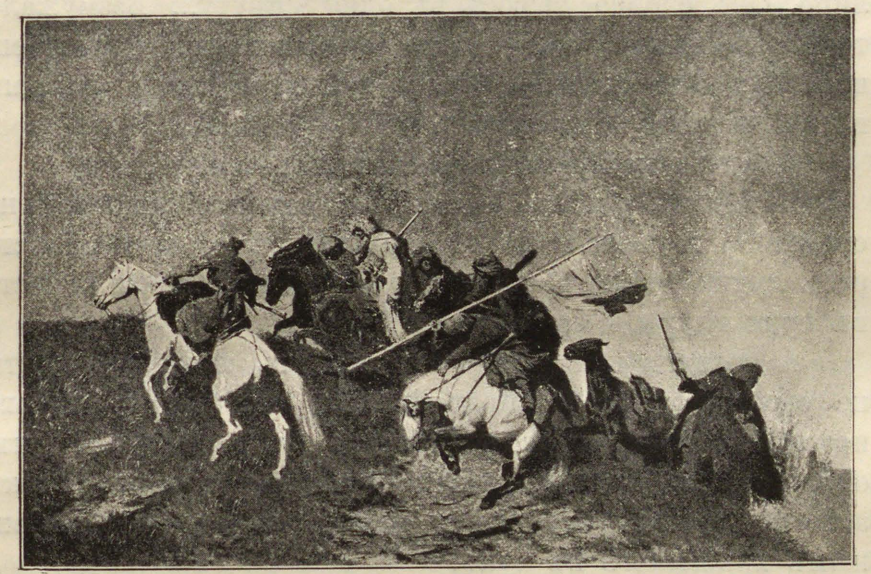
Бѣдный ребенокъ понимаетъ, что не его слабыми ручонками разить храбрыхъ гяуровъ, но онъ готовъ умереть съ кинжаломъ въ рукѣ, защищая мать.

Одна Фатима спокойна. На рукахъ у нея Гюльма, ея годовалая дочь. Она машинально качаетъ дитя въ то

время, какъ напряженное ухо прислушивается къ тому, что дѣлается снаружи.

А тамъ, за порогомъ сераля—адъ. Ревъ битвы не умолкаетъ ни на минуту. Вотъ слышнѣе и слышнѣе звучитъ гимнъ газавата. Явственнѣе долетаютъ дикіе крики, лязгъ оружія и какой-то странный топотъ безчисленныхъ паръ ногъ.

И вдругъ крики: „Алла! Алла!“ слились съ незна-



Бѣгство лезгинскаго наиба изъ разореннаго аула.
Картина Т. Горшельта.

комыми, дикими криками на непонятномъ ей, Фатимѣ, языкѣ.

— Астафюръ-Алла [1]! Русскіе въ аулѣ! Мы погибли!— слышится ей исполненный ужаса голосъ ея невѣстки.

Что-то непонятное творится на улицѣ. Стоны и крики слышатся близко, совсѣмъ уже близко отъ сераля... Дикіе вопли однихъ и бѣшеные возгласы другихъ смутнымъ гуломъ повисли надъ ауломъ... Сомнѣнія нѣтъ—гяуры ворвались въ него.

[1] Помилуй, Боже!

Джемалэддинъ быстро вскакиваетъ со своего мѣста и въ два прыжка достигаетъ двери.

— Не бойся, мать, я защищу тебя! — кричитъ онъ напряженно-звонкимъ дѣтскимъ голосомъ и, быстро выхвативъ изъ-за пояса кинжалъ, взмахиваетъ имъ...—О, пусть только осмѣлятся гяуры переступить порогъ!

Глаза его горятъ, какъ звѣзды на восточномъ небѣ. Отвагой и беззавѣтнымъ мужествомъ дышитъ прекрасное лицо. Онъ словно выросъ въ одну минуту... Возмужалъ точно... О, онъ готовъ умереть сейчасъ за свою единственную! Пусть не боится она; его шашка пронзитъ перваго гяура, который осмѣлится войти въ сераль!

А крики и стоны все слышнѣе и слышнѣе.

Патиматъ быстро сорвала кинжалы, висѣвшіе на стѣнкахъ, и раздала ихъ женщинамъ... О, лучше, во сто разъ лучше умереть смертью самоубійцы, нежели попасть въ руки гяуровъ, ихъ враговъ!..

А вокругъ нея мечутся и стонутъ женщины, воетъ не своимъ голосомъ Кази-Магома, пищитъ отъ страха проснувшаяся на рукахъ Фатимы малютка-дочь, и онъ, ея азисъ, ея горный соколъ, стоитъ прекрасный какъ ангелъ Джабраилъ [1], съ пылающимъ взоромъ и обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ.

— О, мой Джемалэддинъ! Мы погибаемъ! Повелитель въ пылу битвы позабылъ о насъ!—со стономъ срывается изъ устъ несчастной и она, бросившись къ сыну, обнимаетъ его...

Страшный стукъ въ дверь заставляетъ ихъ всѣхъ вскрикнуть и переглянуться.

Блѣдное лицо Джемалэддина принимаетъ рѣшительное и суровое выраженіе, какъ у взрослаго... Бѣлые какъ жемчужины зубы вонзаются въ нижнюю губу. Одной рукой онъ размахиваетъ кинжаломъ, другой обнялъ мать. Его

---

[1] Гавріилъ, котораго чтутъ мусульмане.

глаза сыпятъ потоки искръ... Онъ готовъ къ бою, готовъ къ смерти...

Подъ напоромъ сильной руки широко распахивается дверь сераля.

Слава Предвѣчному, это не врагъ! Это Гассанъ.

Съ него сбита чалма; страшные кровоподтеки, слѣдъ удара, пересѣкаютъ лобъ. Одежда его закапана кровью. Лицо блѣдно, какъ смерть, глаза горятъ.

— Великій имамъ и повелитель, — едва въ силахъ произнести онъ глухимъ голосомъ,—приказываетъ вамъ перейти потайнымъ ходомъ въ Старый замокъ. Я проведу васъ туда. Гяуры ворвались. Мы отступаемъ.

Дикій крикъ, вырвавшійся при этихъ словахъ изъ груди одной изъ женщинъ, заставилъ вздрогнуть всѣхъ остальныхъ.

— Отступаютъ! Мюриды отступаютъ!—безумно сверкая глазами, изступленно прокричала Фатима,—хорамъ [1]! Хорамъ!—и, взмахнувъ своимъ короткимъ кинжаломъ, съ малюткой Гюльмой на рукахъ, она кинулась за порогъ сакли.

Гассанъ сказалъ правду. Мюриды отступали отъ стѣнъ во внутрь аула, оставляя сотни тѣлъ на узкихъ улицахъ Ахульго... Русскіе шли по пятамъ за ними, штыками и саблями прокладывая себѣ путь въ самое сердце замка. Самые храбрые изъ наибовъ потеряли голову. Они неслись во весь опоръ къ тому мѣсту, гдѣ, руководя битвой, находился Шамиль. Они хотѣли убѣдить имама, что нужно сдаться.

И вдругъ надъ отступающими въ безпорядкѣ всадниками и надъ разрозненными въ битвѣ рядами пѣшихъ воиновъ послышался звучный и сильный голосъ:

— Возьмите наши прялки и отдайте намъ ваши кинжалы... Пустите насъ въ битву, а сами садитесь за пряжу

[1] Позоръ.

вмѣсто насъ. Мы, женщины, научимъ васъ сражаться и умирать во славу Аллаха. Или вы глупыя мыши, что испугались горсти враговъ, идущихъ въ вашу-же западню?.. Вы, смѣлые изъ смѣлыхъ, стыдитесь! Не вы-ли клялись на коранѣ забыть дорогу назадъ? Не вы-ли ищите вѣчнаго блаженства въ раю Аллаха? Или вы не воины, витязи газавата, что пятитесь, какъ трусливыя чекалки отъ врага!.. Вы, былые храбрецы, вспомните вашу славу! Гордые орлы и смѣлые коршуны превратились въ трусливыхъ зайцевъ! Такъ смотрите-же, трусы, какъ будетъ сражаться горная орлица за свое гнѣздо...

Отступающіе мюриды подняли головы и невольно пріостановились, недоумѣвая.

На утесѣ, размахивая одною рукою, стояла Фатима съ отброшенною съ головы чадрою, съ развѣянными волосами вокругъ стана, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ смуглой рукѣ. Она прижимала къ груди Гюльму и махала оружіемъ, готовая пронзить каждаго, подошедшаго къ ней.

— Жена Хазбулата права!—громко вскричалъ одинъ изъ наибовъ.—Впередъ, джигиты! Мы покажемъ смѣлой орлицѣ, что могучіе орлы еще не вывелись подъ небомъ Дагестана!

И вся отступившая было толпа снова ринулась въ бой.

— Нашимъ женщинамъ не придется краснѣть за своихъ мужей и братьевъ,—изступленно кричали мюриды и бросались съ новымъ приливомъ бѣшенства на русскіе штыки.

А Фатима все стояла на скалѣ, торжествующая и смѣлая, съ высоко поднятымъ надъ головою кинжаломъ. Она ждала только минуты броситься наравнѣ съ воинами въ тѣсные ряды осаждающихъ, чтобы отстоять родное гнѣздо или... погибнуть подъ ихъ штыками славной смертью. Вокругъ нее кипѣла битва, свистѣли пули, звенѣли сабли и слышался стонъ. Но она была глуха ко всему окружаю-

щему. Передъ мысленными взорами женщины стоялъ ея сынъ, находящійся заложникомъ у русскихъ—Гамзатъ, из-

Разореніе лезгинскаго аула.
Картина Т. Горшельта.

мученный, окровавленный, убитый... Теперь она уже не сомнѣвалась больше, что ненавистные гяуры расправились съ нимъ. Все ея сердце закипало мщеніемъ. Взоры из-

ступленно слѣдили за ходомъ битвы. Каждый новый пораженный русскій доставлялъ ей невыразимое наслажденіе и дикій восторгъ.

— Канлы! Канлы [1]! — взывала она страшнымъ голосомъ, вся олицетвореніе возмездія и ярости.

Вдругъ шальная пуля просвистѣла въ воздухѣ и вонзилась съ быстротою молніи въ сердце Фатимы. Безъ единаго стона скользнула она съ утеса въ пропасть, прямо въ пѣнящіяся и плачущія волны Койсу, не выпуская Гюльмы изъ рукъ.

Ея судьба свершилась. Она обрѣла покой.

. . . . . .

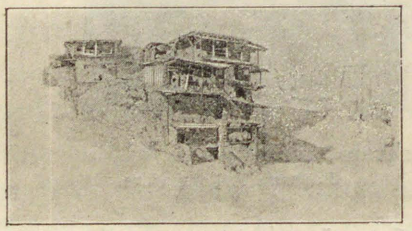
Несмотря на послѣдній дружный натискъ воодушевленныхъ Фатимой воиновъ, ничто не могло спасти Ахульго. Послѣ двѣнадцати часовъ боя Шамиль понялъ это и поспѣшилъ выкинуть бѣлый флагъ.

Быстро собрался въ мечети новый совѣтъ изъ числа самыхъ близкихъ приближенныхъ совѣтниковъ имама. Въ чемъ состоялъ онъ, никто не зналъ въ аулѣ.

Но когда имамъ вышелъ по окончаніи его къ народу, глаза его зловѣще пылали, а поблѣднѣвшее лицо было уныло и мрачно, какъ ночь.

ГЛАВА XI.

Пророчество Фатимы сбывается.



ВЪ большой прочной саклѣ Стараго Ахульго, исполненныя смертельнаго страха, сидятъ женщины. Гассанъ и трое самыхъ вѣрныхъ мюридовъ охраняютъ входъ въ нее. Патиматъ, старая Баху-Меседу, оба мальчика и служанки

[1] Мщеніе! Мщеніе!

сбились въ уголъ и съ блѣдными лицами прислушиваются къ тому, что происходитъ за стѣною.

Слава Аллаху! Шумъ битвы стихаетъ. Крики, доносящіеся сюда, становятся все слабѣе, тише—и воцаряется тишина.

И вдругъ и горы, и бездны, и самое небо, казалось, дрогнули отъ могучаго крика...

Вздрогнула и Патиматъ и трепещущими руками охватила обоихъ сыновей.

— Что это?—прошептали ея помертвѣвшія губы.

— Или ты не знаешь?—сурово отвѣчаетъ бабушка Баху-Меседу.—Это—побѣдный кликъ гяуровъ. Онъ и въ ликованіи своемъ говоритъ про смерть [1]. Слава Аллаху, конецъ битвы насталъ и мы можемъ уснуть эту ночь спокойно... Должно быть на минаретѣ уже взвился бѣлый флагъ! Оттого они и ликуютъ.

— Великъ Аллахъ!—набожно произнесла Патиматъ,— Онъ не допустилъ чернаго Азраила тронуть насъ своимъ холоднымъ крыломъ. Ложитесь спать, дѣти! Битва смолкла... до утра.

Мальчики не заставили мать повторять приглашеніе и, свершивъ обычный намазъ, въ одну минуту растянулись на мягкихъ цыновкахъ и сладко уснули.

Странный и дивный сонъ снится Джемалэддину. Снится ему, точно онъ не сынъ могучаго имама правовѣрныхъ, не наслѣдникъ его власти, а маленькій черный орленокъ, такой-же безсильный и юный, какъ тотъ, котораго замучилъ два мѣсяца тому назадъ его братъ, Кази-Магома... И живетъ онъ не въ саклѣ сераля, а въ большомъ гнѣздѣ, высоко, высоко, подъ самыми облаками. Его мать, горная орлица, всячески лелѣетъ его и учитъ летать, и добываетъ ему кормъ въ окрестныхъ горахъ... Ему весело и любо парить надъ безднами, порхать въ

[1] Русское «ура» напоминаетъ горское «уръ», т.-е. бей, убивай.

синемъ эфирѣ, купаться въ молочно-бѣлыхъ облакахъ. Онъ такъ счастливъ, такъ безпечно-веселъ на своихъ небесныхъ вышинахъ... Однажды, въ одинъ ясный, весенній день, когда впервые дикія азаліи и розы зацвѣли въ ущельяхъ, и зашептали чинары у подножія горъ,—его мать въ смертельномъ страхѣ прилетѣла въ гнѣздо, откуда отправилась было за кормомъ.

— Смерть! Смерть!—прокричала она, указывая куда-то клювомъ.

Онъ выглянулъ изъ гнѣзда и ужаснулся. Прямо на нихъ неслась черная туча... Какой-то зловѣщій шелестъ стоялъ въ воздухѣ... Шелестъ отъ тысячи могучихъ крылій. Вотъ она ближе и ближе, роковая туча... Теперь уже можно различить отдѣльныя очертанія крылатыхъ существъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ могучимъ роемъ ихъ утесъ. Это ястребы, ихъ злѣйшіе враги. Вотъ они уже совсѣмъ близко, рядомъ... Еще минута... другая, и со всѣхъ сторонъ зловѣщія птицы окружаютъ гнѣздо. Его мать мечется и бьется, испуская дикіе крики, угрожающе машетъ крыльями и вытягиваетъ клювъ, защищая своего птенца. Но все напрасно: враговъ цѣлая туча, а она только одна...

И вотъ они уже пробираются къ гнѣзду... Вотъ двое изъ нихъ бросаются на него и, подхвативъ на свои могучія крылья, съ быстротою молніи взвиваются съ нимъ надъ бездной...

Ледяной ужасъ сковываетъ члены Джемалэддина. Дикій крикъ вырывается изъ его груди и, весь обливаясь холоднымъ потомъ, онъ открываетъ испуганные глаза.

Ни горъ... ни бездны... ни орлицы... ни ястребовъ... Солнце блещетъ. Ночь минула. Но что это? Ихъ сакля наполнена народомъ. Тутъ и важнѣйшіе наибы, и вожди, и дядя Хазбулатъ, и безстрашный Кибитъ и Ахверды-Магома, и мудрецъ Джемалэддинъ, воспитатель его и брата. А впереди отецъ... О, какъ мрачно горятъ его глаза...

какъ мертвенно-блѣдно печальное лицо! И наибы стоятъ, безмолвно потупясь въ землю. Какъ сурово-угрюмы ихъ мужественныя лица!

А гдѣ-же его мать?

Неужели это бьющееся у ногъ имама существо, эта стонущая и рыдающая безъ конца женщина—она, его веселая, ласковая красавица-мать? О чемъ она молитъ имама, покрывая слезами и поцѣлуями его ноги? О чемъ рыдаетъ она?

Какимъ-то непонятнымъ тяжелымъ предчувствіемъ сжалось дѣтское сердечко Джемалэддина. Онъ быстро вскочилъ на ноги и подошелъ къ отцу.

— Благословенъ твой приходъ, повелитель,—почтительно цѣлуя его руку, произнесъ онъ.

Что-то дрогнуло въ лицѣ имама. Точно быстрая зарница промелькнула по суровымъ чертамъ, и оно дивно освѣтилось печальной улыбкой.

Онъ ласково положилъ руку на бритую головку сына и еще разъ улыбнулся ему. И снова сердце ребенка болѣзненно сжалось тѣмъ-же неяснымъ предчувствіемъ. Онъ оглянулся въ смятеніи на окружающихъ его старѣйшинъ, желая прочесть по глазамъ ихъ, зачѣмъ явились въ этотъ ранній часъ въ сераль, куда никогда не входилъ никто, кромѣ ближайшихъ родственниковъ семьи имама. Но обычно ласковые съ нимъ, они теперь потупляютъ глаза, точно умышленно избѣгая его пытливаго взора...

Но вотъ раздался знакомый Джемалэддину голосъ отца:

— Хаджи-Али, исполни указанное!

Въ ту-же минуту любимый мирза и ближайшій приспѣшникъ имама выдвинулся впередъ толпы и, положивъ руку на плечо Джемалэддина, сказалъ:

— Сынъ мой, пойдемъ со мною.

Джемалэддинъ недоумѣвающе поднялъ голову: онъ не смѣлъ спрашивать зачѣмъ и куда зовутъ его, не смѣлъ

не повиноваться. Покорность старшимъ — отличительная черта кавказскихъ мальчиковъ. Имъ прививаютъ ее съ дѣтства: она какъ-бы съ молокомъ матерей всасывается въ нихъ.

Но только сердечко мальчика забилось шибко, и большіе, испуганные глаза растерянно взглянули на мать.

Какъ разъяренная тигрица, метнулась Патиматъ къ сыну, выхватила его изъ рукъ Хаджи-Али и, прижавъ къ груди, глухо, изступленно зарыдала:

— Радость дней моихъ! Услада моего сердца! Ясный свѣтъ взора моего! Ты ласковый голубь нашей сакли! Ты солнечный лучъ всего аула! Ты яркій алмазъ души моей!— стонала она, покрывая лицо, руки и грудь мальчика градомъ безсчетныхъ поцѣлуевъ.

И снова рыдала, ломая пальцы и изступленно колотясь головой объ полъ сакли...

Старѣйшины и наибы сурово хмурились... Много горя и ужасовъ приходилось имъ видѣть за ихъ бранную жизнь; они закалили себя, видя страшныя зрѣлища смерти, но сердца ихъ дрогнули невольно при видѣ этого неизъяснимаго горя.

Джемалэддинъ еще разъ обвелъ глазами кругъ присутствующихъ, взглянулъ на отца — и вдругъ разомъ понялъ все: его ждетъ участь его двоюроднаго брата: его хотятъ отдать въ заложники русскимъ.

Съ громкимъ крикомъ упалъ онъ въ объятія матери, слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ залепеталъ, задыхаясь отъ подступившихъ ему къ горлу рыданій:

— Ласточка любимая! Радость моей жизни золотая! Не уйду!.. Ласточка... радость... Останусь съ тобою! Слезинка моя! Звѣздочка моя восточная! Солнышко-радость! Горленка ласковая! Сердце мое!

Цѣлый потокъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ ласковыхъ названій, которыми такъ богатъ лучезарный востокъ, вылился на убитую горемъ несчастную жену имама.

Всегда отважный, смѣлый, мужественный мальчикъ

забылъ въ эту минуту, что онъ будущій джигитъ, мужчина, забылъ о присутствіи повелителя и старѣйшинъ. Стыдъ и гордость куда-то пропали. Джигитъ и мужчина исчезъ безслѣдно... На ихъ мѣстѣ былъ простой, бѣдный, несчастный ребенокъ, насильно отрываемый отъ любимаго существа.

Онъ горько плакалъ и все тѣснѣе и тѣснѣе прижи-

Совѣтъ въ саклѣ.
Изъ исторіи Нижегородскаго драгун. полка.

мался къ матери, гладя ея залитыя слезами щеки своими смуглыми ручонками и, покрывая ихъ поцѣлуями, твердилъ все одно:

— Солнышко!.. Радость!.. Ласточка любимая!.. Слезинка моя!..

Не подъ силу была эта сцена для присутствующихъ. Шамиль, у котораго въ глазахъ уже сверкали слезы, сурово нахмурился, чтобы не обнаружить ихъ передъ старѣйшинами и сказалъ:

— Аллахъ наградилъ женщинъ длинными волосами,

коротќимъ умомъ и большимъ сердцемъ. Онѣ не знаютъ мѣры въ любви... Патиматъ, опомнись! Да просвѣтитъ Аллахъ твой разумъ. Ты не теряешь Джемалэддина; онъ твой. Онъ останется живъ, но я долженъ послать его въ залогъ мира бѣлому падишаху [1]... Такъ требуютъ они, наши побѣдители...

Новый дикій крикъ вырвался въ эту минуту изъ груди Патиматъ.

Хаджи-Али успѣлъ уже приблизиться къ ней и, осторожно вынувъ изъ ея объятій мальчика, взялъ его на руки и понесъ.

Плачущій навзрыдъ Джемалэддинъ съ жалобными криками протягивалъ къ ней ручонки:

— Солнышко! Радость, слезинка очей моихъ!—лепеталъ онъ, задыхаясь,—держи меня! Не отпускай меня!

Его маленькое, жалкое теперь личико, все залитое слезами, обращалось къ матери. Черные, тоскующіе глаза, напоминающіе глаза на смерть раненой лани, жадно впивались въ ея лицо, ища и ловя ея взоръ.

Смертельная тоска сдавила ему грудь. Ему казалось, что это уже смерть для нихъ обоихъ, и что онъ никогда, никогда не увидитъ ее...

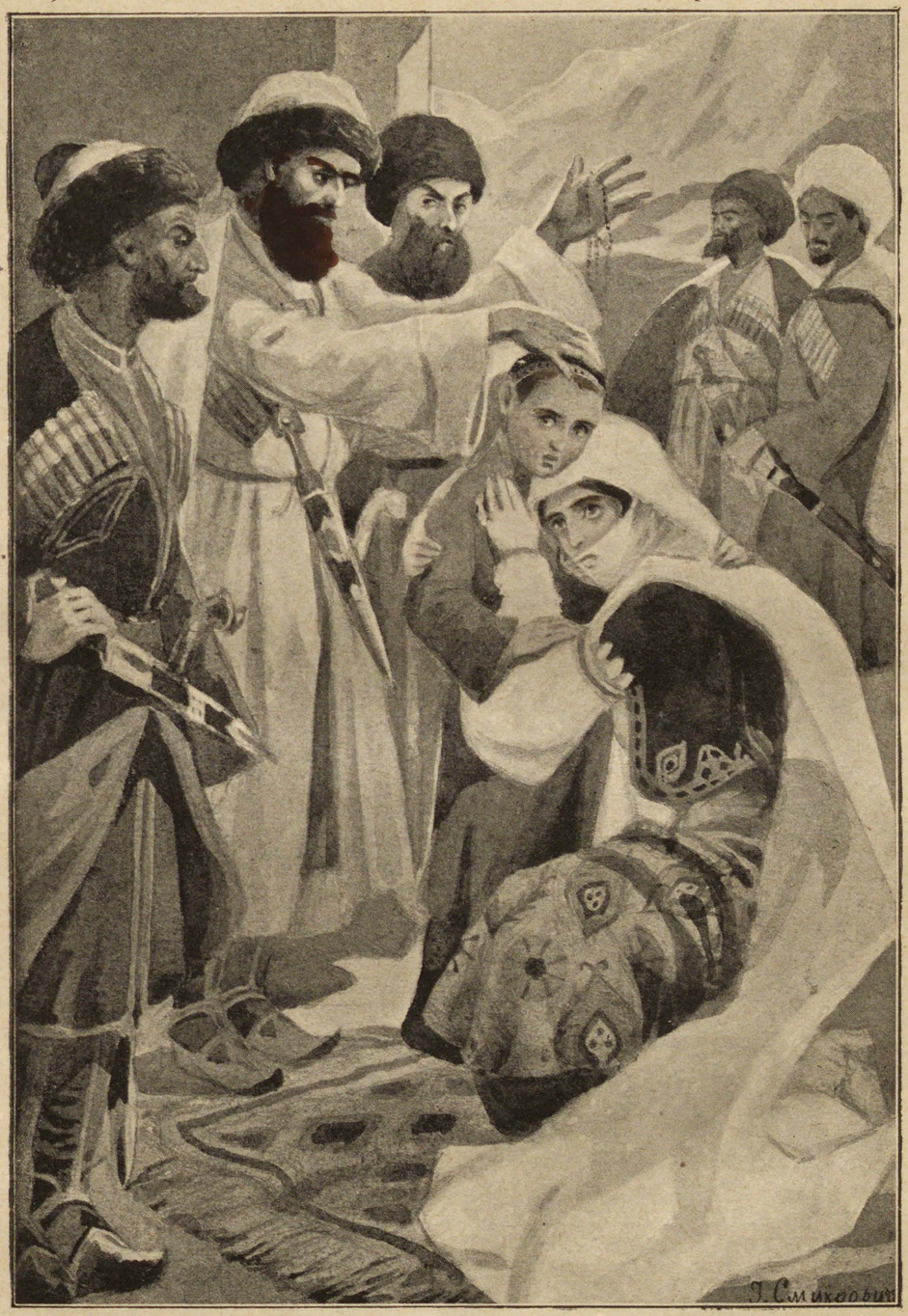
Шамиль быстро подошелъ къ сыну, обнялъ его, положилъ благословляющую руку на его голову и, прочитавъ надъ нимъ краткую молитву, впился долгимъ взоромъ въ милое личико, какъ-бы желая разъ навсегда запечатлѣть въ своей памяти его дѣтскія черты.

Потомъ онъ махнулъ рукою, и Хаджи-Али поспѣшно вынесъ изъ сакли Джемалэддина.

Въ ту-же минуту дикій нечеловѣческій вопль раздался за ними, и, обезумѣвшая отъ горя, Патиматъ съ глухимъ стономъ упала безъ чувствъ на руки подоспѣвшей Баху-Меседу.

---

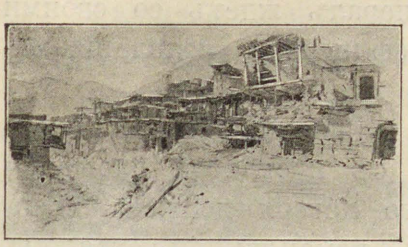
[1] Государю.



Положилъ благословляющую руку на его голову...

ГЛАВА XII.

У враговъ.



ОДНАКО, онъ не очень-то стѣсняется съ нами Шамиль, заставляя насъ порядочно печься на солнцѣ, прежде, чѣмъ удостоитъ выслать своего звѣренка!..

И, говоря это, плотный, крѣпко-сложенный генералъ утеръ платкомъ обильно струившіяся по лицу капли пота.

Это былъ генералъ-майоръ Пулло, герой вчерашняго штурма. Онъ первый проникъ въ сердце каменной твердыни и, послѣ двѣнадцатичасовой отчаянной битвы, овладѣлъ ею со своими богатырями.

Онъ-же не далѣе, какъ два часа тому назадъ, имѣлъ свиданіе съ самимъ Шамилемъ, происходившее на утесѣ Ахульго, въ виду расположенія нашихъ войскъ. Онъ-же продиктовалъ условія мира неукротимому вождю-имаму, при чемъ первымъ условіемъ поставилъ выдачу его старшаго сына аманатомъ, т.-е. заложникомъ.

Русскихъ войскъ недостаточно, чтобы взять въ плѣнъ всѣхъ горцевъ и ихъ вождя Шамиля. Притомъ, если взять въ плѣнъ Шамиля—свирѣпые горцы, которые считаютъ имама святымъ, пожалуй привлекутъ на свою сторону новыя полчища и объявятъ новый, еще болѣе страшный газаватъ, и война протянется на долго. Лучше взять съ Шамиля клятву, что ни онъ, ни подчиненные ему горцы больше воевать съ русскими не будутъ. Шамиль согласился дать такую клятву. Но развѣ можно вѣрить его словамъ? Вѣдь уже разъ онъ не сдержалъ этой-же клятвы, рискуя даже жизнью своихъ близкихъ, отданныхъ въ заложники. Но въ этотъ разъ онъ, Шамиль, долженъ дать въ видѣ заложника самаго дорогого ему, старшаго сына.

Это условіе поставлено первымъ—и Шамиль не пробуетъ даже возражать: онъ знаетъ, что русскіе не уступятъ, а самъ онъ не увѣренъ теперь больше въ побѣдѣ надъ ними. И вотъ, теперь герой-генералъ ждетъ со своими адъютантами и нѣсколькими офицерами появленія маленькаго заложника.

Солнце жаритъ во всю. Ни одной чинары, ни одного каштана поблизости... А уйти съ проклятой площадки нельзя. Въ виду всего русскаго лагеря долженъ свершиться пріемъ аманата. Самъ командующій отрядомъ смотритъ въ подзорную трубу на нихъ снизу. А жара все усиливается идѣлается нестерпимѣе съ каждымъ часомъ...

Генералъ тревожно вглядывается на вершину и начинаетъ волноваться... Но какъ разъ въ ту минуту, когда онъ менѣе всего ожидалъ этого, на вершинѣ показались нѣсколько всадниковъ, которые быстро стали спускаться по направленію площадки. Пулло нервно схватилъ трубу и направилъ ее на конный отрядъ чеченцевъ. Такъ и есть... Это они. На одномъ изъ коней сидитъ маленькій мальчикъ... Это видно уже и простымъ глазомъ.

Но... и успокоившійся было немного генералъ заволновался снова.

Что если надулъ Шамиль и вмѣсто своего сына прислалъ простого горскаго ребенка? Но нѣтъ! Не можетъ этого быть. Онъ клялся на коранѣ... А такая клятва считается важнѣе смерти у мусульманъ.

Вотъ ближе и ближе всадники... Вотъ они не дальше пяти саженей. Вотъ пріѣхали. Переводчикъ спѣшивается первымъ и, почтительно приложивъ по восточному обычаю руку ко лбу, устамъ и сердцу, говоритъ:

— Великій имамъ—нашъ повелитель, шлетъ селямъ [1] русскому бимъ-башу... [2] Славный Шамуиль-Эффенди, Амируль-Муминина [3] привѣтствуетъ тебя, сардаръ, и сдаетъ на милость бѣлаго падишаха своего первенца-сына Джемал-

[1] Привѣтъ. — [2] Большему начальнику. — [3] Повелитель правовѣрныхъ.

эддина-бека... Да охранитъ его милость Аллаха, и да продлятся его годы на радость намъ!

Кончилъ переводчикъ и отошелъ въ сторону.

Спѣшился второй всадникъ въ красной чалмѣ съ огненно-рыжей бородою. За нимъ что-то легкое, проворное, маленькое и прекрасное спрыгнуло съ сѣдла и безстрашно приблизилось къ русскому генералу.

Въ горахъ Дагестана.

Невольный возгласъ восторга вырвался изъ груди русскаго вождя и окружающихъ его подчиненныхъ:

— Что за прелесть!

И правда прелесть.

Стройный, гибкій, черноглазый красавецъ-мальчикъ стоитъ передъ ними. Лицо его блѣдно, но спокойно. Гордо и безстрашно смотрятъ смѣлые горящіе глаза. На прекрасномъ нѣжномъ личикѣ печать величія. Такъ можетъ смотрѣть только ребенокъ властителя; простой горскій ребенокъ не взглянетъ такъ. Эта врожденно-царственная

осанка, эта смѣлая увѣренность таитъ въ себѣ что-то великолѣпное и, вмѣстѣ, трогательное. Нѣтъ сомнѣнія, это не жалкій самозванецъ, а настоящій сынъ имама-вождя.

Сомнѣнія разсѣялись, и русскій генералъ облегченно вздохнулъ.

— Кто ты?—обратился онъ къ мальчику черезъ переводчика.

Тотъ гордо выпрямился, глаза его блеснули ярче.

— Я Джемалэддинъ, сынъ имама!—произнесъ онъ съ достоинствомъ.

Твердо и смѣло прозвучалъ дѣтскій голосокъ. Ни малѣйшей дрожи нельзя уловить въ немъ. Это уже не прежній, горько рыдающій на груди матери Джамалэддинъ-ребенокъ. Это точно взрослый джигитъ, безропотно подчиняющійся своей неумолимой судьбѣ...

Слезы и отчаяніе остались тамъ въ саклѣ, на вершинѣ Ахульго. Здѣсь, передъ лицомъ гяуровъ, онъ не выкажетъ смятенья и горя, терзающаго ему сердце. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не дастъ торжествовать и радоваться врагу! А между тѣмъ, какъ тяжело сдерживать подступающія къ груди рыданія... Особенно теперь, когда Хаджи-Али, переводчикъ и другіе джигиты прощаются съ нимъ, чтобы умчаться назадъ на гору, въ родной аулъ.

— Передай матери, чтобы она не горевала. Скажи ей, что ея птенцу будетъ здѣсь хорошо! — шепнулъ онъ на ухо Хаджи-Али, когда тотъ въ послѣднемъ привѣтствіи поцѣловалъ дѣтскую ручонку сына своего имама,— и еще скажи,—торопливо добавилъ также тихо Джемалэддинъ,—что пока кровь течетъ въ моихъ жилахъ, я буду вѣчно помнить ее!

Старикъ только мотнулъ головою. Его самого душили слезы. Потомъ онъ подалъ знакъ остальнымъ; всадники вскочили на коней и въ одинъ мигъ скрылись за утесомъ.

Послѣдняя связь съ роднымъ ауломъ съ этой минуты прервалась у маленькаго аманата.

Онъ долго смотрѣлъ въ горы, покусывая губы и черезъ силу удерживая стонъ, готовый вырваться изъ его груди.

Офицеры съ участіемъ смотрѣли на чудеснаго ребенка, такъ мужественно боровшагося со своимъ горемъ.

Одинъ изъ нихъ порылся въ карманѣ и, вынувъ кусокъ сахару, подалъ его мальчику. Джемалэддинъ машинально принялъ его и безсознательно зажалъ въ дѣтской ручонкѣ. По лицу его прошла замѣтная судорога. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезъ чеченскій отрядъ.

Его окружили офицеры. Десятки чужихъ глазъ устремились на него съ участіемъ и любопытствомъ. Плотный генералъ разглядывалъ его, какъ невиданнаго звѣрька. Невыразимая тоска сжала сердце ребенка. Его нестерпимо потянуло домой, въ аулъ, въ горы... Быстрымъ движеніемъ онъ надвинулъ на самые глаза папаху, чтобы русскіе не замѣтили слезинокъ, блеснувшихъ въ глубинѣ его черныхъ глазъ.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда его сердце разрывалось подъ напоромъ охватившей его тоски, чей-то тихій голосъ произнесъ вблизи его по-чеченски:

— Бѣдный мальчикъ! Какъ ты страдаешь!

Онъ быстро вздрогнулъ, поднялъ глаза. Передъ нимъ было доброе, ласковое, загорѣлое лицо... Голубые глаза, наполненные слезами, впивались въ него участливымъ взоромъ. Ободряющей улыбкой улыбались полныя, добродушныя губы.

Борисъ Владиміровичъ Зарубинъ съ безконечной жалостью глядѣлъ на маленькаго плѣнника.

Странно подѣйствовала эта ласка, этотъ голосъ на бѣдняжку Джемалэддина...

Чѣмъ-то близкимъ, роднымъ повѣяло на него отъ синихъ ласковыхъ глазъ добраго офицера.

Онъ глубоко заглянулъ въ эти глаза неизъяснимо печальнымъ взоромъ на смерть затравленнаго зайчика и, повинуясь охватившему его влеченію, упалъ на его грудь съ тихимъ жалобнымъ плачемъ:

— О, добрый саибъ!.. Тамъ вверху моя мать!

ГЛАВА XIII.

Неожиданный спаситель.—Голосъ сердца и голосъ крови.

Ей Богу-же онъ похожъ на нашего Мишу, Потапычъ,— говорилъ Зарубинъ своему неизмѣнному другу-денщику, слѣдя глазами за играющимъ на уступѣ скалы Джемалэддиномъ.

— Ну, и выдумаете-же, ваше благородіе,—ворчливо отозвался по своему обыкновенію тотъ, — гололобый, какъ есть гололобый. Ишь, что сказали... Нашъ Мишенька то словно сахаръ бѣленькій, пухлый, какъ булочка и глазки, что твои васильки, а этотъ, прости Господи, сущій дьяволенокъ: также и сухъ, и черенъ. У насъ на селѣ, въ притворѣ храма, чортъ былъ, прости Господи, вырисованъ для острастки, такъ вѣрители, сущій Джемалка этотъ: на одно лицо... А вы вдругъ: съ Мишенькой,—одинъ, будто, обликъ... Да у этого-то чуть что, глаза разгорятся, какъ у чекалки: того и гляди, кинжаломъ тебя пырнетъ... Вы, ваше благородіе, того... остерегайтесь его... Долго-ли до грѣха. Вѣдь чей сынъ-то—Шумилкинъ—вы это въ расчетъ возьмите!

— Полно, Потапычъ, вздоръ болтаешь!.. Онъ мнѣ преданъ, какъ собака! По глазамъ видно. Да и сердечко

у него благородное. И за что ты не взлюбилъ Джемал-эддина? Что онъ сдѣлалъ тебѣ?

— А то сдѣлалъ, что татарва онъ некрещеный и нашему отечеству врагъ. Смутягинъ сынъ и самъ смутяга. Говорю вамъ, ваше благородіе, не довѣряйтесь вы ему!— упрямо настаивалъ тотъ.

Этотъ разговоръ происходилъ между капитаномъ

На сторожевомъ посту.

Картина Т. Горшельта.

Зарубинымъ и его слугою по пути къ Тифлису, куда, по приказанію генерала Граббе, Борисъ Владиміровичъ долженъ былъ доставить маленькаго плѣнника, чтобы оттуда уже отправить его въ Петербургъ, къ Государю.

Зная доброе сердце офицера и его умѣнье говорить по-чеченски, а еще больше умѣнье ласково обращаться съ дѣтьми, генералъ Граббе, изъ жалости къ маленькому плѣннику, вручилъ его попеченію Зарубина.

Только трое сутокъ, какъ Зарубину ввѣрили мальчика, а онъ успѣлъ полюбить его. Самъ оторванный отъ семьи и любимца сына, Борисъ Владиміровичъ своимъ нѣжнымъ сердцемъ жаждалъ привязанности, и не мудрено, что душа его разомъ открылась навстрѣчу душѣ маленькаго плѣнника.

Впрочемъ, не только онъ, но и всѣ окружающіе чувствовали невольную симпатію къ юному заложнику, съ такой стойкой и трогательной гордостью переносившему свое горе.

Всѣ, кромѣ одного Потапыча, который никакъ не могъ простить маленькому татарину его происхожденія и иначе, какъ „гололобымъ“ и „Шумилкинымъ отродьемъ“ не называлъ его, втайнѣ досадуя на своего барина за расточаемыя имъ ласки басурману.

Сейчасъ, во время остановки у подножія одной изъ горныхъ стремнинъ, сдѣланной съ цѣлью дать передохнуть сопутствующему ихъ конвою казаковъ, Борисъ Владиміровичъ вышелъ изъ коляски и выпустилъ своего юнаго спутника поиграть и порѣзвиться на волѣ.

Но мальчикъ былъ далекъ мыслью отъ игръ. Уставившись печальнымъ взоромъ въ ту сторону, гдѣ по его мнѣнію находилась вершина Ахульго, онъ тихо запѣлъ что-то заунывнымъ голосомъ, вертя въ рукахъ машинально сорванный горный цвѣтокъ.

— О чемъ ты поешь, мальчикъ?—не слышно приблизившись къ маленькому заложнику спросилъ его Зарубинъ.

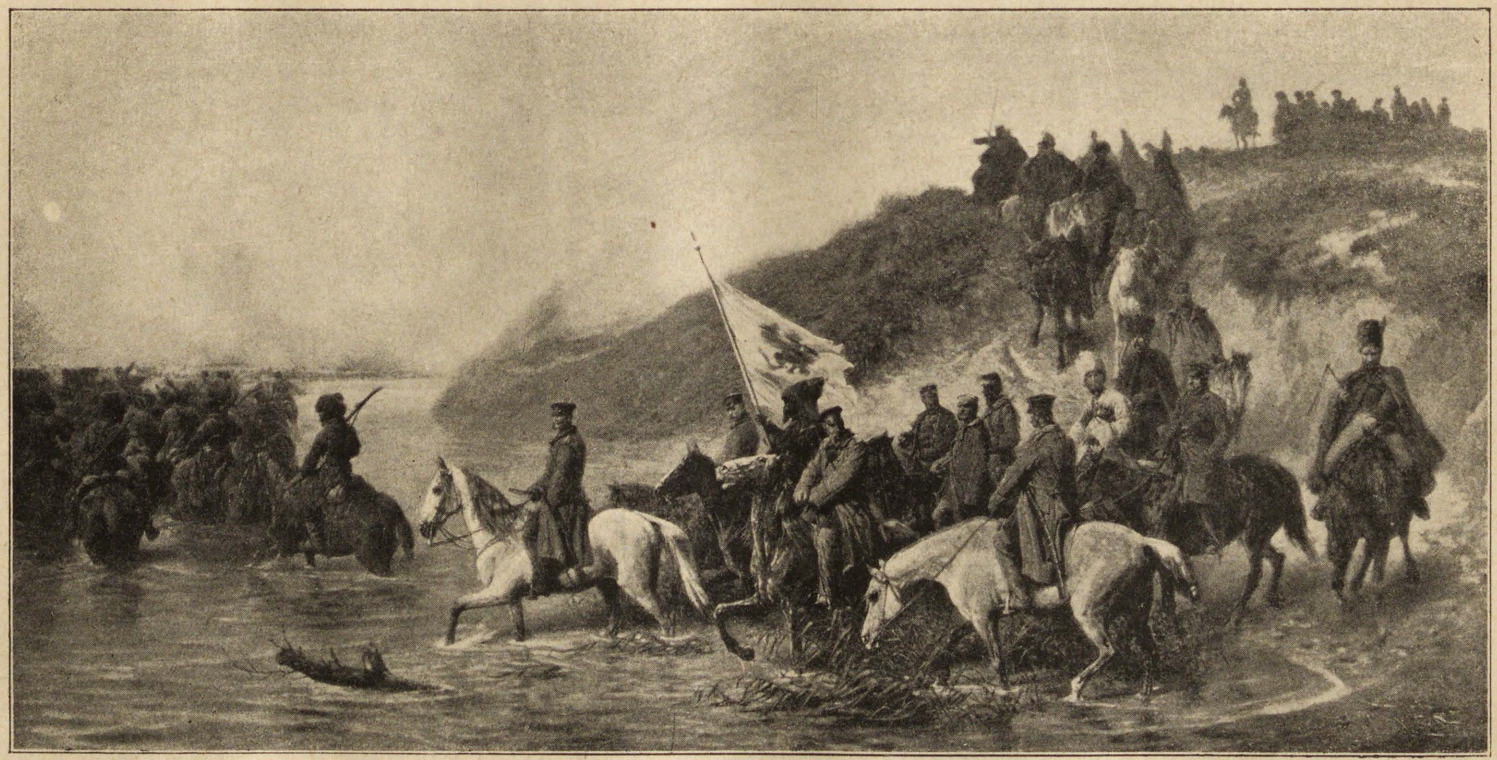
Легкимъ румянцемъ окрасились блѣдныя щеки Джемалэддина. Онъ весь встрепенулся и тихо произнесъ:

— Это наша пѣсня, саибъ. Хорошая пѣсня...

— Въ ней говорится о родинѣ, неправда-ли, Джемалъ?

— Нѣтъ... да... нѣтъ!—Мальчикъ смутился окончательно. Глаза его вспыхнули ярче.

— Спой мнѣ эту пѣсню, Джемалъ!—попросилъ Зарубинъ, присаживаясь рядомъ съ нимъ надъ откосомъ бездны.



Переправа русскаго отряда черезъ рѣку.

Картина проф. Т. Горшельта.

Маленькій горецъ, молча, кивнулъ головою. Потомъ онъ тихо, чуть слышно началъ:

У моей матери черныя зильфляры,
У моей матери—звѣзды глаза;
Когда она улыбается—улыбается солнце,
Когда она хмурится—спускается ночь...
У моей матери голосъ какъ у буль-буля [1].
Слаще сааза звучитъ ея пѣснь.
Я люблю дремать подъ эти звуки,—
Мнѣ сладкія грезы навѣваютъ они...

Внезапно оборвалась пѣснь... Дрогнулъ голосокъ Джемалэддина. Тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди.

— Ты грустишь по своей матери, Джемалъ?—ласково спросилъ его Зарубинъ,—но, мой мальчикъ, придетъ время и ты снова увидишь ее!—и онъ нѣжно погладилъ голову ребенка.

Что-то до боли печальное мелькнуло въ прекрасныхъ глазахъ Джемалэддина.

— О, я отдалъ-бы сорокъ лѣтъ жизни, саибъ, чтобы остальныя десять прожить съ нею вмѣстѣ!—горячо вырвалось изъ груди несчастнаго мальчика. Потомъ, помолчавъ немного, онъ добавилъ упавшимъ голосомъ: — Ахъ, я чувствую, что никогда уже не увижу ее больше, саибъ!

— Не думай такъ, дитя!—утѣшалъ его Зарубинъ,— ты не плѣнникъ, а заложникъ только. Пройдетъ время, нашъ государь увидитъ, что отецъ твой смирился и вернетъ тебя къ твоей матери...

— О, ты добръ какъ ангелъ, саибъ, но не утѣшай меня этимъ... Я знаю: великій имамъ никогда не склонится передъ знаменемъ бѣлаго падишаха, и мнѣ не суждено видѣть свободы, какъ слѣпому кроту никогда не суждено увидѣть солнечнаго луча. Моя свобода далеко...

И онъ вздохнулъ еще печальнѣе, еще тяжелѣе прежняго.

Если-бы взоръ Джемалэддина не былъ такъ за-

[1] Соловья.

туманенъ слезами, мальчикъ могъ-бы замѣтить два горящіе черные глаза, безъ устали слѣдившіе за нимъ изъза куста.

Эти два черные глаза принадлежали Гассану-беку-Джанаида.

Съ той минуты какъ русскій саибъ, окруженный конвоемъ, повезъ сына имама по горамъ къ Тифлису, Гассанъ, словно кошка, крался за ними со своимъ вѣрнымъ, испытаннымъ другомъ-конемъ. Никто не приказывалъ ему дѣлать это. Когда онъ увидѣлъ тамъ въ саклѣ Ахульго потемнѣвшее отъ горя лицо Шамиля, прощающагося съ сыномъ, Гассанъ сказалъ самъ себѣ:

— Великій имамъ долженъ быть ясенъ, какъ солнце! Никакое горе не должно омрачать его. Я выкраду у русскихъ Джемалэддина и верну его повелителю.

И, весь пылая безконечною любовью къ своему вождю, молодой мюридъ въ тотъ-же часъ приготовился къ своей опасной задачѣ и ни на минуту не выпускалъ изъ вида русскаго лагеря. Увидавъ сборы къ отъѣзду русскаго саиба вмѣстѣ съ маленькимъ аманатомъ, Гассанъ быстро осѣдлалъ коня и погнался вслѣдъ за ними, крадясь стороною за утесами и деревьями, не теряя ни на одну секунду изъ глазъ коляску путниковъ, окруженныхъ сильнымъ казачьимъ конвоемъ.

Его замыселъ былъ труденъ и опасенъ и грозилъ смертью. Онъ зналъ, что если замѣтятъ и поймаютъ его казаки, они вздернутъ его, какъ злоумышленника и шпіона, на первомъ-же суку чинары. Но страхъ позорной смерти не могъ удержать Гассана. Онъ твердо рѣшилъ вырвать ребенка изъ рукъ гяуровъ или умереть изъ любви и фанатической преданности къ своему имаму.

* * *

Ночь окутала своимъ флеромъ потемнѣвшія горы... Дорога надъ бездной, подъ ея непроницаемымъ покровомъ,

стала опасной для маленькаго отряда. Того и гляди, могли поскользнуться кони, упасть въ пропасть, увлекая за собой людей. Зарубинъ приказалъ распречь лошадей и отвести

Горцы въ засадѣ.

Рисунокъ А. Ваньюра.

коляску подъ выступъ утеса. Казаки-конвойцы стреножили коней и пустили ихъ на траву. Потомъ быстро разбили палатку для капитана и его спутника и, разведя костеръ, стали варить себѣ ужинъ. Потапычъ успѣлъ сбѣгать къ

ручью, поставить прихваченный въ дорогу самоваръ для своего капитана. Напоивъ чаемъ своего маленькаго друга, Борисъ Владиміровичъ приказалъ ему ложиться спать пораньше.

Джемалэддинъ послушно разостлалъ свой бешметъ, замѣнявшій ему намазникъ подъ пологомъ палатки и, свершивъ неизбѣжный яссы-намазъ, улегся на наскоро приготовленную постель изъ мха и травы, прикрытую казацкой буркой. Вскорѣ самъ Зарубинъ, Потапычъ и казаки послѣдовали его примѣру. Первые двое легли подъ пологомъ палатки, послѣдніе подъ потемнѣвшимъ до непроницаемости пологомъ неба, разставивъ предварительно двухъ часовыхъ неподалеку отъ ставки. Вскорѣ ихъ дружный храпъ достигъ до ушей Джемалэддина. Но самъ онъ былъ далекъ отъ сна.

Эта душная августовская ночь такъ и вѣяла на мальчика прянымъ ароматомъ ночныхъ цвѣтовъ, залетающимъ къ нему вмѣстѣ со свѣжимъ дыханіемъ горнаго вѣтерка. Но горный вѣтерокъ не приносилъ съ собою желанной свѣжести. Его лицо пылало... Дыханіе спиралось въ груди.

„Завтра, — мечталъ онъ тоскливо, — они съ саибомъ будутъ уже въ Тифлисѣ, а еще черезъ день его, Джемалэддина, отправятъ къ бѣлому падишаху, въ большой сѣверный городъ, гдѣ суждено ему прожить цѣлую жизнь“. Острое ощущеніе горя сжало сердце мальчика... „О, если бы Аллахъ свершилъ чудо и вернулъ его на крыльяхъ своего ангела въ родныя горы къ его „ласточкѣ“, тоскующей по немъ!..“

При одномъ воображеніи о возможности такого счастья онъ вздрогнулъ весь и свѣтло и блаженно улыбнулся... А пылкое воображеніе востока уже рисовало ему одну за другой картины соблазнительной свободы. Онъ такъ увлекся своими мечтами, что сталъ грезить на-яву: вотъ чудится ему взмахъ крыльевъ посланнаго за нимъ ангела Джабраила, непремѣнно Джабраила, а не иного,

потому что ему молится мать... Ему уже слышится вѣяніе ангельскихъ крылій... Вотъ онъ ближе... посланникъ всемогущаго Аллаха... Вотъ уже у самаго входа въ шатеръ. Во мракѣ ночи блеснули его яркія очи... Или это восточная звѣзда сверкаетъ съ вышины?.. Легкое забытье овладѣло мальчикомъ...

О, какое это сладкое и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительное забытье! Оно ему — плѣннику—говоритъ о свободѣ. Онъ закрываетъ глаза и погружается въ какую-то теплую ароматичную волну... Но, что это? Шорохъ ангельскихъ крыльевъ уже вполнѣ ясно чудится снова.

Чуткій слухъ ребенка, выросшаго въ горахъ и привыкшаго улавливать малѣйшіе звуки природы, не можетъ обмануть его. Это не сонъ, не греза, а дѣйствительность... Живая дѣйствительность... Да!..

Онъ широко раскрываетъ глаза и замираетъ отъ неожиданности. Прямо ко входу палатки мимо задремавшихъ караульныхъ, чуть шевелясь въ травѣ и извиваясь подобно змѣѣ, ползетъ человѣческая фигура... Въ зубахъ у ползущаго кинжалъ, на спинѣ перекинута винтовка. Лицо его, чуть приподнятое отъ земли, слабо, слабо освѣщено умирающимъ отблескомъ потухающаго костра... Оно хорошо знакомо, это лицо, Джемалэддину...

Это мюридъ Гассанъ-бекъ-Джанаида!

Онъ узналъ его.

— Но зачѣмъ онъ здѣсь? — изумленно спрашиваетъ себя ребенокъ.

И вдругъ быстрая догадка пронизываетъ его мозгъ. Аллахъ Великій! Не за нимъ-ли пришелъ онъ, за Джемалэддиномъ! Не спасти-ли его онъ хочетъ?.. И при одной мысли объ этомъ безумная радость охватываетъ мальчика. Не даромъ, стало быть, Аллахъ навѣялъ ему его грезы. Онъ, Великій, не захотѣлъ продлить горя своего маленькаго слуги и посылаетъ ему желанную свободу!

Мальчикъ издали протянулъ руки своему нежданному

избавителю и чуть дыша, весь замирая отъ восторга и страха, ждалъ его приближенія.

Ему было чего бояться... Сдѣлай хоть одно невѣрное движеніе Гассанъ, звякни онъ винтовкой или кинжаломъ, и пуля часового уложитъ его на мѣстѣ...

Но слава Аллаху, онъ ловокъ, какъ кошка и тихъ, какъ мертвецъ. Онъ ползетъ, какъ змѣя, невидимо и неслышно. Минута... и онъ уже подлѣ Джемалэддина у ногъ его.

— Господинъ!—шепчетъ онъ тихо, едва внятно,—ты свободенъ и съ зарею увидишь свою мать! Дай только справиться съ этимъ...

И онъ вдвое осторожнѣе и неслышнѣе продолжаетъ свой путь къ тому мѣсту, гдѣ спитъ далеко не помышляющій объ опасности Зарубинъ...

Джемалэддинъ, весь охваченный трепетомъ, едва соображаетъ дѣйствительность. И правда не на сонъ-ли похоже все это? Онъ, уже отчаявшійся видѣть свободу и „ласточку“, увидитъ ихъ снова, опять... И отца увидитъ, отца, котораго онъ уважаетъ и боится и котораго даже не смѣетъ открыто любить!.. Могучій Аллахъ бываетъ и милосерднымъ къ нимъ, маленькимъ людямъ!

„Завтра на зарѣ ты увидишь свою мать!“

Такъ сказалъ Гассанъ.

О! у него сердце разорвется отъ счастья при одной мысли объ этомъ! Онъ крѣпко прижалъ обѣ ручонки къ груди и, затаивъ дыханіе, слѣдитъ за своимъ избавителемъ.

Что нужно однако еще Гассану? Къ чему онъ медлитъ? Пусть беретъ его и мчитъ скорѣй домой. Что ему понадобилось еще у ложа саиба? Зачѣмъ нащупываетъ рукою кинжалъ? „Аллахъ Великій! не убить-ли онъ его хочетъ?“—вихремъ пронеслось въ отуманенной счастьемъ головкѣ ребенка.

И вдругъ, въ одинъ мигъ, все стало для него ясно, какъ день.

Черная туча накрыла съ головою Джемалэддина. Куда исчезло то короткое счастье, которое онъ испыталъ за одинъ лишь мигъ до того?.. Теперь онъ понялъ все. Гассанъ, прежде чѣмъ выкрасть его, Джемала, долженъ убить саиба, чтобы обезпечить бѣгство на случай тревоги. Вѣдь казаки, лишенные своего начальника, придутъ въ смятеніе и не погонятся безъ команды за ними!

Убить саиба!..

Друга-саиба, который сумѣлъ, насколько могъ, скрасить первые дни его — Джемаловой неволи, добраго саиба, который лаской и заботами старался развлекать его!.. Саиба, который разсказывалъ ему, Джемалэддину, о своемъ маленькомъ сынѣ съ такимъ мудренымъ именемъ, какого онъ еще не слыхалъ! Онъ, этотъ сердечный, добрый урусъ, долженъ умереть и этимъ возвратить свободу Джемалу!.. Только, перешагнувъ черезъ его трупъ, Джемалъ будетъ въ состояніи увидѣть мать... брата... отца... Ахульго!

О!

Онъ привсталъ на буркѣ и безумнымъ отъ ужаса взглядомъ слѣдилъ за всѣми движеніями Гассана.

Вотъ молодой мюридъ уже подлѣ того мѣста, гдѣ лежитъ Зарубинъ... вотъ онъ наклоняется надъ спящимъ офицеромъ... вотъ осторожно вынимаетъ изо рта кинжалъ...

Разнородныя ощущенія волнуютъ грудь Джемалэддина... Онъ почти задыхается отъ двухъ противоположныхъ чувствъ, сдавившихъ ему грудь... Его тянетъ, невыносимо тянетъ къ матери, въ аулъ, на волю и, въ то-же время, ему нестерпимо увидѣть мертвымъ его новаго ласковаго друга...

Онъ стоитъ, не смѣя дохнуть... Глаза его горятъ во мглѣ... Зубы стучатъ и щелкаютъ, какъ у голодной чекалки... Вотъ, вотъ сейчасъ будетъ уже поздно... Если онъ сію минуту не разбудитъ спящаго—кинжалъ Гассана прорветъ ему грудь. Вотъ рука его уже нащупываетъ сердце Зарубина... Вотъ онъ взмахнулъ кинжаломъ...

Разъ...

— Проснись, саибъ! Здѣсь смерть!—словно чужимъ, не дѣтскимъ голосомъ внѣ себя вскрикиваетъ Джемал-эддинъ, со всѣхъ ногъ кидаясь къ спящему.

— Проклятіе!—въ ту-же минуту глухо срывается съ устъ Гассана. И онъ съ быстротою молніи кидается изъ палатки...

Въ ту-же минуту гремитъ выстрѣлъ, пущенный изъ казачьей винтовки наудачу въ темноту ночи... и гдѣ-то совсѣмъ близко слышится топотъ коня...

Бравый казакъ-кубанецъ съ раздутой головнею вбѣгаетъ въ палатку.

Разбуженный крикомъ Зарубинъ открываетъ глаза.

Подлѣ него, скорчившись, сидитъ крошечная фигурка... Чье-то тихое всхлипываніе нарушаетъ тишину ночи.

— Джемалъ, ты?

— О, слава Аллаху, ты живъ, господинъ!—вскрикиваетъ радостно мальчикъ и, облитый слезами, падаетъ ему на грудь.

— Что такое? Кто кричалъ? Чьи это выстрѣлы?

Джемалъ трепещущимъ, вздрагивающимъ голосомъ разсказываетъ что-то. Но изъ прерывающагося лепета ребенка трудно понять что-либо... Между рыданіемъ слышится только: „мюридъ... смерть... саибъ... мать... свобода!..“

Но Зарубину не надо большаго. Онъ понялъ, скорѣе сердцемъ, нежели мыслью, понялъ... Понялъ, что благородный мальчикъ спасъ ему жизнь цѣною своего собственнаго счастья.

И не онъ одинъ понялъ это: понялъ и Потапычъ, поняли казаки, теперь разомъ наполнившіе палатку.

Глаза стараго денщика ласково блеснули во тьмѣ. Точно повинуясь непреодолимому порыву, онъ подошелъ къ мальчику, положилъ ему на голову свою закорузлую, жесткую руку и, сморгнувъ непрошенную слезу, сказалъ своимъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Проснись, саибъ! Здѣсь смерть!...

— Ты... того... я виноватъ передъ тобою, братъ... Я думалъ, что ты, какъ папенька, значитъ, смутяга, а ты того... значитъ при всемъ своемъ благородствѣ!.. Молодца! Я, братъ, тебя не понималъ покедова... Ты ужь прости меня, стараго дурня, за это!.. И кунаками, слышь, тоже таперича мы съ тобой будемъ, на всю, слышь, жизнь таперича кунаки...

Джемалэддинъ ничего не понялъ изъ всего того, что говорилъ ему по-русски Потапычъ.

Но если-бы онъ и понималъ по-русски, бѣдный мальчикъ, то, все равно, не разобралъ-бы ни слова изъ сказаннаго...

Онъ тихо и горько плакалъ въ эту минуту на груди своего друга-саиба—и по утраченному счастью и по утерянной на-вѣки свободѣ...

ГЛАВА XIV.

Прыжокъ шайтана.

НЕ долго красовался бѣлый флагъ на башнѣ Новаго Ахульго. Потерявъ сына и сестру, видя передъ собою едва живую отъ печали Патиматъ, Шамиль сталъ подумывать о возмездіи побѣдителямъ. Но прежде онъ попытался устроить дѣло миромъ и послалъ генералу Граббе уполномоченнаго съ письмомъ, въ которомъ просилъ вернуть ему сына или поселить его въ Чиркѣ подъ наблюденіемъ стараго алима Джемалэддина, его воспитателя. Генералъ Граббе отказалъ ему въ этомъ. Безумный гнѣвъ охватилъ душу имама, когда онъ узналъ объ отказѣ.

Новымъ приступомъ бѣшеной ненависти къ гяурамъ закипѣла его душа. Сорвавъ съ минарета бѣлый флагъ, онъ объявилъ новый газаватъ и приготовился къ набѣгамъ на русскихъ. Но русскія войска не дремали: генералъ Лобинцевъ, по приказанію командующаго отрядомъ, двинулъ первый баталіонъ Кабардинцевъ на бастіоны вновь успѣвшаго укрѣпиться и охраняемаго Ахверды-Магомой замка. Опять закипѣла саперная работа, закладывались и подводились мины, заваливали русла ручьевъ фашинами, и скоро ближайшія сакли рушились подъ вліяніемъ русскихъ ядръ и минъ.

На разсвѣтѣ Шамиль съ семьею и своими приближенными перебрались въ Старый Ахульго. Въ это время генералъ Граббе двинулъ Кабардинцевъ и Апшеронцевъ на покинутый имамомъ аулъ. Ихъ встрѣтили на шашки мюриды. Отчаянный бой длился до ночи. Даже женщины— жены и дѣти мюридовъ — кидались цѣлыми массами на ряды штурмующихъ и бились не хуже мужчинъ. Но къ вечеру защитники ослабѣли, обратились въ бѣгство, и русскіе взошли въ аулъ.

Тогда генералъ Граббе предпринялъ осаду Стараго замка, двинувъ къ нему свои неутомимыя дружины. Едва горцы успѣли перебраться сюда, какъ въ Старый замокъ ворвался третій Апшеронскій баталіонъ подъ командой майора Тарасевича и кинулся на утесъ, гдѣ самъ имамъ лично завѣдывалъ защитой.

Одинъ за другимъ по узкой тропинкѣ пробирались молодцы Апшеронцы, впереди которыхъ шелъ ихъ безстрашный командиръ.

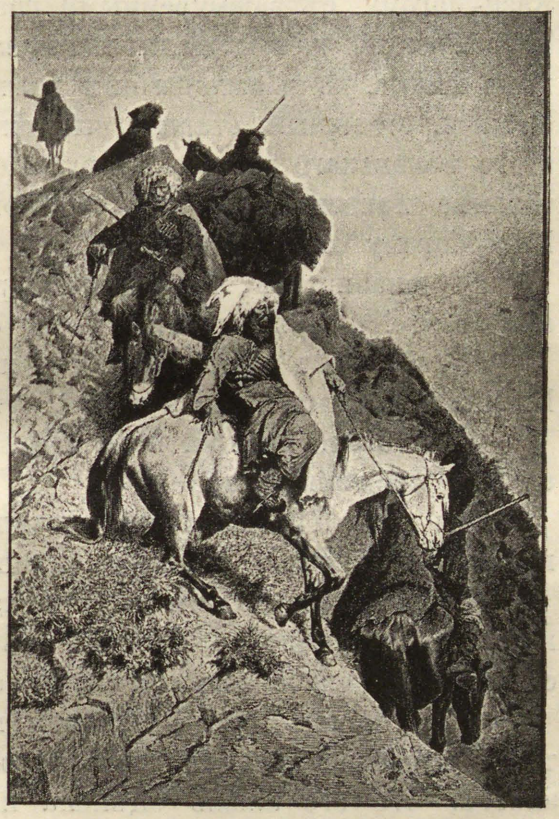
Во главѣ колонны поднялся такой-же отчаянный храбрецъ штабсъ-капитанъ Шульцъ, несмотря на тяжелую рану, не покидавшій строя.

Шамиль, засѣвшій въ укрѣпленіи, встрѣтилъ русскихъ цѣлою тучею свинца. Но Апшеронцы, воодушевленные своими вождями, безстрашно кинулись на приступъ.

Къ вечеру на обоихъ Ахульго—Старомъ и Новомъ—развѣвались русскія знамена...

* * *

Бѣлѣе своей бѣлой чадры скачетъ на быстромъ конѣ красавица Патиматъ о бокъ съ самимъ имамомъ. Съ ними нѣсколько человѣкъ самыхъ вѣрныхъ мюридовъ, пожелавшихъ раздѣлить судьбу своего вождя... Старая Баху-Меседу сидитъ на крупѣ коня Хаджи-Али и, извергая проклятія, грозитъ въ сторону Ахульго, гдѣ уже развѣвается на башнѣ русскій флагъ. Рядомъ съ ними одинъ изъ мюридовъ мчитъ на своемъ сѣдлѣ рыдающаго отъ страха Кази-Магому. Какъ онъ блѣденъ, бѣдный мальчикъ! Какъ блѣдны всѣ они, и Кибитъ, и Ахверды-Магома, и всѣ славнѣйшіе изъ наибовъ... И повелитель не менѣе всѣхъ ихъ блѣденъ самъ. Лицо Шамиля угрюмо и печально... Тамъ, позади его, враги торжествуютъ побѣду, а онъ долженъ бѣжать отъ нихъ, какъ затравленный заяцъ. И его бѣдный ребенокъ остался у нихъ въ рукахъ, и его несчастная мать быть можетъ не увидитъ



Мюриды, спускающіеся съ горъ.
Картина Т. Горшельта.

его больше... Что она должна чувствовать теперь?.. Шамиль старается не смотрѣть въ глубоко запавшіе отъ безсонницы и слезъ глаза Патиматъ. Ея горе травитъ ему сердце. Оно обезоруживаетъ его. А ему еще надо много энергіи и силъ въ будущемъ! Надо спасти женщинъ и сына, послѣдняго, оставшагося у него!.. Онъ смотритъ на Кази-Магому, съ зажмуренными глазами въ страхѣ припавшагося къ шеѣ лошади, и горькая усмѣшка кривитъ губы имама. О, дорого-бы онъ далъ, Шамиль, чтобы его смѣлый, отважный, старшій сынишка скакалъ на мѣстѣ этого маленькаго труса!.. Но русскіе знали, гдѣ чувствительнѣе нанести ему рану и оторвали Джемала, а не Кази-Магому отъ груди отца...

О, ненавистные, презрѣнные урусы! Они поплатятся ему за это! Аллахъ поможетъ ему отомстить имъ!

Легкій крикъ жены сразу прерываетъ скорбныя мысли Шамиля. Патиматъ, едва живая, чуть держится въ сѣдлѣ.

— Смотри, смотри, повелитель!—шепчутъ беззвучно ея помертвѣвшія губы.

Онъ бросаетъ быстрый взглядъ по указанному направленію, и вдругъ вся кровь холодѣетъ въ его жилахъ.

Прямо наперерѣзъ имъ несутся казаки... Цѣлый отрядъ казаковъ, очевидно посланныхъ въ погоню... Онъ ясно слышитъ то дикое гиканье, какимъ они погоняютъ коней...

О, не даромъ они бросились по пятамъ за нимъ, точно хищные волки за горнымъ оленемъ. Онъ, имамъ, знаетъ, что его жизнь оцѣнена на вѣсъ золота... Его поручено доставить живымъ и невредимымъ въ русскій лагерь, къ сардару...

Но что будетъ тогда съ нею, Патиматъ? Что будетъ со старой матерью и сыномъ? Ихъ возьмутъ въ рабство ненавистные урусы и заставятъ работать на своихъ женъ, какъ послѣднихъ рабынь-служанокъ... Она зачахнетъ въ неволѣ, бѣдная голубка, Патиматъ... Она—жена имама, предназначенная къ лучшей долѣ—и вдругъ невольница

урусовъ! И старуха мать тоже... Каково ей покажется провести послѣдокъ дней ея жизни въ плѣну, въ неволѣ?... О, великій Аллахъ! Онъ не допуститъ этого'..

— Мой вѣрный Хаджи-Али,—говоритъ Шамиль чуть слышно, обращаясь къ своему неизмѣнному другу,—постарайся съ женщинами промчаться къ мосту... Когда волки травятъ джайрона, они не обращаютъ вниманія на стадо зайцевъ, попадающихся имъ по пути... Окружите женщинъ и гоните во имя Аллаха вашихъ коней, а я...

— Что ты хочешь дѣлать, повелитель?—въ страхѣ восклицаетъ тотъ.

Но Шамиль, вмѣсто отвѣта, молча поворачиваетъ коня и, взмахнувъ нагайкой, несется во весь опоръ въ противоположную отъ своихъ сторону.

Казаки, замѣтивъ издали быстрый маневръ бѣлаго всадника, въ свою очередь пришпорили лошадей и устремились за нимъ въ погоню.

Этого только и добивался имамъ. Ему надо было отвлечь ихъ вниманіе отъ женщинъ и сына, и ради нихъ онъ жертвовалъ собой.

Теперь онъ несется какъ безумный на своемъ бѣломъ конѣ въ бѣлой чохѣ съ зеленой чалмою, обвивающей сбившуюся на бокъ папаху, поминутно снабжая ударами нагайки своего быстраго скакуна. Тотъ мчится, какъ вихрь, точно чувствуя, что отъ быстроты бѣга зависитъ спасеніе всадника. Но и лошади казаковъ въ скорости не уступаютъ ему. Онѣ несутся съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука... Разстояніе между ними и конемъ имама дѣлается все меньше и меньше съ каждой минутой. Еще немного, и Шамиль уже слышитъ бряцаніе стремянъ и громкій говоръ своихъ преслѣдователей. Вотъ они ближе, ближе... Онъ чувствуетъ совсѣмъ уже близко за собою горячее дыханіе ихъ коней... Быстро оглядывается онъ въ сторону... Слава Аллаху! Его вѣрные мюриды промчали черезъ мостъ порученную имъ семью своего владыки... Они внѣ опас-

ности теперь и свободно углубляются въ горы. Его хитрость удалась вполнѣ: русскіе преслѣдуютъ только его, имама. Теперь все зависитъ отъ одного Аллаха. О, ему еще нельзя умирать, Шамилю, когда дѣло газавата не охватило всего Дагестана. Темный Азраилъ, помедли! Ангелъ смерти, удержи твой мечъ!

А погоня уже настигаетъ.. Погоня за его плечами... Ему что-то кричатъ проклятые гяуры на своемъ языкѣ .. что именно—этого онъ, конечно, не можетъ понять, да и не желаетъ... Съ быстротою молніи влетаетъ онъ на крутой утесъ, высоко склонившійся надъ пропастью. Громко фыркая, останавливается на самомъ краю бездны его конь...

Съ дикимъ гиканьемъ въ одинъ мигъ окружаютъ его казаки.

Далеко въ горы проносится ихъ побѣдный кликъ...

Шамиль въ ихъ рукахъ... Шамиль взятъ... Взятъ живымъ!..

И вдругъ... Новый взмахъ чеченской нагайки, и съ громкимъ крикомъ „Астафюръ-Алла“ [1] настигнутый Шамиль бросается въ бездну, прямо въ бурно пѣнящіяся на днѣ ея воды Койсу.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

[1] Помилуй, Боже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ плѣну.

ГЛАВА I.

Разлука.

Ну, не странный-ли ты человѣкъ, Джемалъ! Спокойно дремлешь въ сѣдлѣ, когда кругомъ тебя такая прелесть! Ей Богу, если-бы могъ только, такъ-бы и захватилъ въ свои объятія всю эту чудную природу. Вѣдь помимо того, что это твоя родина,— она дьявольски красива — эта страна съ ея суровыми непривѣтными очами. И можно-ли такъ равнодушно относиться къ ней...

Эта восторженная, пылкая

рѣчь принадлежала молодому, бѣлокурому офицерику съ жизнерадостнымъ, симпатичнымъ лицомъ, ѣхавшему впереди большого отряда, по одной изъ тропинокъ нагорнаго Дагестана.

Былъ вечеръ. Солнце садилось. Безплодныя, каменистыя горы, покрытыя внизу мохнатой, точно взъерошенной растительностью, уходя въ высь, постепенно обнажались отъ своего пушистаго наряда и подъ самыми облаками принимали то фіолетовую окраску, то покрывались слоемъ синевато-сизаго тумана, какъ дымокъ кадильницы. Высоко, высоко сѣдѣли снѣговыя вершины, теперь отливающія рубинами и яхонтами въ лучахъ умирающаго дневного свѣтила... Кругомъ точно хмурились утесы, сдавливая все тѣснѣе и тѣснѣе промежутокъ между своими каменными уступами, какъ будто грозя каждую минуту оторваться отъ груди своихъ могучихъ стремнинъ и ринуться внизъ, прямо туда въ раскрытыя руки жадно тянувшейся къ нимъ бездны.

А тамъ, дальше, шумѣли горные потоки, низвергаясь съ уступовъ, испещряя своими змѣеобразными лентами горные хребты и уносясь далеко, далеко въ темныя, затерянныя у подножія горъ низины.

Картина была, дѣйствительно, величественно-подавляюще-прекрасна.

Молодой офицеръ восторгался не даромъ.

По самому откосу горной тропинки, повисшей надъ зіяющей бездной, осторожно ступалъ его конь. Дорога надъ пропастью была узка, какъ нитка, и зазѣвайся путникъ— жадная бездна, того и гляди, поглотитъ его.

Длинной безконечной лентой вытянулся отрядъ; чуть двигаясь, шагомъ, ступаютъ другъ за другомъ привыкшіе ко всякимъ неудобствамъ и случайностямъ выносливые на-диво русскіе солдатики.

Впереди нихъ ѣдетъ высокій нерусскаго типа генералъ... Чуть позади него далеко еще не старый полков-

никъ въ адъютантской формѣ съ печальнымъ выраженіемъ красиваго лица.

Старшій путникъ — баронъ Николаи, командующій

По дагестанской горной тропинкѣ.

отрядомъ; младшій—князь Давидъ Александровичъ Чавчевадзе, его близкій родственникъ.

Нѣсколько офицерскихъ фигуръ тамъ и сямъ мелькаютъ среди длинной вереницы солдатъ.

Путь дологъ и труденъ. Всѣ устали. У всѣхъ равнодушно-унылыя или скучающія лица. Одинъ только бѣлокурый офицерикъ никакъ не можетъ успокоиться. Суровая красота Дагестанскихъ горъ рѣшительно очаровала его.

— Нѣтъ, что ни говори, а хороша твоя родина, Джемалъ!—не унимается онъ, охватывая влюбленнымъ взоромъ горы и бездны.

Тотъ, къ кому относились эти слова, медленно поднялъ руку и, указывая ею на сѣверъ, съ едва уловимымъ оттѣнкомъ грусти произнесъ гортаннымъ голосомъ:

— Моя родина—тамъ, а не здѣсь... Съ тѣхъ поръ, какъ я живу у русскихъ, мое сердце отдано ихъ странѣ.

Это былъ необычайно красивый офицеръ съ тонкимъ, смуглымъ лицомъ и великолѣпными черными глазами, живыми и грустными въ одно и то-же время. Онъ былъ одѣтъ въ форму поручика Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка и казался немногимъ старше своего бѣлокураго спутника.

— А если такъ, — весь вспыхнувъ произнесъ его молодой товарищъ, и синіе, обычно добродушные глаза его блеснули гнѣвомъ, — если такъ, ты-бы и отказалъ отцу! Чего церемониться! Такъ вотъ и такъ молъ, папенька, а водворяться на родину я къ вамъ не желаю и вашъ хинкалъ или шашлыкъ, какъ его тамъ, тоже кушать не намѣренъ и...

— Тише!—быстро прервалъ его черноглазый красавецъ, указывая глазами на ѣхавшихъ впереди отряда офицеровъ.—Перестань, ради Бога, Миша! Князь можетъ услышать и тогда...

— Ахъ, пусть слышитъ,—такъ-же горячо, но уже пониженнымъ до шопота голосомъ заговорилъ голубоглазый юноша, — или ты думаешь, что князь не понимаетъ всю тяжесть приносимой тобою жертвы! Нѣтъ, Джемалъ! Прости, но ты или странный человѣкъ или

просто... святой! Неугодно-ли! Послѣ пятнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ Россіи, къ которой ты такъ сильно привязался и гдѣ тебя успѣли полюбить и оцѣнить по заслугамъ, ты, вполнѣ сроднившійся съ циливизованнымъ, гуманнымъ народомъ, по доброй волѣ ѣдешь снова въ кавказскія трущобы къ твоимъ дикарямъ, хотя тебя вовсе туда не тянетъ...

— Полно, Зарубинъ,—снова своимъ гортаннымъ, но замѣчательно пріятнымъ голосомъ произнесъ черноглазый офицеръ,—или ты забылъ, что отъ моего рѣшенія зависитъ участь, а можетъ-быть и жизнь столькихъ несчастныхъ? Ты-же знаешь, при какихъ условіяхъ является мое возвращеніе въ горы: только заполучивъ меня домой, отецъ дастъ свободу бѣднымъ вашимъ плѣнницамъ, попавшимся въ руки горцевъ! Неужели-же ты, такой чуткій и отзывчивый, не понимаешь меня?..

— О!—съ необычайной горячностью вырвалось изъ груди бѣлокураго юноши,—все это я отлично понимаю, Джемалъ! Но... что подѣлаешь, если мнѣ... мнѣ... такъ тяжело терять тебя, дружище... Вѣдь съ той минуты, когда я узналъ, какъ ты спасъ жизнь моему отцу, я тебѣ отдалъ всю мою душу... И мнѣ такъ не хочется отпускать тебя! И зачѣмъ, зачѣмъ ты уѣзжаешь только!

— А ты развѣ бы не поступилъ на моемъ мѣстѣ точно также?—съ чуть замѣтной улыбкой произнесъ молодой человѣкъ, обращаясь къ своему другу.

Тотъ замялся на мгновеніе.

— Гм! право не знаю... но... но...

— Ну, вотъ видишь!.. Нѣтъ, это дѣло считай поконченнымъ, Миша! „Фатиха“... какъ говорятъ мои любезные одноплеменники, т.-е. быть по сему. Было-бы ужасно повергнуть въ отчаяніе бѣднаго князя Чавчевадзе моимъ отказомъ ѣхать къ отцу, когда онъ уже надѣется завтра съ зарею обнять томящихся въ плѣну жену и малютокъ...

— Чортъ меня побери, если я когда-нибудь забуду

тебя, товарищъ!—неожиданно сорвалось съ устъ молодого офицера и, чтобы не обнаружить своего волненія передъ солдатами, онъ поскакалъ впередъ и почтительно, приложивъ руку къ козырьку фуражки, произнесъ, обращаясь къ старшему изъ офицеровъ:

— Внизу слышится шумъ Мечика; мы почти у цѣли, господинъ баронъ.

Весь этотъ разговоръ происходилъ 15 лѣтъ спустя послѣ того, какъ маленькій сынъ Шамиля былъ отданъ заложникомъ русскимъ. Красивый, черноглазый и черноволосый офицеръ-преображенецъ былъ не кто иной, какъ самъ Джемалэддинъ, по окончаніи кадетскаго корпуса получившій офицерскіе эполеты, хотя онъ и продолжалъ считаться заложникомъ. А его бѣлокурый спутникъ, былъ—ставшій за это время уже взрослымъ юношею—Миша Зарубинъ, сынъ отставного капитана Зарубина, того самаго капитана, которому Джемалэддинъ спасъ жизнь въ первые-же дни знакомства.

Отрядъ, въ которомъ ѣхали оба молодыхъ офицера, достигъ большой нагорной плоскости и по приказу командира сталъ готовиться къ привалу. Рота подходила за ротой. Длинная, тянущаяся гуськомъ вереница солдатиковъ словно выползала изъ-за уступа и занимала площадку. Вскорѣ обширная съ виду каменистая плоскость была сплошь покрыта движущимися, снующими на ней фигурами. Для офицеровъ разбили палатку, для себя развели костры... Бивуачная жизнь вошла въ свою колею.

— Ну, а мнѣ пора!—произнесъ молодой Зарубинъ,—Куринское уже далеко позади, а еще надо мнѣ уклониться въ сторону, чтобы попасть въ наше укрѣпленіе. Едва-ли поспѣю къ утру. Позвольте васъ поблагодарить, г. баронъ, что разрѣшили присоединиться къ вамъ проводить товарища! — почтительно склонивъ голову передъ начальствомъ и вытягиваясь въ струнку, заключилъ онъ.

Старшіе офицеры, ласково улыбаясь, пожали руку юношѣ.

— Служите хорошенько, Миша, — произнесъ князь Чавчевадзе, дружески хлопнувъ по плечу молодого подпоручика. — Помните, что нашъ старый другъ, а вашъ отецъ-герой, честно послужилъ своей родинѣ. Слѣдуйте его примѣру во всемъ, чтобы онъ могъ гордиться вами.

— Постараюсь, князь!—горячо отвѣтилъ юноша.

Потомъ онъ подошелъ къ Джемалу и тихо шепнулъ:

— Проводи меня немного!

Ему хотѣлось проститься не на глазахъ начальства со своимъ другомъ.

Тотъ послушно вышелъ за нимъ изъ палатки.

Нѣсколько человѣкъ казаковъ стояли неподалеку съ осѣдланными наготовѣ лошадьми.

Это была охрана молодого Зарубина, безъ которой немыслимо было пускаться въ горы.

Между ними, подлѣ коня, навьюченнаго тюками, стояла высокая сутуловатая фигура старика солдата съ добрымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Прощай, Потапычъ! — произнесъ своимъ гортаннымъ голосомъ красавецъ Джемалъ, обращаясь къ нему,— не поминай лихомъ!

— Счастливо оставаться, ваше благородіе!—сердечно отозвался тотъ,—дай вамъ Богъ, потому, какъ я... По Божески скажу вамъ: больно мнѣ васъ жаль, ваше благородіе... Обусурманитесь вы опять тамъ въ горахъ... А я... я васъ вѣкъ не забуду... Потому вотъ вы моего барина отъ Гасанкиной шашки выручили... Вѣкъ за васъ Бога молить стану!

Голосъ старика дрогнулъ и оборвался. Растроганный Джемалъ ласково обнялъ его.

— Ахъ, вы, русскіе! души у васъ драгоцѣнныя!—тихо прошепталъ онъ и, внезапно нахмурясь, чтобы скрыть охватившее его волненіе, сказалъ:

— Ну, Михаилъ, прощай!

Друзья обнялись.

— Слушай, Миша!—послѣ минутнаго молчанія, когда они отошли въ сторону отъ конвоя и дядьки, снова произнесъ молодой офицеръ,—тебя я никогда не забуду... Ты такъ и знай: и тебя и твоихъ всегда, всегда буду помнить, клянусь тебѣ! До смерти буду помнить васъ за то счастье, которое я нашелъ въ вашей семьѣ. Помни, Зарубинъ, у тебя будетъ испытанный, преданный другъ въ горахъ... И если надо будетъ пожертвовать жизнью за тебя, не замедля исполню это!

— Спасибо, Джемалъ!—могъ только произнести растроганнымъ до глубины души голосомъ Миша:—истинно говорю тебѣ: такого, какъ ты, сердечнаго, добраго, любящаго ближнихъ, я еще не встрѣчалъ, и подумать только—ты не христіанинъ!—вырвалось у него пылко, помимо воли.

Если-бы сумерки не сгустились такъ плотно, Зарубинъ могъ-бы увидѣть яркій румянецъ, внезапно и густо окрасившій блѣдныя щеки его друга. Могъ-бы замѣтить и то рѣзкое движеніе, какимъ молодой татаринъ поднесъ руку къ груди.

— По условію отца, указанному русскимъ, я не смѣю нарушить требованій корана,—тихо произнесъ онъ,—не смѣю стать христіаниномъ, но... будь увѣренъ и ты и сестра твоя, что я всей душой стремлюсь къ вашей вѣрѣ и отъ всего сердца ищу соединенія съ Іисусомъ-Распятымъ. Отнеси это съ моимъ прощальнымъ привѣтомъ ей, когда ты снова ее увидишь!—глухимъ, глубоко потрясеннымъ голосомъ заключилъ молодой горецъ.

Миша бросился въ объятія своего друга.

Потомъ онъ быстро вскочилъ на лошадь, подведенную ему однимъ изъ конвойныхъ, еще разъ обернулся къ товарищу и дрожащимъ голосомъ крикнувъ:—„храни тебя Богъ, Джемалъ“!—скрылся со своимъ крошечнымъ отрядомъ въ наступающихъ сумеркахъ ночи.

ГЛАВА II.

Сладкія грезы.

ТОПОТЪ коней давно уже стихъ въ отдаленьи, а Джемалэддинъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и ярко горящими глазами впивался въ темноту ночи... Съ бивуака доносились къ нему солдатскіе возгласы, говоръ, смѣхъ... Тамъ и сямъ вспыхивало пламя костровъ, разбросанныхъ по площадкѣ. Гдѣ-то запищала гармоника, этотъ неизмѣнный спутникъ каждой роты въ походѣ. Но вотъ постепенно потухали огни костровъ, одинъ за другимъ... Послѣднія головни догорали... Солдатики, разложивъ на землю шинели, разлеглись на своихъ импровизированныхъ постеляхъ. Голоса офицеровъ тоже затихали въ палаткѣ, а Джемалъ все стоялъ и думалъ, прижавшись къ холодной стѣнѣ утеса и далекій мыслью о снѣ. Цѣлый рой быстрыхъ грезъ розовой вереницей поднялся въ разгоряченномъ мозгу молодого офицера. Погружаясь въ ихъ сладкій, дурманящій голову туманъ, онъ забылъ и весь міръ и печальную дѣйствительность, ожидающую его завтра...

. . . . . .

— О, какой смѣшной, бритый мальчикъ! Я еще никогда не видѣлъ такого... Почему онъ такой бритый, папа? Почему у тебя бритая голова, мальчикъ? Папа, откуда ты досталъ такого?

И маленькій Миша Зарубинъ во всю величину своихъ синихъ глазенокъ любопытно приковывается къ смущенному лицу юнаго, черноглазаго Джемала.

Тотъ въ свою очередь смотритъ въ ласковое дѣтское личико, слушаетъ звонкій дѣтскій голосъ и ничего не понимаетъ...

Этотъ бритый, черноглазый джигитъ—это онъ, Джемалэддинъ. Его только что привезъ въ Тифлисъ, въ свою семью капитанъ Борисъ Владиміровичъ Зарубинъ, и уже новыя впечатлѣнія вихремъ закружили маленькаго дикаря въ ихъ быстромъ круговоротѣ. Ласковая дама съ густой черной косой крѣпко обнимаетъ его и, усадивъ на свои колѣни, говоритъ:

— Бѣдный крошка! Дорогой мой малютка!

Ему, джигиту, совѣстно сидѣть на ея колѣняхъ, но длинныя косы ласковой дамы напоминаютъ ему черные кудри его матери, а ея нѣжный голосъ, странно похожій на голосъ Патиматъ, проникаетъ прямо въ душу. Дама ласково смотритъ на него въ то время, какъ добрый саибъ разсказываетъ ей что-то...

И вдругъ лицо дамы покрывается смертельной блѣдностью... А саибъ все говоритъ, говоритъ безъ умолку... И вотъ постепенно на бѣломъ, какъ алебастръ, лицѣ дамы появляется румянецъ. Вотъ онъ ярче, ярче... Блѣдности какъ и не бывало. Глаза молодой женщины, теперь обращенные къ маленькому плѣннику, сіяютъ неизъяснимой признательностью и добротой.

Саибъ кончилъ.

Ласковые глаза, приближаясь къ Джемалу, горятъ какъ звѣзды.

— Вотъ ты какой! О, чудный мой мальчикъ, благородный, милый! — шепчутъ нѣжныя розовыя губы и покрываютъ его лицо безчисленными поцѣлуями...

Такъ только цѣловала его мать.

Джемалэддинъ вспоминаетъ о ней и тихо плачетъ.

И вдругъ синеглазый мальчикъ подходитъ къ нему...

— Ты спасъ моего папу, я тебя люблю! Мы будемъ друзьями,—говоритъ онъ, и съ длинныхъ пушистыхъ рѣсницъ падаютъ чистыя, дѣтскія слезы.

. . . . . .

. . . . . .

Они друзья. Друзья на жизнь и на смерть.

Послѣ трехъ лѣтъ разлуки, проведенныхъ Джемаломъ въ Петербургѣ, подъ присмотромъ добрыхъ и ласковыхъ воспитателей, они встрѣчаются снова.

И какъ странно встрѣчаются... Необычайно странно...

Обоихъ ихъ отдаютъ въ 1-й кадетскій корпусъ, — только одного привозятъ туда изъ великолѣпныхъ палатъ бѣлаго падишаха, другого, значительно раньше, изъ скромной офицерской квартиры въ Тифлисѣ.

Большое красное казенное зданіе смотритъ такъ непривѣтливо своимъ некрасивымъ каменнымъ фронтономъ. Но еще непривѣтливѣе внутри его, въ безконечныхъ, длинныхъ коридорахъ, гдѣ снуютъ нѣсколько десятковъ смѣшныхъ, стриженыхъ маленькихъ существъ въ военной формѣ, дѣлающей ихъ похожими на уродцевъ-карликовъ.

Посреди огромной, свѣтлой залы ихъ собралась цѣлая большая толпа. Они кричатъ, спорятъ, волнуются, грозятъ кому-то...

Въ центрѣ ихъ стоитъ стройный, тонкій, черноглазый мальчикъ съ тоскливыми, глубокими, какъ ночь глазами, со смущеніемъ въ необычайно-красивомъ лицѣ.

— Бей его, братцы, некрещеную татарву, бей!—кричитъ, безтолково размахивая руками, маленькая орава.— Отецъ у него—разбойникъ. Наши крѣпости осаждаетъ и проливаетъ русскую кровь. У-у! Бритоголовый татарченокъ! Проси прощенія, а то пришелъ твой конецъ!

Джемалъ, успѣвшій за два года выучиться русскому языку, понимаетъ все до слова...

Точно подъ ударомъ нагайки вздрагиваетъ онъ... Вся кровь полымемъ вспыхиваетъ въ его жилахъ.

О, его, какъ сына имама, въ горахъ, никто не смѣлъ никогда трогать пальцемъ, а тутъ!.. Чувство жестокой обиды вспыхиваетъ въ гордомъ ребенкѣ. И что онъ сдѣлалъ этимъ крикливымъ мальчуганамъ? Чего они хотятъ

отъ него... Русскіе бьютъ горцевъ, горцы русскихъ... Одни хотятъ покорить, другіе—отстоять свою свободу... Никому не обидно. На то и война... Его только сейчасъ привезъ въ корпусъ саибъ, адъютантъ бѣлаго падишаха, и онъ не знаетъ никакой вины за собою... Развѣ онъ можетъ быть отвѣтчикомъ за поступки всѣхъ горцевъ? О, глупыя, неразумныя дѣти, какъ безтолково-жестоки они!

А глупыя дѣти уже наступаютъ на него, потрясая кулаками съ громкими криками. Ихъ глаза горятъ недѣтскимъ огнемъ ненависти и вражды... Они готовы избить до полусмерти ни въ чемъ неповиннаго ребенка...

Но вдругъ чей-то отдаленно-знакомый Джемалу голосъ прозвучалъ за его спиною:

— Оставьте его, или я вздую перваго, кто подниметъ на него руку!

Быстро оборачивается Джемалэддинъ... Передъ нимъ маленькій мальчикъ, его тифлисскій другъ, сынъ саиба.

Они бросаются въ объятія другъ другу. Его маленькіе враги въ недоумѣніи разступаются передъ ними.

— Глупцы!—кричитъ имъ Миша Зарубинъ, и глаза его воодушевленно сверкаютъ...—Знаете, кого вы бить хотѣли? Героя! Онъ отъ смерти спасъ моего отца!

И тутъ-же пылко выливается нескладный разсказъ изъ устъ бѣлокураго кадетика.

Жадно прислушиваются къ нему остальные... Въ ихъ глазахъ смятеніе... Они смущены... Джемалъ—герой!.. Теперь они сами сознаютъ это. О, какъ несправедливы и жестоки были они!

И за минуту до этого сжатыя въ кулаки руки дружески протягиваются на встрѣчу маленькому татарину.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„Онъ говорилъ имъ о смиреніи и они не послушали Его... Онъ говорилъ о ничтожествѣ земной жизни и они

распяли Его... Они плевали Ему въ лицо и всячески поносили Его... А Онъ, ихъ Богъ, который могъ послать на ихъ головы тысячу громовъ за это, Онъ сносилъ ихъ обиды и смиренно молчалъ...“

Яркимъ румянцемъ горитъ обычно блѣдненькое, худое, болѣзненное личико разсказчицы... Вдохновенно сверкаютъ большіе, ясные глаза. Джемалэддинъ жадно ловитъ каждое ея слово... О, сколько новаго свѣта проливаетъ она въ его смятенную душу!.. Какъ великолѣпно и свѣтло это новое ученіе его новыхъ друзей. Тамъ отстраняется все: и война, и канлы, и жестокіе обычаи его родины, все, все, что такъ претило съ первыхъ дней дѣтства его душѣ. Исса! [1] Великій, Кроткій, Незлобливый Исса проповѣдуетъ миръ и всеобщую любовь!

Горячимъ умиленіемъ наполняется душа Джемала. Онъ быстро схватываетъ худенькую, красную, какъ у всѣхъ подростковъ, руку маленькой проповѣдницы и шепчетъ, сверкая разгорѣвшимся глазами:

— О, Лена! Я хочу отдать себя Иссѣ! Хочу быть христіаниномъ!

Вся радостная, сіяющая, летитъ къ матери Леночка Зарубина, увлекая за собой потрясеннаго до глубины души Джемалэддина.

— Мама! Мама! Онъ призналъ Спасителя! Онъ хочетъ принять нашу вѣру, мама!—еще съ порога кричитъ она.

И тутъ новое горе, новое разочарованіе...

Ему нельзя креститься, нельзя познать ученіе Іисуса.

Его отецъ, отдавая сына въ заложники, поставилъ условіемъ бѣлому падишаху, непремѣннымъ условіемъ, чтобы его сынъ остался вѣренъ исламу и, безъ разрѣшенія Шамиля, Джемалу нельзя сдѣлаться христіаниномъ, принять другую вѣру.

А они съ Леной не знали этого...

---

[1] Христосъ.

Дѣвочка горько рыдаетъ, уткнувшись въ колѣни матери, открывшей ей грустную истину.

Темнѣе черной тучи становится Джемалэддинъ...

. . . . . .

. . . . . .

Новыя картины рисуются въ разгоряченной воображеніемъ памяти Джемалэддина.

Зарубины пріѣхали изъ Тифлиса. Боевая карьера внезапно кончилась для капитана. Старая рана раскрылась и, вслѣдствіе этого, онъ не могъ больше участвовать въ строю. Для Джемалэддина наступили розовые дни съ ихъ пріѣздомъ. Ласки доброй Елизаветы Ивановны, дружба Леночки и Миши, отеческое отношеніе самого Зарубина и добродушная воркотня неисправимаго Потапыча,—все это вмѣстѣ взятое услаждало и красило жизнь юнаго плѣнника.

Его тоска по матери и по роднымъ горамъ мало-помалу стихла... Когда смутное, какъ сонъ, извѣстіе о смерти Патиматъ, засохшей въ тоскѣ по сынѣ, пришло съ Кавказа. Джемалэддинъ, уже тогда взрослый юноша, только и мечтающій служить подъ знаменемъ Бѣлаго Царя, перенесъ его съ покорной грустью.

Предчувствіе говорило ему еще тогда, при отъѣздѣ изъ Ахульго, что онъ не увидитъ больше матери. Онъ успѣлъ свыкнуться съ этой мыслью и теперь трогательно покорился своей неумолимой „кысметъ“.

А тутъ снова ласковыя, тихія, полныя христіанскаго значенія рѣчи Леночки, говорившей о смиреніи и милосердіи Христа, поддержали его въ тяжелую минуту горя.

И не только о Богѣ говорила съ нимъ Лена... Чуткая, впечатлительная дѣвочка, жадно стремившаяся къ познанію и совершенству, заразила этой своей жаждой юнаго Джемала... Они вмѣстѣ читали русскихъ и иностранныхъ писателей, вмѣстѣ слѣдили за новыми произведеніями

литературы и искусствъ, вмѣстѣ учились понимать это искусство. Веселый, легкомысленный, жизнерадостный Миша далеко отставалъ въ этомъ отъ нихъ. Несмотря на природныя способности, онъ учился лѣниво и кое-какъ переваливалъ изъ класса въ классъ, въ иныхъ засиживаясь по два года. Совершенно иные интересы притяги-

Лезгинъ.
Картина Т. Горшельта

вали его: онъ жаждалъ подвиговъ, войны, удалыхъ набѣговъ. Книга не удовлетворяла его... Его идеаломъ была война... Драться за царя и родину—было единственной цѣлью и потребностью души подвижного и жаднаго на впечатлѣнія мальчика.

Примѣръ отца страстно воодушевлялъ его.

Джемалэддинъ вышелъ въ полкъ на три года раньше своего друга. Миша застрялъ. Онъ день и ночь бредилъ

Кавказомъ, куда обязательно рѣшилъ перевестись по окончаніи корпуса. Наконецъ, желанный день насталъ, день счастья для Миши и глубокаго разочарованія для его друга.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Быстро проносятся картины, смѣняя одна другую, заставляя снова переживать молодого офицера то яркое счастье, то тяжелую тоску. Вотъ и оно, ужасное, полное невыразимаго, безысходнаго отчаянія воспоминаніе. До нихъ доходитъ слухъ о разграбленіи мюридами богатаго помѣстья Цинандалы въ Кахетіи, о взятіи ими въ плѣнъ жившаго въ этомъ помѣстьи, преданнаго русскому царю аристократическаго семейства, которое жестокіе горцы угнали въ горы.

Говорятъ о какомъ-то выкупѣ... объ обмѣнѣ плѣнныхъ на аманата... Говорятъ, будто Шамиль требуетъ сына назадъ и въ такомъ случаѣ только соглашается возвратить плѣннымъ свободу...

Вначалѣ онъ не придалъ никакого значенія слухамъ... Но вотъ они звучатъ все явственнѣе, все настойчивѣе... О немъ, Джамалэддинѣ, говорятъ всюду, его жалѣютъ... Наконецъ, самъ государь призываетъ его къ себѣ...

Шибко, шибко бьется сердце Джемалэддина при этомъ воспоминаніи... Онъ до сихъ поръ не можетъ забыть задушевныхъ рѣчей монарха, сердечно приласкавшаго его... Онъ, Великій Государь, ничего не требуетъ, ничего не хочетъ. Онъ понимаетъ, какъ тяжела, какъ непосильна будетъ задача для бѣднаго Джемалэддина исполнить то, чего отъ него ожидаютъ. Ему-ли вернуться теперь назадъ, на суровую, дикую его родину, когда яркій свѣточъ цивилизаціи преобразилъ совсѣмъ прежняго маленькаго дикаря? Государь только поясняетъ ему съ необычайной лаской положеніе вещей, весь ужасъ неволи плѣнныхъ

женщинъ и дѣтей, освобожденіе которыхъ возможно лишь съ возвращеніемъ сына имама въ горы. Но онъ, Джемалъ, готовъ идти на все... Готовъ принести какую угодно жертву. И жизнь отдать за русскаго царя, за одну такую ласку, готовъ онъ, Джемалэддинъ!

Къ тому-же ученіе Иссы требуетъ жертвъ, а онъ въ глубинѣ души горячій послѣдователь этого ученія... О, онъ принесетъ эту жертву, во имя Иссы, во имя монарха, во имя милосердія!.. И потрясенный до глубины души, онъ даетъ слово цѣною собственнаго благополучія возвратить свободу плѣнной семьѣ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ярко свѣтитъ съ неба февральское солнышко... Свѣтитъ прямо на бѣлую пелену снѣжныхъ сугробовъ... Ослѣпительный, яркій морозный день, послѣдній день зимы, повисъ надъ столицей... У окна квартиры Зарубиныхъ стоитъ бѣлая, тонкая, какъ былинка, дѣвушка, съ яркимъ, какъ-бы во внутрь себя ушедшимъ взглядомъ. Неизъяснимо кроткая улыбка застыла въ ея необычайно одухотворенномъ, миломъ личикѣ.

— Джемалъ!—тихо, чуть слышно говоритъ она,— будешь-ли ты помнить законъ Іисуса? Будешь-ли, тамъ у себя, въ горахъ, милосерднымъ и добрымъ, какъ Онъ насъ училъ этому?

— Лена!—можетъ только выговорить, задохнувшись отъ волненія, молодой офицеръ.

Тогда бѣлая дѣвушка срываетъ маленькій золотой крестикъ со своей груди и, быстро надѣвъ его на грудь своего друга, лепечетъ, вся такъ и сіяя лучистой, свѣтлой улыбкой:

— Не надо переставать быть мусульманиномъ, Джемалъ, чтобы слѣдовать Его Закону! Богъ Единъ на землѣ и на небѣ, и у мусульманъ, и у русскихъ, и у всѣхъ!

Слушай голосъ сердца, и пусть этотъ маленькій крестикъ предохраняетъ тебя отъ всего дурного въ твоей темной, дикой странѣ! Не разставайся съ нимъ никогда и, глядя на него, вспоминай о Завѣтахъ Іисуса!.. Исполнишь-ли ты все это, братъ мой Джемалъ?

Что-то неземное осѣняетъ бѣлое личико худенькой дѣвушки, и въ одну минуту оно дѣлается прекраснымъ, какъ ни у кого... Великая, міровая любовь дѣлаетъ красавицей дурнушку Лену.

Джемалъ смотритъ въ сіяющее неземнымъ свѣтомъ личико, и ему кажется, что предъ нимъ самъ ангелъ Джабраилъ, посланный съ неба...

— Все, все исполню я, что только повелѣваетъ Христосъ! Клянусь тебѣ въ этомъ, сестра моя Лена! —шепчетъ онъ, охваченный глубокимъ чувствомъ.

Она, молча, протягиваетъ руку и кладетъ ее на голову своего друга, а онъ, повинуясь непреодолимому порыву, склоняется передъ нею до земли...

. . . . . .

. . . . . .

И потомъ долгій, безконечный, унылый путь, путь о-бокъ съ Мишей, который къ этому времени получаетъ назначеніе въ одну изъ вновь образовавшихся русскихъ крѣпостей Нагорнаго Дагестана... Длинный путь, исполненный тревогъ и сомнѣній и глухой тоски...

Все свѣтлое, радостное, хорошее осталось позади него, далеко, далеко... Неизвѣстное, темное, какъ бездна, будущее ждетъ его тамъ, впереди, глядя на него непроницаемыми и черными, какъ ночь, глазами...

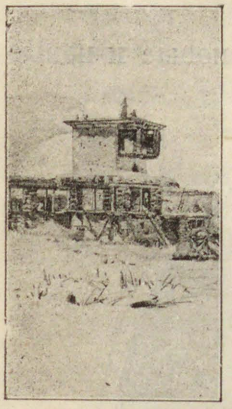
. . . . . .

. . . . . .

Бѣлая дѣвушка надѣваетъ золотой крестикъ на его грудь...

ГЛАВА III.

Вновь воскресшій.—Пятнадцать лѣтъ войны.



НА высокой гористой площадкѣ, покрытой лѣсомъ и какъ-бы перерѣзанной горнымъ источникомъ, у самаго подножія стремнины, правильными рядами тѣснятся прочно выстроенныя деревянныя сакли, образуя между собой широкую улицу. На лѣвой сторонѣ ея, дальше къ востоку, стройно высится бѣлый минаретъ мечети, заканчивающійся большимъ полумѣсяцемъ изъ красной мѣди. На правой сторонѣ улицы, прямо противъ мечети, окруженный деревяннымъ тыномъ изъ заостренныхъ кольевъ, находится имамскій дворецъ.

Изъ-за высокихъ стѣнъ не видно саклей дворца. Оба конца аула обнесены валами, а ворота, ведущія въ него, снабжены небольшими башнями. Около западной башни находится окруженная низенькимъ тыномъ туснакъ-хана, (тюрьма) съ гудыней (подземельемъ) внутри нея.

Недалеко отъ аула, на правомъ берегу истока выстроенъ громадный сарай. Это заводъ Шамиля, гдѣ отливаются пушки. Рядомъ съ нимъ такіе-же, но меньшіе сараи: это кузницы, слесарня, мастерскія и пороховые склады.

Большой аулъ съ деревянными саклями, башнями и минаретомъ—это Дарго-Ведени, новая столица и резиденція имама.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ бушующія волны сѣдого Койсу приняли въ свои холодныя объятія неустрашимаго всадника и его коня.

Отдѣлавшись незначительнымъ поврежденіемъ ноги, Шамиль, какъ ожившій мертвецъ, поднялся изъ пѣны

Койсу, чтобы съ новой неутомимой энергіей повести дѣло газавата съ ненавистными его сердцу гяурами.

Пылкая, вдохновенная рѣчь имама снова зазвучала въ Чечнѣ и Дагестанѣ, зажигая горячее пламя въ сердцахъ правовѣрныхъ...

Подъ знамена Шамиля стекались все новые и новые

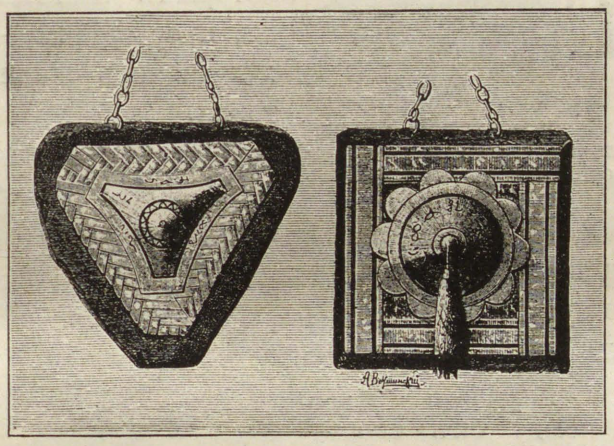
Хаджи-Муратъ, наибъ Шамиля.
Съ литогр. портрета Тимма.

отряды, стремящіеся цѣною смерти въ священномъ газаватѣ обрѣсти загробное блаженство. Безчисленныя племена Чечни и Дагестана, всѣ горцы Койсубу, Гумбета, Салатовіи, Андіи, Технупцала и пр. и пр., присылали „землю и воду“ въ знакъ своей покорности имаму.

Какъ разъ въ это же время одинъ изъ злѣйшихъ нѣкогда враговъ Шамиля, прославившійся на весь Кавказъ своею храбростью, вождь аварцевъ, Хаджи-Муратъ, заявилъ

желаніе примкнуть къ мюридамъ. Шамиль съ величайшею радостью, съ открытыми объятіями принялъ услуги Хаджи-Мурата и сдѣлалъ его первымъ своимъ наибомъ. Вмѣстѣ съ Хаджи-Муратомъ перешла на сторону мюридовъ и вся Аварія. „Теперь уже скоро русскій двуглавый орелъ сожжетъ свои крылья на сіяющемъ полумѣсяцѣ, красующемся на знамени правовѣрныхъ“,—предсказалъ тогда имамъ.

Судьба покровительствовала Шамилю, но и самъ онъ



Знаки отличія, выдаваемые Шамилемъ храбрѣйшимъ мюридамъ.

много сдѣлалъ для того, чтобы упрочить положеніе горцевъ. Изъ безпорядочныхъ полчищъ онъ создалъ грозные отряды, объединивъ всѣхъ своихъ воиновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заботясь о внутреннемъ устройствѣ горской страны. Съ этою цѣлью онъ раздѣлилъ всю страну на нѣсколько наибствъ, т.-е. участковъ, во главѣ которыхъ поставилъ своихъ ближайшихъ сподвижниковъ-наибовъ. Всѣ горцы въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ были обязаны по первому требованію вступать въ ряды мюридовъ и выходить въ бой. Ослушавшіеся подвергались жестокимъ наказаніямъ. Кромѣ того, однако, Шамиль завелъ и постоянное регулярное войско или низамъ, пѣхоту и конницу, раздѣлилъ

Генералъ-адъютантъ князь М. З. Аргутинскій-Долгоруковъ, одинъ изъ героевъ-полководцевъ кавказской войны.

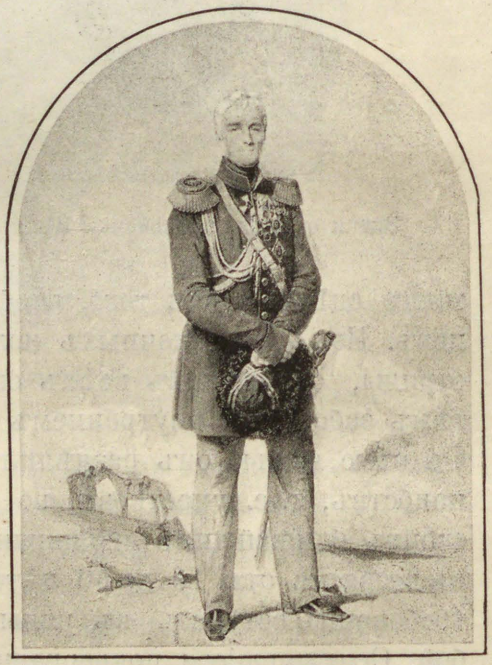
Съ лит. Мюнстера.

водворяя порядокъ, разъѣзжая по ауламъ и наблюдая надъ исполненіемъ своихъ преобразованій. Вездѣ и всюду онъ сво ими вдохновенными рѣчами старался привить народу ненависть къ русскимъ, желаніе освободиться отъ русскаго владычества. Благодаря преобразованіямъ Шамиля и его неутомимой дѣятельности, мюриды стали болѣе достойными противниками своего цивилизованнаго врага.

[1] Тысячи.—[2] Половина полка въ 500 ч.

его на альфы [1], на хамсаміа [2] и т. д. Въ награду храбрымъ установилъ новые знаки, которые щедро раздавалъ отличившимся. Видя, что успѣхъ русскихъ много зависитъ отъ дѣйствія орудій, Шамиль устроилъ литейные заводы, на которыхъ выливались пушки, и оружейные — гдѣ выдѣлывались шашки и винтовки.

Много потрудился имамъ, много ночей не спалъ, много потратилъ силъ и здоровья,



Генералъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, главнокомандующій кавказской арміи.

За эти пятнадцать лѣтъ безпрерывной войны съ горцами счастье то склонялось на сторону русскихъ, то снова улыбалось неутомимому фанатику-вождю. Ни взятіе русскими Гимръ, уже однажды разрушенныхъ нами при первомъ имамѣ Кази-Муллѣ и снова возстановленныхъ Шамилемъ, ни упорная безуспѣшная осада Назранскаго укрѣпленія, куда кинулся было Шамиль,—ничто уже не

Взятіе Дарго въ іюлѣ 1845 года.

Съ картины Рубо.

могло остановить имама. Даже самое нападеніе русскихъ на Чиркей и взятіе этого укрѣпленнаго Шамилемъ гнѣзда, гдѣ онъ считалъ себя въ безопасности и откуда бѣжалъ со своими мюридами,—даже такая неудача не прекратила энергіи безстрашнаго вождя горцевъ. Онъ вѣрилъ, что неудачи должны смѣниться побѣдами. И дѣйствительно въ 1841 году онъ овладѣваетъ ауломъ Гергебиль, охраняемымъ русскимъ гарнизономъ. Это была крупная побѣда. Со взятіемъ Гергебиля прерывались всѣ пути сообщенія

русскихъ съ Аваріей. Шамиль уже считалъ себя побѣдителемъ, твердо увѣренный, что русскіе оставятъ Дагестанъ и уйдутъ. Но имамъ ошибся. Въ Кызикумыкскомъ ханствѣ князь Аргутинскій-Долгоруковъ на голову разбиваетъ Шамиля, а неутомимый генералъ Граббе въ 1842 г. направляется къ столицѣ имама — резиденціи его Дарго. Глухи и страшны ведущіе къ ней Ичкеринскіе лѣса. А за каждымъ деревомъ ждутъ удальцовъ чеченскія и лез-

Взятіе аула Салты въ 1847 году.
Съ картины Рубо.

гинскія винтовки. Ичкеринскій лѣсъ точно ожилъ и кишитъ мюридами, на каждомъ шагу удерживающими русскихъ нападеніями на нихъ. И, несмотря на геройство русскихъ воиновъ, несмотря на то, что русскій солдатъ по командѣ билъ и разрушалъ все неприступное, русскимъ не удалось удержать облитыхъ кровью ауловъ и пришлось волей-неволей повернуть обратно.

И снова вся Чечня и Дагестанъ встаютъ подъ чернымъ знаменемъ Шамиля... Въ 1843 г. мюриды берутъ наше укрѣпленіе Унцукуль, при чемъ спѣшившій къ нему

на выручку русскій отрядъ истребленъ ими поголовно.

Вслѣдъ за тѣмъ отнятъ у насъ аулъ Гоцатль, а еще немного времени спустя, мюридами взятъ опять Гергебиль, отобранный было снова генераломъ Фези у чеченцевъ, и блокированъ богатый областной городъ Темиръ-Ханъ-Шура.

Видъ аула Ахты, прославившагося защитою русскихъ въ сентябрѣ 1848 года.

Послѣ этихъ блестящихъ удачъ судьба какъ-бы поворачиваетъ спину своему любимцу.

Въ 1844 г. князь Аргутинскій разбилъ близъ селенія Морги мюридовъ, предводительствуемыхъ Кибитъ-Магомой и Хаджи-Муратомъ, а въ іюнѣ, у аула Гиллы, генералъ Пассекъ съ 1.500 солдатами разгромилъ скопище горцевъ, состоящее изъ 20.000 человѣкъ.

Но эти побѣды не могли остановить распространенія мюридизма. Чечня была вырвана изъ нашихъ рукъ, а наши войска были слишкомъ раздроблены и слабы, чтобы окончательно сломить врага.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ главное начальство на Кавказѣ было ввѣрено въ 1844 г. графу М. С. Воронцову, который рѣшилъ нанести сильный ударъ неукротимому имаму.

Былъ собранъ большой отрядъ и двинутъ къ резиденціи Шамиля—Дарго, которую, послѣ жестокаго штурма, удалось взять съ бою. Графъ Воронцовъ получилъ за эту

Полковникъ Новоселовъ, защищавшій укрѣпленіе Ахты противъ горцевъ въ сентябрѣ 1848 года.

побѣду княжескій титулъ, но побѣда стоила намъ огромныхъ потерь, Шамиль же успѣлъ бѣжать и укрѣпить новую столицу Ведени. Возвращаться пришлось русскимъ изъ Дарго черезъ лѣса, гдѣ укрѣпились мюриды, преслѣдовавшіе измученныхъ русскихъ по пятамъ. При этомъ вслѣдствіе невозможности провести транспортъ съ провизіей въ рядахъ русскаго войска появился голодъ. Солдатики прозвали эту экспедицію „сухарной“, потому что имъ приходилось во время нея питаться одними сухарями. И, только благодаря подоспѣвшей помощи, „сухарная“ экспедиція не кончилась для русскихъ полнымъ уничтоженіемъ всего отряда.

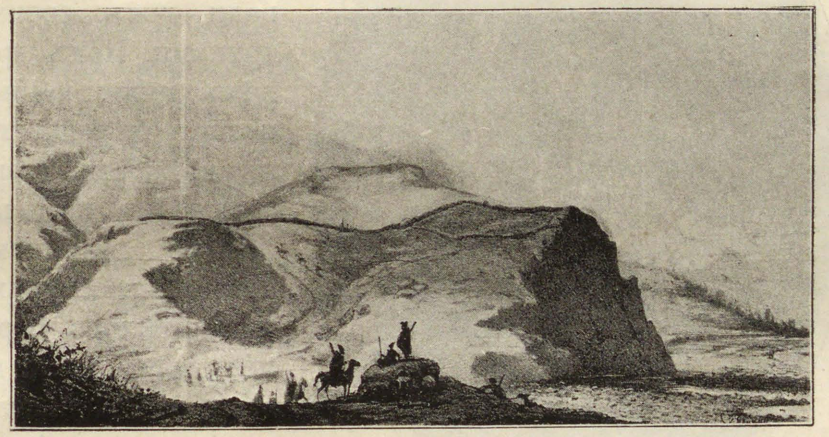
Въ 1847 году князь Воронцовъ рѣшилъ взять главнѣйшіе пункты Шамилевыхъ укрѣпленій. Послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны мюридовъ палъ знаменитый аулъ Салты—„Замокъ Дагестана“, какимъ онъ справедливо считался, благодаря своей неприступности.

Переходъ князя Аргутинскаго черезъ снѣжный хребетъ на выручку Ахты въ 1848 г.

Картина проф. Ф. Рубо.

Вслѣдъ затѣмъ, 6-го іюля 1848 года, взятъ былъ русскими войсками сильно укрѣпленный за это время Шамилемъ, неприступный аулъ Гергебиль, расположенный на высокой скалѣ и состоявшій изъ толстыхъ стѣнъ съ башнями, за которыми размѣщались каменныя сакли, примыкавшія къ краю пропасти.

Шамиль рѣшилъ отомстить за это пораженіе нападеніемъ на укрѣпленіе, устроенное русскими у аула Ахты. 14-го сентября 1848 года полчища мюридовъ обложили



Видъ заваловъ при аулѣ Мискинжи, взятыхъ русскими войсками приступомъ въ сентябрѣ 1848 года.

Съ литографіи Мюнстера.

крѣпость, а самъ имамъ усѣлся на высокомъ холмѣ, чтобы наблюдать, какъ его воины будутъ праздновать побѣду. Но ожиданія Шамиля не сбылись: мюридамъ пришлось отступить... Защита Ахты увѣнчала славою русское оружіе и составила одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ богатырей нашей кавказской арміи. Несмотря на малочисленность гарнизона, несмотря на то, что начальникъ его полковникъ Ротъ былъ раненъ въ самомъ началѣ осады, и его замѣнилъ, не вылѣчившійся отъ ранъ, капитанъ Новоселовъ, несмотря на отсутствіе въ укрѣпленіи воды,— русскіе отстояли укрѣпленіе: отчаянные штурмы горцевъ

были отбиты защитниками укрѣпленія, дравшимися съ необыкновеннымъ мужествомъ. Нѣсколько разъ подходили толпы горцевъ къ самымъ бастіонамъ укрѣпленія и лѣзли со всѣхъ сторонъ по лѣстницамъ, появлялись уже на стѣнахъ съ побѣдными кликами: „Алла! Алла!“, но, сброшенные оттуда русскими штыками, летѣли внизъ, вмѣстѣ съ опрокинутыми лѣстницами и заваливали ровъ своими трупами. Подъ градомъ пуль, камней и картечи защитники крѣпости замуровывали произведенные взрывами проломы въ стѣнахъ и готовились отразить врага, пока на выручку не пришелъ отрядъ князя Аргутинскаго, заставившій горцевъ отступить.

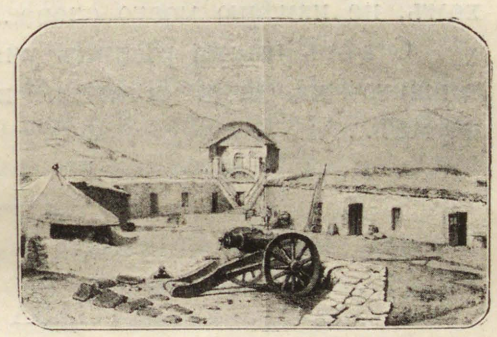
Магометъ-Аминъ, вождь абадзеховъ, присоединившійся въ 1849 году къ Шамилю.
Съ портрета Диго

Въ томъ же сентябрѣ 1848 года русскими войсками приступомъ взяты непріятельскіе завалы при аулѣ Мискинжи.

Въ 1849 году князь Аргутинскій осадилъ мюридовъ въ аулѣ Чохъ, но осада стоила большихъ потерь и успѣха не имѣла.

Этими дѣлами далеко не ограничились столкновенія горцевъ съ русскими. Чуть не каждый мѣсяцъ происходили схватки, сраженія, разорялись то той, то другой стороною аулы, селенія, укрѣпленія.

Между тѣмъ ряды горцевъ, объявившихъ газаватъ русскимъ, увеличивались новыми и новыми народностями Кавказа. Главнѣйшими между ними были абадзехи и убыхи. При ихъ содѣйствіи производились постоянные набѣги на русскія укрѣпленія, вызывавшіе, въ свою очередь, нападеніе на аулы. Значительно усилилъ ряды мюридовъ вождь и духовный глава абадзеховъ, Магометъ-Аминъ, пламенный проповѣдникъ, который неоднократно успѣшно боролся противъ русскаго праваго фланга, находившагося подъ начальствомъ генерала Евдокимова.



Пушка Шамиля, взятая подъ Салтами.
Съ лит. Тимма.

Главная цѣль, которую поставилъ себѣ Магометъ-Аминъ, состояла въ устройствѣ удачныхъ набѣговъ большими партіями горцевъ. Одинъ изъ такихъ набѣговъ былъ совершенъ въ 1854 году, когда Шамилевы полчища ворвались неожиданно въ Кахетію, переправились черезъ рѣку Алазань и напали на богатое помѣстье Цинондалы, принадлежавшее знатному представителю грузинской аристократіи, состоявшему на русской службѣ и преданному Россіи князю Давиду Чавчавадзе. Помѣстье они предали пламени, все, что было въ немъ цѣннаго, увезли, жену князя и ея сестру княгиню Орбеліани (дочерей царевича грузинскаго и внучекъ послѣдняго вѣнчаннаго государя Грузіи) съ дѣтьми, гувернанткою, прислугою и всѣми приближенными увели въ горы, въ надеждѣ получить за нихъ богатый выкупъ.

Вѣсть о дерзкомъ вторженіи мюридовъ въ самое сердце Кахетіи и о томъ, что они увели знатную семью хорошо извѣстнаго русскому государю воина—произвела потрясающее впечатлѣніе по всей Россіи.

По приказанію изъ Петербурга, къ Шамилю, въ аулъ Ведени былъ отправленъ уполномоченный спросить, какой выкупъ желаетъ имамъ за плѣнныхъ княгинь, и не согласится-ли онъ обмѣнить ихъ на находившихся въ русскомъ плѣну мюридовъ.

Шамиль отвѣтилъ:

— Передайте бѣлому падишаху, что Шамиль отпуститъ княгинь только тогда, когда падишахъ вернетъ ему сына Джемалэддина, который уже пятнадцать лѣтъ томится среди урусовъ... Я такъ сказалъ и, клянусь Аллахомъ, не измѣню моего слова...

Отвѣтъ имама рѣшилъ участь Джемалэддина, мечтавшаго навсегда остаться въ Россіи и на русской службѣ...

ГЛАВА IV.

Ураганъ и Кривоножка.—Горе Тэклы.

ПОЛНЫЙ неизъяснимо таинственной прелести вечеръ спустился надъ крѣпкими стѣнами Дарго-Ведени. Причудливыя облака разорвались на небѣ и одинокая, блестящая, въ видѣ золотого вѣнчика курослѣпа[1], звѣзда мигающимъ окомъ зажглась въ вышинѣ. Все затихло въ горномъ аулѣ... Въ сакляхъ сераля засвѣтились чираки. Кое-гдѣ лишь слышалось пѣніе молитвъ неутомимыхъ въ своемъ благочестіи мюридовъ.

На кровлѣ одной изъ саклей имамскаго дворца внезапно появились двѣ странныя небольшія фигуры. Это

[1] Цвѣтокъ, растущій въ горахъ.

были мальчикъ лѣтъ четырнадцати, необычайной красоты и семилѣтняя дѣвочка, ловкая и быстрая какъ котенокъ, несмотря на совершенно кривыя ноги, нарушавшія общую гармонію и стройность подвижной фигурки. Въ рукахъ дѣтей дымились горящія головни въ видѣ огненныхъ факеловъ, которыми они неистово размахивали надъ головами. Мальчикъ съ крикомъ гнался за дѣвочкой по плоской крышѣ, стараясь ее догнать, и хохоталъ во все горло.

— Качъ! Качъ![1]—кричалъ онъ, высоко потрясая головнею, и во всю прыть несся за хромоногой дѣвочкой. Но та не уступала ему въ ловкости и скорости бѣга. Быстро перебирая своими кривыми ножонками, она неслась какъ стрѣла, пущенная изъ лука, по самому краю крыши. Мальчикъ невольно одобрилъ ея ловкость довольно-таки своеобразнымъ комплиментомъ:

— Молодецъ Нажабатъ! Джигитъ будешь! Даромъ, что кривоногая коза!—и онъ громко захохоталъ, съ величайшимъ трудомъ, наконецъ, настигнувъ дѣвочку.

— Ахъ, ты, дувана![2]—вспыхнула та,—смотри лучше на себя! Въ твоей неразумной головѣ столько-же ума, сколько въ моемъ мизинцѣ, и сегодня еще мулла-алимъ жаловался матери, что ты столько-же смыслишь въ наукѣ, сколько дикій дунгузъ[3] въ персиковомъ шербетѣ.

И она, довольная своей остротой, залилась громкимъ хохотомъ.

Магометъ-Шеффи (такъ звали мальчика) вздрогнулъ съ головы до ногъ. Это уже было слишкомъ. Этого оскорбленія отъ сестры, дѣвчонки, онъ перенести не могъ.

— Я дувана? Я дунгузъ?—подступилъ онъ къ ней, размахивая пылающей головнею передъ самымъ ея носомъ,—вотъ подожди ты у меня... Я прижгу тебѣ твой гадкій языкъ, чтобы онъ не мололъ всякаго вздора!

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта ссора для ма-

[1] Сторонись! Сторонись! — [2] Глупецъ. — [3] Свинья.

ленькой Нажабатъ, если бы по счастью внизу со двора не послышался рѣзкій, крикливый голосъ Хаджи-Ребили, ея старухи-воспитательницы.

— Эй, Нажабатъ! На-жа-батъ!—кричала она,—куда забралась, горный козленокъ! Госпожа увидитъ — бѣда будетъ. Ступай внизъ. И ты тоже, Магометъ-Шеффи, слѣзай! Опять утащили вы головни изъ пекарни, глупыя дѣти! Вотъ вернется повелитель...

— Повелитель не скоро вернется... Онъ повезъ въ Хасавъ-Юртъ мѣнять грузинскихъ плѣнницъ на брата Джемалэддина, — задорно кричалъ изъ своей засады Магометъ-Шеффи. — Пока повелитель вернется, у тебя на носу успѣетъ вырасти шишка, а на языкѣ цѣлый кустъ архани[1], чтобы ты не могла такъ много ругаться и кричать,—заключилъ онъ, покатываясь со смѣху вмѣстѣ съ дружно вторившей ему Нажабатъ.

Дѣвочка, успѣвшая уже позабыть свою обиду на брата, теперь съ наслажденіемъ предвкушала „травлю“ Хаджи-Ребили, которую всѣ дружно ненавидѣли за ея воркотню и несправедливость.

— Что говоришь ты, Магометъ-Шеффи?—не разслышавъ его словъ, вопила та со двора, далекая отъ мысли услышать какую-нибудь дерзость.

— Для глухого уха мулла дважды не кричитъ съ минарета!—крикнула ей съ кровли за брата Нажабатъ.— Шеффи говоритъ, что очи твои—звѣзды, уста—розы, а щеки — утренняя заря,—присовокупила съ оглушительнымъ смѣхомъ шалунья.

— Яхши! Яхши!—сердито зашипѣла старуха,—вотъ я скажу мудрому Джемалэддину[2], да охранитъ Аллахъ его отъ всякихъ бѣдствій, чтобы онъ приказалъ нукеру[3] сорвать вѣтку карагача да...

---

[1] Цѣпкое растеніе. — [2] Ученый мудрецъ, воспитатель сыновей Шамиля и отецъ его второй жены Зайдетъ. Считался родственникомъ пророка. — [3] Слугѣ.

— Хо-хо, ты забыла, что никто не имѣетъ права ударить сына имама, — вызывающе крикнулъ со своей кровли мальчикъ. — Ты плохо знаешь, старуха, адаты своей страны!

— Яхши! Яхши! Не рано ли ты торжествуешь, Магометъ-Шеффи?—снова послышался внизу сердитый голосъ,—вотъ пристыжу тебя передъ братомъ, будетъ стыдно тебѣ.

И она съ громкимъ ворчаньемъ поплелась къ двери сераля.

— У—у! остроклювая ворона! Не боюсь твоего карканья. Вой чекалокъ относитъ вѣтеръ, и я не глупый джайронъ, чтобы страшиться его!—послалъ шалунъ вдогонку старухѣ. Потомъ быстро опустился на полъ кровли и, раздувая головню, такъ и сыпавшую искры, протянулъ, дѣлая недовольную гримасу:

— Скучно, Нажабатъ!

— Скучно, Шеффи!—въ тонъ ему отвѣчала дѣвочка.

— Отецъ въ наказаніе не взялъ встрѣчать Джемал-эддина... Хорошо, что не заперъ еще... Ахъ, Нажабатъ, когда-то я буду джигитомъ, какъ Кази-Магома! Кажется не доживу до того!—съ легкимъ вздохомъ произнесъ мальчикъ.—Когда грузинскія княгини были здѣсь — все-же было лучше. Ребятъ ихъ могли пугать и дразнить вволю. Весело это! А теперь выманили ихъ у насъ проклятые урусы... и скучно стало въ сералѣ...—плѣнницъ увезли... баранчуковъ [1] также; не надъ кѣмъ намъ больше подшутить да посмѣяться...

— А Тэкла? Тэкла осталась! или ты забылъ?

— И то правда! Пойдемъ къ ней, къ Тэклѣ, Нажабатъ!

— Мать увидитъ... попадетъ. Она строгая.

— Некогда попадать. Братъ Джемалъ пріѣдетъ — праздникъ будетъ, большой праздникъ. Въ родѣ байрама [2].

[1] Господскихъ дѣтей. — [2] Большой осенній праздникъ у мусульманъ.

Барановъ что переръжутъ—кучу! Изъ винтовокъ палить до ночи будутъ. Не до брани тутъ... Джемалъ—дорогой гость. Такъ пойдемъ-же къ Тэклѣ. Позабавимся вволю.

И въ тотъ-же мигъ быстрый, какъ ураганъ, мальчикъ, котораго иначе и не называли всѣ жители дворца какъ ураганомъ, и кривоногая дѣвочка взялись за руки и бѣгомъ ринулись съ кровли сакли по выложеннымъ сбоку деревяннымъ ступенямъ, не выпуская изъ рукъ догорающихъ головней.

* * *

Въ крошечномъ помѣщеніи, примыкающемъ къ пекарнѣ сераля, въ углу, на грязной цыновкѣ, лежитъ, скорчившись, маленькое бѣлокурое существо. При слабомъ свѣтѣ зажженнаго чирака можно разглядѣть худенькое-худенькое, изнуренное личико и большіе испуганные черные глаза. Дѣвочкѣ лѣтъ восемь съ виду. На ней что-то въ родѣ длинной рубашки, изодранной до неузнаваемости. Худенькое тѣльце сквозитъ отовсюду, едва прикрытое грязными лохмотьями. Дѣвочка тихо плачетъ, вздрагивая всѣмъ своимъ тщедушнымъ тѣльцемъ.

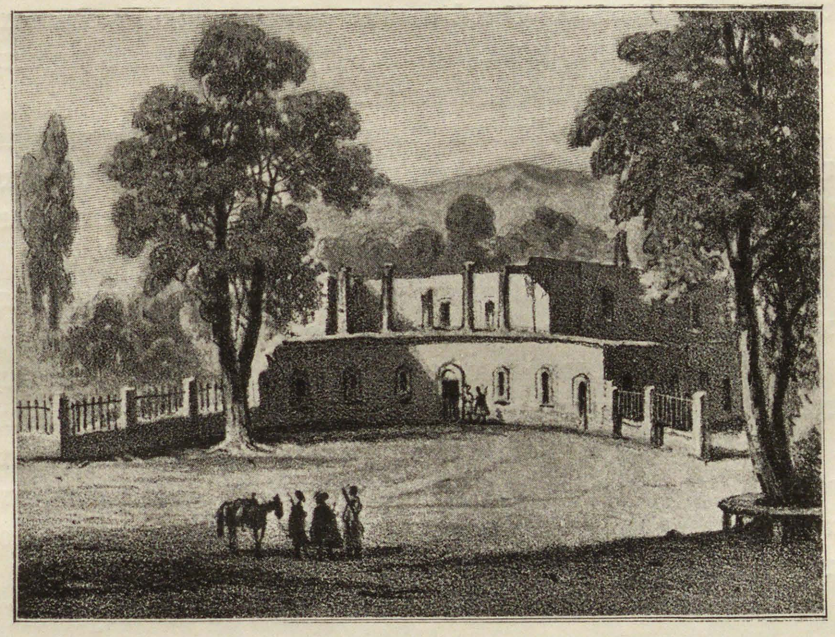
Это Тэкла, маленькая плѣнница Шамилева сераля, увезенная вмѣстѣ съ княгинями Чавчевадзе и Орбеліани во время набѣга на Цинондалы. Она теперь собственность старшей жены имама, завистливой и жестокой Зайдетъ.

Горе Тэклы ужасно...

Сегодня на зарѣ она узнала, что ея госпожа, добрая, ласковая княгиня Чавчевадзе, томившаяся около восьми мѣсяцевъ вмѣстѣ съ сестрою и дѣтьми въ плѣну у Шамиля, отпущена на свободу... И не только обѣ княгини, но и дѣти ихъ и весь женскій штатъ прислуги, томившійся вмѣстѣ съ ними, вернулись опять въ родную Грузію.

Она же, Тэкла, подруга игръ маленькихъ княженъ, должна остаться здѣсь, въ этомъ ужасномъ сералѣ у жестокой Зайдетъ, выпросившей ее у Шамиля. А вѣдь она

бѣдняжка такъ жаждала свободы!.. Могла-ли она думать о томъ, что ей приготовила безжалостная судьба? Она такъ надѣялась снова попасть въ родимыя Цинондалы, гдѣ такъ славно жилось подъ крылышкомъ ласковой княгини, съ розовой Соломе и веселой Маріей, ея подругами, старшими княжнами...



Помѣщичій домъ въ Цинондалахъ, разоренный мюридами, откуда было похищено семейство князя Чавчевадзе, 4-го іюня 1854 г.

Сама княгиня горько заплакала, разставаясь съ бѣдной, маленькой плѣнницею... Она благословила Тэклу, поцѣловала ее и, глядя ей въ глаза долгимъ, скорбнымъ взоромъ, произнесла съ трогательною материнскою добротою:

— Слушай, Тэкла, моя бѣдная, дорогая дѣвочка. Ты останешся здѣсь одна среди этихъ чужихъ и враждующихъ съ нами мусульманъ. Старайся не забывать Бога, дитя, и чтобы ни случилось съ тобою, помни о Немъ, Тэкла!

И обѣ заплакали горько, горько... Княгинѣ было жаль Тэклы, Тэклѣ жаль на-вѣки утерянной свободы.

Бѣдная малютка съ тоскою вспоминала тихія, ласковыя долины Грузіи, зеленыя поля и цвѣтущіе виноградники своей благословенной Кахетіи...

Какъ привольно и чудно жилось ей тамъ! Сколько веселыхъ, радостныхъ дней выпало ей на долю въ милыхъ ея сердцу Цинондалахъ... Какимъ чуднымъ сномъ прошло ея коротенькое розовое дѣтство!..

Отца и матери Тэкла не помнила вовсе. Они умерли, когда она была еще грудным дитятей. Съ младенческихъ дней княгиня взяла ее къ себѣ и ввѣрила попеченіямъ одной изъ прислужницъ.

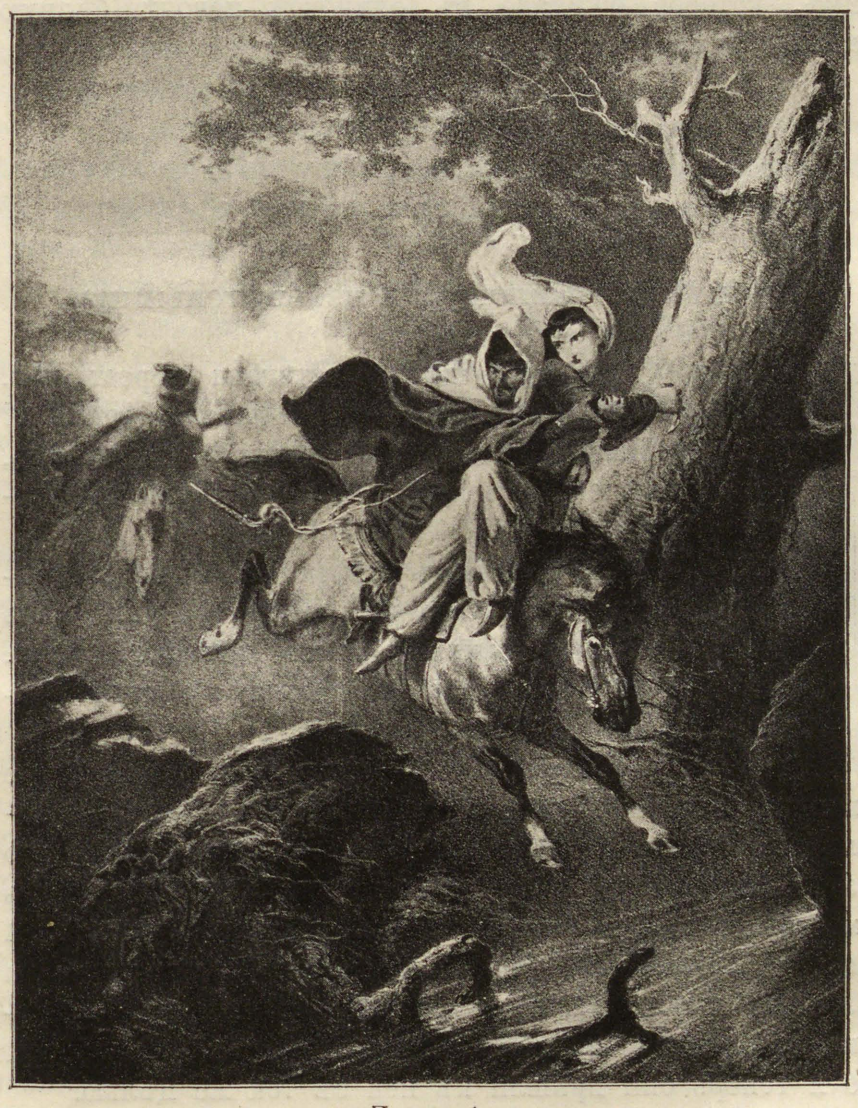
Ея воспоминанія неразлучны съ княжескимъ домомъ и маленькими княжнами, дѣтьми ея благодѣтелей...

Игры, смѣхъ, первые уроки азбуки подъ руководствомъ доброй учительницы—все это вмѣстѣ съ ними! Ей казалось тогда, что жизнь—это одна сплошная розовая сказка, одинъ свѣтлый радостный сонъ. И вдругъ это ужасное несчастье, обрушившееся надъ домомъ ея благодѣтелей!

Однажды (о, этого дня Тэкла никогда не забудетъ!), когда самъ князь во главѣ отряда грузинской милиціи выступилъ къ Шильдамъ противъ Шамилевыхъ полчищъ, уже пробравшихся въ Кахетію, они, дѣти, мирно играли въ саду вмѣстѣ съ Соломе и Маріей, подъ присмотромъ мадамъ Дюпре, доброй, веселой гувернантки-француженки. Вдругъ толпа крестьянъ прибѣжала оповѣстить княгиню, что мюриды уже поблизости, что они со всѣхъ сторонъ окружили Цинондалы... Спасаться времени нѣтъ... вся мѣстность кишитъ ими... Обезумѣвшая отъ страха княжеская семья вмѣстѣ со всей прислугой ищетъ спасенія въ садовой башнѣ...

Вскорѣ громкіе крики враговъ огласили садъ и дворъ замка.

Убѣжище ихъ открыто... Торжествующіе мюриды врываются въ башню, хватаютъ испуганныхъ на смерть жен-



Похищеніе.

Съ картины Зичи.

щинъ и увозятъ ихъ въ горы, въ глухой и недоступный для русскихъ аулъ, гдѣ восемь мѣсяцевъ томятся онѣ среди дикихъ, жестокихъ горцевъ...

И все-таки плѣнъ съ близкой ея сердцу семьею казался раемъ сравнительно съ тѣмъ неизвѣстнымъ будущимъ, которое ожидало въ одинокой неволѣ бѣдную маленькую Тэклу...

ГЛАВА V.

Мучители.—Бѣлокурая избавительница.

Эй, ты, дели мастагата керестень [1]! Чего ревешь, какъ раненая зайчиха? Или думаешь, мало ручьевъ въ горахъ, хочешь прибавить слезами горныхъ потоковъ?

И Магометъ-Шеффи, освѣщенный пылающимъ свѣтомъ своей головни, какъ темный джинъ, появился на порогѣ сакли. За нимъ лукаво усмѣхающаяся стояла Нажабатъ.

Слезы Тэклы стихли. Она испуганно вскочила со своей цыновки, уставившись на дѣтей исполненными страха глазами. Бѣдная малютка знала, что далеко не къ добру этотъ неожиданный приходъ двухъ самыхъ заядлыхъ и отчаянныхъ шалуновъ сераля. И прежде Магометъ-Шеффи и Нажабатъ появлялись на половинѣ плѣнницъ, лишь для того только, чтобы дразнить и мучить княжескихъ дѣтей. Тэкла не сомнѣвалась, что и теперь они пришли къ ней съ тою-же цѣлью.

— Эй, мастагата керестень, чего выпучила на меня свои круглыя плошки! Или ты слѣпа, какъ сѣрая сова при свѣтѣ солнца? Чего ты смотришь, точно я хочу при-

---

[1] Ты, Божій противникъ, крещеный (брань чеченцевъ).

готовить шашлыкъ изъ твоего мяса!—снова захохоталъ Магометъ-Шеффи своимъ рѣзкимъ, грубоватымъ смѣхомъ.

— Изъ нея невкусный шашлыкъ будетъ,—вторила ему, разѣвая ротъ до ушей, кривоногая Нажабатъ,—она худа и черна, какъ голодная волчиха...

— А вотъ мы попробуемъ!—не переставая смѣяться, вскричалъ мальчикъ и выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ, съ которымъ у горцевъ никогда не разлучаются ни взрослые, ни дѣти.

Тэкла въ страхѣ испустила жалобный крикъ.

— Господи! Что вы хотите дѣлать со мною!—залепетала на смерть испуганная дѣвочка, смотря во всѣ глаза на своихъ мучителей. За восемь мѣсяцевъ плѣна она успѣла, какъ и дѣти княгини, выучиться кое-какъ горскому нарѣчію.

— У—у! глупая кукушка!—засмѣялась Нажабатъ,—чего трепещешь, какъ пойманная ласточка! Эка невидаль, что Магометъ-Шеффи попробуетъ узнать, какого цвѣта течетъ кровь въ жилахъ урусовъ!

И говоря это, она схватила трепещущую Тэклу за руку. Ея братъ протянулъ было кинжалъ, чтобы напугать еще болѣе обезумѣвшую отъ страха дѣвочку. Но въ эту минуту глаза его быстро остановились на маленькомъ блестящемъ крестикѣ, выглянувшемъ изъ-подъ лохмотьевъ, наброшенныхъ на Тэклу.

— Вотъ славная штучка!—сказалъ онъ,—дай-ка мнѣ ее... Я подарю это той изъ нашихъ дѣвушекъ, которая станетъ моей женою, и она надѣнетъ эту игрушку себѣ на лобъ между звонкими монетами праздничныхъ украшеній.

И онъ протянулъ было руку, чтобы сорвать крестикъ съ груди испуганной Тэклы.

Дрожащей ручонкой маленькая грузинка схватилась за грудь. Весь ея страхъ разомъ пропалъ. Большіе, вымученные горемъ, черные глазенки съ негодованіемъ и гнѣ-

вомъ уставились въ самые зрачки мальчугана. Оскорбленная до глубины души въ своемъ религіозномъ чувствѣ, она забыла о томъ, что ждетъ ее въ случаѣ непослушанія, и только старалась всѣми силами спасти свой крестикъ.

— Не смѣй прикасаться къ нему нечистыми руками!— гнѣвно вскричала она, отступая назадъ съ горящими злобой глазами.

— О—о! Какъ зачирикала ласточка!—вспыхнувъ отъ бѣшенства и обиды, вскричалъ въ свою очередь Магометъ-Шеффи,—или ты не понимаешь, что говоритъ твой языкъ, проклятая гяурка! Отдай мнѣ крестъ или...

И онъ рѣшительно шагнулъ къ дѣвочкѣ съ протянутыми руками.

Вдругъ случилось что-то, чего не ожидали ни сама Тэкла, ни Магометъ-Шеффи, ни его сестра.

Чтобы спасти свое сокровище, маленькая грузинка быстро извернулась въ державшихъ ее сильныхъ рукахъ Магомета-Шеффи и съ громкимъ крикомъ—„такъ вотъ-же тебѣ, бритоголовый разбойникъ!“ изо всѣхъ силъ укусила его за палецъ.

Мальчикъ рванулъ руку и дико вскрикнулъ...

Не отъ боли вскрикнулъ Магометъ-Шеффи... Нѣтъ.

Слова Тэкли обожгли его больше укуса. Онъ—сынъ имама, одна изъ звѣздъ восточнаго неба, одинъ изъ розановъ на цвѣтущемъ кусту, онъ—будущій цвѣтъ и гордость всѣхъ наибовъ отъ Андійскаго хребта до береговъ Каспія, онъ получилъ позорное бранное слово, и отъ кого? Отъ презрѣнной плѣнницы, отъ проклятой гяурки!

Вся кровь бросилась въ голову не помнющему себя отъ обиды и ярости мальчику. Быстро схватился онъ за рукоятку кинжала... Минута... и Тэклѣ пришлось бы дорого поплатиться за ея вспыльчивость. Но Нажабатъ во-время остановила брата.

— Во имя Аллаха опомнись, Магометъ-Шеффи, сынъ

имама!—вскричала она.—Или ты забылъ, что плѣнная дѣвчонка принадлежитъ моей матери?.. Ты не простой барантачъ [1], чтобы пятнать свои руки о чужую собственность! Увидитъ мать кровь на ея тѣлѣ—бѣда будетъ! Не лучше-ли иначе расправиться съ ненавистнымъ волчонкомъ?

— И то правда! Мудрое слово молвила ты, Нажабатъ! — согласился съ сестрою мальчикъ. — Ну, берегись, скверная уруска,—съ бѣшено сверкающимъ взоромъ прокричалъ онъ въ самое лицо Тэклы.—Если нельзя узнать цвѣтъ твоей крови, я сумѣю прижечь твой проклятый языкъ, чтобы заставить его позабыть охоту браниться... Эй, Нажабатъ! Помоги мнѣ расправиться съ ней, — приказалъ онъ сестрѣ.

И прежде, чѣмъ Тэкла могла опомниться и понять, что съ нею хотятъ дѣлать, Магометъ-Шеффи однимъ движеніемъ бросилъ ее на полъ, а Нажабатъ съ ловкостью кошки прыгнула ей на грудь.

— Раскрой ей зубы кинжаломъ, Шеффи, я суну ей горяченькаго въ ротъ!—со смѣхомъ кричала дѣвочка.

Кинжалъ блеснулъ въ рукахъ мальчика... Горящая головня приближалась къ самому лицу Тэклы, обдавая ее ѣдкимъ дымомъ, спирающимъ дыханіе... Магометъ-Шеффи насильно разжалъ ей зубы кончикомъ кинжала, въ то время какъ не по лѣтамъ сильная Нажабатъ прижала ее къ полу, такъ что она не могла шевельнуть ни однимъ членомъ...

— Ну-ка, поговори у меня теперь, крикливая пичужка,—хрипѣлъ внѣ себя отъ бѣшенства, весь охваченный жаждой мести мальчикъ и быстро поднесъ головню къ раскрытому ротику Тэклы.

Дѣвочка вскрикнула и, затрепетавъ, какъ подстрѣленная птичка, закрыла глаза...

---

[1] Горцы, занимающіеся барантой, т.-е. набѣгами и грабежами.

— Магометъ-Шеффи! Нажабатъ! Безумныя дѣти! Остановитесь!—послышался испуганный и въ то же время властный голосъ съ порога.

Магометъ-Шеффи выронилъ горящую головню на полъ. Нажабатъ оставила въ покоѣ свою жертву. Въ одну минуту что-то легкое и быстрое бросилось къ распростертой на полу Тэклѣ, и факелъ вмигъ былъ затушенъ подъ маленькой, но сильной ногой.

Передъ троими дѣтьми предстала высокая стройная дѣвочка лѣтъ одиннадцати съ бѣлокурыми (что очень рѣдко встрѣчается у горцевъ Кавказа) косами, перевитыми монетами и бляхами въ видѣ полумѣсяцевъ, съ такими-же серьгами въ розовыхъ ушахъ. На ней была длинная синяя сорочка, домашняя одежда горянокъ, и полосатые туманы изъ недорогого шелка.

Тонко очерченное прелестное личико бѣлокурой дѣвочки дышало необычайной кротостью и добротой. Черные глаза подъ пушистыми рѣсницами, обычно кроткіе, какъ у лани, теперь сверкали горячимъ огнемъ.

Это была Патиматъ—любимая дочь Шамиля, добрый геній дворца, добрѣйшее въ мірѣ существо. Она и вторая жена имама, Шуанетъ, совершенно не подходили своими кроткими нравами къ дикимъ и грубымъ натурамъ остальныхъ обитательницъ сераля во главѣ съ самою Зайдетъ.

Написетъ—старшая дочь имама, родная сестра Патиматъ, Кази-Магомы и Магометъ-Шеффи, не принадлежала ни къ добродѣтельной, ни къ темной сторонѣ женскаго отдѣленія дворца. Это была флегматичная, но не злая дѣвочка, равнодушно относящаяся къ жизни, ея радостямъ и невзгодамъ. За то одиннадцатилѣтняя Патиматъ вся горѣла и волновалась, принимая близко къ сердцу совершавшіяся вокругъ нея событія. И теперь бѣлокурая дѣвочка, услыхавъ крики и смѣхъ въ саклѣ, разомъ почувствовала, что тамъ творится что-то неладное, и кинулась туда.

Магометъ-Шеффи стоялъ передъ сестрою...

— Глупыя дѣти!—кричала она, задыхаясь, на Нажабатъ и Шеффи.—Или вы не знаете, что по адату страны нападеніе сильнаго на слабыхъ равняется барантѣ?.. Не плачь, Тэкла! Не плачь, бѣдная горленка; пока ты со мною, никто не посмѣетъ обидѣть тебя,—обратилась она къ маленькой грузинкѣ, обнявъ ее за плечи и прижимая ее къ груди.

Дочери Шамиля: Нажабатъ, Патиматъ, Аминатъ, Написетъ.
Съ фотографіи.

Сконфуженный Магометъ-Шеффи, молча опустивъ голову, стоялъ передъ сестрою, перебирая рукою серебряные газыри у себя на груди.

— Вотъ дувана... вотъ дели-акызъ [1]... чего реветъ какъ голодная чекалка?.. Для нея же лучше хотѣли сдѣлать... Припеки я капельку ея длинный языкъ головнею

[1] Сумасшедшая дѣвчонка.

и она попала-бы въ число шагидовъ [1], наполняющихъ рай,—съ дѣланнымъ смѣхомъ произнесъ онъ, тщательно избѣгая въ то-же время встрѣчаться взоромъ съ прямыми и чистыми глазами Патиматъ.

— Убирайся отсюда, Магометъ-Шеффи, и ты уходи съ моихъ очей, Нажабатъ! Вы жестоки, какъ дикія кошки, и клянусь именемъ Аллаха мудрѣйшій устасъ-д-дыни [2], Джемалэддинъ, твой наставникъ, Шеффи, не похвалитъ тебя за это!

Шулнатъ, жена Шамиля.
Съ портрета Тимма.

— Клянусь! дѣдушка Джемалэддинъ не разгнѣвается на насъ, успокойся, мой братъ Магометъ Шеффи! — весело вскричала, перебивая сестру, живо оправившаяся отъ своего смущенія Нажабатъ, — развѣ ты не знаешь, что дѣдушка бываетъ добръ, какъ ангелъ Джабраилъ, когда послушаетъ моихъ пѣсенокъ?

— И то правда! Ты поешь сладко, какъ гекоко [3] и нѣжно, какъ буль-буль! [4]—обрадовался Магометъ-Шеффи.—Слышишь-ли ты, святоша Патиматъ, мы не боимся твоихъ угрозъ до тѣхъ поръ, пока у сестрички Нажабатъ не станетъ голосъ сухимъ и страшнымъ, какъ у старой Хаджи-Ребили, —

---

[1] Мучениковъ. — [2] Мастеръ религіи. Джемалэддинъ былъ мудрецъ по религіознымъ вопросамъ и проповѣдникъ тариката. — [3] Пѣвецъ, сказочникъ; лицо, пользующееся особымъ почетомъ у горцевъ. — [4] Соловей.

засмѣялся онъ снова и взапуски съ младшею сестрою кинулся вонъ изъ сакли.

Черезъ минуту гдѣ-то на кровлѣ сераля раздался звонкій, какъ струна чіанури, голосокъ, распѣвающій пѣсенку:

Между звѣздъ златыхъ востока
Ярче всѣхъ горитъ одна...
Всѣхъ лучистѣе сверкаетъ,
Всѣхъ прекраснѣе она!..
Въ нѣдра душнаго сераля
Заперъ насъ страны адатъ,
Но и тамъ звѣздѣ подобно
Ярко блещетъ Нажабатъ...

Магометъ-Шеффи сказалъ правду: слаще соловьиной трели и нѣжнѣе струнъ чіанури пѣла маленькая мучительница бѣдняжки Тэклы...

ГЛАВА VI.

Отецъ и сынъ.

ВЪ то время, какъ между обитателями сераля, тихо, чуть замѣтно волнуясь, шла обычно-монотонная жизнь затворницъ; глава и распорядитель этой жизни, съ громаднымъ отрядомъ феварисъ [1], состоящимъ изъ пяти тысячъ всадниковъ, расположился на огромной плоскости, примыкающей къ берегу рѣки Мечикъ. Окруженный своимъ отрядомъ, среди ближайшихъ изъ своихъ старѣйшинъ, подъ нанковымъ зонтикомъ, предохраняющимъ отъ палящихъ лучей солнца, сидѣлъ Шамиль. Передъ нимъ на

[1] Кавалерія изъ кабардинцевъ.

небольшой подставкѣ лежала подзорная труба, въ которую онъ поминутно поглядывалъ, опускаясь отъ-времени-до-времени передъ ней на колѣни.

За эти пятнадцать лѣтъ онъ немало измѣнился. Взоръ сталъ напряженнѣе, вѣки сощурились. Множество мелкихъ морщинъ изрѣзали худое, блѣдное лицо имама. Продольная складка на лбу говорила о заботахъ и думахъ. И все-же прежней силой и мощью вѣяло отъ него. Глаза сверкали, несмотря на прижмуренныя вѣки, яркимъ, почти юношескимъ огнемъ. Горделиво и стройно держалась не по годамъ статная и гибкая фигура. Что-то величаво-царственное застыло въ подвижныхъ чертахъ красиваго и спокойнаго лица... Да, спокойнаго, даже и теперь, когда сердце его кипѣло жаждою увидѣть сына послѣ пятнадцати лѣтъ разлуки, а грудь тѣснилъ какой-то тяжелый клубокъ, не то сдавленныхъ слезъ, не то затаеннаго счастья...

Скоро, сейчасъ онъ его увидитъ... Увидитъ своего Джемала, оторваннаго отъ отцовской груди. За нимъ поѣхали туда и Кази-Магома, и Джемалэддинъ, его бывшій воспитатель, и почетнѣйшіе наибы изъ его свиты... Обмѣнъ грузинскихъ плѣнницъ на дорогого аманата долженъ свершиться при самыхъ торжественныхъ условіяхъ. Надо показать гяурамъ, какъ дорожитъ имамъ возвращеніемъ сына, какъ дорогъ его отеческому сердцу Джемалъ! Тридцать пять лучшихъ всадниковъ-джигитовъ переправились на ту сторону Мечика, чтобы служить конвоемъ сыну и мама. Шамиль жалѣетъ, что русскій саибъ воспротивился ему послать туда-же всю его блестящую феварисъ. А то-бы онъ показалъ гяурамъ, что въ дикихъ горахъ Андіи онъ сумѣлъ усовершенствовать свои войска.

Чу!

Выстрѣлы изъ винтовокъ возвѣщаютъ, что обмѣнъ свершился. Имамъ невольно вздрагиваетъ и, полузакрывъ глаза, возноситъ къ престолу Аллаха горячую молитву.

Слава Вѣчному! Его сынъ возвращнъ!

— Мой вѣрный Юнусъ! — говоритъ имамъ почтительно склонившемуся передъ нимъ одному изъ приближенныхъ.—Мой вѣрный Юнусъ, глаза мои ослабли, туманъ застилаетъ мнѣ зрѣніе. Скажи, ты ничего не видишь отсюда?

— Я вижу толпу всадниковъ, повелитель! Они скачутъ сюда во весь опоръ...

— А впереди? Впереди... ты не можешь различить кто скачетъ? Кого ты видишь во главѣ отряда, Юнусъ?

Голосъ имама вздрагиваетъ и обрывается, какъ натянутая струна чіанури.

— Я вижу Кази-Магому, моего господина, мой повелитель,—отвѣчаетъ почтительно Юнусъ.—А рядомъ съ нимъ...

— А рядомъ съ нимъ?..—прерываетъ его Шамиль взволнованно,—кого ты видишь, говори, Юнусъ?..

— Я вижу стройнаго всадника на бѣломъ конѣ...

— Онъ въ одеждѣ русскаго саиба? не такъ-ли, Юнусъ?—трепещущимъ голосомъ вырывается изъ груди Шамиля.

— Онъ въ чохѣ и папахѣ, какъ подобаетъ горцу, повелитель!—тихо, но увѣренно отвѣчаетъ тотъ.

Радостная улыбка озаряетъ лицо имама. Онъ не былъ убѣжденъ, посылая своего казначея Хаджи съ горской одеждой для сына, что Джемалэддинъ послушается его и смѣнитъ свой золотомъ шитый офицерскій мундиръ на чеченскій бешметъ и шальвары. Но вотъ онъ опять горецъ, настоящій горецъ!.. Онъ кровь отъ крови его, Шамиля, плоть отъ плоти его...

—О! Джемалъ! Сынъ мой первородный! Золотая звѣзда моихъ очей!—шепчетъ Шамиль, умиленно вперивъ въ солнечную даль свои сощуренные глаза...

Почтительно склонивъ головы, стоитъ его свита... Наибы не должны замѣтить волненія своего повели-

теля, ни минутной слабости, поразившей гордую душу святѣйшаго. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Быстро приближаются всадники... Впереди, на бѣлой лошади, красивый и блѣдный, съ горящими глазами, скачетъ Джемалэддинъ. Его взоръ затуманенъ тоскою, его губы плотно и скорбно сжаты. Душа его исполнена волненія... Тамъ, у противоположнаго берега Мечика, онъ только-что простился со своими... Баронъ Николаи подарилъ ему свою шашку, шашку героя, отличеннаго царемъ.

— Смотри, Джемалъ! Не руби ею нашихъ!—тихо, съ улыбкой сказалъ онъ ему.

— Ни вашихъ, ни нашихъ! Клянусь этой шпагой, баронъ!—отвѣчалъ онъ генералу, цѣлуя золотой эфесъ поданнаго ему оружія.

И потомъ... что было потомъ!.. Онъ видѣлъ цѣлую бездну радостнаго восторга при встрѣчѣ несчастнаго князя Чавчавадзе съ его женой и малютками! Эти поцѣлуи, слезы счастья, объятія и тихій, подавленный, радостный смѣхъ!.. блаженный смѣхъ! Онъ, Джемалэддинъ, никогда его не забудетъ...

И тогда-же всѣ взоры обратились къ нему... Ему обязаны своимъ спасеніемъ плѣнные. Онъ ихъ герой. Онъ избавитель.

Женщины-плѣнницы обращаютъ къ нему счастливые, затуманенные слезами взоры.

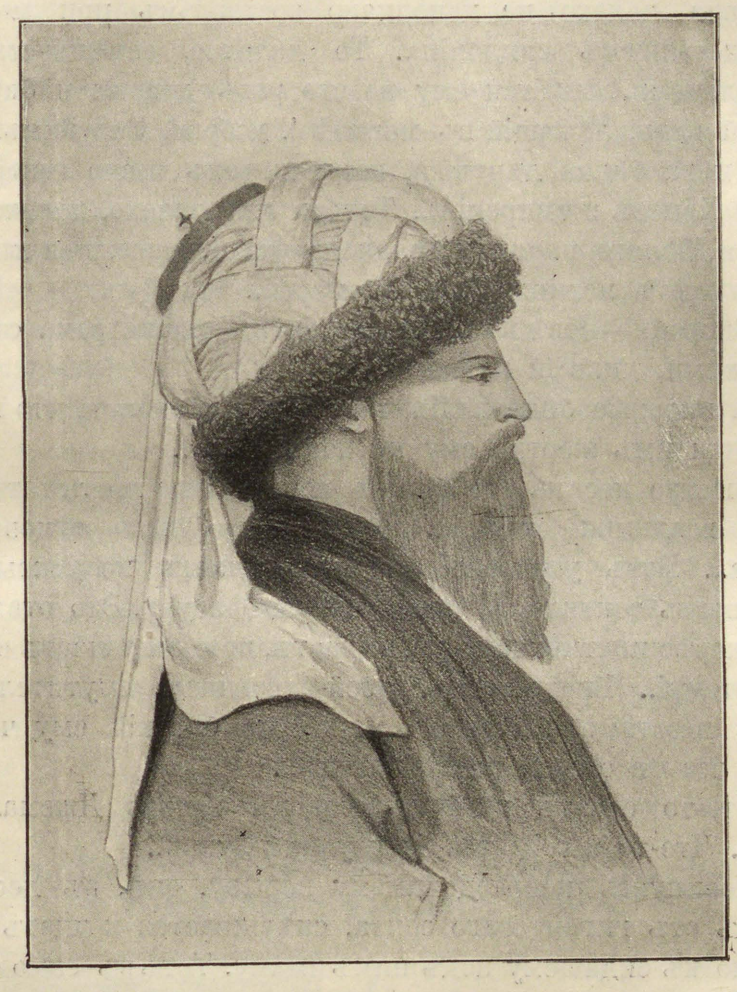
Князь Чавчавадзе жметъ его руку и шепчетъ:

— Клянусь, до могилы не забуду я вашей жертвы, Джемалэддинъ!

Но почему-же не радостью сіялъ взоръ Джемалэддина въ тѣ мгновенья? Почему не отъ счастья трепетала душа?

Съ той минуты, когда, надѣвъ на свои плечи по желанію отца горскій нарядъ, поданный ему однимъ изъ слугъ Шамиля, онъ пожалъ въ послѣдній разъ руки своихъ друзей.

русскихъ офицеровъ, точно что-то оборвалось въ сердцѣ Джемалэддина, тихо звякнувъ, какъ порванная струна.. Все близкое ему, все дорогое, русское, прерывало съ нимъ всякую связь съ этой минуты... Начиналась новая жизнь



Портретъ Шамиля, нарисованный княгиней Чавчавадзе во время пребыванія въ плѣну у горцевъ.

среди родного по крови, но чуждаго по духу народа... Встрѣча съ братомъ не шевельнула ни малѣйшихъ струнъ нѣжности въ его душѣ... За пятнадцать лѣтъ, проведенныхъ подъ сѣвернымъ небомъ, въ мозгу

Джемала исчезъ самый слѣдъ воспоминанія о братѣ сверстникѣ. Онъ обнялъ, однако, Кази-Магому, досадуя внутренно на себя на недостатокъ нѣжности и чувства къ нему.

И теперь, летя во весь опоръ къ ставкѣ отца, сердце Джемала далеко не наполнено восторгомъ при мысли о предстоящемъ свиданіи... То далекое, оставшееся за его плечами, кажется ему во сто разъ дороже и ближе: Бѣлый царь, лежащій въ могилѣ [1], добрый Зарубинъ, его жена и та бѣлая дѣвушка, которая такъ дивно говорила ему о Христѣ и смиреніи... Теперь они далеко, далеко—и могила Бѣлаго царя, и милая дѣвушка, зажегшая въ его груди свѣтъ истинной святой вѣры...

Впереди—невѣдомый отецъ, невѣдомая страна съ ея жестокими, дикими нравами.

И впервые бѣдный Джемалэддинъ сознаетъ, что принесенная имъ жертва ему не подъ силу...

Быстро несетъ его бѣлый конь... Быстро летятъ за нимъ всадники отряда... Вотъ уже близко отцовская ставка... Вотъ уже онъ ясно различаетъ полускрытую огромнымъ зонтикомъ человѣческую фигуру. Это отецъ... Онъ скорѣе инстинктомъ угадываетъ, нежели узнаетъ его...

Отецъ!.. Врагъ его друзей-русскихъ... смутитель и вождь возставшей страны... и все-же близкій ему человѣкъ, все-же отецъ, родной отецъ!..

Что-то екаетъ помимо воли въ сердцѣ Джемалэддина... Что-то загорается въ глубинѣ души...

Повинуясь непреодолимому порыву, онъ, въ десяти шагахъ отъ гигантскаго зонта, спѣшивается и идетъ поспѣшно къ сидящему подъ нимъ имаму. Тотъ въ свою очередь поднимаетъ голову и впивается въ сына проницательными, чуть сощуренными глазами. И вдругъ онъ быстро поднимается безъ посторонней помощи и вытягивается

---

[1] Императоръ Николай Павловичъ умеръ незадолго. Дѣло обмѣна плѣнныхъ на аманата продолжалъ вести наслѣдовавшій престолъ отца Императоръ Александръ II.

во всю величину своей высокой, стройной, далеко не старческой фигуры...

Отецъ поджидаетъ сына... Сынъ спѣшитъ къ отцу...

Что-то сильнѣе и настойчивѣе заговорило въ сердцѣ Джемалэддина... Что-то подступаетъ къ сердцу и гложетъ его...

Вотъ онъ уже въ пяти шагахъ отъ отца... Ему хорошо видно, какъ тихія слезы текутъ по лицу Шамиля...

Джемалэддинъ вздрагиваетъ. Эти слезы рѣшили все... Радость отца невольно растрогала чуткую душу сына, Впечатлительное сердце Джемала забило тревогу...

Съ тихимъ крикомъ, выскользнувшимъ изъ самыхъ нѣдръ души, рванулся онъ къ Шамилю... Послѣдній широко раскрылъ объятія...

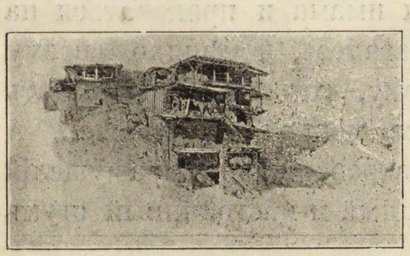
И потерянный, но вновь обрѣтенный сынъ упалъ на грудь своего стараго отца...

Въ эту-же минуту могучій имамъ и грозный вождь всей Чечни и Дагестана исчезъ куда-то. Передъ лицомъ пятитысячной толпы горцевъ остался лишь слабый отецъ, горный орелъ, заполучившій снова въ свое гнѣздо вернувшагося послѣ столькихъ лѣтъ орленка...

Могучій имамъ и грозный вождь заплакалъ, какъ ребенокъ...

ГЛАВА VII.

Маленькая крѣпость.—Разсказъ стараго солдата о томъ, какъ умирали герои.



СРЕДИ непроходимыхъ ущелій и грозныхъ твердынь Дагестана, среди бездны и лѣсовъ непроходимой страны, между бурливымъ Андійскимъ Койсу, развѣтвленнымъ на безчисленные рукава и истоки, у подножія гор-

наго кряжа, притаилась маленькая крѣпость. И не крѣпость даже, а укрѣпленіе, обнесенное земляным валомъ, наскоро обнесенное частоколомъ, съ неизбѣжнымъ брустверомъ и рвомъ, окружающимъ его.

Съ назначеніемъ намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ кавказскимъ корпусомъ князя Александра Ивановича Барятинскаго, такихъ маленькихъ крѣпостей и укрѣпленій выросло немало въ горахъ. Теперь дѣйствія противъ горцевъ сводились у русскихъ къ правильному укрѣпленію въ непроходимыхъ дебряхъ нагорнаго Дагестана, къ расчисткѣ лѣсовъ и закладкѣ такихъ крѣпостей и укрѣпленій тамъ, гдѣ до сихъ поръ бѣгали лишь одни чекалки да туры, и гдѣ горный исполинъ-медвѣдь съ оглушительнымъ ревомъ прокладывалъ себѣ дорогу.

Шамиль за это время мало безпокоилъ русскихъ, сосредоточивъ всѣ свои силы на укрѣпленіи Ведени... Его слава начинала уже меркнуть, его солнце закатывалось за горизонтомъ. Воинственный духъ мюридовъ упалъ вслѣдствіе частыхъ неудачъ и обнищанія, такъ что подчинить ихъ своей волѣ Шамиль могъ лишь посредствомъ жестокихъ наказаній. И, тѣмъ не менѣе, горскія племена успѣли кое-гдѣ отложиться отъ своего имама, притѣсняемыя его наибами, которые всячески прижимали и обирали горскій народъ. Непосильные закляты [1] и фильтряты [2], невозможные фараджи [3], все это заставляло несчастныхъ, обремененныхъ налогами таулинцевъ уходить изъ-подъ власти имама и предаваться на сторону русскихъ. Счастье, казалось, измѣняло своему любимцу. Число преданныхъ ему, готовыхъ продолжать дѣло газавата, становилось все меньше и меньше... А русскіе проникали въ самыя сокровенныя нѣдра ущелій и горъ, и всюду раздавался упорный и настойчивый стукъ

[1] Приношеніе въ пользу властей. — [2] Приношеніе въ пользу духовенства. — [3] Подати.

топора и визгъ пилы, пролагающихъ путь, посредствомъ срубки гигантовъ-деревьевъ, въ самыя непроходимыя трущобы имамова царства.

Маленькая крѣпость у подножія горы была однимъ изъ вооруженныхъ пунктовъ, охраняющихъ тѣ мѣста, гдѣ была проложена дорога. Въ ней былъ небольшой гарнизонъ, производившій необходимыя работы по рубкѣ лѣса и устройству просѣкъ.

Тихо и монотонно протекала жизнь за высокимъ, прочно сколоченнымъ частоколомъ. Изрѣдка лишь изъ

Типы русскихъ солдатъ, героевъ кавказской войны.
Съ литографіи Тимма.

Куринскаго укрѣпленія приходили сюда транспорты съ провизіей или прилеталъ казакъ съ „летучками“ и газетами, разсказывающими маленькой крѣпости о томъ, что дѣлалось въ остальномъ большомъ свѣтѣ.

Маленькая крѣпость словно затерялась среди большого міра и никому не было дѣла до ея крошечныхъ интересовъ, до ея небольшого гарнизона, состоящаго изъ полуроты солдатъ. На брустверѣ крѣпости находились двѣ пушки, вызывающе поглядывающія по направленію лѣса. Комендантъ маленькой крѣпости, капитанъ Поляновъ, и его помощникъ, хорошо знакомый уже читателю Михаилъ Борисовичъ Зарубинъ или про-

сто Миша, были единственными офицерами крошечнаго гарнизона.

Съ тѣхъ поръ, какъ Миша простился со своимъ другомъ Джемаломъ на берегу Мечика неподалеку отъ Асавъ-Юрта, прошло два года.

Однообразно и монотонно протекли эти два года для пылкаго юноши, жаждущаго подвиговъ и битвъ. Правда, изрѣдка во время рубки лѣса появлялись небольшія шайки чеченцевъ и поднимали стрѣльбу по вышедшему на работу гарнизону. Но это-ли была та боевая, полная заманчивой таинственной опасности жизнь, о которой грезилъ въ корпусѣ молоденькій кадетъ?

Его письма къ роднымъ, въ далекій Петербургъ, звучали замѣтнымъ оттѣнкомъ неудовольствія и разочарованія.

Утреннее ученіе солдатъ, стрѣльба въ цѣль, рубка лѣса отправляемыми для этой цѣли партіями, а подъ вечеръ долгое просиживаніе на брустверѣ въ мечтахъ о болѣе счастливомъ будущемъ, до тѣхъ поръ, пока неизмѣнно ворчливый старикъ Потапычъ напоминаетъ о стаканѣ чая и теплой, мягкой постели—вотъ и вся крѣпостная жизнь, доканывающая скудостью своихъ впечатлѣній молодого офицера.

— Хоть-бы надумалъ Шамилька сдѣлать набѣгъ на нашу мѣстность, хоть-бы ненарокомъ наткнулся на наше гнѣздо да понюхалъ пороху!—тоскливо вырывалось не разъ изъ груди Миши, когда онъ вмѣстѣ со своимъ единственнымъ и ближайшимъ начальникомъ сидѣлъ за стаканомъ чая въ крошечномъ помѣщеніи барака, носившаго громкое названіе „Офицерскаго собранія“.

— Эхъ, Зарубинъ, молодъ ты, я вижу, кровь у тебя горячая!—съ улыбкой останавливалъ его Алексѣй Яковлевичъ Поляновъ, испытанный уже въ бою заслуженный офицеръ.—Бога благодарить надо, что Онъ не надоумилъ гололобыхъ забрести ненарокомъ въ нашу сторонку и разнести укрѣпленіе въ пухъ и прахъ...

— Ну, вотъ еще!—вызывающе говорилъ на это Зарубинъ,—вотъ еще что выдумалъ! Да я былъ-бы радъ-радешенекъ подраться какъ слѣдуетъ разъ-другой и отвести душу. Вѣдь и солдатики наши совсѣмъ затосковали въ бездѣйствіи, а въ пушкахъ давно паукъ паутину свилъ.

Алексѣй Яковлевичъ только рукой махалъ да молча качалъ головою на всѣ эти рѣчи своего юнаго друга.

* * *

Вечеръ тихо вѣялъ чуть примѣтнымъ дыханіемъ вѣтерка... Бездны темно курились сизымъ туманомъ. Дневные цвѣты медленно сжимали свои полузавядшіе нѣжные лепестки... Дикія розы, растущія въ ущельяхъ, запахли сильнѣе...

Одинъ изъ героевъ кавказской войны: фельдфебель Рындинъ, отличившійся при штурмѣ Мискинжи.

Команда маленькой крѣпости, наскоро поужинавъ въ длинной и безобразной постройкѣ — полуземлянкѣ, полубаракѣ—разошлась кто куда по валу и небольшой полянкѣ, окружающей крѣпость.

Миша Зарубинъ сидѣлъ на брустверѣ, спустивъ ноги внизъ надъ рвомъ, и, методично покачиваясь изъ стороны въ сторону, внимательно вслушивался въ то, что разсказывалъ старый, видѣвшій виды въ бояхъ дядька-фельдфебель окружавшимъ его на крошечномъ плацу крѣпости солдатикамъ.

— И вотъ, братцы мои,—повѣствовалъ гнусливымъ

голосомъ фельдфебель,—было насъ въ Михайловскомъ до пятисотъ человѣкъ гарнизону... Все больше изъ Тенгинскаго да Черноморскаго баталіоновъ. Народъ все испытанный, служилый... А начальникомъ былъ намъ даденъ капитанъ Лико, матерый начальникъ, нечаво и говорить, хошь на самого Шамилку съ голыми руками... И большой почетъ ему отъ нашего брата былъ за это. Извѣстное дѣло: храберъ! Ну-съ, это, значитъ, какъ взяли Лазаревское гололобые, созвалъ насъ отецъ командеръ всѣхъ до единаго солдата и говоритъ:

— „Братцы,—говоритъ,—мюриды близко, Лазаревское взяли и къ намъ анаѳемы идутъ. Заранѣе говорю, братцы: отступленія не будетъ. Либо побѣда, либо смерть!“—Такъ и сказалъ... Ей-Богу! Ну, мы ему, знамое дѣло, „уру“ прокричали, чинъ чиномъ, какъ слѣдуетъ, а у самихъ кошки на сердцѣ скребутъ. Какая тамъ побѣда, коли насъ пять сотенъ, считая нестроевыхъ и больныхъ, а гололобыхъ видимо-невидимо, тьма-тьмущая. Отецъ Паисій послѣ всенощной исповѣдывать сталъ. Дѣло извѣстное,—все можетъ случиться... Чистое бѣлье надѣли, чтобъ, значитъ, не въ затрапезной амуниціи передъ Всевышнимъ предстать въ случаѣ чего... Апосля охотниковъ вызвали, кто это, значитъ, въ случаѣ пораженія, крѣпость взорветъ, чтобъ не досталась гололобымъ... Вышелъ одинъ солдатикъ, Архипъ Осиповъ, Тенгинскаго полка рядовой... Самъ изъ себя мозглявый такой, какъ сейчасъ вижу, да хлябоватый, въ чемъ душа держится... Зналъ я его хорошо! На гармошкѣ дьявольски-здорово игралъ, инда до слезъ прошибало,—къ гармошкѣ, значитъ, парень приспособился...—„Я,—говоритъ,—согласенъ, ваше благородіе, пороховой погребъ взорвать, ежели, въ случаѣ, значитъ, неудача“...—А у самого глаза горятъ, будто у больного. Обнялъ его капитанъ Лико эта, значитъ, поцѣловалъ... Потомъ стали мы врага дожидаться... Всю ночь никто не ложился, тревоги ждали. На зарѣ, съ разсвѣтомъ гля-

димъ: валютъ „они“... видимо-невидимо... И конные, и пѣшіе, что твоя саранча... И прямо эта, значитъ, на штурмъ... Рвы засыпали... Лѣзутъ... Мы ихъ на штыки первымъ дѣломъ: такъ молъ и такъ, кому жизнь не дорога, пожалуйте безъ сумлѣнья.—Дрогнули они, не выдержали русскаго гостинца и вспять... А мы ихъ картечью въ спину эта, значитъ! Лихо! И много они разъ такъ нале-

Подвигъ рядового Архипа Осипова 23 марта 1840-го года.
Съ картины худ. Козлова.

тали, ужь и не упомнить... А мы ихъ опять да опять картечью... Безъ счета разъ... А только и они не промахъ... Повернутъ обратно, да и снова на стѣны... А тутъ вскорости и закипѣло... Прямо на штыки такъ и прутъ. Ну, чистый адъ... Насъ сотни, ихъ тыщи... Убьешь одного, десятокъ на евономъ мѣстѣ, словно грибъ вырастетъ... Ружья до того понакалились, что держать было невозможно въ рукахъ... А они все лѣзутъ и лѣзутъ, словно

ополоумѣвшіе, только Аллу своего воютъ, чисто лаютъ, собаки... Мы ихъ, они насъ... Куда ни глянешь—груда тѣлъ, одно на другое навалены, что твои полѣнья. Ужь много господъ офицеровъ выбыло изъ строя; замѣсто ихъ юнкера командуютъ... унтера тожъ... Плохо наше дѣло... Сами видимъ... этого не скроешь... Ужь менѣе сотни осталось у насъ... А тутъ они ворвались да въ рукопашную внизу-то, въ самой серединѣ крѣпости... Ну, видимъ, дѣло пропало... Вотъ тутъ-то Архипъ Осиповъ и рѣшился: пришелъ его часъ. Черкесы окружили погребъ... Туда, сюда... Крышу разобрали, во внутрь сунулись... Увидѣлъ это Архипъ, что враги это, значитъ, тамъ какъ мухи на сахаръ прилипли, схватилъ горящій фитиль отъ лафета, да внутро съ нимъ какъ сунется... И такой тутъ, братцы вы мои, трескъ вышелъ, что не приведи Господи! И чеченцевъ всѣхъ повзорвало, и погребъ, и Архипа... Тамъ и похоронилъ себя на-вѣки бѣдняга. А тольки царь-батюшка его, хоша и мертваго, а достойно почтилъ. Приказалъ это, значитъ, навсегда его въ спискѣ Тенгинскаго полка оставить и первымъ рядовымъ въ ротѣ считать. И на всѣхъ перекличкахъ приказалъ имя его читать и при опросѣ имени отвѣчать дежурному солдату:—„Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“.— Такъ-то! А потому ерой. Кабы живъ остался, Егорья бы на грудь навѣсили, ну, а мертвому память почтили... А на видъ былъ мозглявый да хлябый такой, и еройства этого самаго въ немъ не видать было... Только что на гармошкѣ жарить умѣлъ за милую душу...

— Ну, а враги укрѣпленіе то-есть это самое взяли, дяденька?—полюбопытствовалъ, перебивъ разсказчика, какой-то солдатикъ.

— Взяли, братецъ мой, взяли... Вѣдь ихъ одиннадцать тысячъ привалило, а насъ только всего-на-всего пятьсотъ было. Взяли, братцы мои, взяли. Только не много отъ этого и поживились гололобые. Груды развалинъ

Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія.

Картина проф. Ф. Рубо.

замѣста Михайловскаго имъ достались. А кто изъ нашихъ—восемьдесятъ человѣкъ раненыхъ были, такъ насъ въ плѣнъ это, значитъ, и забрали съ самимъ капитаномъ Ликой во главѣ... Потомъ государь-батюшка изъ плѣну выкупить изволилъ. За имъ, милостивцемъ, служба не пропадаетъ николи! Такъ-то, братцы! А таперича ступай на боковую... Спать пора!

И, громко зѣвнувъ, старый солдатъ двинулся къ казармѣ. За нимъ послѣдовали остальные. Постепенно глубокая тишина воцарилась въ крѣпости.

Только изрѣдка доносился громкій перекликъ часовыхъ, взывающихъ во мракѣ ночи свое обычное „слуша-ай“.

Миша, весь исполненный волненія вслѣдствіе слышаннаго имъ разсказа, мысленно горячился по своему обыкновенію.

„Подвиги!.. герои!.. славная смерть!.. Что можетъ быть лучше этого! А тутъ затишье и безполезное высиживаніе въ ничего недѣланіи, со смутнымъ ожиданіемъ будущихъ благъ! Нѣтъ, рѣшительно завтра-же подамъ просьбу о переводѣ на болѣе интересный и неспокойный пунктъ. Пусть Поляновъ пошлетъ въ Куринское съ оказіей „летучку“ о переводѣ“.

И, твердо остановившись на своемъ рѣшеніи, юноша готовился уже спуститься съ бруствера, какъ неожиданный шорохъ привлекъ его вниманіе.

Онъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ черною, непроницаемою стѣною высилась мрачная и суровая группа исполинскихъ дубовъ и дикихъ каштановъ, и вдругъ сердце его сладко замерло отъ какого-то радостнаго, еще не вполнѣ яснаго предчувствія. При блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, на темномъ фонѣ этой живой стѣны тихо покачивающихъ своими мохнатыми шапками деревьевъ двигались какія-то темныя фигуры. Легкій шорохъ становился все слышнѣе и слышнѣе съ каждой минутой... Вотъ уже

ясно можно разобрать характерный гортанный чеченскій говоръ.

Сердце Миши сладко сжалось, потомъ забилось съ необычайной силой.

Въ ту же минуту по сосѣдству съ нимъ грянулъ выстрѣлъ. Это часовой оповѣщалъ тревогу заснувшему-было гарнизону.

И въ ту же минуту маленькая крѣпость ожила какъ бы по мановенію волшебнаго ока.

ГЛАВА VIII.

Мечты сбываются—враги наступаютъ.

ГРОБОВОЙ тишины, царившей за минуту до этого въ укрѣпленіи, какъ не бывало. Проворно и спѣшно выбѣгаютъ солдатики изъ неуклюжей казармы, гдѣ они только-что расположились на отдыхъ, нимало не подозрѣвая о близости врага.

Алексѣй Яковлевичъ Поляновъ, на-ходу застегивая свой порыжѣвшій отъ времени сюртукъ и зорко вглядываясь по сторонамъ проницательными темными глазами, наскоро отдавалъ спѣшныя приказанія командѣ.

— Неужели „они“, Алексѣй Яковлевичъ? Неужто дождались? Господи! Вотъ счастье-то нежданно привалило!—такъ и кинулся къ нему, захлебываясь отъ восторга, обезумѣвшій отъ радости Миша.

Но Поляновъ холодно осадилъ его.

— Слушайте, Зарубинъ, вы должны знать, что въ дѣлѣ необходимо имѣть больше всего соображенія и какъ можно

меньше горячки,—умышленно подчеркивая это „вы“ началъ Поляновъ, разомъ точно водой обливъ не въ мѣру востор-

Въ русской крѣпости.
Съ картины Зичи.

женнаго офицера.—Я, вашъ командиръ, приказываю вамъ не лѣзть безъ надобности въ опасность и безпрекословно повиноваться моей командѣ,—сурово заключилъ онъ то-

номъ начальства, не допускающаго возраженій. Потомъ, завидя печальное выраженіе на разомъ затуманившемся лицѣ Миши, онъ тихо добавилъ, положивъ руку на плечо своего молодого друга:—Въ храбрости твоей я не сомнѣваюсь! Это уже говоритъ тебѣ не начальникъ, а другъ!— И онъ крѣпко пожалъ руку молодого офицера.

„Въ храбрости твоей я не сомнѣваюсь! Въ храбрости твоей я не сомнѣваюсь!“ — пѣло, ликуя, на всѣ голоса въ груди Миши. Самъ Поляновъ, испытанный въ боевыхъ дѣлахъ офицеръ, самъ Поляновъ сказалъ ему это! Ему, Мишѣ!..

„Въ храбрости твоей я не сомнѣваюсь!“

Точно розовый туманъ закружилъ голову молодого человѣка. Весь преисполненный радости и возбужденія, онъ, какъ во снѣ, носился по крѣпости, отдавая приказанія, осматривая пушки, повѣряя маленькій гарнизонъ и всѣми силами стараясь какъ можно точнѣе исполнять приказанія, возложенныя на него Поляновымъ, и въ то-же время не забывалъ поглядывать въ ту сторону, гдѣ на черномъ фонѣ лѣса смутно рисовались снующія и движущіяся фигуры враговъ.

Сколько ихъ? Превосходятъ-ли они числомъ ихъ— защитниковъ укрѣпленія? Ничего не видно въ темнотѣ... Все покрыла своимъ таинственнымъ пологомъ безпросвѣтная мглистая ночь...

* *
*

Словно сѣрая лента, протянувшаяся отъ одного края неба до другого, прорѣзала сгущенную темноту... Заря забрезжила на востокѣ и раннее утро вступило въ свои права. На указанныхъ комендантомъ позиціяхъ, бодрые, готовые къ встрѣчѣ съ врагомъ, встрѣтили это утро защитники маленькой крѣпости... Теперь не было уже у нихъ того щемящаго, саднящаго чувства неизвѣстности о числѣ

и силѣ непріятеля. Бѣлая пелена разсвѣта сорвала таинственную маску ночи. Врагъ теперь весь на виду. И ни одно его движеніе не можетъ ускользнуть отъ глазъ гарнизона.

Подъ навѣсомъ лѣсной опушки расположился большой чеченскій отрядъ.

Между деревьями то и дѣло мелькали высокія бараньи папахи и сухія фигуры, низко пригнувшіяся къ

На пути къ русскому укрѣпленію.

Картина Ф. Рубо.

стременамъ. Темные бешметы и чохи рельефно выдѣлялись на свѣжей зелени лѣса. Между скромно одѣтыми всадниками гордо высилась на конѣ высокая фигура въ красной чалмѣ, съ дорогимъ оружіемъ у пояса.

— Да это никакъ наибъ, старшина Шумилкинъ,— произнесъ подлѣ Зарубина взобравшійся на брустверъ солдатикъ.

Миша быстро оглянулся.

— Наибъ, говоришь, Спиридоновъ? — спросилъ онъ говорившаго.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Потому у него чалма красная, что твоя клюква. Злой въ „дѣлѣ“ народъ! Нечего говорить. На штыки такъ тебѣ и лѣзетъ.

„Вотъ бы его живьемъ! — мелькнуло въ головѣ Миши,—поймать его, каналью, и въ Темиръ-Ханъ-Шуру или въ самый Тифлисъ къ намѣстнику... Георгія за это дадутъ, пожалуй. Наибъ тотъ-же генералъ по-нашему... Ахъ, хорошо-бы!“—вихремъ пронеслось въ головѣ размечтавшагося юноши.

— Алексѣй Яковлевичъ! А его живьемъ-бы!—бросился онъ къ показавшемуся на брустверѣ Полянову.

Тотъ, съ нахмуренными бровями и суровымъ взглядомъ, съ головы до ногъ оглянулъ расходившагося юношу.

— Извольте занять ваше мѣсто, подпоручикъ!—произнесъ онъ строгимъ голосомъ.

Миша сконфузился и поспѣшилъ къ своей командѣ. Быстро взобрались на валъ солдатики, зарядили ружья... Все наготовѣ... Ждутъ... Фейерверкера заняли свои позиціи у пушекъ, приготовляясь достойнымъ образомъ встрѣтить нежданныхъ гостей. Поляновъ со строгимъ, сосредоточеннымъ лицомъ поспѣвалъ всюду. Миша несказанно удивлялся ему. Невзрачный, сутуловатый, сѣрый на видъ офицерикъ съ сѣденькой клинушкомъ бородкой точно преобразился: станъ выпрямился, глаза сверкаютъ... Прежняго, обычно флегматичнаго Полянова не осталось и слѣда.

Между тѣмъ непріятель то появлялся на опушкѣ, то вновь скрывался за деревьями... Только мелькали черныя папахи да красная чалма наиба...

— Да что они, канальи, дразнятся, что-ли!—вскричалъ нетерпѣливо Поляновъ и, быстро обернувшись, крикнулъ фейерверкеру:

— А ну-ка, Тимошкинъ, угости ихъ хорошенько, чтобъ не мозолили глаза бездѣльники!

Тимошкинъ только и ждалъ этого, казалось... Быстро зажегъ фитиль... Тронулъ лафетъ... Разъ!.. Оглушительно и густо пронесся выстрѣлъ...

Непроницаемой сѣрой пеленою вмигъ заволокло и крѣпость, и поляну, и опушку. Когда дымъ немного разсѣялся, можно было видѣть трехъ безцѣльно мечущихся на опушкѣ лошадей... Три всадника лежали окровавленные тамъ-же, на опушкѣ.

Переправа горцевъ черезъ рѣку.
Съ картины Ф. Рубо.

— Алла! Алла!—послышалось за деревьями.

— Что? не любишь?—съ жестокой улыбкой произнесъ Поляновъ.—Славный залпъ. Тимошкинъ, зайди ко мнѣ послѣ „дѣла“, водки выпьешь. Молодецъ!—похвалилъ онъ фейерверкера.

— Радъ стараться!—радостно отозвался тотъ.

У Миши судорога свела губу... „Вотъ оно начинается!“—мысленно произнесъ онъ и вся его жизнерадостность разомъ пропала при видѣ этихъ трехъ застывшихъ безъ движенія людей на опушкѣ. А оттуда уже

выдѣлились три всадника. Впереди всѣхъ—наибъ въ красной чалмѣ. Подлѣ него юноша лѣтъ восемнадцати, черноокій, прекрасный, съ гордымъ выраженіемъ на тонкомъ лицѣ. На винтовкѣ передняго горца была привязана бѣлая тряпка.

Вотъ выдѣлился изъ группы загорѣлый всадникъ и замахалъ винтовкой съ самодѣльнымъ флагомъ.

— Ожечь ихъ, ваше высокородіе?—съ явной готовностью во взорѣ обратился къ Полянову Тимошкинъ.

— Нѣтъ, постой... Бѣлый флагъ выкинули... Переговорить хотятъ...

Дѣйствительно, чеченцы хотѣли переговорить. Загорѣлый, словно бронзовый всадникъ быстро приблизился къ самому рву, окружающему крѣпость, и началъ ломанымъ русскимъ языкомъ, обращаясь къ Полянову:

— Слушай, саибъ... Моя пришла... Твоя стрѣляла... Трое лучшихъ джигитовъ переселились въ сады Аллаха отъ твой пушки... Но господинъ мой, великій вождь Гассанъ-бекъ-Джанаида проститъ смерть своихъ нукеровъ, если ты и твоя команда сдадите крѣпость. А нѣтъ—крѣпость будетъ взята и твое тѣло и тѣла твоихъ аскеровъ[1] растащутъ чекалки и расклюютъ вороны. Мой господинъ ждетъ отвѣта... Не согласишься сдать крѣпость—будемъ штурмовать... Такъ говоритъ мой господинъ Гассанъ-бекъ-Джанаида...

Гассанъ-бекъ-Джанаида! Словно эхомъ отозвалось въ душѣ Миши, и онъ силился припомнить, гдѣ онъ слышалъ уже однажды это имя. „Гассанъ-бекъ-Джанаида!“—повторилъ онъ еще разъ и вдругъ яркая картина предстала предъ нимъ. Темная августовская ночь... бѣлый шатеръ... и надъ спящимъ русскимъ офицеромъ дикій горецъ-мюридъ съ поднятымъ кинжаломъ. А въ углу маленькій плѣнникъ съ трепетомъ ужаса слѣдитъ за нимъ... Такъ

[1] Солдатъ.

и есть... Онъ вспомнилъ: Гассанъ-бекъ-Джанаида несомнѣнно тотъ самый мюридъ, чуть не оставившій его сиротою. Миша взглянулъ по направленію красноголоваго наиба... Худое, почти сухое лицо... черная борода и горящіе какъ уголья глаза. Ему на видъ лѣтъ 35—40, не болѣе. И возрастъ подходитъ. Сомнѣній больше нѣтъ. Это онъ, Гассанъ. Отецъ такъ хорошо и ярко описалъ его наружность, что Миша изъ тысячи узналъ-бы теперь разбойника, чуть было не убившаго его отца.

— Вотъ хорошо-бы снять съ сѣдла эту зазнавшуюся ворону!—произнесъ онъ полувопросительно, бросивъ летучій взглядъ находившемуся съ нимъ по сосѣдству Полянову.

Но тотъ только головой покачалъ.

— Они выкинули бѣлый флагъ... По военнымъ правиламъ, особы ихъ неприкосновенны...

И приставивъ руку рупоромъ ко рту, онъ громко крикнулъ ближайшему мюриду:

— Скажи твоему беку-Джанаида, что русскіе предлагаютъ ему убраться во-свояси... Иначе его отрядъ будетъ уложенъ на мѣстѣ нашими ядрами, а онъ вздернутъ на ближайшемъ суку первой чинары!

Услышавъ эти не предвѣщающія ничего добраго слова, мюридъ быстро отъѣхалъ отъ крѣпости и что-то проговорилъ сидѣвшему неподвижно, какъ статуя, на своемъ конѣ наибу.

Гассанъ съ нахмуреннымъ лицомъ выслушалъ переводчика. Потомъ что-то важно и сурово проговорилъ по-своему. И снова отдѣлился отъ передней группы парламентеръ.

— Мой господинъ, храбрѣйшій изъ слугъ имама, даетъ вамъ полчаса времени для окончательнаго рѣшенія... Потомъ онъ разнесетъ вдребезги ваше гнѣздо и отъ крѣпости вашей не останется ни слѣда... Мой господинъ, бекъ-Джанаида, приказалъ это передать урусамъ.

— Слушай ты, длиннохвостая ворона, если ты еще

разъ осмѣлишься заикнуться о сдачѣ крѣпости, я прикажу моимъ молодцамъ угостить тебя свинцовымъ гостинцемъ!—крикнулъ вышедшій изъ себя Поляновъ.

Вѣроятно, слова его произвели должное дѣйствіе, потому что краснорѣчивый глашатай мигомъ повернулъ отъ крѣпости и, вмѣстѣ съ наибомъ и черноглазымъ юношей, во весь опоръ помчался къ опушкѣ.

Переговоры были окончены. Надо было готовиться къ штурму.

Гарнизонъ маленькой крѣпости состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ, между тѣмъ какъ всадниковъ, оставившихъ теперь свою опушку и выѣхавшихъ на открытое мѣсто, насчитывалось до трехсотъ.

Поляновъ только хмурился, оглядывая ничтожныя силы своего гарнизона. Все, что находилось въ крѣпости, было поставлено съ ружьями на валу. Даже Потапычъ, давно уже не державшій штыка въ рукахъ, и тотъ выползъ изъ Мишинаго барака съ твердымъ намѣреніемъ „ожечь гололобыхъ“.

— Братцы!—обратился Поляновъ къ своему гарнизону,—приготовьтесь къ мужественной защитѣ! Знайте, что о подвигѣ или смерти вашей узнаетъ и Царь и Россія. Такъ не постыдную-же память оставимъ мы по себѣ! Я не могу допустить даже мысли о взятіи крѣпости. Вспомнимъ Лазаревское и Михайловское... Или побѣдимъ, или умремъ!.. Да что я,—съ принужденной улыбкой оборвалъ себя комендантъ,—съ такими молодцами стоитъ-ли говорить объ этомъ!

— Рады стараться, ваше высокородіе!—бодро и весело отозвались солдатики.

— Вотъ вы давеча о Михайловскомъ укрѣпленіи говорили, дяденька,—обратился маленькій востроносый солдатикъ къ фельдфебелю,—о подвигѣ Архипа Осипова разсказывали, а може такой Архипъ Осиповъ и среди нашего гарнизона выищется.

— Тьфу ты! Типунъ тебѣ на языкъ, дурень!—оборвалъ его, торопливо сплюнувъ на сторону, фельдфебель.—О чемъ говоритъ-то! Да мы еще ево, эта значитъ, поподчуемъ! Чего о смерти-то говорить зря, эта значитъ...

— Ну, накликали бѣду, ваше благородіе. Таперича отведете сердечко... И пальба вамъ будетъ... и штурмы... и всякой всячины вдоволь... Только держись!—недовольно ворчалъ старый Потапычъ на своего воспитанника.

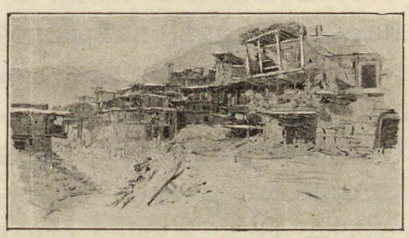
Сердце денщика-дядьки такъ и било тревогу.—„Ишь не сидѣлось ему въ Питерѣ,—мысленно честилъ онъ своего питомца,—пороху понюхать захотѣлось... А не приведи, Господи, ранятъ его эти мохнатые черти, убьютъ... О, Господи! Какой я отвѣтъ матушкѣ Елизаветѣ Ивановнѣ да капитану моему дамъ! Эхъ, дите, и впрямь ты дите неразумное!“—заканчивалъ свои тревожныя мысли старикъ, пристально вглядываясь въ моложавое жизнерадостное лицо Миши.

А Миша такъ и пылалъ весь, такъ и трепеталъ жаждою предстоящаго боя.

И бой не замедлилъ наступить.

ГЛАВА IX.

Штурмъ.—Черноглазый юноша-воинъ.—Погоня.



ТЕПЕРЬ уже весь отрядъ горцевъ, отдѣлившійся отъ опушки, стоялъ передъ маленькой крѣпостью не болѣе какъ на разстояніи полуверсты. Чеченцы, казалось, дѣятельно готовились къ бою. Сравнительное затишье наступило въ ихъ рядахъ. Солнце высоко поднялось къ зе-

ниту и пекло во всю. Полдневная жара давала себя чувствовать. Красноголовый наибъ спѣшился, его примѣру послѣдовали остальные и скоро до осажденнаго гарнизона долетѣли слова неизбѣжной мусульманской молитвы:

— Ля-илляхъ-иль-Алла! Астафюръ Алла!

И, точно въ отвѣтъ на нее, послышался стройный хоръ гарнизона:

— Спаси, Господи, люди Твоя!..

Отецъ Дормидонтъ ходилъ по рядамъ солдатиковъ и кропилъ ихъ святой водой.

Вотъ наступила тишина... зловѣщая и таинственная, словно затишье передъ наступающей бурей...

И она разразилась.

— Алла! Алла!—наполнило теперь звучнымъ гуломъ до сихъ поръ мертвенно-тихую поляну... и вмигъ маленькая крѣпость была облѣплена, какъ мухами, со всѣхъ сторонъ чеченскимъ отрядомъ...

Залпъ двухъ крѣпостныхъ орудій встрѣтилъ его на полдорогѣ.

Но это не остановило врага. Съ быстротою молніи бросились горцы на брустверъ, десятками валясь отъ осыпавшей ихъ картечи...

Теперь уже фейерверкеръ не успѣвалъ наводить орудія. Надо было помогать своимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже завязался штыковой бой. Каждый штыкъ, каждая рука была на счету.

Тамъ, гдѣ влѣзла на брустверъ большая толпа чеченцевъ, бился Миша Зарубинъ во главѣ ввѣренной ему команды... Уже нѣсколько чеченцевъ отбилъ онъ мѣткимъ ударомъ своей сабли... Но вмѣсто одного — является десятокъ другихъ... Рука юноши онѣмѣла, грудь высоко вздымается подъ забрызганнымъ кровью сюртукомъ... Это чужая кровь, вражеская... Онъ, Миша, слава Богу, еще не раненъ.

— Ля-илляхъ-иль-Алла!—вопятъ чеченцы.

— Ура!—гулко перекрикивая ихъ, вылетаетъ громовой крикъ изъ десятка охрипшихъ солдатскихъ грудей.

Миша бьется, какъ левъ. Папаха съѣхала съ его головы... Капли пота проступили на похолодѣвшемъ лбу... Какой-то красный туманъ застилаетъ зрѣніе... Онъ уже не думаетъ ни о подвигахъ, ни о славѣ. Вся его цѣль—сбросить съ бруствера вонъ того рослаго чеченца, который заноситъ надъ нимъ свой короткій острый кинжалъ.

Разъ!..

Новый взмахъ сабли, и высокій чеченецъ летитъ съ бруствера, странно взмахнувъ руками... Это онъ, Миша, угодилъ ему въ сердце концомъ свой сабли... Онъ убилъ его...

Убилъ? Убилъ человѣка?!.

Но ему нѣтъ времени думать объ этомъ... Вонъ уже лѣзетъ новая толпа на валъ крѣпости... Со звѣрскимъ остервенѣніемъ кидаются они на ряды защитниковъ... Замѣтно порѣдѣли эти ряды... Немного уцѣлѣло на валу доблестныхъ героевъ-солдатъ. А врагъ все прибываетъ и прибываетъ.

— А что, ежели, примѣрно, къ слову сказать, дяденька...—слышится подлѣ Миши глухой, хриплый голосъ, и онъ съ трудомъ узнаетъ въ немъ голосъ востроносенькаго солдатика, жадно разспрашивавшаго фельдфебеля о боѣ въ Михайловскомъ укрѣпленіи,—а что, ежели, дяденька, подобно Архипу Осипову погребокъ взорвать...

— Не время... Молчи!—такъ-же хрипло отзывается фельдфебель,—еще поку...—онъ не успѣваетъ докончить фразы, и голова его, отдѣленная отъ туловища, летитъ въ крѣпостной ровъ.

И много уже тамъ такихъ головъ... Много исковерканныхъ, изодранныхъ чеченскими кинжалами тѣлъ защитниковъ похоронено въ мутной водѣ канавы.

Мишѣ некогда хорошенько вникнуть въ это... Надъ

его головой слышится снова „Алла! Алла!“ Онъ быстро оглядывается.

Красноголовый наибъ и черноокій юноша бьются въ двухъ шагахъ отъ него.

Наибъ ни на минуту не оставляетъ юношу одного. Зоркими глазами слѣдитъ онъ за нимъ. Вотъ пробирается къ нему съ поднятой саблей солдатикъ, заноситъ руку надъ головой юноши... Но красноголовый разомъ отсѣкаетъ руку, и рука, не выпуская сабли, падаетъ въ ровъ...

„Что онъ ему? сынъ? братъ? товарищъ?“—мысленно спрашиваетъ себя Миша и, затаивъ дыханіе, расчищая саблей себѣ путь, пробирается къ этой группѣ...

Вотъ уже онъ подлѣ юноши. Вотъ уже въ двухъ шагахъ отъ него. Красноголовый схватился въ это время съ самимъ Поляновымъ...

Съ быстротою молніи кидается Миша къ черноокому красавцу... Тотъ увлекся битвой, не видитъ... О, какъ широко раздвигаются его ноздри... Какъ ярко пылаютъ огненные глаза... Что-то хищное въ немъ, несмотря на крайнюю молодость, что-то неумолимое и жестокое, какъ смерть... И при этомъ ярко-трогательная, почти дѣвичья красота, словно изъ мрамора изваяннаго лица...

— Эй, ты! бритоголовая дѣвчонка, я хочу сразиться съ тобою!—внѣ себя кричитъ, закипая непреодолимымъ бѣшенствомъ, Миша.

Черноокій красавецъ быстро обертывается къ нему... Они мѣрятъ другъ друга глазами, оба юные, оба всѣми своими фибрами жаждущіе боя...

И вотъ слились и столкнулись не на жизнь, а на смерть... Кинжалъ юнаго горца уже занесенъ надъ Мишей...

„Это смерть! — вихремъ проносится въ разгоряченномъ мозгу Зарубина. — Это смерть!“ — Погибнуть здѣсь, на стѣнахъ бруствера отъ шашки юнаго горца,

Пораженіе чеченцевъ близъ крѣпости Воздвиженской 26 октября 1850 г.

Современная гравюра.

кажется ему верхомъ несправедливости судьбы! Передъ его глазами проносятся лица отца... матери... Лены...

И быстрымъ движеніемъ руки онъ поднимаетъ саблю и изо всей силы втыкаетъ ее въ грудь юнаго горца.

Бѣшеный, почти нечеловѣческій крикъ заставляетъ вздрогнуть съ головы до ногъ Мишу. Это не человѣческій крикъ, нѣтъ! Такъ можетъ только кричать чекалка, у которой выкрали изъ норы дѣтеныша.

Въ одинъ мигъ красноголовый наибъ хватаетъ убитаго и съ дикимъ крикомъ кидается съ бруствера... За нимъ слѣдуютъ остальные... и черезъ минуту крѣпостной валъ очищенъ отъ враговъ.

Точно пьяный шатается Миша... Передъ глазами его красные круги... въ сердцѣ жгучая жажда настичь, отомстить за смерть товарищей.

— Братцы! кто за мною?—кричитъ онъ неестественно напряженнымъ звонкимъ голосомъ, — догонимъ разбойниковъ, доканаемъ ихъ!—и во весь опоръ несется за ворота крѣпости... За нимъ его команда, человѣкъ десять самыхъ отчаянныхъ удальцовъ, сорви-головы гарнизона...

Напрасно кричитъ имъ во весь голосъ Поляновъ:

— Остановитесь, безумцы, остановитесь, вы идете на вѣрную гибель!

Миша глухъ ко всему окружающему. Вотъ онъ настигаетъ врага... Вотъ словно обезумѣвшій врѣзывается въ его ряды... Вотъ красноголовый уже близко, подлѣ него... Къ нему стремится во весь опоръ Миша, конвульсивно сжавъ бока своего коня... Вотъ онъ уже выхватываетъ револьверъ... взводитъ курокъ, цѣля прямо въ лобъ красноголоваго...

И вдругъ что-то тѣсно охватываетъ его шею... Ловко кинутый арканъ сжимаетъ ее. Онъ отдѣляется отъ сѣдла, конь исчезаетъ подъ нимъ, и въ одну минуту онъ падаетъ къ ногамъ красноголоваго наиба...

ГЛАВА X.

Страшная дѣйствительность.

ЕСЫРЬ![1] Гяуръ! Мастагата керестень![2] Убей его скорѣе! Убей есыря, храбрѣйшій наибъ...

И цѣлая толпа грязныхъ, чумазыхъ, почти нагихъ ребятишекъ съ громкимъ крикомъ и визгомъ кинулась подъ самыя ноги наибова коня.

— Эй, вы, тише, шайтаново племя!— грозно прикрикнулъ на нихъ тотъ съ высоты сѣдла и краснорѣчиво взмахнулъ своей нагайкой.

Дѣти вразсыпную кинулись въ разныя стороны...

Но вмѣсто нихъ теперь выдвинулись впередъ старухи. Черныя, костлявыя, съ искаженными отъ злобы лицами, онѣ цѣплялись за стремена и поводья наиба и кричали ему дикими, изступленными голосами:

— Уруса, гяура привезъ! Отдай намъ его, господинъ, на потѣху... Мы сумѣемъ расправиться съ нимъ... Отдай старой Илитѣ... у нея гяуръ убилъ сына... Она сумѣетъ выместить его смерть на этомъ есырѣ! Отдай его Илитѣ, Гассанъ!

— Молчите вы, старыя вороны!—прикрикнулъ на нихъ ѣхавшій впереди своего отряда бекъ Джанаида,— урусъ—мой плѣнникъ. Я не отдамъ его никому, чтобы самому выпить до дна кубокъ мести... Русскій есырь убилъ моего брата Али...

— Убилъ Али! Убилъ Али! Черноокаго Али, юнаго джигита!—завопили старухи.—О, горе тебѣ, несчастная Селтанетъ. Не на радость вскормила ты твоего питомца...

---

[1] Плѣнникъ. — [2] Божій противникъ, крещеный.

Горе, Селтанетъ, горе!—И онѣ, потрясая костлявыми кулаками, разступились передъ всадниками и пропустили передъ собой весь отрядъ.

Молча ѣхалъ Гассанъ по улицамъ аула. За нимъ четыре нукера, на сплетенныхъ изъ вѣтвей чинары носилкахъ, несли тѣло убитаго Али. Черезъ сѣдло Гассана былъ перекинутъ, связанный по рукамъ и ногамъ и съ головой укутанный въ бурку, плѣнникъ.

Мало-ли, много-ли времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Миша Зарубинъ слетѣлъ съ сѣдла, полузадушенный чеченскимъ арканомъ, врядъ-ли могъ отдать себѣ отчетъ юноша. Съ той минуты, какъ горцы окружили его съ дикими, торжествующими криками, онъ точно пересталъ сознавать дѣйствительность. Оглушенный паденіемъ, молодой офицеръ очнулся только тогда, когда его враги были уже далеко отъ стѣнъ маленькой крѣпости, но гдѣ именно, онъ не понималъ: плотно обматывающая его голову бурка мѣшала ему узнать это. За то онъ чувствовалъ по быстро двигающемуся крупу коня, что его похититель несется во всю прыть, спѣша куда-то. Отекшая голова, свѣшанная съ сѣдла, туго перетянутыя веревками руки и ноги, какой-то смутный туманъ въ мозгу,—все это мѣшало молодому Зарубину ясно сознавать дѣйствительность. Миша очнулся вполнѣ только тогда, когда чьи-то сильныя руки подхватили его съ сѣдла и опустили на землю... И вмигъ наброшенная на голову бурка была сорвана... Ослѣпительный яркій лучъ солнца разомъ ожегъ его глаза и невольно заставилъ зажмуриться. Когда онъ открылъ ихъ снова, то увидѣлъ, что находится во внутреннемъ дворѣ большой сакли. Передъ нимъ стоялъ Гассанъ-бекъ-Джанаида, окруженный своими нукерами. Въ сторонѣ отъ нихъ лежали на землѣ носилки съ тѣломъ Али. Миша невольно вздрогнулъ при видѣ мертвеца и поспѣшилъ отвести отъ него глаза. Въ эту минуту изъ толпы выдвинулся тотъ самый горецъ.

который еще такъ недавно предлагалъ да-а-ватъ маленькой крѣпости.

— Знаешь-ли ты,—началъ онъ, подходя къ Мишѣ, коверканнымъ русскимъ языкомъ, — знаешь-ли ты, что ожидаетъ тебя, саибъ?

Зарубинъ, едва державшійся на ногахъ отъ слабости, собралъ всѣ свои силы и смѣло отвѣтилъ:

— Знаю... Я убилъ родственника Гассана и за это ждетъ меня смерть.

— Ты убилъ его брата, саибъ, брата, котораго онъ любилъ больше собственной жизни!.. Не выдумано для тебя еще тѣхъ мученій, которыя-бы могли вознаградить наиба въ его потерѣ.

— Я не боюсь ничего,—отвѣчалъ Зарубинъ,—потому что не чувствую вины за собою... Не предательски, не изъ-за угла убилъ я юнаго бека, а въ равномъ честномъ бою. Если Гассанъ считаетъ, что я заслужилъ смерть, пусть убиваетъ меня...

— Отвѣтъ достойный смѣлаго,—произнесъ горецъ, успѣвшій перевести наибу слова Зарубина,—урусы—храбры и презираютъ смерть; въ этомъ имъ отказать нельзя... Мой господинъ приказалъ передать тебѣ, что ты умрешь съ зарею.

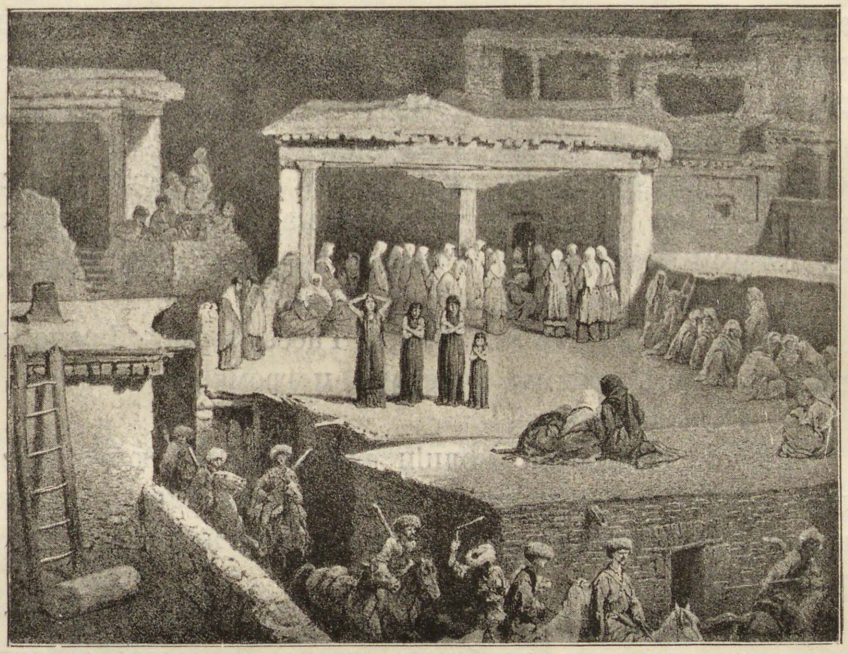
— Я готовъ къ смерти! — спокойно отвѣчалъ Миша.

Въ то время, какъ переводчикъ передавалъ его слова наибу, изъ внутренности сакли выбѣжала старая женщина-горянка. Сѣдыя косы ея растрепались, бешметъ былъ разорванъ въ клочья, чадра сброшена съ головы, лицо искажено отъ гнѣва. Она со всѣхъ ногъ кинулась къ носилкамъ, на которыхъ лежало распростертое тѣло Али, и черезъ минуту вопль ея наполнилъ дворъ сакли...

— О, мой юный соколъ! О, золотое солнце моей родины! О, серебряный мѣсяцъ мой! Радость и жизнь нашей мирной сакли... Гдѣ ты? Какіе райскіе сны витаютъ надъ твоими смежившимися очами?.. Какой сладкій сонъ навѣялъ

тебѣ своими темными крыльями могучій изъ ангеловъ— Азраилъ? Али мой! Горькая утрата моего бѣднаго сердца! Соленая слеза моихъ очей!

Она приникла къ тѣлу юноши головой и на мгновеніе замерла на немъ, исполненная невыразимаго порыва тоски. Потомъ быстро вскочила на ноги и съ лег-



Погребальная церемонія у дагестанцевъ.
Съ рис. кн. Г. Г. Гагарина.

костью молоденькой дѣвушки подбѣжала къ связанному Мишѣ.

— Проклятый убійца, гяуръ... собака... шакалъ, пьющій чистую кровь нашего племени... О, отдай мнѣ его, этого убійцу, Гассанъ! отдай на потѣху, храбрый наибъ... Я вырву его лукавыя очи своими пальцами... я упьюсь его кровью... я вымещу на немъ всѣ предсмертныя страданія Али, моего вскормленника!.. Онъ проклянетъ мѣсяцъ и день, когда появился на свѣтъ... Я покажу ему,

что значитъ месть женщины, кормилицы, потерявшей своего дорогого питомца!..

И она, сжимая въ кулаки свои крючковатые пальцы, размахивала ими передъ самымъ лицомъ Зарубина.

— Молчи, старуха! — сурово перебилъ ее Гассанъ,— есырь этотъ — мой, и его жизнь принадлежитъ мнѣ по праву. Ты можешь утѣшиться. Его убійство не останется не отомщеннымъ и священные канлы будутъ исполнены мною. Ступай въ домъ, кормилица, и приготовь все нужное къ погребенію твоего питомца.

Селтанетъ не смѣла ослушаться своего господина и медленно поплелась въ свою саклю, но по дорогѣ туда она нѣсколько разъ оглядывалась на плѣнника и, грозя ему своими костлявыми черными кулаками, кричала:

— Гяуръ!.. шакалъ!.. урусъ-собака!..

Лишь только она удалилась, Гассанъ-бекъ-Джанаида сдѣлалъ знакъ своимъ нукерамъ и громко произнесъ:

— Гудыня-тамуна! [1]

Тѣ съ быстротой молніи кинулись къ юношѣ, въ одну минуту перерѣзали стягивающія его члены веревки своими кинжалами и потащили къ огромной ямѣ, вырытой въ углу двора.

Это и была подземная гудыня, неизбѣжная принадлежность каждаго наибскаго двора. Въ одну секунду Зарубинъ очутился на краю ея.

Одинъ изъ нукеровъ поставилъ Мишу на самомъ краю ямы. Другой со смѣхомъ толкнулъ его... и вмигъ юноша очутился на днѣ темной безпросвѣтной могилы...

На другое утро, съ зарею, хоронили Али, молодого бека Джанаида. Тѣло его, уже съ вечера перенесенное въ мечеть и перевитое пеленами, муталиммы бѣгомъ вынесли изъ михрабы [2] и въ виду огромной толпы родственниковъ и друзей понесли на кладбище, потрясая

---

[1] Заключить въ подземелье. — [2] Мѣсто, гдѣ мулла читаетъ общественную молитву, въ родѣ нашего придѣла.

свитками корана и крича во все горло: „Аллахъ—экберъ! Аллахъ—экберъ!“

Это дѣлалось для того, чтобы злые джины, во главѣ съ ихъ повелителемъ, шайтаномъ, не перехватили по пути грѣшную душу умершаго.

На кладбищѣ покойника опустили въ сидячемъ положеніи въ приготовленную для него могилу, зарывъ вмѣстѣ съ нимъ и все его оружіе, чтобы онъ могъ достойнымъ воиномъ предстать передъ престоломъ Аллаха. Потомъ, забросавъ яму землей, они придавили могильный холмъ большимъ, тяжелымъ камнемъ. Въ это время въ джаміи зажгли новую очистительную лампаду въ честь умершаго и убитый горемъ Гассанъ вернулся въ свою осиротѣвшую саклю.

ГЛАВА XI.

Рукъ-эта-намазъ.—Зюльма.—Новость Патиматъ.

ГУЛКО гремитъ на весь аулъ звучная, какъ громъ, шалабанда. [1] Пискливо вторятъ ей пронзительная садза и мелодичная гюльме. [2] На гудеканѣ толпа. Горятъ костры. Груды зарѣзанныхъ барановъ свалены въ кучу. Запахъ свѣжей крови и шашлыка наполняетъ воздухъ. Выстрѣлы изъ винтовокъ съ ихъ повтореннымъ горами эхомъ гремятъ надъ ауломъ... На площади цвѣтъ Веденскаго рыцарства джигитуетъ, состязаясь въ ловкости и быстротѣ... Въ противоположномъ углу то медленно развертывается, то вновь сбирается въ кругъ протяжная и безконечная ориаша [3].

[1] Барабанъ. — [2] Любимый музыкальный инструментъ горцевъ.— [3] Чеченскій танецъ въ родѣ нашего хоровода.

Не даромъ сегодня это веселое торжество въ Дарго-Ведени, недоступной резиденціи имама. Шамиль женитъ своего сына, красавца-первенца Джемалэддина, на дочери наиба Талгика. Вотъ почему и костры, и джигитовка, и громадные кувшины бузы, успѣвшей уже въ порядочномъ количествѣ перейти въ желудки правовѣрныхъ...

И во дворцѣ имама также праздникъ.

Въ огромной просторной кунацкой, куда почти не проникаютъ солнечные лучи, на мягкихъ турецкихъ коврахъ и брошенныхъ поверхъ гасилей подушкахъ сидитъ нѣсколько десятковъ почтенныхъ гостей.

Между ними ярко выдѣляется гордая фигура Даніэль, султана Елисуйскаго. На Даніэлѣ генеральскій мундиръ русской службы. Онъ когда то былъ слугою бѣлаго падишаха; теперь онъ вѣрный сподвижникъ Шамиля. Даже дочь свою, красавицу Кариматъ, отдалъ онъ въ жены сыну имама, Кази-Магомѣ... Подлѣ него Технуцала-Измаилъ, наибъ Ботлинскій и Мустафа Ахмедъ-Кудалинскій, вѣрнѣйшіе слуги имама. У одного изъ нихъ шрамъ черезъ все лицо—слѣдъ шашки уруса, у другого—не хватаетъ пальцевъ на рукѣ. Дальше казначей Хаджіо и Гассанъ-бекъ-Джанаида. Лицо Гассана далеко не подходитъ своимъ выраженіемъ къ веселому настроенію пиршества. Ему волей-неволей приходится изъ-за свадьбы сына повелителя отложить казнь плѣнника уруса. А душа его жаждетъ мести, жаждетъ крови гяура, какъ высохшая отъ зноя земля жаждетъ капли дождя. И душа Али требуетъ возмездія... Онъ сегодня еще предсталъ брату во снѣ, окровавленный, страшный... Еще одного боится Гассанъ. Онъ скрылъ при личномъ докладѣ Шамилю о штурмѣ русской крѣпости, что ему удалось выхватить живьемъ русскаго офицера, — скрылъ, горя желаніемъ упиться местью, которой имамъ могъ воспрепятствовать. Что, если узнаетъ Шамиль о присутствіи плѣнника въ

гудынѣ?.. Что ему дѣлать тогда?—Нѣтъ, нѣтъ, завтра-же онъ покончитъ съ урусомъ!..

Служанки еще не внесли дымящагося шашлыка на шампурахъ и изъ бурдюковъ еще не брызнула хмѣльная струя бузы... Пиръ еще не начинался... Онъ начнется лишь по окончаніи рукъ-эта-намаза. [1] А пока и красно-бородые почтенные алимы и храбрѣйшіе наибы-вожди и молодые джигиты изъ бековъ и беевъ [2] сидятъ на мягкихъ подушкахъ, слушая пѣвца сказочника „гекоко“, повѣствующаго длинное сказаніе о геройхъ—витязяхъ страны. Сладокъ, какъ турецкій душабъ, голосъ гекоко и неисчерпаема, какъ воды Каспія, фантазія пѣвца. Гекоко одна изъ самыхъ почитаемыхъ личностей на Кавказѣ. Это баянъ страны. Сколько разъ, дрогнувъ подъ непріятельскимъ натискомъ, бросались въ бѣгство мюриды и вдругъ останавливались, услышавъ голосъ своего гекоко, прославляющаго подвигъ былыхъ богатырей и, вспомнивъ эти былые подвиги предковъ, они съ новымъ рвеніемъ кидались въ бой. За то безъ гекоко не обходится ни одно празднество въ аулѣ. Онъ своими пѣснями справляетъ тризну по убитымъ, привѣтствуетъ рожденіе мальчика и напутствуетъ новобрачныхъ на новый путь.

И теперь сладкій голосъ пѣвца волною носится надъ головами сидящихъ въ кунацкой гостей. Съ затаеннымъ вниманіемъ слушаютъ его старѣйшины, наибы и молодые князья-джигиты... И не въ одномъ изъ нихъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ пѣсенъ, закипаетъ кровь въ жилахъ и душа жаждетъ подвиговъ, о которыхъ повѣствуетъ сказочникъ-пѣвецъ.

Одинъ только человѣкъ далекъ и отъ пѣсенъ гекоко и отъ самаго празднества. Между своими братьями, Кази-Магомой и юнымъ шестнадцатилѣтнимъ Магометомъ-Шеффи, сидитъ Джемалэддинъ. Но это уже не тотъ прежній

---

[1] Свадебнаго обряда. — [2] Дворянъ и князей.

Джемалэддинъ, какимъ мы его оставили въ долинѣ Мечика, неподалеку отъ Хасавъ-Юрта.

Куда дѣвались яркій блескъ глазъ и юношеская свѣжесть лица молодого человѣка! Это далеко уже не прежній красавецъ, нѣтъ! Глаза ввалились и горятъ нездоровымъ лихорадочнымъ огнемъ. Лицо блѣдно и худо до неузнаваемости. Два зловѣщія багровыя пятна выступили на неестественно обострившихся скулахъ.

Два года тяжелой безысходной тоски по его новой милой родинѣ—Россіи наложили неизгладимую печать на все существо бѣднаго Джемалэддина.

Съ перваго-же дня возвращенія, Шамиль окружилъ своего любимца нѣжными заботами и попеченіями, не разставаясь съ нимъ ни на минуту, разспрашивая его обо всемъ. Онъ хотѣлъ знать все: и его жизнь въ невѣдомой, сѣверной странѣ, и обычаи, и нравы Россіи. Хотѣлъ знать и то, какъ велика ея военная сила и какимъ количествомъ войскъ обладаетъ здѣсь на Кавказѣ бѣлый падишахъ. Хотѣлъ знать и расположеніе этихъ войскъ. Хотѣлъ уговорить сына пойти во главѣ чеченскаго отряда на русскія полчища, но Джемалэддинъ категорически отказался отъ этого.

Онъ не предатель и не измѣнникъ, чтобы идти противъ своихъ, своего царя...

Онъ такъ и сказалъ „своихъ“...

И не ограничился этимъ, сталъ просить отца прекратить войну съ русскими, примириться съ Бѣлымъ царемъ.

Тогда между сыномъ и отцомъ впервые проявилась непріязнь. Шамиль разомъ охладѣлъ къ Джемалэддину и жизнь юноши вслѣдствіе этого стала невыносима, какъ жизнь плѣнника.

Всѣ недружелюбно и косо стали поглядывать на него: гнѣвъ властелина распространился и на отношенія къ нему остальныхъ. А тутъ еще прибавилась нестерпи-

мая тоска по Россіи, и молодой горецъ весь отдался этой тоскѣ

Тогда, замѣтя его исхудалое лицо и горящій лихорадочнымъ огнемъ взоръ, Шамиль рѣшился на новое средство, которымъ думалъ привязать къ родинѣ сына.

Дочь наиба Талгика, Зюльма, славилась красотой на весь Дарго-Ведени, и дочь наиба Талгика рѣшено было дать въ жены Джемалэддину.

* * *

Гекоко кончилъ, оборвавъ свою пѣснь на полусловѣ... Пѣсня замолкла и только серебристая струна чіанури, перебираемая пальцами пѣвца, умирала, тихо звеня въ своемъ предсмертномъ звукѣ... Въ ту-же минуту громкій смѣхъ, шумъ и возня послышались за дверью и цѣлая толпа дѣвушекъ, веселыхъ, смѣющихся и суетливыхъ втолкнула въ кунацкую закутанную въ чадру фигуру.

Тогда всѣ гости поднялись съ цыновки и окружили жениха.

Кази-Магома и Магометъ-Шеффи стали тихонько подталкивать Джемалэддина на встрѣчу закутанной невѣстѣ. Дѣвушки продѣлали тоже съ Зюльмой. Когда, наконецъ, они сошлись на серединѣ кунацкой, за окномъ сакли прогремѣлъ залпъ изъ винтовокъ и въ ту-же минуту изъ сосѣдней комнаты появился, въ сопровожденіи тѣлохранителей, старшинъ и мюршидовъ, Шамиль со свиткомъ корана въ рукѣ. Онъ соединилъ руки молодыхъ и прочелъ надъ ихъ склоненными головами свадебную молитву.

Такъ свершился „рукъ-эта-намазъ“ — вѣнчальный обрядъ чеченцевъ.

Новый залпъ изъ винтовокъ возвѣстилъ о томъ, что онъ законченъ. Благословивъ новобрачныхъ, имамъ въ сопутствіи ближайшихъ старѣйшинъ удалился къ себѣ. Онъ, какъ священное лицо, не могъ, по правилу тариката, оставаться на пиршествѣ.

Пиръ тотчасъ начался съ его уходомъ. Смуглыя каравашъ внесли шашлыкъ и бурдюкъ съ бузою, цѣлыя груды риса, приправленнаго чеснокомъ и пряностями, и свѣжіе пшеничные чуреки. Гости принялись за яства, обильно приправляя ихъ своей любимой бузой.

Дѣвушки и молодежь вышли на средину кунацкой и началась неизбѣжная во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ лезгинка.

Джемалэддинъ молча сидѣлъ подлѣ укутанной съ головы до ногъ новобрачной. Онъ едва зналъ Зюльму, маленькую, черноглазую Зюльму, отданную ему въ жены по приказанію отца. И теперь сидящая подлѣ него малютка-женщина казалась ему чужой и далекой. Больше того, она возбуждала въ немъ что-то похожее на злобу, потому что со времени женитьбы ему будетъ еще труднѣе вырваться изъ горъ...

Горы!.. Здѣсь онъ всѣмъ чужой и ненужный, никому непонятный человѣкъ... А тамъ въ Россіи... о Боже!

Передъ мысленнымъ взоромъ молодого горца встаютъ милые образы близкихъ людей — Зарубинъ, его жена, Миша... И та милая, худенькая, необычайно трогательная дѣвушка, съ такой смѣлостью говорившая ему о Христѣ, та, чей маленькій крестикъ покоится у него на груди подъ сукномъ праздничной чохи... Гдѣ-то они всѣ теперь? Вспоминаютъ-ли о своемъ далекомъ другѣ, или вовсе забыли его?..

Джемалъ вздрагиваетъ и прижимаетъ руку къ груди, къ тому мѣсту, гдѣ находится крестикъ... Невольная тоска сильнѣе обжигаетъ ему сердце. А вокругъ него, между тѣмъ, все оживленнѣе и быстрѣе развертывается стремительный и красивый танецъ...

Вся обвѣянная своими черными косами несется въ немъ хорошенькая Написетъ,—старшая изъ сестеръ его, Джемала. Она уже невѣста. Между юношами гостями находится ея избранникъ, юный Абдерахманъ. Ея черные

глаза устремлены на него... Для него одного танцуетъ красавица. Но вотъ она окончила танецъ и на смѣну ей встаетъ другая...

Это Патиматъ — единственное существо въ сералѣ, къ которому успѣлъ привязаться Джемалэддинъ за эти два года. И не мудрено. Сердце Патиматъ мягко, какъ воскъ, и сама она кротка, какъ овечка, къ тому же она отдаленно напоминаетъ ему мать... Сколько разъ прино-

Лезгинка.

сила она ему извѣстіе о томъ, что у того или другого горца томится въ гудынѣ русскій плѣнникъ и вмѣстѣ съ нимъ вымаливала разрѣшеніе отца отпустить на волю уруса!

Шамиль любилъ дѣвочку больше другихъ и порой исполнялъ ея просьбу. Многіе плѣнники были обязаны своимъ спасеніемъ черноокой ходатайницѣ Патиматъ.

Джемалэддинъ всей душой полюбилъ за это дѣвочку. И теперь онъ даже оживился нѣсколько при видѣ пляшущей сестры...

Ей только тринадцать лѣтъ, Патиматъ, но она кажется совсѣмъ уже взрослой дѣвушкой.

Дѣвочки у горцевъ развиваются рано. Въ тринадцать-четырнадцать лѣтъ онѣ уже невѣсты. И Патиматъ въ граціи и искусствѣ плясать не уступитъ взрослой.

Быстро поднимаетъ она надъ головой свой бубенъ и несется съ нимъ плавно и медленно по мягкимъ коврамъ кунацкой... Вотъ она ближе и ближе приближается къ Джемалэддину...

Какъ горятъ ея черные глаза!.. Какъ вѣютъ вокругъ раскраснѣвшагося лица бѣлокурыя косы... Вотъ она ловкой рукой подбросила бубенъ и снова, не переставая плавно кружиться въ затѣйливой фигурѣ лезгинки, подхватываетъ его... И вдругъ ускоряетъ темпъ и быстро несется, подобно птицѣ, передъ взорами гостей... Бѣлокурыя косы прыгаютъ и плящутъ по плечамъ, заодно съ нею, вокругъ прелестной головки... Оживленное личико направлено въ сторону брата и говоритъ ему о чемъ-то безъ словъ... О чемъ? Джемалэддинъ чувствуетъ, что это—необычайное оживленіе, догадывается, что его сестрѣ надо сообщить ему что-то...

Вотъ она снова подбросила звенящій бубенъ и, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ замѣтить, быстро наклонилась къ брату и шепчетъ быстро, быстро на ухо ему:

— Братъ! Въ гудынѣ Гассана снова томится плѣнникъ и не простой урусъ-солдатъ, нѣтъ—саибъ, настоящій саибъ. И съ такимъ добрымъ лицомъ!.. Я не рѣшаюсь просить за него отца, потому что повелитель очень сердитъ и запретилъ мнѣ заступаться впредь за урусовъ... Выручи несчастнаго саиба, ради Аллаха!..

И тутъ-же, изогнувшись змѣею, вихремъ несется дальше, мѣрно ударяя въ бубенъ тонкими смуглыми руками...

ГЛАВА XII.

Жертва Зайдетъ.—Неожиданное спасеніе.

МУЗЫКА и пляска молодежи въ кунацкой глухо долетаютъ на женскую половину дворца...

Жены Шамиля,—у него ихъ, по мусульманскому обычаю, нѣсколько,—не имѣютъ права выходить со своей половины и довольствуются тѣмъ, что, разсѣвшись на полу, угощаются всевозможными сластями, запивая ихъ душистымъ и ароматичнымъ душабомъ.

Старшая изъ женъ, маленькая, худенькая и рябая Зайдетъ, производитъ очень непріятное впечатлѣніе. Что-то жестокое запечатлѣлось въ ея пронырливыхъ рысьихъ глазкахъ и въ тонкихъ, недобрыхъ губахъ сердито поджатаго рта.

За то вторая жена Шамиля, высокая, полная, чрезвычайно симпатичная, уже и не молодая Шуанетъ, очень симпатична съ ея добродушнымъ, не по лѣтамъ моложавымъ и милымъ лицомъ.

Тутъ-же между ними снуетъ семнадцатилѣтняя Аминетъ, младшая жена имама, отличающаяся замѣчательной веселостью и проворствомъ. Это однако не мѣшаетъ хорошенькой Аминетъ быть крайне капризнымъ и самовольнымъ созданіемъ.

Жены Шамиля угощаютъ дорогую гостью, жену Кази-Магомы, дочь Даніэля, султана Елисуйскаго, красавицу Кариматъ. Очень нарядная, вся въ шелку и драгоцѣнностяхъ сидитъ Кариматъ на почетномъ мѣстѣ и изъ маленькой чашечки пьетъ ароматичный душабъ, заѣдая его сладкою алвой.

— Вотъ и женился Джемалъ,—лѣниво тянетъ Зайдетъ,—а что толку? Какъ ни приручай къ саклѣ орленка, онъ все на просторъ наровитъ.

— Веселье тамъ!—вторитъ ей Аминетъ, складывая губки въ капризную усмѣшку,—хоть-бы однимъ глазкомъ взглянуть: и садза, и гюльме, и шалабанда... Хорошо!.. Дѣвушки наши лезгинку пляшутъ... Такъ-бы и побѣжала туда!—мечтательно заключаетъ она.

— Вотъ-вотъ! — сердито обрываетъ ее Зайдетъ, — только тебя тамъ и не хватало! Мало ты набѣгалась по двору, какъ угорѣлая кошка съ дѣтьми, точно и сама ребенокъ... Вотъ-бы увидѣлъ кто изъ наибовъ—срамъ на голову нашу, чистый срамъ!

Зайдетъ постоянно чѣмъ-нибудь да допекала юную Аминетъ. Она явно завидовала ея красотѣ и молодости и всячески, при каждымъ удобномъ случаѣ, пилила ее.

— Бѣгать и играть не стыдно!—со смѣхомъ вскричала молоденькая женщина и глаза ея сердито блеснули на старшую соперницу,—стыдно жадничать и злиться, какъ ты жадничаешь и злишься, скупердяйка-Зайдетъ.

Очевидно она затронула самую чувствительную струну въ душѣ Зайдетъ, потому что та вся разомъ покраснѣла, какъ морковка и сердито напустилась на нее:

— Я скупердяйка? Я? Да какъ ты смѣешь говорить это мнѣ, старшей женѣ имама? Да я тебя...

— Уйми свой языкъ, старуха!—уже въ голосъ расхохоталась хорошенькая Аминетъ. — А то онъ мелетъ вздоръ, какъ шалабанда, а въ головѣ твоей пусто, какъ въ пустомъ котлѣ...

— Не ссорься, джанымъ!—протянула соннымъ голосомъ красавица Кариматъ,—не ссорься!

— Что мнѣ ссориться съ глупой дѣвчонкой! Мнѣ и неприлично это... Я ея хозяйка и повелительница; только безтолковая коза не хочетъ понимать этого!—надменно про-

изнесла Зайдетъ и, преисполненная важности, вышла изъ комнаты.

За порогомъ общей сакли, служившей столовой для многочисленныхъ членовъ женской половины сераля, находился длинный коридорчикъ, который велъ въ крошечную коморку на самомъ концѣ его. Зайдетъ быстро миновала темный проходецъ и, остановившись у небольшой двери, толкнула ее, предварительно снявъ съ нея засовъ.

Въ крошечной коморкѣ, похожей скорѣе на гробъ, нежели на комнату, въ углу, на связкѣ соломы, лежала худенькая бѣлокурая дѣвочка. Ея огромные глаза грустно и жалобно смотрѣли изъ-подъ темныхъ, тонкихъ бровей. Несмотря на полное изнуреніе, ясно выражавшееся на худенькомъ личикѣ, бѣлокурая дѣвочка казалась хорошенькой, какъ ангелъ.

Но красота ребенка не трогала озлобленной и всегда всѣмъ недовольной Зайдетъ. Она быстро приблизилась къ дѣвочкѣ и, впиваясь въ нее гнѣвнымъ взоромъ, спросила:

— Ну, что, надумала ты, наконецъ, отправиться къ муллѣ, несчастная гяурка?

Блѣдное лицо ребенка покрылось слабымъ румянцемъ при этихъ словахъ.

— Оставь меня! Зачѣмъ ты приходишь меня мучить! Я уже разъ сказала тебѣ, что никогда не измѣню вѣрѣ отцовъ... Что-же тебѣ надо еще отъ меня?

— Что мнѣ надо отъ нея? Вотъ глупая баранья башка! Или ты не слышала, что приказалъ повелитель?.. О, что за безсмысленные дуваны всѣ эти урусы! Не понимаютъ собственнаго счастья. Вѣдь сто разъ говорили тебѣ, глупая дѣвчонка, чтобы ты приняла нашу вѣру, исламъ. Самъ повелитель указалъ Магомету-Шеффи взять тебя въ жены, когда ты подростешь. Подумай, какая честь ждетъ тебя, презрѣнная каравашъ! Ты, несчастная плѣнница-гяурка,

будешь супругой сына имама! Не глупи-же и не упрямься, Тэкла! Помни, что я могу силой заставить тебя стать мусульманкой...

— Никто не заставитъ меня измѣнить Христу!—проговорила дѣвочка,—я останусь вѣрна Ему, знай это, госпожа, и не мучь меня понапрасну.

— Но ты не можешь стать тогда женой Магомета-Шеффи!—воскликнула Зайдетъ.

— Магометъ-Шеффи!—съ горечью произнесла дѣвочка,—того самаго Магомета-Шеффи, который чуть не изуродовалъ меня два года тому назадъ... О, храни меня Господь отъ этого! Нѣтъ! Нѣтъ! я была и останусь христіанкой и оставь меня съ твоими дикими рѣчами, госпожа! Оставь меня.

— Ты должна быть почтительнѣе съ женою имама!—внѣ себя вскричала Зайдетъ.—Развѣ ты не знаешь, что въ мою полную собственность отдалъ тебя господинъ?

— Оставь меня или убей поскорѣе,—простонала чуть слышно несчастная.—Я хочу смерти и только смерти, я слишкомъ страдаю! Жизнь надоѣла мнѣ...

Блѣдное лицо Зайдетъ вдругъ приняло мягкое выраженіе, такъ мало идущее къ нему.

— Слушай, Тэкла,—какъ только могла ласково проговорила она,—слушай! Имамъ обѣщалъ мнѣ большую награду, если я уговорю тебя принять вѣру Аллаха... Я всей душой хочу услужить ему. Если ты исполнишь его повелѣнье, я засыплю тебя подарками, и ты будешь моей второй дочерью послѣ Нажабатъ, если нѣтъ,—берегись! Я выдумаю тебѣ такія мученья, которыя не снятся во снѣ и ты скоро поймешь, какъ невыгодно тебѣ не слушаться твоей повелительницы!

— Зачѣмъ ты говоришь это, госпожа?—произнесъ слабый голосокъ Тэклы.—Я тебѣ давно сказала, что не боюсь никого и что смерть будетъ для меня избавленіемъ...

— А... если такъ!—прошипѣла Зайдетъ и, сорвавъ со стѣны висѣвшую на гвоздѣ нагайку, ударила ею изо всей силы Тэклу по плечамъ.

Несчастная дѣвочка испустила продолжительный стонъ... Этотъ стонъ не разжалобилъ, а скорѣе еще болѣе раздражилъ разъяренную женщину. Не помня себя, она наносила теперь ударъ за ударомъ по спинѣ и груди бѣднаго ребенка...

Худенькое тѣльце Тэклы билось и извивалось подъ немилосердными ударами Зайдетъ. Неизвѣстно, чѣмъ-бы окончилось все это, если-бы на порогѣ комнаты неожиданно не появилась кривоножка Нажабатъ.

Она значительно выросла въ эти два года, но ея исковерканныя ноги не выпрямились за это время.

— Мать! Мать!—кричала она, захлебываясь и волнуясь,—новость у насъ, новость! У Гассана въ гудынѣ сидитъ плѣнникъ. Патиматъ узнала это отъ нашихъ каравашъ и сказала Джемалу, чтобы онъ просилъ за него отца...

— Что ты мелешь такое, кривоногая шалунья?---такъ и закипѣла разомъ охватившимъ ее любопытствомъ Зайдетъ.

Такое происшествіе, какъ появленіе новаго плѣнника въ аулѣ, было очень важнымъ событіемъ въ однообразной жизни затворницъ. Не мудрено поэтому, что Зайдетъ позабыла весь міръ, услыша отъ Нажабатъ захватывающую новость.

— Клянусь Аллахомъ, правду говорю тебѣ, мать... Сейчасъ Патиматъ была въ сералѣ... Разсказывала, какъ тамъ пляшутъ... Эхъ жаль, что я уродилась съ такими ногами, а то-бы я показала этимъ косолапымъ медвѣдицамъ какъ у насъ надо плясать лезгинку!—съ замѣтной завистью произнесла дѣвочка.

Но Зайдетъ и не слушала ее.

Совершенно позабывъ о своей плѣнницѣ, вся охваченная непреодолимымъ желаніемъ какъ можно скорѣе

подѣлиться новостью съ остальными, она со всѣхъ ногъ кинулась въ сераль. Нажабатъ на своихъ кривыхъ ножкахъ заковыляла вслѣдъ за нею...

Тэкла, почти потерявшая сознаніе подъ жестокими ударами нагайки, долго лежала безъ движенія, издавая слабые стоны. Потомъ она медленно поднялась и сѣла на своей соломѣ... Что-то теплое и липкое текло у нея по шеѣ, прямо на обнаженное плечо... Хлесткая и твердая, какъ кинжалъ, нагайка, глубоко врѣзавшись въ нѣжное тѣло дѣвочки, оставила на немъ кровавую борозду. Зайдетъ не жалѣла силы и рукъ, наказывая свою маленькую плѣнницу. Это повторялось часто, очень часто.

Около года уже уговаривали Тэклу женщины сераля принять ихъ вѣру. Онѣ дѣйствовали не по собственному желанію. Шамиль приказалъ имъ это. Онъ хотѣлъ женить сына впослѣдствіи на плѣнницѣ, потому что дочери наибовъ, на которыхъ женятся сыновья властителя, неудобны были ему: надо было-бы тогда родниться съ семьей невѣстки и приближать къ себѣ нежеланныхъ людей. Все это хорошо объяснила Тэклѣ ея мучительница. Но изъ всего этого бѣдная дѣвочка только поняла одно: ее хотятъ сдѣлать мусульманкой, да еще, вдобавокъ къ тому, женой ненавистнаго ей Шеффи. О, она не хочетъ, не хочетъ этого! Жестокій, недобрый мальчикъ всячески изводитъ и мучитъ ее. Онъ и Нажабатъ... Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужасомъ, который ожидаетъ ее въ ближайшемъ будущемъ... Принять мусульманство! Позабыть Христа! Христа Іисуса, Которому она привыкла молиться съ колыбели!.. Забыть наставленія ея близкихъ!..

Словно сквозь сонъ слышатся Тэклѣ рѣчи ласковой княгини:

— „Что-бы ни было, дѣвочка, крѣпись! Всѣми силами борись за свою вѣру... Не измѣняй ей“.

О да! Она не измѣнитъ! Вѣдь Милосердный Господь поможетъ ей! Поможетъ такъ-же, какъ Онъ помогалъ и

святой Нинѣ, просвѣтительницѣ Грузіи, и многимъ другимъ... Да, да, Онъ спасетъ ее, Тэклу, Онъ, кроткій и могучій Христосъ Спаситель! Но только не скоро, можетъ быть, очень не скоро... Ахъ, еслибъ поскорѣе! Эта жизнь въ борьбѣ становится невозможной для ея дѣтскихъ силенокъ... Вотъ брошена на полу окровавленная нагайка Зайдетъ... Завтра ей опять найдется работа, этой нагайкѣ... Всѣ плечи, спина и грудь Тэклы уже исполосованы ею, а впереди будетъ еще хуже: ее могутъ насильно заставить принять мусульманство! Ее—христіанское дитя! Нѣтъ, нѣтъ! Она не перенесетъ этого ужаса.

Бѣдная дѣвочка вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ поднимаетъ голову, оглядываясь кругомъ. И вдругъ быстрая, какъ стрѣла, мысль мелькаетъ въ ея мозгу... Что это?.. Дверь ея коморки, которую всегда тщательно закрывали на замокъ, открыта... Зайдетъ, заинтересованная своей новостью, позабыла второпяхъ запереть ее... А что, если?..

Жгучимъ огнемъ охватываетъ дрожь все тѣло Тэклы... Дрожь неожиданности, восторга... Счастье свободы разомъ представляется близкимъ и возможнымъ... Бѣжать?.. Да, бѣжать!.. Сію минуту... сейчасъ!

Она медленно поднимается со своего ложа... и тихо, тихо крадется къ порогу... О, какъ сильно бьется ея маленькое сердечко!.. Куда и зачѣмъ она идетъ?—Тэкла старается не думать объ этомъ... Она не знаетъ дороги изъ этой глухой стороны... Говорятъ, Ведени окружаютъ дремучіе лѣса, въ которыхъ водятся дикіе звѣри... Такъ что-же? Въ тысячу разъ легче погибнуть въ лѣсистыхъ Андійскихъ трущобахъ, нежели выносить мученья Зайдетъ теперь и Магомета-Шеффи впослѣдствіи,—легче, чѣмъ быть насильно отторгнутой отъ истинной вѣры Христа. И дѣвочка, затаивъ дыханіе и хватаясь за стѣны слабыми ручонками, медленно крадется по длинному переходу. Съ женской половины сераля до нея доносится хохотъ и

визгъ... Это Нажабатъ разсказываетъ тамъ что-то громко... И всѣ смѣются... И эта гостья тоже—красавица Кариматъ... И голосъ Шуанетъ слышится ей... О, какая добрая эта Шуанетъ! Когда Зайдетъ бьетъ ее—Тэклу, она заступается постоянно... Только не очень то ее слушаетъ имамъ... Зайдетъ, какъ старшая, имѣетъ больше вѣса... Тэкла сама не знаетъ, почему ей все это приходитъ въ голову теперь, когда вся ея душа рвется на свободу. Она точно хочетъ отвлечь свое вниманіе отъ рокового шага. Скорѣе-бы, скорѣе миновать этотъ ужасный переходъ и тогда... Если-бы Патиматъ была здѣсь! Патиматъ—ея добрый ангелъ... Она-бы помогла ей бѣжать... Патиматъ любитъ и жалѣетъ ее... Но она тамъ, въ кунацкой, танцуетъ лезгинку и не думаетъ о бѣдненькой Тэклѣ! Тамъ всѣ они, и Джемал-эддинъ тоже... О, какой онъ чудесный! Онъ нѣсколько разъ бранилъ Зайдетъ за то, что она мучаетъ ее. За это Зайдетъ его не любитъ... Да и многіе его не любятъ здѣсь. Оттого онъ всегда такой скучный и блѣдный и у него такіе печальные глаза...

Тэкла останавливается разомъ... Холодный потъ выступаетъ у нея на лбу... Дверь сераля распахивается, и она видитъ Зайдетъ на порогѣ... Дѣвочка, чуть дыша, прижалась къ стѣнѣ... Вотъ, вотъ, злая женщина сейчасъ накроетъ ее... Но нѣтъ, слава Богу... Она только кличетъ служанку и снова скрывается во внутрь сакли...

Съ быстротою молніи кидается къ противоположной двери Тэкла, дрожащей рукой толкаетъ ее и...

Темная осенняя ночь принимаетъ ее въ свои свѣжія объятія...

* * *

По-прежнему звенятъ струны чіанури... Имъ вторитъ гулъ шалабанды, доносящійся со двора, и звенящій бубенъ въ рукахъ той или другой изъ юныхъ танцовщицъ... Лезгинка не прерывается ни на минуту. Гости, значи-

тельно охмѣлѣвшіе отъ бродящей, какъ дрожжи, бузы, шумными возгласами выражаютъ свое одобреніе танцующимъ. По-прежнему мрачный и злобный сидитъ Гассанъ среди гостей. Онъ единственный изъ нихъ не пьетъ бузы и не интересуется пляской. Его мысли на дворѣ его сакли, въ черной гудынѣ, гдѣ брошенъ его плѣнникъ. Онъ заранѣе предвкушаетъ уже сладость мести... О! Лишь-бы не умеръ только до зари собака-гяуръ, а онъ уже сумѣетъ отомстить ему за смерть Али... Только-бы не увидали его нукеры Шамиля... Отдать уруса во власть имама и не насладиться его предсмертнымъ мученьемъ—этого не въ силахъ исполнить Гассанъ.

Появленіе имама прерываетъ его мысли... Шамиль, весь въ бѣломъ, съ высокой бѣлой чалмой на головѣ, входитъ въ кунацкую. Красная аба накинута на его плечи. Онъ идетъ въ джамію молиться о счастьѣ сына. Онъ тамъ пробудетъ всю ночь, прося Аллаха вернуть ему прежняго чеченца-Джемала вмѣсто этого полууруса, какимъ онъ сдѣлался вдали отъ родной семьи.

За имамомъ, весь бѣлый какъ лунь, съ лицомъ подвижника, выступаетъ святѣйшій алимъ Джемалэддинъ, ближайшій совѣтникъ имама.

О, это самый важный старецъ изъ всего аула. Его совѣтовъ безпрекословно слушается имамъ. Онъ не даромъ считается мастеромъ религіи Устасъ-д-'Дыни и родственникомъ пророка. Передъ нимъ преклоняются самые важные изъ старѣйшинъ Чечни и Дагестана.

Лишь только появляется имамъ со своимъ спутникомъ, музыка и пляска разомъ прерываются въ кунацкой... Вся толпа танцующихъ сбивается въ уголъ, какъ испуганное стадо овечекъ. Медлительно и важно проходитъ Шамиль посреди кунацкой въ то время, какъ всѣ присутствующіе почтительно склоняются передъ нимъ.

Одна только фигура остается въ прежнемъ положеніи. Священнаго трепета нѣтъ въ лицѣ молодого Дже-

малэддина. Онъ видитъ въ отцѣ—отца, и только. И сейчасъ онъ быстро приближается къ имаму и безъ обычныхъ, установленныхъ церемоній говоритъ ему:

- Повелитель! сегодня мой праздникъ. Ты далъ мнѣ Зюльму въ жены, и я безпрекословно исполнилъ твое желаніе. Порадуй-же и ты меня, отецъ. Сдѣлай мнѣ подарокъ, за который-бы я благословлялъ день и ночь твое имя...

Лаской и кротостью звучитъ болѣзненно слабый голосъ Джемала. Какая-то печальная мольба застыла въ худомъ, измученномъ лицѣ. И это больное, исхудалое лицо, и этотъ глухой, прерывающійся кашлемъ голосъ подѣйствовали на Шамиля.

Прежняя нѣжность къ сыну вспыхнула въ немъ.

— Говори, въ чемъ твоя просьба, сынъ мой!—произнесъ онъ ласково.

— Отецъ!—произнесъ тотъ снова,—отецъ, въ гудынѣ Гассана сидитъ русскій плѣнникъ! Отдай мнѣ его.

Спокойное лицо Шамиля не дрогнуло ни однимъ нервомъ. Только глаза блеснули, не то гнѣвомъ, не то досадой.

— Отдай мнѣ его, отецъ!—еще разъ произнесли губы Джемалэддина.

Гассанъ-бекъ-Джанаида весь замеръ въ ожиданіи отвѣта. Если имамъ согласится на просьбу сына,—смерть Али не будетъ отомщена. Кромѣ того Шамиль могъ вполнѣ заслуженно разгнѣваться на него, Гассана, за то, что онъ скрылъ плѣнника отъ него.

Но не то, казалось, волновало повелителя. Имамъ даже и не взглянулъ на своего вѣрнаго мюрида; горящій его взоръ обратился къ сыну.

— Ты просишь за уруса?—спросилъ онъ сурово.

— Да, отецъ!—твердо произнесъ тотъ, стойко выдерживая строгій взглядъ Шамиля.

— Но знаешь-ли ты, сынъ мой, что они поступаютъ

съ нами, какъ хитрыя чекалки, врывающіяся въ берлогу горнаго медвѣдя? Они завистливы, какъ негодныя кукушки, которыя кладутъ яйца въ чужое гнѣздо... Ты все это знаешь, мой сынъ, и просишь за нихъ?

— Да, отецъ!—снова глухо прозвучалъ голосъ Джемалэддина.

„Какъ онъ любитъ ихъ! Они околдовали его, эти урусы, и отняли отъ меня моего ребенка!"—вихремъ пронеслось въ головѣ имама, и онъ сурово добавилъ вслухъ:

— Гассанъ-бекъ-Джанаида—мой вѣрный и храбрый слуга... Обездоливать моихъ слугъ я не намѣренъ... Любимый братъ Гассана убитъ урусами... Не этотъ-ли плѣнникъ убилъ твоего брата, Гассанъ?

Блѣдный, какъ смерть, отъ одного только воспоминанія, подошелъ Гассанъ къ имаму.

— Прости, повелитель, что я укрылъ плѣннаго... но ты вѣрно сказалъ: онъ и есть убійца моего брата. И я рѣшилъ отомстить за эту смерть... Вся моя кровь закипаетъ отъ предвкушенія канлъ!.. Прости мнѣ, великій имамъ...

— Ты правъ,—произнесъ Шамиль,—ученіе тариката не запрещаетъ кровавой мести за смерть близкаго. Самъ великій пророкъ приказываетъ не вкладывать меча въ ножны, пока не останется ни одного невѣрнаго въ подлунномъ мірѣ... Твоя просьба не можетъ быть исполнена, сынъ мой Джемалъ; плѣнный урусъ долженъ остаться во власти Гассана,—заключилъ имамъ и, важно обведя взоромъ кругъ своихъ гостей, спросилъ ихъ громко:

— Такъ-ли я разсудилъ, правовѣрные?

— Ты справедливъ, какъ солнце, одинаково сіяющее надъ богачами и байгушами [1], святѣйшій!—былъ дружный отвѣтъ старѣйшинъ.

---

[1] Нищими.

— Отецъ!.. Ты...—началъ было Джемалъ, но Шамиль остановилъ его:

— Нашъ разговоръ оконченъ; я не желаю слушать больше...

Затѣмъ Шамиль медленно двинулся изъ кунацкой, сопутствуемый своимъ старымъ тестемъ-алимомъ.

Джемалэддинъ и Гассанъ обмѣнялись взглядами, въ которыхъ горѣла самая непримиримая вражда.

Лицо молодого человѣка какъ-то разомъ осунулось и потемнѣло. Далеко не счастливымъ новобрачнымъ казался теперь Джемалъ. Въ глубокой задумчивости сидѣлъ онъ, не притрогиваясь къ яствамъ. Могъ-ли онъ ѣсть, когда неподалеку несчастный плѣнникъ его любимаго народа томится голодомъ въ гудынѣ Гассана!

— Господинъ мой!—словно сквозь сонъ слышится ему дѣвичій нѣжный голосокъ.

— Что, Патиматъ? что, моя джанымъ?—быстро обернувшись въ сторону говорившей, спрашиваетъ онъ.

— Надо его спасти!—лепечетъ дѣвочка чуть слышно,—спасти во что-бы то ни стало!

— Во что-бы то ни стало, Патиматъ!.. Я сдѣлаю все возможное для этого. Клянусь тебѣ, дитя!

— О! господинъ! Благослови тебя Аллахъ за это.

— Спасибо, Патиматъ, добрая душа!—ласково улыбнулся сестрѣ Джемалэддинъ.

— Джемалъ, братъ мой!—застѣнчиво произнесла не привыкшая къ ласкѣ дѣвочка и вдругъ разомъ развеселилась, какъ игривый котенокъ...

Мѣрно зазвучалъ снова бубенъ въ смуглой дѣвичьей рукѣ... И быстрая, какъ взмахъ орлинаго крыла, лезгинка закружилась, развертываясь въ своихъ красивыхъ фигурахъ.

Въ головѣ Джемалэддина зрѣло рѣшеніе.

— Джемалъ, братъ мой!—застѣнчиво произнесла дѣвочка...

ГЛАВА XIII.

Плѣнникъ.

ПРОШЛО трое сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Мишу Зарубина бросили въ черную и глубокую, какъ могила, гудыню... Онъ отсчитывалъ эти сутки по игрѣ золотистаго луча, проникшаго Богъ вѣсть какимъ чудомъ въ его подземную тюрьму... Лучъ исчезалъ—значитъ была ночь,—сіялъ снова—золотое солнце вставало надъ черными лѣсами Андіи.

Вмѣстѣ съ солнечнымъ лучомъ появлялся и сѣдоусый нукеръ наиба на краю ямы и бросалъ туда сухіе чуреки да спускалъ на веревкѣ глиняную чашку съ водою: ровно столько, сколько было надо, чтобы плѣнникъ не умеръ съ голоду. Иногда вмѣсто нукера подбѣгала къ краю гудыни отвратительная, какъ вѣдьма, старая Селтанетъ и, грозя своими костлявыми кулаками, кричала бѣшено, сверкая почти безумнымъ взоромъ:

— Эй ты... гяуръ!.. собака!.. керестень!.. Готовься къ смерти, если черные джины еще не утащили въ джуджахъ твою нечистую душу!

Въ первую минуту, очутившись на днѣ ямы, Миша почувствовалъ нѣчто похожее на облегченіе... Ему хотѣлось, какъ можно скорѣе, избавиться отъ присутствія враговъ. Но послѣ первыхъ-же сутокъ, проведенныхъ въ ямѣ, молодой человѣкъ впалъ въ тяжелое и мрачное отчаяніе.

„Ужь скорѣе-бы они покончили со мною!“—искренно желалъ онъ, съ отвращеніемъ оглядываясь на сырыя, скользкія стѣны своей тюрьмы. Ему даже доставляло удовольствіе видѣть и слышать поносящую его старуху Сел-

танетъ. Все-таки живое существо. Все-таки человѣческій голосъ.

Днемъ, когда слышались голоса въ аулѣ и ежечасно мулла-муэдзинъ выкрикивалъ съ минарета свои призывы къ намазамъ, ему еще не было такъ горько и невыносимо. Но за то ночью, когда гробовая тишина воцарялась въ Дарго-Ведени, молодой Зарубинъ впадалъ въ мрачное унылое состояніе, переживая весь ужасъ погребеннаго заживо въ могилѣ человѣка.

Сегодняшняя ночь особенно тяжела Мишѣ. Это не обычно тихая ночь... Нѣтъ... Поминутно слышится гулъ дикой музыки и трескъ винтовокъ... Голоса пирующихъ на гудеканѣ горцевъ достигаютъ до его слуха...

„Очевидно празднуютъ новый разбойничій набѣгъ на какую-нибудь изъ нашихъ крѣпостей,—мысленно рѣшаетъ юноша. Вотъ бы очутиться чудомъ на волѣ и угостить, какъ слѣдуетъ, этихъ разбойниковъ!“—мечтаетъ онъ...

На волѣ!

Съ этой мечтой надо проститься... Она несбыточна, неисполнима!

Новый припадокъ раскаянія овладѣваетъ несчастнымъ. Послушайся онъ тогда Полянова и не бросься, очертя голову, преслѣдовать врага, не сидѣлъ-бы онъ здѣсь, какъ нелѣпо пойманный чижъ въ клѣткѣ...

Что-то думаютъ о немъ тамъ, въ маленькой крѣпости? Вспоминаютъ-ли его? Должно быть Потапычъ выплакалъ всѣ свои старые глаза по своемъ ненаглядномъ Мишенькѣ! Ужь и панихиду, чего добраго, отслужили!

Панихиду! Да, служи ее, служи, старикъ! Завтра его не станетъ! Сегодня послѣдняя ночь осталась ему, Мишѣ... Сѣдоусый нукеръ, принесшій ему поутру воды и чурековъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ пояснилъ ему:

— Завтра... нема уруса... Секимъ башка будытъ! —и краснорѣчивымъ жестомъ провелъ рукою по горлу.

И такъ, значитъ, завтра... Что-то поздно надумалъ

Гассанъ! Или проморить его хочетъ хорошенько, какъ слѣдуетъ помучить передъ казнью, дать почувствовать всю тяжесть неволи?.. Они это любятъ, гнусные-изувѣры.

Миша даже вздрагиваетъ отъ непреодолимой ненависти къ своему злѣйшему врагу... Нѣтъ, положительно, что-то роковое есть въ ихъ встрѣчѣ съ Гассаномъ... Хотѣлъ убить отца, убьетъ сына... Не подоспѣй тогда Джемалъ, отецъ Зарубина давно былъ-бы въ могилѣ... И гдѣ онъ теперь этотъ Джемалъ? Далеко-ли отъ него, Миши... Въ Дарго-Ведени тогда повезли его... А гдѣ это Дарго-Ведени? Можетъ быть очень далеко, можетъ быть очень близко. Не все-ли равно! Не сладко, должно быть, живется ему бѣднягѣ!

Что-то холодное и влажное касается щеки Зарубина и прерываетъ на мигъ его мысль. Онъ быстро хватаетъ рукою невидимый предметъ и съ отвращеніемъ отшвыриваетъ его отъ себя. Отвратительное, скользкое существо, коснувшееся его щеки, была большая земляная жаба, какихъ водилось не мало на днѣ гудыни...

И снова прерванныя мечты возвращаются къ молодому человѣку и переносятъ его на своихъ розовыхъ крыльяхъ далеко, далеко отъ черной ямы...

Ему вдругъ представляется ихъ петербургская столовая... За круглымъ столомъ сидитъ вся семья... Самоваръ, докипая, поетъ свою тихую пѣсенку... Джемалъ тутъ-же... Онъ сидитъ подлѣ Лены и читаетъ ей Лермонтова... Джемалъ читаетъ образно и красиво, съ присущей сыну Востока восторженностью... Мать наливаетъ ему, Мишѣ, новый стаканъ душистаго чая, горячаго, крѣпкаго, такого именно, какой онъ любитъ... А у него глаза слипаются... Чтеніе Джемала укачало его... „Скоро надо идти въ корпусъ“,—мелькаетъ послѣдняя сознательная мысль въ его мозгу, и онъ засыпаетъ тутъ-же, уронивъ голову на руки... Ему снятся побѣды надъ горцами...

битвы... схватки... Кавказъ... желанный Кавказъ, о которомъ онъ такъ мечтаетъ...

. . . . . .

. . . . . .

Кто-то сквозь сонъ, слышится ему, зоветъ его.

— Сейчасъ!—отзывается онъ лѣниво,—это Джемалъ, вѣрно, напоминаетъ, что уже время идти въ корпусъ.— Сейчасъ, Джемалъ!—сонно лепечетъ онъ и съ трудомъ открываетъ глаза: ни Джемала, не самовара, ни столовой... Вокругъ него та же черная гудыня, кишащая жабами и летучими мышами.

О, какъ сладокъ былъ его сонъ! Сонъ только!

Но что это? Кто-то зоветъ его... Это не сѣдоусый нукеръ, нѣтъ... Голосъ болѣе нѣженъ и звученъ, точно голосъ ребенка.

Миша быстро подходитъ къ той стѣнѣ, надъ которой слышится онъ.

При блѣдномъ мерцаніи мѣсяца можно различить человѣческую фигуру на откосѣ ямы. Это совсѣмъ небольшая фигурка. Должно быть еще мальчикъ, почти ребенокъ... Ну да, такъ и есть. Ноги, выходящія изъ-подъ полы чохи, слишкомъ малы для взрослаго, и лицо, освѣщенное лучами мѣсяца, не потеряло еще дѣтской округлости... Но кто-бы ни былъ онъ, ребенокъ или взрослый, будь благословенъ небомъ его внезапный приходъ!..

— Плѣнникъ... урусъ, — говоритъ шопотомъ мальчикъ на своемъ чеченскомъ нарѣчіи,—не бойся... урусъ... Не надо бояться... ты не умрешь завтра... Ты не бойся... Я къ тебѣ пришла... выпросила у Магомета-Шеффи его бешметъ и шальвары и пробралась къ тебѣ... Никто не видалъ... Всѣ пируютъ... Рукъ-эта-намазъ сегодня... большой праздникъ... Старшій господинъ беретъ въ жены Зюльму... У-у, хороша Зюльма... и глаза, какъ звѣзды... и губы-розаны... А господинъ скучаетъ... Я тебѣ шашлыка принесла съ пира... ѣшь, хорошій шашлыкъ, чеснокомъ

приправленъ... Алла верды! Не будетъ смерти завтра... господинъ не позволитъ... Прощай... а то мачиха Зайдетъ накроетъ, бѣда будетъ! Намъ, дѣтямъ имама, изъ сераля уходить нельзя. Прощай, урусъ. Не бойся... говорю, не будетъ смерти...

Миша ничего почти не понялъ, что говорилъ ему странный мальчикъ... Но ласковый голосъ, кроткое личико мальчика и спущенный на веревкѣ кусокъ жаренаго барана какъ-то оживили и успокоили его.

— Кто ты?—въ невольномъ порывѣ признательности обратился онъ къ своему неожиданному другу.

Тотъ недоумѣвающе покачивалъ своей хорошенькой головкой. Тогда онъ сталъ пояснять нагляднѣе, сначала указывая на себя, потомъ въ сторону сакли:

— Вотъ тамъ Ахметъ... тамъ Гассанъ... и Селтанетъ и Али, а ты кто? Я хочу знать твое имя, чтобы благословлять тебя, нежданный, Богомъ посланный ангелъ! Хочу помолиться за тебя въ эту мою послѣднюю ночь! Скажи-же твое имя?..

Мальчикъ вдругъ понялъ его и весело, чуть слышно разсмѣявшись, быстро замоталъ головою:

— Яхши! Яхши! Поняла! Поняла! Моя поняла,—съ трудомъ вспомнила она слышанную отъ русскихъ фразу.— Я—Патиматъ! Дѣвушка—Патиматъ! Прощай, урусъ, мнѣ поздно.

И съ этими словами, быстро вскочивъ на ноги, она со скоростью кошки скрылась въ сгущенныхъ сумеркахъ ночи...

. . . . . .

Узнавъ отъ брата о его неизмѣнномъ рѣшеніи во чтобы-то ни стало спасти плѣннаго, Патиматъ уже не имѣла ни минуты покоя. Ей, во что-бы то ни стало, хотѣлось предупредить уруса, что его ждетъ скорое спасеніе.

Съ этою цѣлью она выпросила у брата его будничный

бешметъ, говоря, что хочетъ нарядиться джигитомъ на потѣху женщинамъ сераля. Магометъ-Шеффи былъ въ отличномъ настроеніи, благодаря выпитой въ изобиліи бузѣ, и исполнилъ желаніе сестры.

Быстро преобразиться въ мальчика-горца для хорошенькой Патиматъ было дѣломъ одной минуты. Зная, что теперь пиръ затянется долго и никто не хватится ее, она быстро выскользнула на улицу аула и достигла сакли Гассана, гдѣ она не разъ тихонько отъ взрослыхъ бывала съ Нажабатъ и Шеффи въ гостяхъ у юнаго брата наиба, Али. Быстро отыскала дѣвочка черную гудыню въ углу двора и успѣла разглядѣть въ лицо плѣнника. О, какимъ худымъ и жалкимъ показался ей бѣдняжка-урусъ! Сердце дѣвочки сжалось отъ боли при одномъ воспоминаніи о немъ.

„Лишь-бы понялъ онъ ее, лишь-бы понялъ,—мечтала она.—Только врядъ-ли? Все головой качалъ только... Или не вѣритъ въ скорое избавленіе!.. Ахъ, онъ бѣдный! бѣдный!“

Теперь, исполнивъ свой замыселъ, Патиматъ бѣгомъ кинулась обратно. Если замѣтятъ ея отсутствіе въ сералѣ — бѣда! Она и сестры ни подъ какимъ видомъ не смѣютъ выходить изъ дворца имама.

Быстрѣе лани неслась она туда, ловко перебирая своими маленькими ножками. Вотъ уже близко сераль, слава Аллаху... Что это? Старуха Хаджи-Ребиль бѣжитъ ей на встрѣчу и кричитъ что-то не своимъ голосомъ.

Такъ и есть, ее хватились... Сердечко Патиматъ сжалось отъ страха...

— Неджелсимъ! [1]. Неджелсимъ, Алла!—въ отчаяніи лепетала она.

Вотъ и Магометъ-Шеффи и Нажабатъ бѣгутъ за старой нянькой.

---

[1] Что мнѣ дѣлать.

— Патиматъ! Патиматъ! — даже и не обращая вниманія на странный костюмъ сестры, кричитъ еще издали Нажабатъ. — Не видала ты ее? Бѣглянку?

— Кого? Что такое?—ровно ничего не понимая, спрашиваетъ, широко раскрывая глаза, Патиматъ. — Кто бѣжалъ? Кого ищутъ?

— О, негодная дѣвчонка! О, дели-акызъ! [1] О, злое сѣмя, заброшенное на нашу почву!—вопила старая Хаджи-Ребиль.—Изъ-за нея ли, презрѣнной гяурки, придется мнѣ сложить мою старую голову! Да она не стоитъ ни одной пролитой капли крови истинной мусульманки!

— О комъ говоришь ты? — недоумѣвающе спрашивала Патиматъ.

— Тэкла сбѣжала! Нѣтъ больше Тэклы! — ввернула свое слово Нажабатъ.

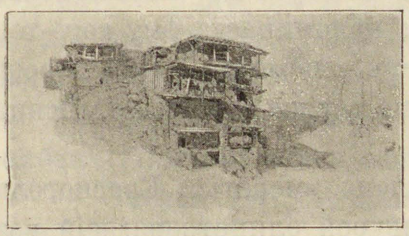
— О, она, клянусь именемъ Аллаха, раскается въ этомъ!—вскричалъ Магометъ-Шеффи, и глаза его бѣшено сверкнули.

Сердце Патиматъ радостно забилось. Тэкла убѣжала!.. Значитъ одной мученицей будетъ меньше въ сералѣ.

И вся сіяющая она прошла къ себѣ.

ГЛАВА XIV.

На волосъ отъ смерти.



МЕДЛЕННО и плавно всплыло нѣжное, румяное утро надъ Андійскимъ лѣсистымъ хребтомъ и, опоясанное алой зарею, улыбнулось природѣ.

Аулъ еще не просыпался... Только на дворѣ наиба

[1] Сумасшедшая дѣвчонка.

Гассана нѣсколько нукеровъ собрались противъ входа главной сакли и ждутъ появленія оттуда ихъ хозяина и господина.

Но вотъ онъ вышелъ, медленно поклонился востоку и прочелъ утренній намазъ, умывъ лицо и руки изъ поданнаго ему однимъ изъ нукеровъ кувшина.

За нимъ вышелъ горецъ-переводчикъ, его ближайшій слуга.

По данному знаку два нукера подошли къ гудынѣ и, зацѣпивъ плѣннаго длиннымъ шестомъ, заканчивающимся крюкомъ, вытащили его изъ ямы.

Передъ глазами Гассана предстала ненавистная ему фигура его врага.

Лицо плѣннаго было блѣдно, но спокойно. Яркимъ огнемъ горѣли два синіе глаза на изможденномъ лицѣ... Миша Зарубинъ зналъ, что его смерть неминуема и безропотно подчинился жестокому року.

Послѣдняя ночь его передъ смертью прошла сравнительно спокойно. Онъ даже успѣлъ заснуть немного и видѣлъ во снѣ своихъ. И потомъ этотъ мальчикъ-горецъ, принесшій ему кусокъ жареной баранины, сумѣлъ заставить его отчасти примириться со смертью. Что говорилъ онъ, Миша не понялъ и не разобралъ, но одно уже его появленіе доставило ему огромную радость. Ему отрадно было встрѣтить въ предсмертныя минуты сочувствующее, ласковое существо... Патиматъ зовутъ его. Какое славное, хорошенькое имя!.. И лицо у него хорошенькое, точно дѣвочка, и до странности напоминаетъ ему кого-то... Кого? Онъ рѣшительно не можетъ вспомнить... Онъ хорошо запомнилъ это лицо, несмотря на скупое освѣщеніе мѣсяца, и узнаетъ его изъ тысячи!..

Однако, ему сейчасъ суждено умереть... Красноголовый Гассанъ, всей своей фигурой олицетворяющій возмездіе, говоритъ ему это... Умереть теперь, сейчасъ, когда онъ еще такъ молодъ и ничего пока еще не сдѣ-

лалъ для своей родины! Гдѣ-же тѣ доблестные подвиги, о которыхъ ему такъ сладко грезилось въ корпусѣ?.. Гдѣ та служба на пользу царя и отечества, о которой онъ мечталъ? Двухгодовое бездѣльничанье въ маленькой крѣпости, этотъ недолгій бой на брустверѣ и въ результатѣ смерть преступника отъ руки какого-то чеченца! О, зачѣмъ онъ не послушался тогда голоса Полянина и кинулся на вылазку!..

Однако, не поздно-ли ему каяться теперь въ этомъ? Надо, по крайней мѣрѣ, показать горцамъ, какъ умѣетъ умирать русскій офицеръ!.. И онъ поднялъ исхудалое лицо на Гассана и твердымъ, безстрашнымъ взоромъ впился ему въ глаза.

Тотъ въ свою очередь измѣрилъ глазами свою жертву съ головы до ногъ и сказалъ что-то переводчику-горцу.

Этотъ выступилъ впередъ и обратился къ Мишѣ со своей коверканой рѣчью:

— Мой господинъ желаетъ знать, насколько ты боишься смерти, саибъ? И еще хочетъ знать, какое будетъ твое предсмертное желаніе?

— Передай твоему господину, что я не трусъ, чтобы бояться смерти, — гордо отвѣчалъ Зарубинъ и блѣдное лицо его вспыхнуло слабымъ румянцемъ, — а мое предсмертное желаніе — чтобы онъ какъ можно скорѣе попался нашимъ и былъ повѣшенъ на толстомъ суку ближайшей чинары... Твой господинъ, очевидно, хочетъ посмѣяться надъ своей жертвой, прежде чѣмъ отправить ее къ праотцамъ. Такъ поступаютъ трусы, передай это твоему господину!

Переводчикъ перебросился нѣсколькими фразами съ наибомъ. Потомъ снова сказалъ, обращаясь къ Мишѣ:

— Смерть не замедлитъ явиться. Ты можешь быть спокоенъ, саибъ!

Дѣйствительно нѣсколько нукеровъ въ тотъ-же мигъ окружили плѣнника, крича что-то по-чеченски, чего онъ,

однако, не могъ понять. Потомъ Гассанъ-бекъ-Джанаида быстро подошелъ къ нему. Съ минуту оба врага мѣрили другъ друга глазами. Самая жестокая, почти безумная ненависть пылала въ глазахъ обоихъ.

„Чего онъ медлитъ? — вихремъ пронеслось въ головѣ Зарубина.—Ужь убилъ-бы скорѣе!“—и вдругъ новая, безумно-жгучая потребность жизни заговорила въ немъ усиленнымъ голосомъ.

О, какъ не хотѣлось бы ему умереть!.. Надъ его головой синѣло небо, бѣлѣли снѣговыя вершины и курились бездны, точно огромный алтарь, воздвигнутый для приношеній Невидимому Творцу этихъ дивныхъ красотъ... Сердце Миши забилось сильно, сильно...

„Господи!—мысленно произнесъ онъ, — спаси меня! помилуй меня! дай мнѣ жить! жить!...“

А кинжалъ Гассана уже занесенъ надъ его головой... Глаза наиба впились съ жгучимъ любопытствомъ въ его, Мишины, глаза... Онъ съ безконечнымъ дикимъ восторгомъ старается поймать трепетъ и страхъ въ лицѣ своей жертвы...

Лицо Зарубина блѣдно, очень блѣдно, но спокойно, какъ только можетъ быть спокойно лицо обреченнаго на неизбѣжную смерть... Онъ закрылъ глаза... Передъ нимъ снова милыя, милыя лица... Снова большая уютная столовая съ круглымъ столомъ по серединѣ почему-то приходитъ въ голову молодому человѣку и слышится голосъ Джемала, читающаго Лермонтова его сестрѣ, Ленѣ... И вдругъ все это покрываетъ ворчливо добродушный голосъ Потапыча: „И что это вы, ваше высокородіе, какъ сапоги носите... У всѣхъ подошвы рвутся, а у васъ носки...“— ясно, ясно, какъ-бы въ дѣйствительности слышится ему голосъ его дядьки.

Удивительно, что именно это воспоминаніе, а не что иное приходитъ ему на умъ сейчасъ... Онъ снова открываетъ глаза... Лицо Гассана уже передъ самыми его гла-

зами... Горячее дыханіе врага обдаетъ Мишу. Кинжалъ его приставленъ къ груди плѣнника... Зарубинъ чувствуетъ даже холодъ стали, проникающій ему въ самое сердце...

— Да убей-же меня скорѣе, разбойникъ! Нечего издѣваться надо мною!—вырывается изъ груди несчастнаго полный отчаянія возгласъ.

Не отъ страха смерти вырвался у Миши этотъ возгласъ. Только подлое издѣвательство со стороны врага сводитъ его съ ума...

Въ лицѣ Гассана злорадное торжество... Онъ достигъ своей цѣли... Онъ измучилъ жертву. И съ дикимъ крикомъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго, онъ высоко поднялъ кинжалъ...

Въ ту-же минуту съ быстротою молніи на дворъ влетѣлъ всадникъ.

— Удержи твою руку, Гассанъ!—кричитъ онъ голосомъ, исполненнымъ волненія и дрожи. — Свѣтлѣйшій имамъ приказываетъ тебѣ отдать ему плѣннаго уруса!.. Мнѣ велѣно доставить его немедленно во дворецъ.

И вдругъ говорившій разомъ обрываетъ свою рѣчь и смолкаетъ на полусловѣ. Легкій крикъ срывается съ его губъ.

— Зарубинъ! Миша... ты!

— Джемалъ!—слабымъ эхомъ откликается плѣнникъ и они бросаются въ объятія другъ другу.

Слезы радости обильно катятся по исхудалому лицу Зарубина. Господь услышалъ его молитву! Онъ не только отклонилъ руку убійцы, но послалъ ему, въ лицѣ избавителя, его лучшаго, неизмѣннаго друга.

— Миша! Голубчикъ! Такъ вотъ какого плѣнника пришлось мнѣ спасти! — горячо пожимая ему руку, дрожащимъ голосомъ произнесъ Джемалэддинъ.

И вдругъ лицо его нахмурилось, глаза потемнѣли; онъ быстро наклонился къ уху своего друга и тихо шепнулъ:

— Медлить некогда... Отецъ не отдавалъ никакого приказанія... Гассанъ скоро пойметъ это и пошлетъ погоню... Лишь только мы выѣдемъ за ворота, ты пойдешь въ противоположную сторону, держась берега истока... За Ведени будетъ лѣсъ... Тамъ ты въ безопасности... Я-бы далъ тебѣ коня, но пѣшему укрыться легче... Въ лѣсу держись востока... Тамъ русскія укрѣпленія... Револьверъ я тебѣ дамъ за воротами, а теперь идемъ... Время дорого... На улицѣ пока нѣтъ ни души... Всѣ спятъ...

И, говоря это, онъ тронулъ коня, сдѣлавъ знакъ плѣннику слѣдовать за лошадью.

Гассанъ, мрачно слѣдившій все время за каждымъ движеніемъ молодыхъ людей, лишь только они тронулись въ путь, преградилъ имъ дорогу.

— Господинъ!—обратился онъ нахмурясь къ Джемалэддину.—Чѣмъ докажешь ты истину твоихъ рѣчей? Чѣмъ подтвердишь приказъ повелителя отдать ему моего есыря?

— Что?!

Джемалэддинъ сильно дернулъ поводъ и разомъ остановилъ коня. Въ лицѣ его была цѣлая буря негодованія.

— Какъ смѣешь ты не довѣрять устамъ сына имама, твоего главы и повелителя!—гнѣвно крикнулъ онъ наибу.— Мое дѣло приказать тебѣ, а твое — повиноваться, жалкій каравашъ!

И съ гордо поднятой головою онъ поѣхалъ дальше.

Если бы Джемалэддинъ или спасенный имъ Миша оглянулись назадъ въ эту минуту, то они увидѣли-бы искаженное злобою лицо Гассана и его пылающій ненавистью взоръ... Но имъ некогда было дѣлать это... Каждая минута была на счету. Выѣхавъ на самый конецъ аула и не встрѣтивъ ни души на его сонныхъ улицахъ, Джемалэддинъ быстро обнялъ своего друга и, еще разъ сдѣлавъ всѣ нужныя указанія, сунулъ ему въ руку большой турецкій пистолетъ.

— О, Джемалъ, какъ мнѣ благодарить тебя!—вскричалъ глубоко потрясенный Миша,—семнадцать лѣтъ тому назадъ ты спасъ жизнь моего отца, теперь спасаешь мою жизнь, рискуя навлечь на себя гнѣвъ и месть Шамиля. Буду ли я когда-нибудь въ состояніи отплатить тебѣ за все это?..

— Полно, Зарубинъ! Будь это не ты, а другой, невѣдомый мнѣ плѣнникъ, я-бы сдѣлалъ то же самое... Развѣ я зналъ, кого томитъ въ гудынѣ Гассанъ? Ужь, конечно, не тебя думалъ я тамъ встрѣтить. Полно, мой дорогой, самый дорогой другъ! Я не жду отплаты, но только, если когда-либо моимъ близкимъ будетъ грозить опасность, особенно ей, Патиматъ, моей любимой сестрѣ, если они попадутся когда-либо въ руки вашихъ и меня не будетъ съ ними, облегчи ея участь, Зарубинъ! Вотъ все, что ты можешь сдѣлать для меня.

Типъ горца-мюрида.
Рисунокъ В. В. Верещагина.

„Патиматъ!—мысленно пронеслось въ головѣ Миши,—и того ночного посѣтителя, мальчика-горца, звали также Патиматъ... Ужь не сестра-ли Джемала была у него въ эту ночь?..“ Но ему некогда было разсуждать объ этомъ. Нельзя было терять ни минуты. Онъ быстро и горячо обнялъ своего друга и, еще разъ поблагодаривъ его, скрылся за ближайшими деревьями лѣса...

А Джемалэддинъ повернулъ коня и тихо поѣхалъ по улицѣ аула...

ГЛАВА XV.

Бѣгство.—Неожиданная встрѣча.

Лишь только Зарубинъ очутился въ лѣсу, его первой мыслью было снять свой офицерскій сюртукъ, такъ какъ онъ могъ привлечь вниманіе каждаго встрѣчнаго.

Онъ быстро исполнилъ это и, спрятавъ амуницію въ кустахъ дикаго орѣшника, погрузился въ самую чащу, поминутно оглядываясь по сторонамъ, не теряя изъ вида тропинки.

Солнце уже стояло высоко на зенитѣ, когда онъ отошелъ довольно далеко отъ Ведени и очутился въ дикой глуши. Здѣсь онъ вздохнулъ свободнѣе... Со всѣхъ сторонъ вокругъ него высились исполинскіе дубы и каштаны, перевитые цѣпкой арханью... Тамъ и сямъ были разбросаны кусты дикихъ розъ, путь черезъ которые былъ почти немыслимъ, благодаря обильно снабжающимъ ихъ терніямъ. Здѣсь погоня не скоро-бы настигла его...

Но, избавившись отъ одной бѣды, онъ долженъ былъ ожидать другую. Ему грозилъ голодъ. Онъ слышалъ не разъ, что убѣгавшіе изъ Шамилева плѣна солдатики питались корнями по дорогѣ. Но гдѣ ему набрать этихъ корней, и гдѣ растутъ они, онъ рѣшительно не зналъ. Къ тому-же усталость давала себя чувствовать не на шутку. Его такъ и тянуло ко сну. А между тѣмъ хотѣлось уйти какъ можно дальше отъ Ведени, пока тамъ еще не хватились его. И онъ все шелъ, шелъ, придерживаясь востока, какъ приказывалъ ему Джемалэддинъ.

Но вотъ его силы стали падать съ каждой минутой, и онъ началъ сильнѣе чувствовать усталость и голодъ. Ноги стали подкашиваться... Хорошо еще, что горцы не

сняли съ него сапогъ, какъ они имѣютъ обыкновеніе дѣлать это. А то бы ноги его были изодраны въ конецъ о колючіе пни и кочки...

Нѣтъ, больше онъ не въ силахъ идти... Миша останавливается на минуту... Прислушивается... Слава Богу, все тихо кругомъ, только какая-то крошечная птичка чирикаетъ ему что-то съ куста, любопытно поглядывая на него своими круглыми глазками... Не разсуждая ни о чемъ больше, весь раздавленный своей страшной усталостью, онъ безсильно валится на зеленый мохъ и въ тотъ-же мигъ засыпаетъ мертвымъ сномъ измученнаго физически и нравственно человѣка. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Солнце медленно погружалось въ море зелени, дѣлая совсѣмъ золотой красивую листву чинары и, купаясь въ позлащенномъ маревѣ лѣса, угасало нехотя, какъ бы лѣниво разставаясь съ притихшей природой.

Миша разомъ проснулся и открылъ глаза. Сонъ подкрѣпилъ его; усталость пропала... И къ этому прибавилось радостное сознаніе—онъ на свободѣ!.. Нѣтъ этой черной, гадкой гудыни съ ея скользкими стѣнами и дномъ, кишащимъ отвратительными пресмыкающимися. Если ему суждена смерть, то пусть это будетъ смерть на волѣ, на просторѣ, а не въ мрачной подземной тюрьмѣ... А между тѣмъ голодъ сильнѣе даетъ себя чувствовать съ каждой минутой... Ужасный голодъ! Точно что-то острое проникло ему во внутрь и колетъ, и жалитъ своимъ тонкимъ жаломъ. Онъ сорвалъ листикъ какого-то дерева и сталъ жевать его, но тутъ-же выплюнулъ съ отвращеніемъ. Во рту осталась какая-то ѣдкая, вяжущая горечь... А надо было во что-бы то ни стало утолить голодъ!

Хотя-бы доплестись до мирнаго аула и попросить пристанища! Да, но кто поручится, что аулъ, который ему попадется на дорогѣ, окажется мирнымъ? Вѣдь въ

этихъ Андійскихъ трущобахъ еще свято чтится имя Шамиля, и только ближайшіе къ русскимъ аулы уже отложились отъ него...

Кто поручится, что первый-же попавшійся чеченецъ, у котораго онъ попроситъ пристанища, не отправитъ его связаннаго назадъ въ Дарго-Ведени...

Чувство облегченія, навѣянное сномъ, вдругъ исчезло... Онъ готовъ уже былъ впасть въ самое безысходное отчаяніе, какъ внезапно печальныя мысли бѣглеца были прерваны раздавшимся поблизости шорохомъ.

Миша выхватилъ револьверъ изъ кармана и взвелъ курокъ, готовый встрѣтить выстрѣломъ каждаго, кто попадется на его дорогѣ... Вотъ все ближе, ближе странный шорохъ... Точно кто-то съ усиліемъ пробирается сквозь кусты... „Или медвѣдь, или просто лѣсной джайронъ идетъ къ водопою...“—рѣшилъ Зарубинъ и, не выпуская оружія изъ руки, пристально вглядывается въ чашу.

А что, если это погоня со всѣхъ сторонъ оцѣпляетъ кустарникъ, чтобы взять его живьемъ, какъ затравленнаго звѣря?.. Вотъ слышнѣе шорохъ... Еще слышнѣе и внятнѣе... Это не тяжелые шаги медвѣдя и не быстрые и легкіе оленя, короля лѣсистыхъ горъ... Нѣтъ сомнѣній, не звѣрь, а человѣкъ или нѣсколько человѣкъ пробираются къ нему въ чащу. Онъ сильнѣе сжимаетъ стволъ револьвера, готовый каждую минуту спустить курокъ. Шорохъ уже близко, рядомъ... Уже вполнѣ ясно, что за тѣми кустами крадется человѣкъ. Вотъ они раздвигаются, вотъ...

Крикъ неожиданности срывается съ устъ Зарубина.

Ему вторитъ такой-же крикъ, только болѣе испуганный, болѣе дикій. И передъ нимъ появляется маленькая, худенькая, вся въ рваныхъ рубищахъ, дѣвочка съ растрепанной бѣлокурой косой. Ея тѣло все исцарапано объ острыя колючки терновника... Изъ босыхъ ножонокъ течетъ кровь. Большіе темные глаза испуганнымъ взоромъ впи-

ваются въ револьверъ, застывшій въ конвульсивно сжатой рукѣ потерявшагося отъ неожиданности Миши.

— Ради Господа Бога, не убивай меня, господинъ!..— лепечетъ дѣвочка на не совсѣмъ ясномъ, но понятномъ, однако, русскомъ языкѣ.

Револьверъ падаетъ изъ рукъ Зарубина... Не сонъ-ли это? Какъ могла попасть эта крошка въ самую глубь Андійскихъ трущобъ? Или его разстроенное воображеніе рисуетъ ему подобную картину?

Но нѣтъ, это не сонъ... Бѣлокурая дѣвочка, видя, что онъ не врагъ, не разбойникъ, за котораго она приняла его сначала, быстро подбѣгаетъ къ нему.

— О, господинъ! Какъ я рада, что встрѣтила тебя: я сбилась съ дороги! Всюду этотъ ужасный кустарникъ... и ни тропинки нигдѣ!

— Ты русская?—спросилъ дѣвочку Зарубинъ.

— Я грузинка, грузинка Тэкла... Мнѣ удалось убѣжать изъ плѣна, гдѣ было такъ тяжело, такъ тяжело! Ты тоже бѣглый плѣнникъ, я вижу это, господинъ! Ты русскій! О, какое счастье, что я нашла тебя... Мнѣ было такъ страшно идти одной по черному, черному лѣсу... Я все боялась, что Зайдетъ пошлетъ погоню за мною...

— Кто?

— Зайдетъ, старшая жена Шамиля! Она очень дурная женщина... она била меня за то, что я не хотѣла принять ихъ вѣры, чтобы стать впослѣдствіи женой Магомета-Шеффи. О, какъ я страдала въ плѣну, господинъ! Какъ я страдала!.. У меня все тѣло исполосовано нагайкой Зайдетъ. И Нажабатъ, ея дочь, такая же злая. Только когда она поетъ, тогда всѣ забываютъ про ея дурной характеръ и слушаютъ ее... А что если они поймаютъ насъ, господинъ? Насъ убьютъ обоихъ? — вдругъ такъ и встрепенулся несчастный ребенокъ и долго сдерживаемыя слезы разомъ хлынули изъ ея глазъ.

— Успокойся, бѣдное дитя!—проговорилъ растроган-

ный ея участью Зарубинъ,—я не дамъ тебя въ обиду! Разскажи лучше, какъ ты убѣжала изъ плѣна, бѣдняжка!

— О!—дѣвочка разомъ оживилась и глубоко запавшіе глазки ярко загорѣлись счастливымъ огонькомъ.—Зайдетъ прибила меня во время свадьбы Джемалэддина.

— Какого Джемалэддина?—прервалъ дѣвочку Миша.

— Старшаго сына Шамиля, что былъ у русскихъ. Или ты не знаешь его?

— Такъ Джемалъ женился? Да?

— На дочери наиба Талгика. Отецъ приказалъ ему.

— Бѣдный Джемалъ!

— О, онъ чудесный, Джемалэддинъ!—восторженно отозвалась Тэкла.—Сколько разъ выручалъ меня изъ бѣды. Такъ вотъ на его свадьбѣ мнѣ и удалось бѣжать. Зайдетъ оставила дверь открытой, и я ушла. Когда я очутилась на улицѣ, шумъ пирующихъ на гудеканѣ совсѣмъ оглушилъ меня. Вездѣ горѣли костры и жарилась баранина. Горцы занялись ѣдою и не обратили вниманія, какъ я прошмыгнула мимо нихъ и скрылась въ лѣсу. Теперь я уже болѣе сутокъ брожу здѣсь, какъ потерянная. Слава Богу, что встрѣтила тебя, господинъ! А то-бы, кажется, сошла съ ума со страха.

— Но вѣдь еще долго придется проплутать здѣсь, Тэкла, прежде чѣмъ мы доберемся до первыхъ русскихъ постовъ,—осторожно предупредилъ дѣвочку Зарубинъ.

— О, съ тобой мнѣ не страшно, господинъ!—радостнымъ возгласомъ вырвалось изъ груди ребенка, и прежде чѣмъ Миша могъ ожидать этого, она быстро поднесла его руку къ губамъ и крѣпко ее поцѣловала.

— Только не оставляй меня здѣсь одну, добрый, ласковый господинъ!—добавила она тихо, чуть слышно.

— Бѣдная малютка!—ласково произнесъ растроганный Зарубинъ, погладивъ съ нѣжностью бѣлокурую головку ребенка,—если намъ суждено умереть—умремъ вмѣстѣ. Судьба недаромъ свела насъ. Значитъ Господь предна-

значилъ намъ поддерживать другъ друга въ тяжелыя минуты опасности. Но... но... вѣроятно ты голодна, Тэкла, а мнѣ нечего дать тебѣ ѣсть.

— Нѣтъ, господинъ, я не голодна. Да здѣсь поблизости растетъ много дикихъ орѣховъ и красныхъ какъ кровь харъ-тута [1], которыя отлично утоляютъ голодъ и жажду. Постой, я принесу тебѣ ихъ!

И она скрылась куда-то, а минуты черезъ три появилась снова съ полной горстью орѣховъ и ягодъ.

Измученные бѣглецы принялись за ѣду.

Потомъ они пустились въ путь,—путь, которому трудно было предвидѣть конецъ когда-либо...

ГЛАВА XVI.

Погоня.

— Ты очень устала, Тэкла?

— Очень, господинъ... И ноги болятъ ужасно.

— Дай я понесу тебя, моя дѣвочка!

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ, тебѣ самому трудно идти, а я такая тяжелая и большая.

— Вздоръ. Ты легка, какъ перышко, Тэкла, — и, подхвативъ дѣвочку на руки, Миша понесъ ее.

Хотя дѣйствительно Тэкла была не тяжелѣе пятилѣтняго ребенка, такъ она была худа и миніатюрна, но измученному, усталому Мишѣ она едва-ли была теперь подъ силу.

Скоро онъ измучился въ конецъ. Едва передвигая ноги и поминутно спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ

---

[1] Ягоды въ родѣ малины, но сочнѣе и слаще.

медленно подвигался впередъ, не оставляя однако своей ноши.

Солнце близилось уже къ закату, а пройденное разстояніе было такъ незначительно и мало! Ужасно мало! Къ довершенію всего, позади нихъ вдругъ послышался какой-то смутный гулъ. Точно цѣлая кавалькада всадниковъ гналась за бѣглецами. Миша съ тревогой взглянулъ на свою маленькую спутницу. Тэкла инстинктивно поняла этотъ взглядъ и въ смертельномъ ужасѣ заметалась на рукахъ своего взрослаго друга.

— Это погоня!—беззвучно прошептали помертвѣвшія губки дѣвочки.

— Не бойся, Тэкла! ничего не бойся! Я не дамъ тебя въ обиду, бѣдное дитя!

Но она продолжала дрожать всѣмъ тѣломъ, какъ пойманная птичка, и твердила только одно:

— О, оставь меня! брось въ лѣсу, господинъ. Неужели тебѣ погибать изъ-за меня! Со мною ты не въ состояніи укрыться отъ погони. Бѣги одинъ, добрый господинъ, потому что они убьютъ тебя, если поймаютъ. А моя смерть имъ не нужна. Мнѣ взрѣжутъ только пятки, положатъ саманы [1] въ рану и снова зашьютъ, чтобы я не могла бѣжать отъ нихъ больше. Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ нельзя погибать изъ-за бѣдной маленькой грузинки-сироты! — и она, обнявъ его за шею, залилась слезами.

— Молчи, Тэкла! Ты рвешь мнѣ сердце! —вырвалось съ тоскою изъ груди Зарубина,—повторяю тебѣ: если судьба свела насъ,—значитъ Милосердный Господь желаетъ, чтобы я позаботился о твоемъ спасеніи. Или мы спасемся оба, или погибнемъ вмѣстѣ. Слышишь, Тэкла!

И, говоря это, Миша крѣпче прижалъ къ груди дѣвочку и быстрѣе зашагалъ по лѣсу.

---

[1] Рубленой соломы.

Топотъ копытъ не одного, а многихъ коней приближался къ нимъ съ каждой минутой.

Теперь уже можно было различить, что если это и была погоня, то очень сильная погоня, изъ двухъ-трехъ десятковъ всадниковъ.

— Мы пропали!—снова прошептала охваченная смертельнымъ испугомъ Тэкла, когда вся чаща точно ожила отъ шума ворвавшейся въ нее кавалькады,—о, убей меня, господинъ! Убей меня! Лучше смерть, нежели снова вернуться во дворецъ Шамиля.

— Успокойся, крошка, въ моемъ револьверѣ хватитъ зарядовъ для обоихъ,—мрачно произнесъ Миша,—только надо попробовать какъ-бы спастись сначала, а умереть мы всегда успѣемъ!

Между тѣмъ погоня какъ-бы развѣтлилась, по крайней мѣрѣ, топотъ ея послышался уже не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Очевидно, всадники раздѣлились и рыскали по лѣсу, выглядывая бѣглецовъ.

„Они травятъ насъ, какъ звѣрей!“—пронеслось вихремъ въ головѣ Миши. И, разомъ опустивъ Тэклу на землю, онъ схватилъ ее за руку и бросился съ нею къ густо разросшемуся кусту орѣшника.

— Лежи такъ тихо, какъ только можешь!—приказалъ онъ почти обезумѣвшей отъ ужаса дѣвочкѣ и самъ пригнулся къ землѣ, почти сравнявшись съ нею.

Это было какъ разъ самое время, потому что въ ту-же минуту нѣсколько всадниковъ показались на тропинкѣ у самой чащи, гдѣ притаились бѣглецы.

— Святая Нина, просвѣтительница Грузіи! Это Гассанъ! Я видѣла его не разъ во дворцѣ Шамиля. Никто иной, какъ онъ, во главѣ отряда,—послышался трепещущій шопотъ Тэклы.

Миша приподнялъ голову и замеръ отъ неожиданности... Прямо передъ ихъ засадой на своемъ красивомъ, росломъ конѣ дѣйствительно стоялъ Гассанъ.

Онъ говорилъ что-то сопутствующимъ ему горцамъ, указывая на чащу орѣшника.

— Боже мой! Они отыскали наши слѣды и теперь поймаютъ насъ, господинъ! — прошептала, замирая отъ страха, Тэкла.

По мертвенно-блѣдному лицу дѣвочки катились обильныя слезы.

— Не бойся, дитя!—успѣлъ шепнуть ей Зарубинъ,— въ моемъ револьверѣ достаточно пуль, по крайней мѣрѣ, для этихъ первыхъ разбойниковъ. Положись на милость Божію, Тэкла, и...

Онъ разомъ умолкъ, потому что чья-то рука раздвинула кусты надъ ихъ головами... и лицо Гассана, успѣвшаго спѣшиться и проникнуть въ ихъ засаду, появилось въ двухъ, трехъ шагахъ отъ нихъ.

Тэкла вся сжалась въ комочекъ и такъ тѣсно приткнулась къ землѣ, точно хотѣла врости въ нее всѣмъ своимъ худенькимъ тѣльцемъ.

Она приготовилась къ смерти... Она ожидала ее... А передъ мысленнымъ взоромъ дѣвочки, точно дразня ее, проносились близкія ея сердцу картины: родимыя Цинондалы... добрая княгиня... дѣти...

Вдругъ загрубѣлая сухая рука коснулась облитой слезами щеки ребенка.

Это, шарящій въ кусту, Гассанъ нечаянно коснулся лица дѣвочки.

Скорѣе инстинктомъ, нежели соображеніемъ Тэкла удержала безумный вопль испуга, готовый ужь было сорваться съ ея губъ...

И тотчасъ-же кусты снова сомкнулись надъ ея головою.

Гассанъ не замѣтилъ притаившихся тамъ бѣглецовъ, быстро вскочилъ на коня, крикнувъ что-то своимъ спутникамъ, продолжавшимъ рыскать въ другихъ ближайшихъ кустахъ... Еще минута, другая, и топотъ трехъ десятковъ коней разбудилъ мертвую тишину дремучаго лѣса.

— Они ускакали, господинъ! Они ускакали! Мы спасены! О, какое счастье! Святая Нина! Благодарю тебя!— внѣ себя отъ восторга кричала Тэкла.

Недавняго страха и отчаянія какъ не бывало...

Слезы радости блестѣли на длинныхъ рѣсницахъ дѣвочки... Лицо дышало счастьемъ... Бѣдный ребенокъ, находясь на волосъ отъ смерти, только теперь понялъ, какъ свѣтла, какъ хороша жизнь! И, повинуясь непреодолимому порыву, дѣвочка упала на колѣни, и горячая молитва вырвалась изъ ея груди...

ГЛАВА XVII.

Лаки.—Старикъ Амедъ и юноша Идиль.

Я хочу ѣсть, господинъ... Хотя-бы найти немного, немного харъ-туты... или хотя-бы горсточку дикихъ орѣховъ...— шептала Тэкла, и черные глаза ея, ставшіе огромными, странно горѣли на исхудаломъ лицѣ.

Она только-что съ трудомъ сползла съ сука большого дуба, гдѣ они провели ночь изъ опасенія попасться въ добычу дикимъ звѣрямъ, наполнявшимъ эту лѣсную чащу.

Миша зорко оглядывался по сторонамъ, выискивая знакомыхъ кустовъ орѣшника или красноватый глазокъ харъ-туты. Но увы! Ни того, ни другого не попадалось ему на глаза.

Со вчерашняго дня они уже не находили ягодъ.

Мѣстность какъ-то сразу видоизмѣнилась. Чаще и чаще попадались теперь чинары и лавры, рѣже дубы, а о дикомъ орѣшникѣ и каштанѣ не было и помину. Дикая чаща какъ-бы рѣдѣла и теперь постоянно на пути ихъ

встрѣчались зеленыя лужайки, словно опоясанныя или перерѣзанныя серебристыми ручьями. Дикія азаліи и мальвы испещряли ихъ, то собираясь прихотливыми группами, то въ одиночку выглядывая изъ травы своими разноцвѣтными головками.

— Я не могу больше идти, господинъ! Я умираю отъ голода!—едва внятно прошептала Тэкла, въ изнеможеніи падая на траву.—О, я готова теперь сама идти къ Гассану, лишь-бы онъ далъ мнѣ ѣсть, прежде нежели убьетъ меня...

Ея глаза горѣли нестерпимо... Губы потрескались .. Что-то дикое было въ ея до неузнаваемости исхудаломъ лицѣ...

— Тэкла! Тэкла! Моя несчастная дѣвочка! Собери свои силенки! Подтянись немного! Скоро уже конецъ лѣса и, можетъ быть, сразу за нимъ будетъ русское укрѣпленіе или мирный аулъ,—утѣшалъ Миша несчастнаго ребенка, силясь подбодрить ее, какъ только могъ.

Но Тэкла была глуха къ его словамъ.

Она тяжело дышала, и воспаленные глаза ея устремились вдаль дико горящимъ взглядомъ.

— Она умираетъ!—съ ужасомъ вскричалъ Зарубинъ.—Что мнѣ дѣлать! Она умираетъ!

Смерть ребенка казалась ему хуже всякихъ ужасовъ погони, даже его собственной смерти. Несчастье и горе сближаетъ людей. Она, эта маленькая Тэкла, сумѣла горячо привязать его къ себѣ и онъ полюбилъ ее, какъ дорогую младшую сестренку.

И теперь Миша съ мрачнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ, какъ конвульсивно вздрагивало исхудалое тѣльце дѣвочки, какъ судорожно двигались ея запекшіяся губы.

Собственный невыносимый голодъ былъ, казалось, забытъ имъ. Онъ только думалъ объ одномъ: какъ-бы спасти Тэклу, какъ-бы облегчить ея страданія.

Если-бы Гассанъ снова погнался за ними, онъ смѣло

вышелъ-бы къ нему на встрѣчу и цѣною собственной жизни досталъ-бы пропитаніе умирающей дѣвочкѣ... Онъ теперь молилъ Бога объ этомъ... Онъ желалъ всей душой, чтобы судьба снова послала Гассана спасти отъ голода его умирающаго маленькаго друга...

И молитва Зарубина, казалось, была услышана... Гдѣ-то совсѣмъ поблизости послышались мѣрные негромкіе звуки, похожіе на топотъ коней... Очевидно, кто-нибудь изъ преслѣдователей рѣшилъ вернуться... Вотъ сейчасъ они покажутся изъ чащи, и она, Тэкла, будетъ спасена.

Миша спокойно опустился на траву подлѣ дѣвочки и сталъ ждать. Вотъ ближе и ближе слышится топотъ... Къ нему присоединяются голоса... людскіе голоса...

Не голосъ Гассана! Нѣтъ!

Какое-то дребезжанье и поскрипываніе примѣшивается къ неторопливому топоту копытъ.

Нѣтъ, это не погоня! Это дребезжанье и писк—характерные звуки горской арбы.

Они спасены! Слава Всевышнему, молитва его услышана Богомъ.

— Тэкла, очнись! Очнись, Тэкла! Мы спасены! Здѣсь люди!—сталъ трясти онъ полубезчувственную дѣвочку, весь закипая новымъ приливомъ надежды.

Та медленно открыла глаза.

— Люди говоришь ты? Люди, а съ ними и хлѣбъ значитъ?—слабымъ голосомъ произнесла она.

— О, моя бѣдняжка!—могъ только проговорить Миша.

Изъ-за кустовъ показались двѣ небольшія арбы.

Два вола тянули ихъ, осторожно ступая по неровной дорогѣ. На передней арбѣ, подъ навѣсомъ изъ парусины, сидѣлъ старый горецъ въ темномъ бешметѣ и курилъ трубку; другой, молодой, почти юноша, шелъ впереди. Вся арба была до верху наполнена чѣмъ-то, чего нельзя было разглядѣть благодаря плотно затягивающей ее парусинѣ.

— Это лаки,—слабо произнесла Тэкла,—они развозятъ товары по горскимъ ауламъ, и въ Ведени пріѣзжали такіе; Зайдетъ ихъ звала въ сераль,—они во всякомъ случаѣ не враги. Я попрошу у нихъ хлѣба, господинъ!

Собравъ послѣднія усилія, она крикнула по-чеченски:

— Да благословитъ Богъ нашу встрѣчу, друзья! Ради всего святого дайте намъ ѣсть. Мы умираемъ съ голода!

Старикъ и юноша, давно уже замѣтившіе странную пару, тотчасъ-же перекинулись нѣсколькими фразами между собою.

Потомъ старый лакъ порылся въ карманѣ чохи и, вынувъ оттуда огромный кусокъ чурека, подалъ его дѣвочкѣ. Тэкла испустила радостный крикъ и стала поспѣшно убирать за обѣ щеки лепешку. Вдругъ взглядъ ея упалъ на Зарубина... Слабая краска залила щеки дѣвочки...

— О, господинъ,—прошептала она, вся красная отъ смущенія,—я забыла о тебѣ!—И, разломивъ чурекъ пополамъ, подала ему половину.

— Спроси ихъ нѣтъ-ли поблизости аула, Тэкла, только не проговорись, что мы бѣглецы,—сказалъ Зарубинъ дѣвочкѣ, когда первый голодъ былъ утоленъ ими.

Тэкла тотчасъ-же исполнила его приказаніе.

Старый лакъ отвѣтилъ ей что-то, послѣ чего она оживилась разомъ и даже захлопала въ ладоши. Блѣдное личико ея зарумянилось, глаза заблестѣли.

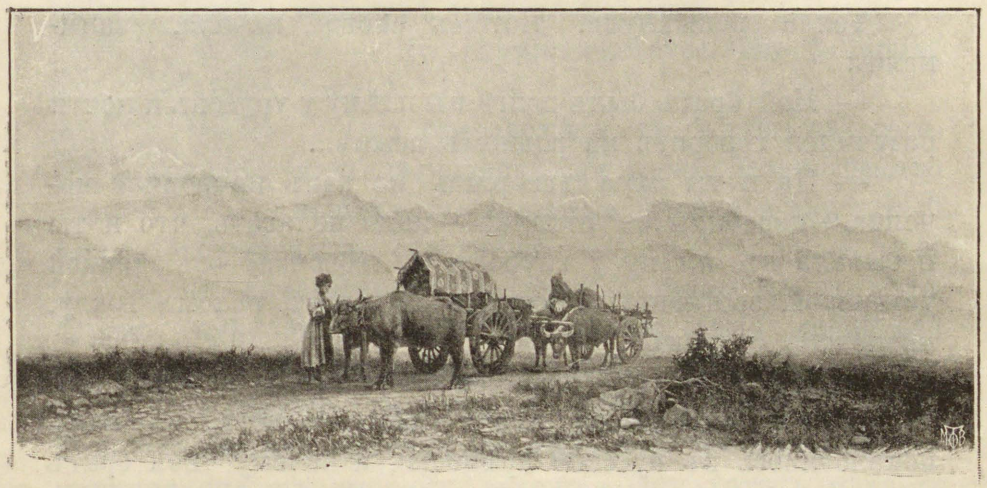
— О, господинъ! Какая радость!—кричала она,—старикъ говоритъ, что одна изъ русскихъ крѣпостей расположена неподалеку отсюда и что къ вечеру они будутъ тамъ. Онъ говоритъ еще, что можетъ подвезти насъ туда, если мы желаемъ. Какое счастье, господинъ! Какое счастье!

Дѣйствительно, счастье!

Миша медленно поднялъ руку и незамѣтно перекрестился.

Старикъ лакъ спрыгнулъ съ передка арбы и помогъ обоимъ путникамъ влѣзть во внутренность ея, гдѣ были свалены въ кучу куски персидскихъ тканей и ковровъ, и лежали цѣлыя груды всевозможныхъ бездѣлушекъ въ видѣ металлическихъ дешевыхъ бусъ, монистъ, браслетовъ и побрякушекъ.

Тэкла оживилась, повеселѣла. Она тотчасъ же вступила въ разговоръ со старикомъ, который назвалъ себя



Лаки.

Амедомъ. Лицо старика, особенно его пронырливые маленькіе глазки и лукавая усмѣшка тонкихъ губъ съ первой-же минуты не понравились Зарубину. Младшій лакъ, котораго старикъ называлъ Идиль, больше молчалъ и только поглядывалъ по сторонамъ, словно выискивая что-то. И этотъ не внушалъ довѣрія Мишѣ.

Но выбора не было: приходилось или умирать съ голоду и усталости въ чащѣ Андійскихъ лѣсовъ, или принять гостепріимство подозрительныхъ и вороватыхъ на взглядъ лаковъ.

— Откуда вы держите путь?—обратился между тѣмъ старый Амедъ съ вопросомъ къ Тэклѣ.

Дѣвочка замялась на мгновенье, потомъ отвѣчала съ дѣланной развязностью:

— Мы жители мирнаго аула Ситэ. Мы заблудились въ лѣсу на пути къ русской крѣпости,—пояснила она, краснѣя за свою ложь,—это,—прибавила она, указывая на Зарубина,—мой братъ.

— Развѣ это братъ твой?.. но почему-же онъ не говоритъ по-чеченски?—съ показаннымъ равнодушіемъ спросилъ старый Амедъ.

Тэкла вспыхнула. Потомъ снова начала, запинаясь:

— Мой братъ былъ долго въ плѣну у урусовъ и почти разучился говорить на родномъ языкѣ...

— Да и ты сама говоришь не какъ природная чеченка,—перебилъ ее старикъ,—надо полагать, что и ты побывала въ плѣну у гяуровъ, а, дѣвочка?—съ тонкой усмѣшкой, заставившей вздрогнуть всѣмъ тѣломъ Тэклу, произнесъ старикъ.

— Ну, да это пустое,—добавилъ онъ тутъ-же, какъ-то странно прищуривая лѣвый глазъ,—а вотъ, что вамъ понадобилось въ русской крѣпости, и почему твой братъ не носитъ папахи и чохи, вотъ что хотѣлъ-бы узнать старый Амедъ?..

На послѣдній вопросъ Тэкла не знала, что отвѣтить. Она предпочла сдѣлать видъ, что не разслышала его и, свернувшись въ комочекъ, приготовилась заснуть подлѣ уже задремавшаго на грудѣ ковровъ Зарубина.

Вскорѣ усталость взяла свое, и дѣвочка погрузилась въ сладкій сонъ подъ мѣрное и монотонное покачиванье арбы.

ГЛАВА XVIII.

Предатели.—Снова въ когтяхъ Гассана.

ГОСПОДИНЪ, проснись! проснись, господинъ!—внѣ себя шептала испуганнымъ голосомъ Тэкла, изо всѣхъ силъ тряся за плечи разоспавшагося Мишу.

Тотъ открылъ глаза и съ изумленіемъ вскинулъ ими на дѣвочку.

— Что случилось такое! Что съ тобою, Тэкла?

Она вся дрожала, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова. Миша быстро выглянулъ изъ-подъ навѣса и радостный крикъ вырвался изъ его груди.

— Мы дома, Тэкла! Мы дома! Я узнаю мѣсто. Тутъ близко укрѣпленіе... Наше укрѣпленіе, наша маленькая крѣпость!.. О, Господи, наконецъ-то!

— Не радуйся раньше времени, господинъ! — внѣ себя прошептала дѣвочка,—знаешь что говорятъ они?—кивнула она въ сторону лаковъ.—Они хотятъ предать насъ, господинъ... Предать чеченцамъ: здѣсь очевидно неподалеку расположенъ чеченскій отрядъ... Они видятъ его и догадались въ чемъ дѣло... Мы пропали, господинъ! Мы пропали!

И она въ смертельномъ страхѣ закрыла лицо руками.

— Но что-же говорятъ они?.. что говорятъ? ради Создателя, говори скорѣе, Тэкла!

— О, господинъ... Амедъ сказалъ, что богатый наибъ Шамиля будетъ щедрѣе, нежели комендантъ маленькой крѣпости и дастъ хорошій пешкешъ [1] за плѣнныхъ... Мы

---

[1] Награда, деньги, подачка.

погибли, говорю я тебѣ, потому что этотъ наибъ никто иной, какъ Гассанъ, навѣрное, который заѣхалъ впередъ, чтобы на опушкѣ, въ виду крѣпости, накрыть тебя, господинъ!

И она залилась тихими, беззвучными слезами отчаянія.

— Перестань, Тэкла!— строго остановилъ ее Зарубинъ, —не надо прежде времени предаваться тоскѣ. Неужели Господь Милосердный спасъ насъ для того только и отъ голода, и погони, чтобы дать намъ погибнуть почти въ виду крѣпости, у самой цѣли?.. Слушай меня и во всемъ безпрекословно повинуйся мнѣ. Обѣщаешь-ли ты мнѣ это, Тэкла?

— Обѣщаю, господинъ! — чуть слышно отозвалась дѣвочка.

— Прежде всего надо выпрыгнуть изъ арбы незамѣтно для нихъ,—кивнулъ онъ въ сторону Амеда и Идиля.—А потомъ, минуя опушку, кустами пробраться на поляну и со всѣхъ ногъ бѣжать къ крѣпости... Я возьму тебя на руки... а ты... ты положишься на милость Божію... и будешь молиться... Господь слушаетъ молитвы дѣтей.

И, говоря это, Зарубинъ тихо подползъ къ заднему отверстію арбы и легко спрыгнулъ на землю. Затѣмъ протянулъ руки и подхватилъ на нихъ прыгнувшую слѣдомъ за нимъ дѣвочку.

Очутившись на землѣ, они въ одну минуту кинулись въ сторону и скрылись въ кустахъ.

Острыя колючки рвали имъ тѣло, гибкія вѣтки безжалостно хлестали по лицу, поминутно попадающіеся на пути кочки и сучья рѣзали ноги. Но медлить и останавливаться не было времени. Скоро, скоро окончатся кустарники и останется только пробѣжать поляну, отдѣляющую крѣпость отъ опушки лѣса... Тутъ гдѣ-то поблизости должно лежать срубленное дерево... Миша знаетъ это мѣсто. Сколько разъ онъ со своей полуротой прохо-

дилъ этимъ путемъ на „рубку“... Гдѣ-то и тропинка здѣсь должна быть неподалеку... Такъ и есть... Вотъ она... Теперь уже рукой подать до поляны...

— Тэкла, милая! Мы спасены!—срывается у него съ устъ вмѣстѣ съ облегченнымъ вздохомъ.

Но тутъ-же внезапное обстоятельство разомъ прерываетъ его радостный возгласъ.

Лаки очевидно открыли ихъ исчезновеніе и подняли крикъ. Имъ отозвались другіе крики, донесшіеся съ опушки, и вдругъ лѣсъ точно ожилъ какъ по волшебству.

Топотъ коней, лязгъ оружія и характерное гортанное гиканье чеченцевъ заполнили, казалось, всѣ его сокровенные уголки.

— Надо бѣжать! Бѣжать во что-бы то ни стало!— вихремъ пронеслось въ мозгу Миши и онъ, подхвативъ на руки Тэклу, сталъ еще усиленнѣе работать ногами, съ трудомъ пробираясь сквозь непроходимую чащу. Слава Богу, конецъ ей!.. Враги не успѣютъ понять гдѣ они, когда онъ уже будетъ у воротъ крѣпости...

И онъ съ быстротою зайца, выскочивъ изъ кустарника, кинулся со всѣхъ ногъ по полянѣ.

Въ ту-же минуту нѣсколько всадниковъ, неожиданно появившихся изъ-за деревьевъ, испустивъ короткій радостный крикъ, кинулись за нимъ на своихъ быстрыхъ коняхъ.

Миша не догадался, что кустарникъ былъ оцѣпленъ врагами.

Теперь отъ быстроты его ногъ зависѣло спасеніе. Крѣпко прижимая къ груди потерявшую сознаніе Тэклу, онъ несся съ быстротою стрѣлы по мягкой, покрытой пушистымъ ковромъ зелени полянѣ... Вотъ уже ближе, ближе крѣпость... Вотъ уже видно часового, выглянувшаго изъза башни... Вотъ прогремѣлъ выстрѣлъ оттуда... Его замѣтили, слава Богу! Даютъ тревогу тамъ... Только-бы скорѣе... только бы скорѣе достичь воротъ... перебѣжать

это безконечно-долгое пространство... Но нѣтъ, это немыслимо, онъ самъ видитъ теперь... Ближайшій всадникъ почти настигаетъ его... Дыханіе его коня уже чувствуетъ бѣглецъ за собою... Не надо оглядываться что-бы знать, кто этотъ всадникъ, который гонится за нимъ—Мишей... Страшный врагъ онъ, этотъ всадникъ, непримиримый! Самъ Гассанъ преслѣдуетъ Зарубина... Онъ, Миша, узналъ это по голосу, посылающему ему тысячу проклятій, да по характерному гиканью, которымъ онъ горячитъ коня...

Теперь уже Миша не бѣжитъ, а мчится, точно летитъ по воздуху, точно какая непостижимая сила влечетъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ... И все-таки не уйти ему... И все-таки нѣтъ спасенія!

Потъ градомъ течетъ по его лицу... Дыханіе спираетъ грудь... Минута еще, и онъ задохнется отъ этого страшнаго напора, давившаго его внутренности...

— Урусъ... гяуръ... собака!..—ясно звучитъ въ его ушахъ знакомый ненавистный голосъ.

Бѣжать дальше немыслимо... Всадникъ уже протягиваетъ руку, чтобъ схватить бѣглецовъ.

— Конецъ! — проносится въ отуманенной головѣ Миши... Вдругъ, разомъ вспомнивъ о револьверѣ, онъ выхватываетъ его и, обернувшись лицомъ къ Гассану, стрѣляетъ въ него...

Но дрожащая рука не можетъ быть вѣрна юношѣ... затуманенный взоръ лишенъ вѣрности прицѣла..

Выстрѣлъ прогремѣлъ, не причинивъ ни малѣйшаго вреда его врагу.

Въ ту-же минуту Гассанъ быстро соскочилъ съ коня и съ поднятымъ кинжаломъ кинулся на Мишу.

— Алла! Алла! урусы!—раздался въ тотъ-же мигъ смутный гулъ многихъ голосовъ.

Гассанъ испустилъ дикое проклятіе, быстро взмахнулъ кинжаломъ и ударилъ имъ изо всей силы молодого офицера...

— Конецъ!—проносится въ отуманенной головѣ Миши, и вдругъ, разомъ вспомнивъ о револьверѣ, онъ выхватываетъ его и стрѣляетъ...

Потомъ быстро вскочилъ на коня и помчался къ лѣсу, преслѣдуемый ротой гарнизона, маршъ-маршемъ бѣгущей по полянѣ отъ крѣпостныхъ воротъ...

* * *

— Кушайте, мамзель пучеглазенькая, не сумлѣвайтесь... Шашлыкъ вкусный, свѣжій... Чего вытаращила глазенки, ѣшь, говорю!.. Небось, какую пакость у Шамилки въ аулѣ лопала, хинкалъ, какъ ево это, да лепешку, а еще артачится... Тьфу, ты, омерзеніе. Прости Господи!

И старый Потапычъ энергично сплюнулъ въ сторону.

Но Тэкла не прикасалась къ ѣдѣ. Она только во всѣ глаза смотрѣла на этого страннаго бородатаго человѣка, заставляющаго ее непремѣнно ѣсть горячую баранью котлету, поставленную передъ нею.

Около часу тому назадъ она пришла въ чувство и увидѣла вокругъ себя чужихъ, незнакомыхъ людей. Первымъ ощущеніемъ ея была острая, жгучая, почти безумная радость, поглотившая ее съ головою: эти люди говорили по-русски.

Она у русскихъ! Она уже не въ плѣну!

Но тутъ-же острое ощущеніе счастья исчезло, исчезло такъ-же внезапно, какъ и явилось къ ней.

— Гдѣ-же господинъ? Добрый, ласковый господинъ, котораго она успѣла полюбить, какъ брата?

Среди грубыхъ, загорѣлыхъ солдатскихъ лицъ не было его милаго, добраго, молодого лица, ни мягкихъ синеватыхъ глазъ, смотрѣвшихъ на нее съ такой безконечной лаской.

— Ишь ты, вѣдь татарка, а бѣлехонькая!—произнесъ одинъ изъ окружившихъ ее солдатикъ.

— Всяко бываетъ и у нихъ, у гололобыхъ, и бѣлобрысеньки, и шантретки, разно,—философски замѣтилъ другой.

— Покормить ее надо! Исхудала-то какъ бѣдняжка!—

послышался чей-то звучный повелительный голосъ и появившійся въ эту минуту незнакомый офицеръ съ отеческимъ участіемъ погладилъ ее по головкѣ.

— Потапычъ, тебѣ ее поручаю,—сказалъ онъ бородатому старику, и потомъ всѣ куда-то исчезли, и онъ и солдаты. Остался одинъ бородатый старикъ, мигомъ притащившій ей огромный кусокъ жаркого...

— Ѣшь, мамзель пучеглазенькая! Ѣшь!—проговорилъ онъ, поглаживая ее своей закорузлой рукой по головкѣ,— ишь ты сердешная, и то исхудала какъ! Кожа да кости, индо жалко тебя, дарма, что ты бусурманка... Все-же дите малое!... И гдѣ это Мишенька досталъ такое-то...

При знакомомъ имени Тэкла разомъ оживилась. Одичалая, затравленная въ плѣну дѣвочка, какъ дикій звѣрекъ глядѣвшая на окружающихъ, вдругъ встрепенулась:

— Миша! Миша! Гдѣ Миша?—повторяла она, странно произнося незнакомое имя.

— Батюшки! Отцы родные! Святители-угодники! Порусски она говоритъ,—весь такъ и затрясся старый Потапычъ,—стало быть не бусурманка ты? Не бусурманка, нѣ? А я то старый дурень и не различилъ со-слѣпу. Ахъ, ты, дѣвонька ты моя болѣзная! Какъ-же ты оттолѣ-то пришла! И то впрямь крещеная! И крестикъ на шейкѣ... Ахъ, ты, ягодка горемычная! Своя! Такъ и есть своя! Христіанская душа! Такъ и есть!

И старикъ крѣпко обнялъ дѣвочку, въ то время какъ слезы умиленья цѣлымъ потокомъ хлынули по его щекамъ.

Нервы Потапыча, крѣпкіе солдатскіе нервы, не вытерпѣли въ концѣ концовъ...

Часъ тому назадъ солдаты гарнизона принесли въ крѣпость его раненаго любимца вмѣстѣ съ этой бѣлокурой дѣвчуркой. Старикъ, отчаявшійся было увидѣть когда-либо своего ненагляднаго Мишеньку, просто обезу-

мѣлъ отъ восторга. Къ тому-же рана Миши, хотя и серьезная, не была опасна... Второпяхъ нанесенный Гассаномъ ударъ не былъ смертеленъ. Докторъ уже перевязалъ рану, далъ успокоительнаго питья больному, и обморокъ Миши перешелъ въ крѣпкій живительный сонъ.

За своего любимца-воспитанника дядька былъ теперь спокоенъ.

И его доброе любвеобильное сердце стремилось какъ-нибудь облегчить участь „пучеглазенькой“ дѣвочки.

Онъ не задавалъ даже вопроса, какъ попала эта „пучеглазенькая“ къ его Мишенькѣ, но разъ ихъ нашли вмѣстѣ, безъ признака чувствъ лежащихъ на полянѣ въ виду крѣпости, значитъ Мишенька привелъ ее съ собой и она имѣла право на гостепріимство и ласку его—Потапыча, будь она даже гололобая бусурманка.

И вдругъ оказывается, что она вовсе не гололобая, вовсе не бусурманка!

Золотой крестикъ на груди малютки безъ словъ говоритъ за нее... И по-русски она умѣетъ говорить не хуже его—Потапыча, и за его любимца тревожится какъ видно...

Старикъ окончательно растаялъ.

— Ахъ, ты, сердешная,—умилялся онъ,—живъ, живъ нашъ Миша, живехонекъ. Оградилъ его Господь. Слава Тебѣ Господи!

— Живъ! Живъ! О, будь счастливъ за эти рѣчи, добрый господинъ!—горячо вырвалось изъ груди Тэклы и глаза ея благодарно и мягко блеснули старику.

— Вотъ тебѣ на... въ господа попалъ!—недоумѣвающе протянулъ Потапычъ,—нѣ, моя лапушка, не господинъ я и званіе у меня денщицкое. Только и всего. А вотъ вы изъ какихъ будете?—неожиданно перешелъ онъ на „вы“, желая не отставать отъ „пучеглазенькой“ въ искусствѣ вѣжливаго обращенія.

Тэкла недоумѣвающе подняла на него глаза...

— Ну, да, изъ какихъ?.. значитъ, какъ звать-величать тебя по батюшкѣ надоть?—пояснилъ старикъ, какъ могъ.

— Тэклой зовутъ меня,—отвѣчала дѣвочка.

— Тэклой?—переспросилъ тотъ.—Какъ-же это будетъ у насъ теперича? Сама вотъ христіанка, а имя, слышь, бусурманское... И гдѣ такое имя нашлось? Какъ-же такъ? Не годится Тэкла! Тэ-к-ла-а!—Протянулъ онъ еще разъ, недоумѣвающе покачивая головой, и вдругъ, ударивъ себя по лбу, радостно вскричалъ:—Може Θеклой звать-то тебя? А тебѣ съ перепугу не выговорить стало быть, бѣдняжкѣ? И то вѣрно... И имя стоющее, и въ святцахъ значится... У меня тетка троюродная Θекла была—женщина была хорошая... Θекла! Какъ это я не догадался раньше. Θекла и есть! Ну, а теперь, голубушка Θеклуша, кушай барашка, да и на боковую... А какъ Мишенька проснется, къ нему, значитъ, пойдемъ. Да ты не бойся! Комендантъ у насъ хорошій и ребята ласковые, не обидятъ. Кушай, Θеклуша, пока горяченькое... Ишь отощала то какъ!—заключилъ онъ, сокрушенно покачивая головою.

Тэкла не заставила себя упрашивать и жадно принялась за ѣду.

* * *

Миша очнулся не скоро... Когда онъ открылъ глаза, то первое лицо, представшее его взорамъ, былъ Поляновъ. Острая, но не глубокая боль въ плечѣ заставила его поморщиться въ первую минуту.

— Лучше тебѣ, Зарубинъ?—заботливо склонившись надъ нимъ, спросилъ комендантъ.

— Ахъ, Алексѣй Яковлевичъ! Какъ я радъ, что снова тебя вижу!—произнесъ, счастливо улыбнувшись, Миша,—а я уже думалъ...—и онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, не докончивъ своей фразы, при одномъ воспоминаніи, что его ожидало.

— Да, не подоспѣй наши, искромсалъ-бы тебя этотъ разбойникъ и кусковъ не собрали-бы,---сурово произнесъ Поляновъ, — къ счастью, второпяхъ нанесъ ударъ... Не опасно...

— Убили его?—поинтересовался Миша.

— Какое! Удралъ со своей оравой. Только и видѣли... Ну, да рано или поздно поймаемъ, не минуетъ своей судьбы...

— Ахъ, Алексѣй Яковлевичъ! Если-бы ты зналъ, какую роль сыгралъ въ моей судьбѣ этотъ человѣкъ... А въ плѣну...

— Ну, ладно, ладно! послѣ разскажешь, а пока смирно лежи и поправляйся хорошенько. Да вотъ еще: способенъ ты выслушать безъ волненія радостную вѣсть — тогда слушай.

Тутъ Поляновъ быстро всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ у постели больного, и произнесъ оффиціальнымъ тономъ, со странно измѣнившимся лицомъ:

— Подпоручикъ Зарубинъ! По приказанію Государя Императора главнокомандующій и намѣстникъ края приказалъ вручить вамъ орденъ св. Георгія за храброе и успѣшное отбитіе штурма Н—ского укрѣпленія въ дѣлѣ 10-го іюня 1856-года.

И съ этими словами онъ прикололъ къ забинтованной груди Миши маленькій бѣлый крестикъ на пестрой полосатой ленточкѣ.

Сладкій туманъ разомъ застлалъ глаза молодого офицера... Теплая волна подняла его на своемъ мягкомъ гребнѣ и снова осторожно опустила въ какую-то пѣнящуюся розовую пучину... Сквозь этотъ туманъ онъ только видѣлъ оффиціальное строгое лицо Полянова и такой-же бѣленькій крестикъ, какъ и у него, Миши, прицѣпленный къ груди коменданта,—крестикъ, котораго онъ не разглядѣлъ вначалѣ.

Безумная радость охватила молодого человѣка...

Онъ—Миша Зарубинъ — георгіевскій кавалеръ! Признанный всѣми и отличенный герой! О, Господи! Если-бы ему суждено было вынести не недѣлю, а цѣлые годы плѣна и скитаній, какіе онъ вынесъ только что, онъ бы безропотно покорился имъ, лишь-бы достичь этой высокой чести!

Да полно! Не сонъ-ли это? Можетъ быть сонъ только, а проснувшись, онъ снова увидитъ надъ собой искаженное лицо Гассана и занесенный надъ нимъ чеченскій кинжалъ...

И Миша инстинктивно схватился за грудь дрожащими руками...

Нѣтъ, не сонъ! У самаго сердца виситъ онъ,—дорогой, желанный, бѣленькій крестикъ! И по лицу Полянова, преобразившемуся снова изъ оффиціальнаго начальническаго лица въ дружеское, умиленное и родное, видно, что не сонъ это, а правда.

— Молодецъ! Заслужилъ! Я видѣлъ, какъ дрался при штурмѣ! Не могъ не донести по начальству. Поздравляю! — отрывисто говоритъ добрякъ-комендантъ, незамѣтно смахивая непрошенную слезу съ рѣсницы и горячо, по братски, обнимаетъ рыдающаго отъ счастья Мишу. Потомъ, быстро нахмурившись, точно вспомнивъ что-то, добавляетъ прежнимъ строго оффиціальнымъ тономъ:

— А за самовольную вылазку и ослушаніе начальства я подвергаю васъ, г. подпоручикъ, трехдневному аресту на крѣпостной гауптвахтѣ...

ГЛАВА XIX.

Отверженный.—Къ Иссѣ!

НА кровлѣ одной изъ саклей небольшого, горнаго аула Карата, среди груды подушекъ, бурокъ и одѣялъ, на нѣсколькихъ цыновкахъ, сложенныхъ одна на другую, лежитъ больной.

Тихій душистый вечеръ ласково вѣетъ надъ нимъ... Золотые лучи солнца, уже готовые угаснуть, освѣщаютъ исхудалое лицо больного... Одинъ изъ нихъ проникъ въ черные, слипшіеся отъ пота кудри и серебритъ ихъ, играя ими... Нѣжный, едва уловимый горный вѣтерокъ дохнулъ въ лицо больного, скользнувъ по его исхудалымъ щекамъ и рѣзко выдавшимся скуламъ.

Солнце заходило... На верхушку мечети вышелъ мулла и прокричалъ свой обычный призывъ къ вечернему намазу.

Больной тяжело вздохнулъ и открылъ глаза. О, какіе это были глаза! Цѣлое море страданій, безысходныхъ и мучительныхъ, какъ смерть, таилось въ нихъ!..

По этимъ глазамъ только и можно было узнать прежняго Джемалэддина,—такъ сильно измѣнили его горе и болѣзнь.

Около года тому назадъ онъ еще не терялъ смутной надежды, что отецъ уступитъ его совѣтамъ и помирится съ русскимъ царемъ.

Но въ тотъ памятный день, когда онъ освободилъ Мишу изъ когтей Гассана, у него была продолжительная и тяжелая бесѣда съ отцомъ.

Роковая бесѣда!

О, онъ никогда ее не забудетъ! Никогда!

Шамиль, узнавъ о спасеніи и бѣгствѣ плѣннаго, сталъ упрекать Джемала за его приверженность къ русскимъ и за измѣну родинѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! я не измѣнникъ, отецъ,—вскричалъ онъ тогда,—я люблю и тебя, и мой жалкій, дикій народъ... Но я не могу, отецъ, оставаться слѣпымъ, какъ всѣ вы, чтобы не понять, какъ необходимо намъ пустить въ наши горы русскихъ... Они откроютъ намъ путь къ просвѣщенію, научатъ насъ цивилизаціи, сдѣлаютъ изъ насъкультурный народъ... Гляди, отецъ, ты устроилъ литейные заводы; но твои пушки разлетаются въ щепки отъ ихъ ядеръ въ то время, какъ ихъ орудія несутъ намъ гибель и смерть... А твое войско?.. Твой низамъ, эти конные и пѣшіе воины, разбѣгающіеся въ минуту опасности и не слушающіе начальства?.. Развѣ можно воевать при такихъ условіяхъ!.. Полно, отецъ! Помирись съ русскими... Вышли бѣлый флагъ русскому царю, благо уполномоченный являлся съ переговорами изъ Бурунтая отъ князя [1]. Помирись съ бѣлымъ падишахомъ, отецъ, пока есть время, и не вся еще Чечня отложилась отъ тебя. Вѣдь русскій царь ничего отъ горцевъ не требуетъ: ни перемѣны ихъ вѣры, ни ихъ ауловъ и саклей, желаетъ только, чтобы они признали власть Россіи надъ собою и вели мирную, спокойную жизнь...

Молча выслушалъ Шамиль эту пылкую рѣчь Джемалэддина.

Грозно сдвинулись его сѣдыя брови. Судорога прошла по лицу. Что-то странное, непоколебимое и жестокое отразилось въ немъ, когда онъ спросилъ сына, усмѣхаясь недоброй усмѣшкой:

— Слушай ты, темный воронъ, накликающій бѣду, сколько тысячъ тумановъ [2] получилъ ты отъ бѣлаго падишаха за предательство стараго Шамиля?

---

[1] Князь Орбеліани, посылавшій предложеніе сдаться.

[2] Монета горцевъ, равняющаяся десяти рублямъ.

Джемалэддинъ весь вздрогнулъ отъ оскорбленія. Потомъ, съ трудомъ удерживаясь отъ рѣзкаго отвѣта, онъ сказалъ:

— Отецъ! Я не измѣнникъ и не предатель, повторяю тебѣ, я желаю блага тебѣ и нашему народу. Если ты не примиришься съ русскими, тебя ждетъ гибель... Пойми, отецъ! Вся Чечня, весь Дагестанъ уже кишитъ измѣной. Нашъ народъ чувствуетъ силу и правду на сторонѣ русскихъ и идетъ къ нимъ.

— Ты христіанинъ?—сурово нахмуривъ чело, спросилъ сына Шамиль.

— Клянусь, нѣтъ! Я исповѣдую религію моихъ отцовъ и свято чту Магомета!

— Но ты говоришь, какъ христіанинъ, больше того, какъ врагъ! Я-же отвѣчу тебѣ, какъ истый слуга пророка: я проклинаю урусовъ и объявляю имъ новый газаватъ! Я подниму все, что осталось мнѣ вѣрнымъ и клянусь бородою пророка, мы не разъ еще омоемъ наши кинжалы въ нечистой гяурской крови!.. А ты ступай! Ты не нашъ! Не мѣсто тебѣ при имамѣ. Ты урусъ душою. Они отняли тебя отъ насъ... Ты не сынъ мнѣ больше... Я не знаю тебя!..

Цѣлый годъ прошелъ съ этого разговора, цѣлый годъ живетъ въ Каратѣ, сосланный сюда отцомъ, Джемалэддинъ. Цѣлый годъ онъ не видѣлъ ни отца, ни братьевъ. Никто не смѣлъ навѣстить его, боясь навлечь на себя гнѣвъ имама. Съ переселеніемъ сюда, Джемалъ потерялъ послѣднюю нить связи съ Ведени, вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю надежду примирить съ русскими отца.

Глубокая апатія овладѣла молодымъ человѣкомъ... Его завѣтная мечта не оправдалась... Горный коршунъ не захотѣлъ склониться подъ знамена бѣлаго орла... Теперь онъ уже не надѣялся ни на что и тихо угасалъ отъ медленно точившей его организмъ болѣзни.

Напрасно малютка Зюльма, оказавшаяся такой пре-

данной и заботливой женою, приводила къ нему лучшихъ хакимовъ, поившихъ его какими-то ароматичными травами и шепчущихъ надъ нимъ безконечныя заклятья. Ничто не помогало...

Дня три тому назадъ былъ въ Каратѣ проѣздомъ ученый хакимъ [1] изъ персовъ. Его тоже привела Зюльма къ больному. Этотъ оказался болѣе свѣдущимъ, нежели другіе. Онъ не шепталъ надъ нимъ заклятій и не поилъ его, какъ настоящій докторъ-европеецъ и сказалъ, нахмуря брови:

— Все въ рукахъ Аллаха, и жизнь и смерть.

— Я только и жду послѣдняго!..—пылко вырвалось тогда изъ устъ Джемалэддина.—Долго-ли мнѣ осталось ждать ее, алимъ?

— Солнце не успѣетъ три раза окрасить пурпуровымъ румянцемъ горы, какъ чернокрылый Азраилъ смежитъ твои очи!—пророчески отвѣчалъ тотъ.

Зюльма горько заплакала... А онъ, Джемалэддинъ, былъ счастливъ...

Солнце не успѣетъ три раза окрасить пурпуромъ горы... Два раза оно окрашивало уже ихъ своимъ кровянымъ румянцемъ. Оставался еще одинъ послѣдній разъ. Но онъ уже не увидитъ этого, если вѣрить алиму...

Въ тотъ-же вечеръ, узнавъ свой приговоръ, Джемалъ послалъ письмо отцу съ нарочнымъ изъ Карата. Его вѣрный нукеръ Сафаръ помчался туда тотчасъ-же на своемъ неутомимомъ карабахѣ.

Онъ писалъ отцу, что смерть не далека, что онъ, Джемалъ, не можетъ умереть, не будучи прощеннымъ повелителемъ, и просилъ прислать ему это прощеніе съ Сафаромъ. Онъ молилъ отца не отказать ему въ немъ. Онъ любилъ отца и жалѣлъ его. И въ этомъ же посланіи еще разъ говорилъ о необходимости мира съ рус-

[1] Врачъ, вѣрнѣе знахарь

скимъ государемъ. Тутъ же, рядомъ съ горячими, убѣдительными строками о мирѣ и милосердіи бѣлаго падишаха и великодушіи русскаго народа, были строки, исполненныя самаго чистосердечнаго, самаго дѣтскаго порыва... Ребенокъ-Джемалъ, разомъ проснувшійся въ немъ, а не взрослый, молилъ о ласкѣ своего стараго отца...

Съ той самой минуты, какъ уѣхалъ Сафаръ, онъ не перестаетъ томиться... Что онъ медлитъ такъ долго, его вѣрный слуга? Или въ Ведени задержали его?.. О, въ такомъ случаѣ онъ, Джемалэддинъ, умретъ не прощеннымъ!... Вотъ уже солнце опустилось низко, низко и купаетъ свои лучи надъ самыми вершинами горъ. Нѣтъ, нѣтъ! Сафаръ не успѣетъ, не успѣетъ вернуться!..

Холодный потъ покрываетъ все лицо больного.. Несмотря на теплый вечеръ, дрожь лихорадки пронизываетъ его до костей... Зубы стучатъ... А въ пылающемъ мозгу возстаетъ знакомая картина... Она, эта картина, все чаще и чаще рисуется ему теперь съ тѣхъ поръ, какъ онъ обреченъ смерти... И чѣмъ болѣе приближается къ нему его смертный часъ, тѣмъ ярче и рельефнѣе встаетъ передъ нимъ эта картина...

Февральское сѣверное утро... Золотые лучи солнца, разноцвѣтными блестками искрящіеся на начинающей уже медленно таять бѣлой пеленѣ сугробовъ... Бѣлые сугробы и бѣлая дѣвушка съ кроткимъ, неземнымъ личикомъ...

— „Джемалъ, братъ мой,—шепчетъ она, эта дѣвушка, — не забывайте закона Іисуса! Помните Христа!... Не надо быть христіаниномъ, чтобы вѣрить въ Него и любить Его...— Не забудьте Его, Джемалъ, братъ мой!“

— „О, я не забуду Его, Лена, сестра моя, безконечно дорогая сестра!“—шепчутъ блѣдныя, изсохшія губы умирающаго, и рука его тянется къ золотому крестику, тѣсно прижатому къ его груди...

И передъ мысленнымъ взоромъ больного предстаетъ новый свѣтлый, прекрасный образъ Того, Кто не побоялся

испить до дна полную чашу страданій, Кто умеръ на крестѣ за грѣхи людей.

— О, могучій, прекрасный, великій Исса!—беззвучно шепчутъ запекшіяся губы умирающаго, — позволь мнѣ, жалкому, дикому, темному мусульманину дивиться Тебѣ и преклоняться передъ Тобою!.. Богъ Лены! Богъ русскаго народа! Не отворачивай отъ меня Твоего свѣтлаго лица! Въ Тебѣ истина. Въ Тебѣ правда, великій христіанскій Богъ!

Дрожащія руки хватаютъ маленькій крестикъ, жаркія уста приникаютъ къ нему, снова шепчутъ чуть внятно, беззвучно:

— Богъ Лены! Богъ русскихъ! Облегчи мнѣ мою муку, могучій Христосъ! Верни мнѣ прощеніе моего отца! Верни его любовь, Спаситель!

И онъ затихаетъ, въ безсиліи опустивъ голову на мягкія подушки...

Солнце еще ниже. Теперь оно уже не золотое, а кроваво-красное на западѣ... Что-то зловѣщее въ немъ, въ этомъ пурпуровомъ румянцѣ... Скоро, скоро теперь! Вотъ еще окрасится пурпуромъ тотъ нижайшій утесъ, и душа его отлетитъ къ Аллаху... Теперь уже не долго ждать и томиться... Но какъ тяжелы ему эти предсмертныя минуты!.. Какъ мучительно мало воздуху въ груди!.. Точно каленымъ дыханіемъ вѣетъ на него вечерній горный вѣтеръ. О, онъ задохнется сію минуту... Нечѣмъ дышать!

На мгновеніе больной закрываетъ глаза, потерявъ сознаніе... Потомъ открываетъ ихъ снова...

Кто это плачетъ подлѣ, приникнувъ къ его ногамъ?

— Ты, Зюльма?

Да, это она! Бѣдная малютка горько оплакиваетъ своего повелителя. За годъ ихъ брачной жизни она успѣла понять и оцѣнить его великодушіе и доброту. Онъ былъ съ нею добръ и ласковъ, какъ заботливый

братъ съ младшей сестренкой. Мужчины ихъ племени не умѣютъ такъ обращаться съ женами. Они умѣютъ лишь приказывать и повелѣвать. А этотъ!.. О, не даромъ жизнь готова отдать за него Зюльма! Готова умереть вмѣсто него, лишь бы спасти отъ смерти своего Джемала.

Но Аллахъ знаетъ, какъ распорядиться своими слугами...

Черный Азраилъ идетъ за душою щедраго, мудраго, добраго Джемала, а она, глупенькая малютка-Зюльма, ему не нужна!

— Тебѣ дурно, повелитель?—съ тоскою заглядывая въ исхудалое лицо умирающаго, шепчетъ она.

Глаза Джемала широко раскрываются... Его влажная, горячая, какъ огонь, рука хватаетъ маленькую ручку жены.

— О, моя Зюльма! О, моя бѣдная крошка! Что будетъ съ тобою, когда меня не станетъ! Сжалится-ли надъ тобою отецъ?

— Возьми меня съ собой, повелитель, возьми меня съ собою!—голосомъ, исполненнымъ отчаянія, шепчетъ молодая женщина.

Онъ ласково обнимаетъ ее... Сколько трогательной, безконечной любви въ ея заплаканномъ жалкомъ личикѣ!

— Спой мнѣ, Зюльма, спой, дорогая!..—проситъ больной, зная, что только пѣсня можетъ развлечь этого бѣднаго, взрослаго ребенка, такъ горячо привязавшагося къ нему.

— Слушаю, повелитель! Я спою тебѣ ту пѣсню, которую ты такъ любишь...

Зюльма оживилась... По заплаканному личику скользнула улыбка... Она схватила забытую ею въ углу кровли чіанури и быстро настроила струны.

Въ отуманенной предсмертными мученіями головѣ Джемала неясно прозвучалъ обрывокъ знакомой пѣсни...

«У моей матери черные зильфляры,
У моей матери звѣзды глаза...»

Кто это пѣлъ когда-то? Ахъ, да! Черноокій маленькій плѣнникъ напѣвалъ эту пѣсню русскому саибу на краю обрыва,—пѣснь о своей матери, отъ которой его оторвали тогда...

Нѣтъ теперь ни русскаго саиба, ни кроткой матери!.. Гдѣ саибъ,—онъ не знаетъ... А мать,—она высоко тамъ, въ лазуревыхъ чертогахъ Иссы... Онъ взялъ ее къ себѣ... Пусть она мусульманка, но Богъ христіанъ принялъ ее. Она такъ много, много страдала, а Онъ, Исса, такъ милосердъ и добръ ко всѣмъ страдающимъ людямъ. Можетъ быть Онъ смилостивится и надъ нимъ, Джемаломъ, и возьметъ его также въ свои чертоги?

«У моей матери черные зильфляры,
У моей матери звѣзды глаза...»

Такъ поетъ Зюльма, и ей звонко вторятъ пѣвучія струны чіанури...

О, онъ скоро увидитъ эти зильфляры, эти кротко мерцающіе, какъ звѣзды, глаза!

Крыло Азраила вѣетъ уже надъ нимъ...

А Сафара все нѣтъ и нѣтъ... Отсюда съ кровли видна горная тропинка; Джемалъ нарочно приказалъ нукерамъ перенести себя сюда...

О, какъ сладко поетъ Зюльма!.. Что за трогательный, за душу хватающій, голосокъ!..

Добрая, ласковая крошка! Не легкимъ покажется ей ея вдовство! Тяжелымъ ударомъ падаетъ на ея голову его смерть...

Смерть! Она уже не медлитъ... Голосъ Зюльмы какъ-то странно далеко звучитъ въ его ушахъ... Точно между нимъ и ею встала цѣлая стѣна на кровлѣ... И въ глазахъ тускнѣетъ... черный туманъ застилаетъ зрѣніе... Какой-то леденящій душу холодъ проникаетъ въ его внутренности... Онъ съ жадностью хватаетъ прохладный воздухъ губами...

Поетъ Зюльма, и ей звонко вторятъ пѣвучія струны чіанури...

Но сжатое предсмертной спазмой горло не пропускаетъ его...

Что-же Сафаръ? Гдѣ онъ? Что не спѣшитъ онъ привезти ему прощеніе отца?

О, какъ тяжело умирать непримиреннымъ!..

А солнце уже совсѣмъ, совсѣмъ близится къ закату; только одинъ золотой вѣнчикъ виднѣется изъ-за горъ. Вдругъ разомъ оборвалась пѣснь... На прерванномъ аккордѣ замолкла чіанури... Зюльма, не отрывавшая вмѣстѣ съ умирающимъ взора отъ горной тропинки, быстро вскочила на ноги, далеко отбросивъ жалобно зазвенѣвшую всѣми своими струнами чіанури.

— Господинъ! Я вижу всадниковъ... Они скачутъ во весь опоръ къ Карату.

Умирающій оживился... Слабый румянецъ проступилъ въ лицѣ... Она не ошиблась—Зюльма... Дѣйствительно, цѣлая толпа всадниковъ несется къ аулу...

Только пыль клубится сѣрымъ облакомъ надъ ними, да камни съ шумомъ свергаются въ бездну, отброшенные копытами лошадей... Впереди всѣхъ—бѣлый всадникъ, на бѣломъ-же какъ кипѣнь конѣ... Что это?.. Ужели зрѣніе обманываетъ Джемалэддина? Нѣтъ, онъ изъ тысячи узнаетъ этого человѣка.

Нѣтъ сомнѣній: бѣлый всадникъ—это его отецъ, Шамиль. Онъ спѣшитъ на свиданіе къ умирающему сыну.

— Черный Азраилъ, помедли немного... Дай мнѣ увидѣть его... испросить прощеніе... обнять дорогого...— весь задыхаясь отъ волненія и муки, лепечетъ умирающій Джемалэддинъ.

А всадники приближаются... Вотъ они уже скачутъ во весь опоръ по улицѣ аула... Бѣлый конь бѣлаго всадника весь въ мылѣ. Тяжело вздымаются его крутые бока...

Золотой вѣнчикъ ужь почти сгладился съ вершиной

и готовъ погаснуть, только одна красноватая точка осталась вмѣсто огромнаго пурпуроваго шара.

Джемалэддинъ съ тоскою слѣдитъ за нимъ.

Смерть уже близко... смерть уже рядомъ... Черный Азраилъ полуприкрылъ его своимъ холоднымъ крыломъ... Сейчасъ, вмѣстѣ съ угасающей за горою солнечной точкой угаснетъ и его жизнь... А всадники уже спѣшились... Вотъ по лѣстницѣ на кровлю быстро вбѣгаетъ кто-то.

— Это онъ, это отецъ! — весь замирая, уже не голосомъ, а только сердцемъ, лепечетъ несчастный.

Вотъ Зюльма почтительно склоняется, закрывшись до глазъ чадрою... Шамиль уже на кровлѣ. Шамиль здѣсь...

— Отецъ!.. Благодарю Тебя, Исса, что Ты исполнилъ мое желаніе,—хриплымъ голосомъ, собравъ послѣднія усилія вскрикиваетъ больной и судорожно зажимаетъ въ рукѣ золотой крестикъ.

— Я прощаю тебя! Живи, мой Джемалъ!—несется ему въ отвѣтъ трепетный голосъ, и рыдающій Шамиль принимаетъ въ объятія сына.

Поздно! Поздно хватился имамъ.

— Отецъ!.. Исса великій... Иду къ Тебѣ!..—слышится слабый, предсмертный шопотъ умирающаго...

Золотая точка медленно гаснетъ за горами...

Послѣдній вздохъ поднимаетъ грудь Джамалэддина, и онъ безжизненно виснетъ на рукахъ отца...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

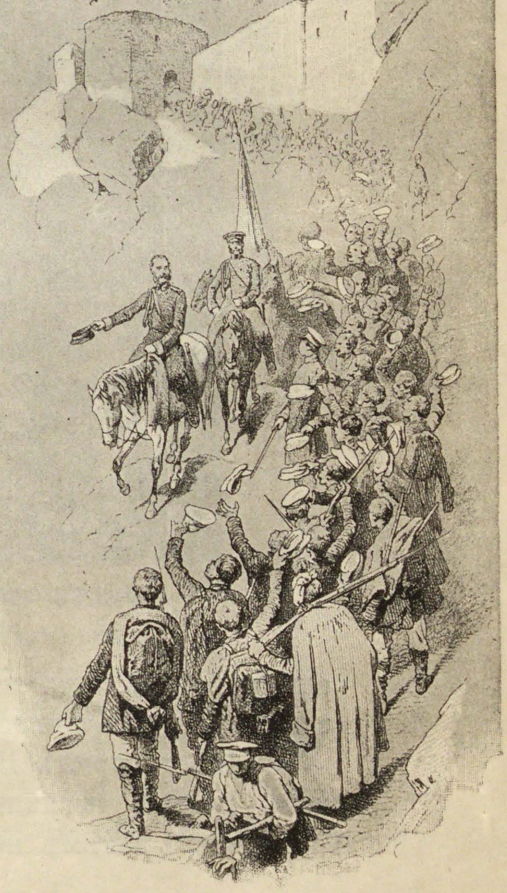
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣднее убѣжище.

ГЛАВА I.

Русскіе наступаютъ.

НАРОДЪ! Ты даешь гибнуть вѣрѣ! Напрасно исполняешь ты намазъ и халлруксъ, напрасно ходишь ты въ мечеть,—небо отвергнетъ твои молитвы и приношенія. Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ тебѣ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, но прежде всего ополчитесь на новую священную войну. Я благословляю васъ на брань! Смерть и уничтоженіе урусамъ!.. Именемъ Аллаха и Его пророка Магомета, я трижды проклинаю на-



шихъ враговъ и объявляю имъ еще разъ газаватъ! Отнынѣ ихъ судьба рѣшена окончательно! Никому не будетъ пощады! Рѣки и моря покраснѣютъ отъ крови невѣрныхъ... О! эти урусы увидятъ, что не ослабла

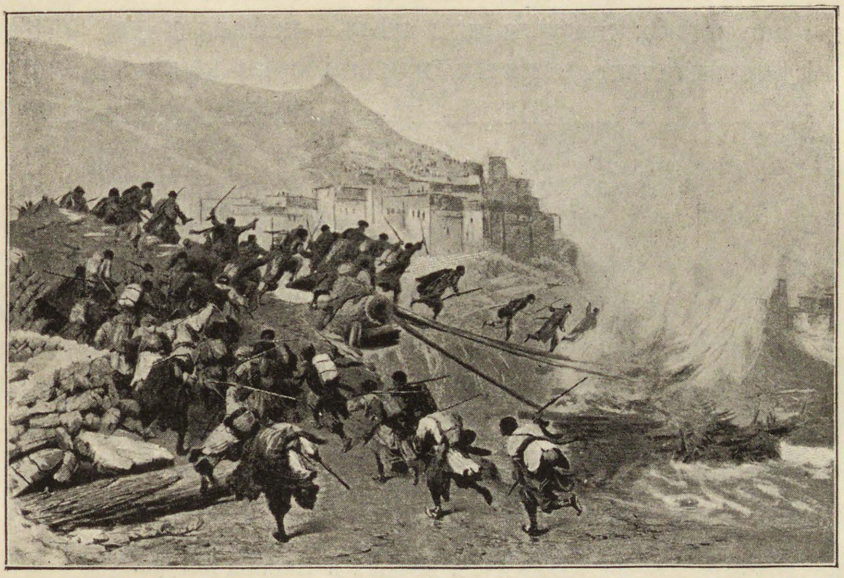
Горный проходъ русскихъ войскъ въ 1858 г.
Картина Горшельта.

еще рука Шамиля, не иступились шашки мюридовъ, не заржавѣли ихъ винтовки!..

Такъ говорилъ Шамиль своимъ воинамъ послѣ того, какъ русскіе изгнали его изъ Дарго-Ведени.

Вскорѣ затѣмъ неутомимый вождь горцевъ двинулся

во главѣ своего, уже далеко не столь многочисленнаго какъ прежде войска къ Новому Буртунаю. Укрѣпивъ это селеніе, лежащее въ глухихъ нѣдрахъ Андіи, онъ самъ расположился въ небольшомъ аулѣ Чорто, откуда и посылалъ свои отряды въ Чиркей и Аухъ. Съ однимъ изъ такихъ отрядовъ у русскихъ, въ глухомъ Андійскомъ



Аттака при взятіи аула Тралата, на Аварскомъ Койсу въ 1858 г.

лѣсу, произошло новое сраженіе. Но твердая надежда Шамиля на побѣду не оправдалась. Несмотря на всѣ усилія мюридовъ,—побѣда осталась за русскими. Горцы, разбитые нашимъ войскомъ, безпорядочно кинулись въ бѣгство. Ихъ храбрѣйшіе начальники-наибы: Технуцала-Измаилъ Ботлинскій и Мустафа Ахмедъ Кудалинскій остались съ отсѣченными головами на полѣ битвы...

Послѣ этой побѣды русскіе подступили къ Новому Буртунаю и овладѣли имъ. Желая удержать дальнѣйшее движеніе врага, Шамиль неподалеку отъ Буртуная приказалъ поспѣшно устроить завалъ. У этого завала произошло большое сраженіе, въ которомъ погибъ цѣлый от-

рядъ горцевъ, съ наибомъ Шамхаломъ Тиндальскимъ во главѣ.

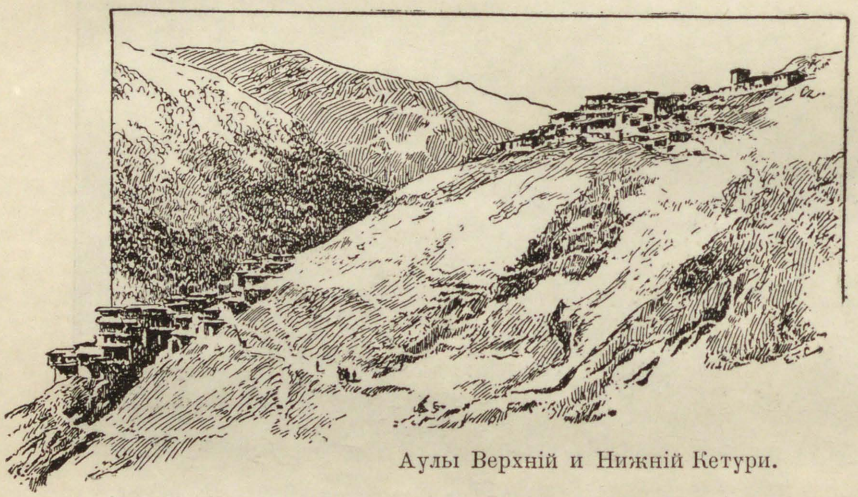
Вскорѣ за Буртунаемъ былъ взятъ Аухъ.

Русскимъ отрядомъ командовалъ князь Орбеліани.

Ужасъ овладѣлъ горцами: неудача слѣдовала за неудачей...

— Этотъ годъ принадлежитъ князю, [1]— говорили они,—все равно: драться или нѣтъ—побѣда у урусовъ.

Дѣйствительно, счастье измѣняло на каждомъ шагу



Аулы Верхній и Нижній Кетури.

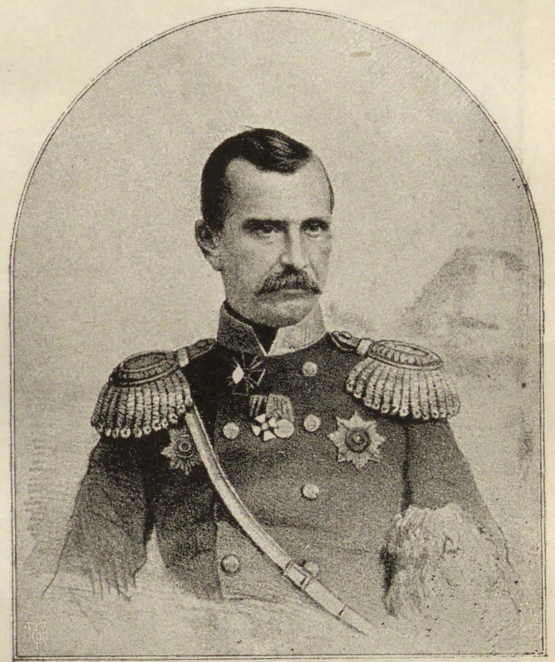
когда-то непобѣдимому вождю мюридовъ. Съ потерею же Буртуная его дѣло пришло почти въ полный упадокъ, такъ какъ для русскихъ открывалась прямая дорога къ самому Ведени, новой столицѣ имама.

Генералъ Евдокимовъ, старый, опытный воинъ, изучившій горцевъ и ихъ военное дѣло, назначенный главнокомандующимъ начальникомъ лѣваго крыла, шагъ за шагомъ, съ преданными ему воинами, вырывалъ изъ рукъ горцевъ одинъ аулъ за другимъ. Считавшіяся не приступными ущелія въ горахъ на берегу р. Аргуни очутились въ рукахъ русскихъ. Вездѣ и всюду быстро воздвигались

[1] Князю Орбеліани.

русскія укрѣпленія, прорубались просѣки, устраивались дороги...

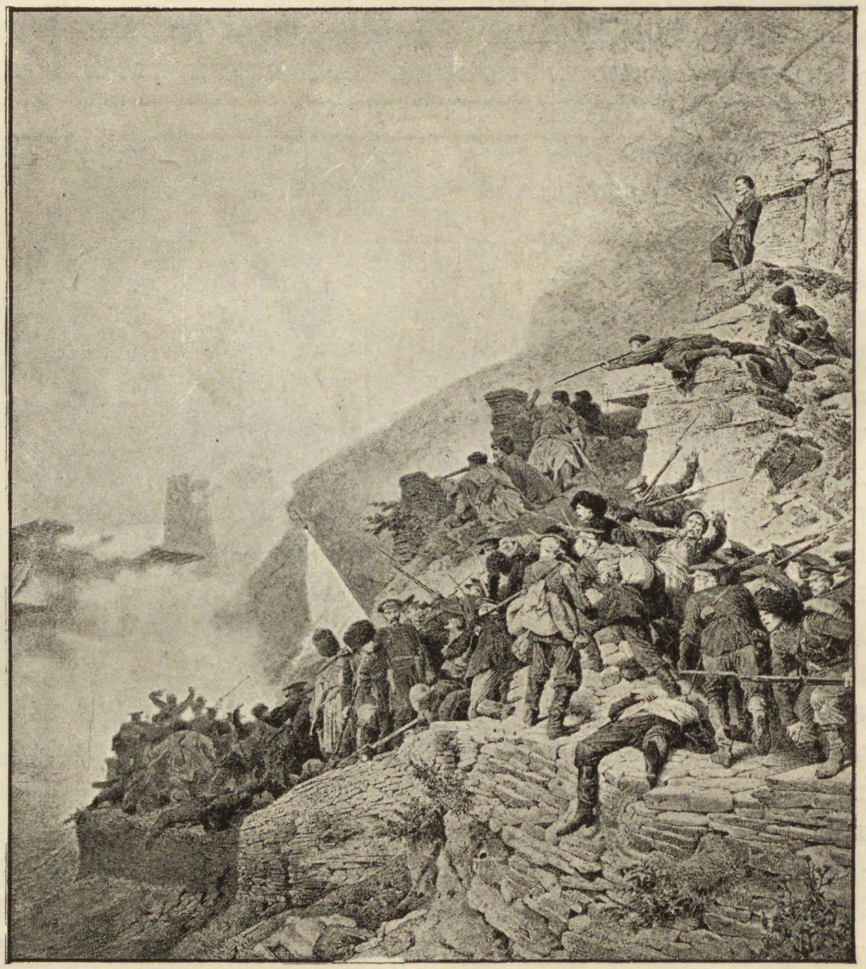
Мюриды отступали, съ ожесточеніемъ оспаривая каждый кусокъ земли. Шамиль съ горстью самыхъ пламенныхъ горцевъ бросился къ Владикавказу, но тамъ былъ встрѣченъ отрядомъ генерала Мищенко и разбитъ на голову. Въ то самое время генералъ Евдокимовъ разбилъ другой отрядъ мюридовъ и занялъ Шатой, а генералъ Вревскій успѣшно двигался къ аулу Кетури, въ которомъ засѣли преданные Шамилю лезгины. Преодолѣвая неимовѣрныя препятствія, смѣло поднимались по скаламъ, въ поднебесную высь аула русскіе солдаты отряда Вревскаго подъ выстрѣлами горцевъ. „Впередъ, братцы, покажемъ, что мы русскіе!“—кричалъ начальникъ отряда генералъ баронъ Вревскій, находившійся всегда тамъ, гдѣ была самая большая опасность, какъ вдругъ шальная пуля сразила храбраго генерала, и онъ, какъ снопъ, упалъ на землю. Смерть его не могла остановить побѣдоноснаго движенія русскихъ войскъ, и вскорѣ вся Чечня очутилась въ нашихъ рукахъ, и многія горскія племена и общества покорились добровольно русскому владычеству.



Генералъ-маіоръ баронъ И. А. Вревскій.
Съ литографіи Тимма.

Но Шамиль все еще не терялъ надежды на

побѣду надъ русскими. Жестокими мѣрами онъ старался удержать населеніе въ своей власти, а горячими проповѣдями силился разжечь въ горцахъ прежнюю храбрость.



Взятіе штурмомъ аула Кетури, при которомъ смертельно раненъ генералъ-маіоръ баронъ Вревскій, 28 авг. 1858 г.
Картина Горшельта.

Однако значительная часть горцевъ, утомленныхъ войною и познавшихъ силу русскаго оружія, равнодушно внимала проповѣди газавата... И ряды Шамилевыхъ воиновъ становились все рѣже и рѣже.

Шамиль все еще вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Онъ приказалъ всѣмъ вѣрнымъ ему наибамъ собраться въ Шали. На созванномъ тамъ совѣтѣ, гудеканѣ, послѣ продолжительной молитвы, онъ произнесъ такую рѣчь:

— Вы, алимы, наибы и славные мюриды, вѣрные

Кодорское ущелье.
Съ литографіи Тимма.

сподвижники мои! Не бойтесь русскихъ! Я изъ Ахульго ушелъ съ семью мюридами только, а теперь, смотрите, снова могущественъ и силенъ, волею Аллаха! И вы, точно также, послѣ всѣхъ неудачъ — станете побѣдителями! — Аллахъ наградитъ вашу храбрость... Пока я съ вами, не бойтесь ничего! Клянусь пророкомъ, я не оставлю васъ. Клянитесь-же и вы, что будете до послѣдней капли крови биться въ священномъ газаватѣ! Вы—храбрые изъ храб-

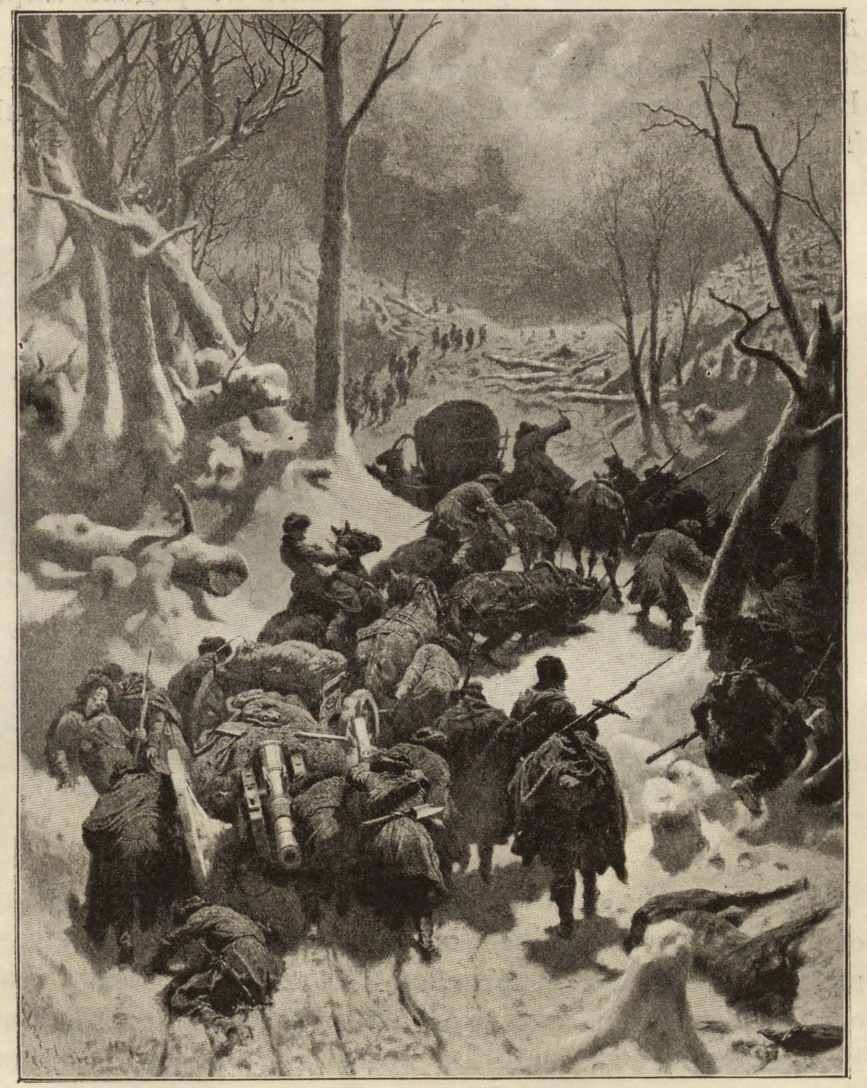
рыхъ, свѣточи вѣры пророка и опора мусульманства! Клянитесь мнѣ!

Перенесеніе раненаго генералъ-маіора барона Вревскаго.
Картина Горшельта.

— Валла-билла, клянемся!—отвѣчали воодушевленные его словами послѣдніе вѣрные мюриды.

— Народы и общества Чечни и Дагестана, внимайте!—

снова обратился къ нимъ Шамиль:—не изъ-за денегъ или наживы веду я васъ на священную войну. Пророкъ



Движеніе отряда генерала Евдокимова чрезъ горы къ аулу Ведени въ февралѣ 1859 г.

Картина Горшельта.

указалъ воинамъ Аллаха проливать кровь невѣрныхъ, чтобы добиться свободы!.. И мы должны повиноваться

волѣ Его! До тѣхъ поръ не заткнемъ мы кинжаловъ за поясъ, пока ни одинъ русскій не останется въ нашей странѣ!..

— Валла-билла!—раздалось опять въ рядахъ мюридовъ.

Послѣ собранія въ Шали, Шамиль выступилъ противъ Евдокимова, сосредоточивъ ряды горцевъ въ селеніи Тавзанъ.

Осада аула Ведени въ 1859 г.
Картина Горшельта.

Въ одинъ туманный, ненастный день Тавзанъ былъ окруженъ русскими. Войско имама, испуганное неожиданнымъ появленіемъ непріятеля, забывъ свою присягу, безъ одного выстрѣла покидало оружіе и обратилось въ бѣгство. Напрасно взывали наибы къ храбрости горцевъ, напрасно напоминали о словахъ Шамиля: никакая сила не могла удержать бѣглецовъ.

Теперь Шамилю не оставалось ничего другого, какъ приняться за зашиту своей резиденціи, Ведени, которой грозило попасть въ руки русскихъ. Онъ бросился укрѣ-

плять Ведени, но уже было поздно. Ночью показалась около аула конница Евдокимова. За нею спѣшили артиллерія и пѣхота. Пушечные залпы не замедлили загремѣть надъ резиденціей имама...

Горцы мужественно защищали гнѣздо своего вождя. Но когда одна сакля за другою разрушалась отъ силы ядеръ и бомбъ и каждую минуту осаждающіе готовы

Паденіе аула Ведени въ 1859 г.

были броситься на штурмъ, ближайшіе наибы убѣдили Шамиля выѣхать съ семьею изъ аула.

— Пусть мы погибнемъ, но не дадимъ торжествовать урусамъ смерть или плѣнъ имама и его родни, — говорили преданные своему имаму вожди мюридовъ.

Генералъ Евдокимовъ между тѣмъ довелъ траншеи до самыхъ стѣнъ Ведени и поутру 1-го апрѣля 1859 года сталъ громить столицу имама безконечными залпами. Къ вечеру стѣны аула не выдержали, рухнули, и русскіе

ворвались въ аулъ, но тамъ уже не оказалось ни одного горца—они бѣжали въ горы.

Самъ Шамиль изъ Ведени перебрался въ селеніе Ичичу и отсюда сталъ укрѣплять недоступную гору Гунибъ.

Своего сына Кази-Магому онъ послалъ строить завалы на пути, чтобы какъ-нибудь преградить дорогу русскимъ войскамъ.

Но уже ничто не могло остановить движеніе нашихъ войскъ. Они гнались теперь по самымъ пятамъ имама.

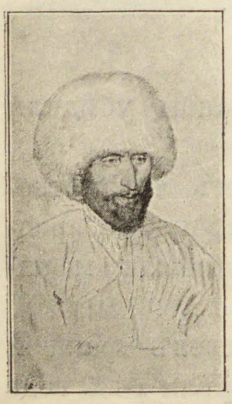
Горцы поняли безсиліе своего вождя и одинъ за другимъ спѣшили оставить его. Цѣлые аулы, присягнувшіе на вѣрность имаму, отдавались во власть русскимъ, цѣлые отряды Шамиля со своими наибами просились на службу русскому царю...

Изъ многихъ тысячъ горцевъ—только нѣсколько сотъ самыхъ отчаянныхъ остались вѣрными своему вождю...

Солнце Шамиля близилось къ закату.

ГЛАВА II.

Горе имама.—Пѣсенка Нажабатъ.—Свои враги.



ТЕМНАЯ, непроглядная ночь глядитъ своими незрячими, какъ у крота, глазами, вся окутанная непроницаемой черной чадрой. Что таится подъ этой чадрой—неизвѣстно... Какъ-то жутко вглядываться въ ея непроглядную завѣсу... И жутко и безцѣльно... Все равно не узнаешь, что кроется подъ нею...

Медленно движется по горной тропинкѣ небольшая группа всадниковъ. Нѣсколько нукеровъ изъ вооруженныхъ съ головы до ногъ чеченцевъ окружаютъ маленькій отрядъ...

Далеко опередивъ остальныхъ всадниковъ, ѣдетъ на гнѣдомъ конѣ Шамиль. Его бѣлаго коня — вѣрнаго товарища его подвиговъ — недавно уложила русская пуля: плохое предзнаменованіе для горца... Голова имама уныло свѣшена на грудь, рука выронила поводъ и лежитъ, чуть вздрагивая, на гривѣ коня.

Невеселыя думы смущаютъ душу Шамиля.

Русскій сардаръ придвинулся къ самой Ичичѣ со своимъ низамомъ,—къ Ичичѣ, гдѣ онъ, Шамиль, укрывался съ семьею. Надо было спѣшить на Гунибъ. О! Гунибъ вѣрное убѣжище... Въ самое небо упирается его аулъ... Это не Ахульго и не Ашильда... Его гора вздымается отвѣсно и взять ее штурмомъ нельзя... Развѣ только шайтанъ впутается въ это дѣло и поможетъ своимъ друзьямъ-урусамъ... О, эти урусы! Сколько крови и силы отняли они у него... Уже девятнадцать штыковыхъ ранъ на тѣлѣ имама... Отъ пороха и пуль онъ заговоренъ. Эти раны болятъ... Но еще больше болитъ его душевная рана... Ужели ему не прійдется окончить священное дѣло газавата, самимъ пророкомъ порученное ему?.. Они, эти урусы, тѣснятъ и травятъ его, какъ жалкаго зайчонка голодные псы... Его—имама, недавнюю могучую силу цѣлой Чечни, всего Дагестана! Недавнюю еще, да... А теперь, что сталось съ нимъ, съ грознымъ Шамилемъ?..

И губы гордаго имама кривятся горькой, иронической усмѣшкой...

Онъ, недавняя сила и гроза гяуровъ, бѣжитъ! Бѣжитъ какъ жалкій трусливый каравашъ!

Въ пханшамбу [1], въ счастливый день недѣли, наканунѣ джумы, выѣхалъ онъ изъ Ичичи со всѣмъ семействомъ и казною, услышавъ, что русскія войска приблизились къ селенію. Остановившись въ Тилетлѣ, чтобы дать передохнуть женщинамъ и дѣтямъ, онъ узналъ

[1] Въ четвергъ, канунъ пятницы—мусульманскаго праздника. Этотъ день Шамиль считалъ самымъ счастливымъ днемъ.

тяжелую вѣсть... Чохъ сдался русскимъ! Чохъ—поблизости Гуниба, на который возлагаетъ всѣ свои надежды имамъ! А въ самомъ Тилетлѣ было уже опасно оставаться... Все кишѣло измѣной вокругъ него, и онъ поспѣшилъ выѣхать изъ Тилетля, не взирая на ночь и усталость. Это-ли не бѣгство? Это-ли не позоръ? Если-бы кто сказалъ ему, Шамилю, годъ-два тому назадъ, что онъ, какъ трусливая чекалка, будетъ пробираться къ своей норѣ подъ покровомъ ночи, онъ-бы приказалъ изрубить въ куски дерзкаго, а теперь... теперь! Да неужели-же онъ такъ состарился и одряхлѣлъ, что не достанетъ у него силы побѣдить или умереть!

И сгорбленная фигура имама гордо выпрямляется въ сѣдлѣ, и глаза бѣшено сверкаютъ былымъ, жуткимъ огнемъ.

— Повелитель,—слышится ему, какъ во снѣ, знакомый голосъ его сына Кази-Магомы,—наши наибы говорятъ, что путь опасенъ въ горахъ... Здѣсь вся мѣстность кишитъ бродячими шайками разбойниковъ и грабителей—барантачей... Не лучше-ли остановиться на горѣ Ратлантѣ-Меерѣ [1] или ѣхать въ Тиндалъ, гдѣ живетъ твой самый вѣрный и преданный тебѣ народъ?

— Молчи, Магома! Ты говоришь, какъ трусъ. Если я, твой отецъ и повелитель, не боюсь штыка уруса, могу-ли страшиться я жалкаго барантача?

— Но, отецъ, съ нами женщины... Надо позаботиться о нихъ...

— Жены и дочери природныхъ горцевъ должны прямо смотрѣть въ очи опасности... Или ты не знаешь этого, сынъ мой?

Кази-Магома только тихо вздохнулъ и, пришпоривъ коня, отъѣхалъ отъ Шамиля. Его сердце сжималось отъ страха... Не за себя, нѣтъ! Въ числѣ прочихъ женщинъ

[1] Чамоданъ-гора. Во время похода князя Аргутинскаго Кибитъ-Магома устроилъ здѣсь нѣсколько саклей,которыя могли выдержать нападеніе.

ѣхала его жена, красавица Кериматъ, единственная привязанность въ мірѣ этого эгоистичнаго и разсчетливаго человѣка.

Среди женской группы царило глубокое молчаніе.

Въ самомъ центрѣ ея, недалеко отъ лошадей, навью-

Переселеніе горцевъ.
Картина П. Н. Грузинскаго.

ченныхъ бурдюками съ сокровищами и деньгами Шамилевой казны, ѣхали жены имама.

Нѣсколько поодаль держалось юное поколѣніе сераля, изрѣдка перешептываясь между собою. Отрядъ замыкался сыновьями и зятьями Шамиля и его вѣрнѣйшими слугами-мюридами.

Ночь, казалось, еще плотнѣе, еще непроницаемѣе надвинулась на горы. Теперь уже ни зги не видно кругомъ... Кони ступаютъ наудачу... Только гулъ копытъ рѣзко

звучитъ въ ночномъ воздухѣ, будя и нарушая мертвую тишину.

— Мнѣ страшно, Зюльма!—послышался среди группы женщинъ нѣжный молодой голосокъ, и одна изъ ѣхавшихъ всадницъ чуть склонилась въ сторону своей спутницы.

— Чего ты боишься, бѣдняжка? — отвѣчалъ ей молодой, нѣжный голосъ...

— О, Зюльма! Тяжело разставаться съ жизнью, когда яркое солнце блещетъ надъ твоей головой... Ужели для того меня отдалъ Абдурахиму повелитель, чтобы умереть и лишиться счастья тогда, когда жизнь кажется такой прекрасной и радостной, какъ день...

— Ты боишься за мужа, Патиматъ?.

— О, Зюльма! Ты угадала мои мысли... Слушай, красавица... Мы спѣшимъ на Гунибъ, я знаю, хотя повелитель строго приказалъ скрывать отъ насъ это! Русскіе по пятамъ слѣдуютъ за нами... И это я знаю также. Они придутъ и туда... О, у нихъ быстрыя крылья, у этихъ урусовъ... Слушай! Они убьютъ насъ всѣхъ, Зюльма; черное предчувствіе говоритъ мнѣ это... И мой Абдурахимъ погибнетъ подъ ихъ штыками... О, это ужасно, Зюльма! Ужасно! Какой страшный рокъ повисъ надъ моей головою?

— Ты его очень любишь, бѣдная сестричка?—послышался нѣжный вопросъ.

— Очень, Зюльма! Какъ золотое солнце моей родины, какъ лунный серебряный лучъ, какъ алмазную восточную звѣзду!.. Двухъ мѣсяцевъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ имамъ-повелитель благословилъ нашъ рукъ-эта-намазъ въ Ичичѣ, а сердце мое до краевъ наполнено любовью къ моему господину! Да и нельзя не любить его... Онъ добръ со мною, какъ ангелъ, и кротокъ, какъ лань.... Не къ кровавымъ подвигамъ и не къ бранной жизни лежитъ его душа... Онъ готовъ дни и ночи читать книги мудрецовъ и знаетъ всѣ главныя науки востока...

Портретъ съ натуры В. Тимма, сдѣланный 6 октября 1859 г.

Гордостью звучитъ голосокъ молоденькой женщины. Она справедливо гордится своимъ Абдурахимомъ. Горячей привязанностью полно ея сердце къ нему.

Три мѣсяца только тому назадъ онъ сорвалъ ей вѣтку аксана [1], а еще черезъ мѣсяцъ отецъ свершилъ ихъ рукъ-эта-намазъ: ея, пятнадцатилѣтней дѣвочки-Патиматъ и его совсѣмъ юнаго, не по годамъ мудраго юноши.

А теперь она должна дрожать и волноваться за его жизнь... Что ждетъ его тамъ на вершинѣ Гуниба, что ждетъ ихъ всѣхъ,—побѣда или смерть? О, какъ ужасна будетъ ея судьба, если убьютъ ея Абдурахима! Переживетъ-ли она эту потерю?.. О нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Она умретъ вмѣстѣ съ нимъ... А Зюльма?—мелькаетъ въ головѣ молодой женщины... Бѣдная, маленькая крошка Зюльма! Она такъ стойко переноситъ свою потерю! Только со дня смерти Джемалэддина ея личико стало блѣднѣе ея бѣлой чадры, да огромные глаза ввалились и горятъ ярче яркой звѣзды Оріона.

Бѣдняжка Зюльма! И она любила! И ея Джемалъ не выносилъ жизни джигита и удалялся отъ шума битвъ, точь въ точь какъ и ея повелитель и ея азисъ... А вотъ взялъ-же его Аллахъ къ себѣ. Значитъ Аллаху нужны кроткіе, чистые сердцемъ.

Значитъ и ея Абдурахимъ можетъ...

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ отъ одной мысли о возможности потерять его. О, какъ счастлива Написетъ! Ея Абдурахманъ—воинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ и рубится, какъ настоящій джигитъ... Его рука привычна къ мечу и кинжалу!..

За то и спокойна Написетъ... Чего ей бояться!

И Нажабатъ спокойна... У этой нѣтъ мужа, за котораго она должна томиться злыми предчувствіями... Что ей думать о страхахъ, одиннадцатилѣтней дѣвочкѣ?.. Вонъ

---

[1] Сорвать вѣтку аксана у горцевъ равняется сватовству.

чуть обрисовалась во мглѣ ея маленькая, гибкая фигурка. Вонъ она и мурлычетъ себѣ что-то подъ носъ... Поетъ. Патиматъ знаетъ эту пѣсню... Нажабатъ сама сложила ее.. Въ ней она восхваляетъ свою красоту, уподобляя себя небесной звѣздѣ! О, какъ она самообольщена, бѣдная жалкая кривоножка!

Въ нѣдра душнаго сераля
Заперъ насъ страны адатъ...
Но и тамъ звѣздѣ подобно
Ярко блещетъ Нажабатъ...

— Перестань, дѣвочка! Не до пѣсенъ теперь!—шопотомъ останавливаетъ дѣвочку Зайдетъ.—Молиться надо, а не пѣть... Аллахъ вѣдаетъ, что насъ ждетъ на Гунибѣ...

А та только смѣется своимъ звучнымъ голосомъ, странно звучащимъ среди жуткаго безмолвія ночи.

Развѣ ея мать не знаетъ, что Гунибъ не приступенъ и что 400 лучшихъ мюридовъ будутъ охранять ихъ горное гнѣздо? Нѣтъ, нѣтъ, рано еще горевать и лить безполезныя слезы... Она, Нажабатъ, не глупая кукушка, чтобы раньше, чѣмъ увидѣть мертваго, править тризну по немъ...

И снова льется пѣсенка, сладкая, какъ голосъ бульбуля... И снова наибы и мюриды, и женщины, и имамъ, заслышавъ этотъ смѣлый голосокъ, проникаются сознаніемъ, что далеко еще не все кончено, если ребенокъ такъ безпечно заливается пѣсней. Не даромъ самъ Аллахъ руководитъ предчувствіемъ дѣтей...

— Благослови тебя пророкъ, райская птичка,—умиленно шепчетъ алимъ, дѣдушка Нажабатъ, почтенный старецъ Джемалэддинъ.—Ты вливаешь въ наши скорбныя души сладкій бальзамъ мира.

И Патиматъ успокоилась подъ пѣсню сестры.

И правда, неизвѣстно еще, прійдутъ или нѣтъ на Гунибъ урусы... Нечего ей бояться пока... Эта черная

ночь виновата въ ея невѣселыхъ думахъ... Мгла въ природѣ,—мгла въ сердцѣ и на душѣ...

Скорѣе-бы блеснулъ первый лучъ разсвѣта и всѣ ночные страхи тогда развѣются, какъ дымъ...

Вдругъ пѣсня Нажабатъ оборвалась на полусловѣ... Чей-то громкій крикъ раздался гдѣ-то недалеко впереди... Крикъ и паденіе на землю тяжелаго тѣла... Слышно, какъ борются двое... А тамъ дальше топотъ копытъ и дикіе крики, характерное разбойничье гиканье...

Великій Аллахъ! они окружены разбойниками барантачами!

Патиматъ инстинктивно сжала ногами бока коня, и вѣрное, понятливое животное вынесло ее къ передовому пункту отряда...

Такъ и есть, она не ошиблась... Они окружены душманами... Вотъ нѣсколько нукеровъ схватились съ ними... Что-то брызнуло въ самое лицо Патиматъ... Она вздрогнула отъ ужаса и поспѣшно обтерлась рукавомъ бешмета... Это кровь, кровь нукера или врага—она не знаетъ.

— Астафюръ Алла!—лепечетъ несчастная женщина-ребенокъ и судорожно сжимаетъ рукоятку кинжала...— Гдѣ Абдурахимъ? Гдѣ отецъ? Сестры, братья? Всѣ эти близкія и дорогія сердцу существа... Ничего нельзя разглядѣть во мракѣ ночи... Только слышны лязгъ кинжаловъ, да изступленные крики нападающихъ и стоны поверженныхъ защитниковъ.

И вдругъ все разомъ покрываетъ мощный голосъ Шамиля. Бѣлый всадникъ несется туда, гдѣ кипитъ бой, прямо въ кровавую схватку.

— Остановитесь, безумные! На кого вы обнажили кинжалы? Здѣсь я—имамъ, вашъ повелитель!

Но никто точно и не слышитъ голоса, заставлявшаго трепетать еще такъ недавно съ головы до ногъ правовѣрныхъ. По крайней мѣрѣ, бой не унимается, крики и стоны не стихаютъ...

Въ темнотѣ слабо обрисовалась чья-то высокая фигура... Чей-то хриплый голосъ кричитъ въ отвѣтъ, прерываясь съ каждой минутой злымъ торжествующимъ хохотомъ:

— Мы Ручуджинцы и Кудинцы не признаемъ власти имама! У кого больше пуловъ [1], чтобы внести богатый пешкешъ, тотъ намъ и повелитель. Имамъ, не время теперь подбирать цвѣты твоего краснорѣчія... Если хочешь, чтобы остались въ живыхъ твои слуги, отдай все цѣнное, что есть у тебя.

— Благодари Аллаха, презрѣнный рабъ, что ночная мгла мѣшаетъ вѣрному прицѣлу моей винтовки... А то-бы ты давно отправился къ шайтану за твои дерзкія рѣчи, нечестивецъ!—грозно посылаетъ въ темноту Шамиль.

Но смѣлый душманъ [2] только дерзко хохочетъ въ отвѣтъ на гнѣвныя слова.

Неизъяснимое бѣшенство овладѣваетъ Шамилемъ. Онъ вскидываетъ на плечо винтовку и наудачу, безъ прицѣла посылаетъ выстрѣлъ во мглу.

— А ты благодари пророка, святѣйшій, что жизнь твоя неприкосновенна по волѣ Аллаха,—кричитъ въ ту-же минуту прежній голосъ, и въ одинъ мигъ враги бросаются въ самую середину каравана.

Крики, плачъ, визгъ женщинъ и дѣтей оглашаютъ ближайшіе утесы и бездны.

— Правовѣрные!—гремитъ попрежнему ненавистный голосъ, принадлежащій очевидно главѣ разбойниковъ,— не бойтесь, бросьте въ сторону кинжалы, мы не убійцы, а только славные барантачи-джигиты... Намъ нужны сокровища ваши, а не кровь... Отдайте намъ казну имама и слѣдуйте съ миромъ въ дальнѣйшій путь.

— Ты слышишь, что они говорятъ, повелитель! — весь помертвѣвшій отъ страха, шепчетъ на ухо имаму Кази-Магома,—отдадимъ имъ все.

---

[1] Денегъ. — [2] Разбойникъ.

— Да, отдадимъ, а то они убьютъ женщинъ и насъ, твоихъ вѣрныхъ нукеровъ,—ихъ много, а насъ самое ничтожное число,—вторилъ ему казначей Хаджіо, перепуганный на смерть появленіемъ барантачей.

— Трусы! — презрительно срывается съ устъ Шамиля, — трусы! Такъ-то вы охраняете мое благо!—И онъ

Сыновья и зятья Шамиля.

Наперсникъ Кази-Магомы, казначей-Хаджіо. Сынъ Шамиля Магометъ-Шеффи. Зятья Шамиля: Абдурахимъ. Абдурахманъ.

Съ фотографіи.

махнулъ рукой, весь преисполненный сознанія своего безсилія..

Барантачи, какъ стая дикихъ коршуновъ, кинулись на добычу. Напрасно молила Зайдетъ и другія женщины оставить имъ хотя необходимое, они разграбили все. Съ ужасомъ и тоскою прислушивалась Патиматъ къ злорадным, торжествующимъ крикамъ барантачей... Вотъ они покончили дѣло... Вотъ удаляются, насмѣшливо благодарятъ имама за его щедрость... О, посмѣли-бы они,

жалкіе трусы, сдѣлать это раньше, когда имя ея отца гремѣло по всей Чечнѣ и Дагестану!..

Вонъ плачетъ Зайдетъ о разграбленныхъ сокровищахъ, и пѣвунья Нажабатъ вторитъ ей...

— Наджелсемъ? Наджелсемъ? — лепечетъ она, рыдая. — Въ большомъ бурдюкѣ были мои праздничныя серьги и запястья! Что я надѣну въ слѣдующую джуму? Бѣднѣе самой бѣдной дочери байгуша стала я теперь!

О, глупая! Глупая маленькая Нажабатъ, о, глупая Зайдетъ и Хаджи-Ребиль и другія! Онѣ плачутъ о золотѣ и сокровищахъ, когда тамъ впереди ѣдетъ сто разъ болѣе ихъ несчастный человѣкъ. У него украли большее. У него взяли любовь и довѣріе къ своему народу. А онъ, бѣднякъ, не плачетъ и не жалуется, какъ онѣ...

Острая жалость кольнула въ самое сердце добрую Патиматъ. Она пришпорила своего коня и въ одну минуту очутилась подлѣ бѣлой фигуры, рѣзко выдѣлявшейся во мракѣ.

— Не грусти, отецъ,—прозвучалъ нѣжный полуженскій, полудѣтскій голосокъ подлѣ Шамиля,—не все еще потеряно... Не всѣ горцы предатели и воры, какъ эти жалкіе барантачи... Тебѣ остаются твои мюриды, отецъ... и... и... горячая, вѣрная любовь твоей маленькой Патиматъ!—послѣ внезапной паузы, заключила она.

Шамиль вздрогнулъ, точно проснулся отъ своего тяжелаго забытья.

Никто изъ дѣтей, кромѣ развѣ покойнаго Джемалэддина, не говорилъ съ нимъ такъ.

Дѣти трепетали передъ нимъ, боялись его.

Онъ былъ для нихъ повелитель и духовная глава скорѣе, нежели отецъ. Откуда-же взялась смѣлость у этой крошки? И какъ могла она угадать его гнетущую скорбь въ эту минуту?

Да, онъ не бѣднякъ, не байгушъ еще, во славу Аллаха... У него осталась горсть друзей, а пока они около

него, готовые сложить головы по одному его знаку, пока теплится такой беззавѣтной любовью къ нему маленькое сердечко этой малютки, онъ еще можетъ высоко высоко носить свою гордую голову...

О, эта крошечная птичка сумѣла своей неожиданной лаской успокоить его!..

Повинуясь непреодолимому порыву, онъ отыскалъ въ темнотѣ маленькую бѣлокурую головку и прижалъ ее къ груди...

И крупныя, частыя слезы оросили исхудалыя щеки Шамиля.

ГЛАВА III.

Переговоры.

КЪ 10-му августу 1859-го года русскія войска стянулись къ Гунибу и со всѣхъ сторонъ окружили его.

Главнокомандующій, князь Барятинскій, явившійся 18-го августа въ войско, приказалъ подробно осмотрѣть гору и готовиться къ штурму. Но прежде, чѣмъ рѣшиться штурмовать это недоступное горное гнѣздо, прежде чѣмъ посылать сотни людей на вѣрную смерть, было рѣшено вступить въ переговоры съ Шамилемъ.

На одной изъ высотъ среди толпы конныхъ мюридовъ на гнѣдомъ кабардинскомъ конѣ высокій плечистый всадникъ, въ праздничномъ черкесскомъ нарядѣ, какъ и подобаетъ уполномоченному великаго вождя, ожидалъ появленія русскаго саиба, выбраннаго для переговора о мирѣ.

Этотъ всадникъ былъ Кази-Магома, посланный сюда отцомъ. Съ нимъ были приближенные имама: Юнусъ,

Хаджи Али, Дебира, наибъ Хунзахскій и Нуръ-Магометъ Сугратлинскій, т.-е. почти оставшіеся вѣрными имаму вожди, пришедшіе слѣдомъ за нимъ на Гунибъ.

Нетерпѣливо смотрѣлъ вдаль Кази-Магома, стараясь разглядѣть не ѣдетъ-ли русскій отрядъ. Но нѣтъ, все по-прежнему пусто и тихо на горной тропинкѣ. Не слышно топота коней. Только изрѣдка доносятся изъ русскаго лагеря сигналы, да смутно долетаетъ гулъ солдатскихъ голосовъ.

Кази-Магома, щурясь отъ солнца, зорко вглядывается въ этотъ лагерь. Сколько тамъ войска! Сколько тысячъ нагналъ сюда русскій сардаръ. И все это конечно устремится на Гунибъ, потому что отецъ ни за что не согласится на условія урусовъ. Онъ, Кази-Магома, знаетъ это. Знаетъ и то, что ради проволочки времени приказалъ ему вести переговоры Шамиль, а самъ твердо рѣшилъ не уступать гяурамъ своего послѣдняго гнѣзда. Не доволенъ этимъ Магома. Урусы не звѣри, чего боится отецъ? Ну, возьмутъ ихъ въ плѣнъ, какъ почетныхъ аманатовъ, они выговорятъ потомъ право жить въ горахъ... Только войны не будетъ, этого ужаснаго кроваваго газавата! Можно будетъ мирно и тихо проживать въ своемъ наибствѣ да сколачивать понемножку денежку. Богатымъ хорошо быть: и почетъ, и уваженіе отовсюду! Тогда ужь не надо бояться за свою жизнь и за жизнь красавицы Кериматъ.

Вдругъ мысли Кази-Магомы прерываются разомъ. На тропинкѣ показался русскій отрядъ. Впереди онъ ясно видитъ фигуру русскаго саиба-полковника, а рядомъ съ нимъ своего тестя, измѣнника Даніэль-Султана, который перешелъ на сторону русскихъ и сдѣлался ихъ переводчикомъ въ сношеніяхъ съ горцами. Кази-Магомѣ вполнѣ понятно поведеніе тестя. Онъ не осуждаетъ его. Даніэль измѣнилъ имаму, потому что нашелъ, что дѣло газавата погибло, что не сегодня—завтра русскіе побѣдятъ послѣд-

нихъ мюридовъ и что поэтому выгоднѣе жить съ русскими въ дружбѣ и согласіи. И онъ, Кази-Магома, на его мѣстѣ поступилъ-бы также.

Вотъ приблизились всадники... Ровно, точно по командѣ, сразу спѣшились всѣ, и горцы и урусы. Рус-

Общій видъ Гуниба.

скіе отдали честь, горцы — „селямъ“ обычнымъ прикосновеніемъ руки ко лбу, губамъ и сердцу. Потомъ всѣ усѣлись на коврѣ, разостланномъ на уступѣ. Даніэль-Султанъ, какъ переводчикъ, выступилъ впередъ. Его глаза избѣгали взора зятя. Онъ не зналъ, какъ смотритъ на его измѣну Кази-Магома, и что-то, похожее на смущеніе, стѣсняло слегка сердце перебѣжчика. Полковникъ Лазаревъ сказалъ ему нѣсколько словъ.

— Кази-Магома, сынъ имама и мой нареченный Ал-

лахомъ зять, — началъ важно Даніэль-Султанъ,—русскій сардаръ передаетъ твоему отцу черезъ саиба (онъ указалъ медленнымъ движеніемъ головы на сидѣвшаго на коврѣ Лазарева), что пусть онъ смѣло отдается въ руки урусовъ. Вреда ему не будетъ, ни ему, ни его семейству. Онъ получитъ милость русскаго государя и богатые дары. Пусть идетъ къ сардару.

— Мой отецъ,—началъ Кази-Магома, въ то время, когда Даніэль-Султанъ передавалъ его слова Лазареву,— ужь много разъ мирился съ урусами. Но урусы снова продолжали сражаться съ нимъ. Мы уже слышали рѣчи о мирѣ отъ русскихъ сардаровъ—генерала Граббе, Фези и Клюгенау, а русское войско все-таки продолжало преслѣдовать насъ, горцевъ.,.

— Не твой-ли отецъ виноватъ въ этомъ? — снова переведя Лазареву слова Кази-Магомы и получивъ отъ него отвѣтъ, произнесъ Даніэль-Султанъ,—русскіе не возобновляли войнъ, пока Шамиль не поднималъ своихъ племенъ на новые и новые газаваты. Пусть онъ подумаетъ, что ждетъ его, если онъ добровольно не приметъ предложенія о сдачѣ. А если Шамиль теперь-же сдастся, сардары немедленно будутъ считать войну оконченной... Сардаръ— намѣстникъ императора, во всемъ довѣренное лицо его. И слова русскаго сардара надо принимать за слова русскаго царя.

— Мой отецъ желаетъ свершить паломничество въ Мекку, къ священному гробу Магомета,—произнесъ Кази-Магома снова,—отпустятъ-ли его туда, если онъ сложитъ оружіе, какъ военноплѣнный?

Даніэль-Султанъ перевелъ Лазареву и этотъ вопросъ зятя.

— Непремѣнно,—поспѣшилъ отвѣтить тотъ,—передай ему это, Даніэль-Султанъ! Скажи, что если онъ добровольно сложитъ оружіе, его проводятъ съ почетнымъ карауломъ до границы, и что по возвращеніи изъ Мекки ему будетъ

разрѣшено выбрать для жительства какое угодно мѣсто въ горахъ. Скажи ему еще, что государь нашъ добръ и милостивъ, и что только изъ жалости къ его неповиннымъ женамъ и дѣтямъ предлагаетъ ему миръ. Пусть онъ приметъ его скорѣе, потому что когда его гнѣздо разнесутъ вдребезги

Мѣстность около Гуниба.

наши молодцы, то съ нимъ будетъ уже поступлено иначе! Передай твоему зятю все это, Даніэль-Султанъ! И скажи, чтобы онъ уговорилъ отца не медлить рѣшеніемъ.

Послѣдній точно исполнилъ приказаніе Лазарева и слово-въ-слово передалъ рѣчь полковника.

Кази-Магома угрюмо кивнулъ головою.

— Я не послѣдній уполномоченный отца,—произнесъ онъ сурово,—сейчасъ прискачетъ гонецъ съ Гуниба, который и привезетъ его окончательное рѣшеніе.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась стройная фигура всадника, несшагося во весь опоръ по горной тропинкѣ.

И русскіе, и горцы съ затаеннымъ волненіемъ ждали его. И тѣ, и другіе слишкомъ много видѣли на своемъ вѣку безцѣльно пролитой крови, чтобы не стараться избѣгнуть ее.

Отъ отвѣта Шамиля зависѣло все.

Вотъ ближе и яснѣе значится фигура всадника, вотъ онъ уже совсѣмъ близко у ковра... Вотъ спѣшился и идетъ прямо къ Лазареву.

Какъ онъ еще молодъ, этотъ уполномоченный Шамиля. Молодъ, а глаза горятъ глубокой мыслью. На высокомъ челѣ печать мудрости. Полны выраженія и неизъяснимаго благородства тонкія красивыя юношескія черты.

Вдругъ взоръ Шамилева гонца примѣтилъ Даніэль-Султана. Гнѣвомъ исказилось прекрасное лицо юноши. Уничтожающимъ презрѣніемъ блеснули гордые глаза.

— Я радъ, что вижу тебя, измѣнникъ! — произнесъ онъ громко, сверкнувъ своими черными глазами,—и что въ твоемъ присутствіи могу выразить волю имама, чтобы научить тебя, какъ должны поступать вѣрные слуги его. Слушай, саибъ!—произнесъ онъ, повернувшись лицомъ къ Лазареву и смуглое лицо его вспыхнуло нѣжнымъ юношескимъ румянцемъ,—мой тесть и повелитель, великій имамъ, приказалъ передать слѣдующее русскому сардару: „Гунибъ—гора высокая. Я стою на ней. Еще выше меня Аллахъ надо мною. Русскіе внизу—пусть штурмуютъ!“ Я повторяю слово-въ-слово то, что сказалъ имамъ. И это его послѣднее рѣшеніе! Переведи,—властно бросилъ онъ Даніэль-Султану, даже не удостоивъ взглядомъ того.

И, сказавъ это, юный горецъ быстро отдалъ прощальный поклонъ русскимъ, еще разъ презрительнымъ взоромъ окинулъ Даніель-Султана и, вскочивъ на коня, умчался, быстрый, какъ вихрь, по горной тропинкѣ, ничуть не заботясь о томъ, слѣдуетъ-ли за нимъ Кази-Магома и остальные.

Это былъ второй и любимый зять Шамиля, гордость маленькой Патиматъ, ея мужъ Абдурахимъ.

* * *

—Гунибъ—гора высокая. Я стою на ней, еще выше меня

Гунибъ-дагъ съ юго-восточной стороны.

Съ литографіи Тимма.

Аллахъ надо мною. Русскіе внизу—пусть штурмуютъ!— таковъ былъ переданный Лазаревымъ Барятинскому отвѣтъ Шамиля, и послѣ такого отвѣта оставалось только одно: штурмовать Гунибъ. И войска приступили къ штурму.

Было рѣшено наступленіемъ на восточный склонъ горы отвлекать вниманіе Шамилевыхъ защитниковъ, но нападеніе произвести съ какой-либо изъ противоположныхъ

сторонъ. Въ ночь на 24-ое августа Ширванскіе и Апшеронскіе стрѣлки двинулись къ укрѣпленіямъ восточнаго ската, а на слѣдующую ночь другія войска приблизились къ сѣверной сторонѣ горы, усѣянной скалами.

Главнокомандующій объявилъ охотничьей командѣ Апшеронскаго полка, что наградитъ орденомъ Георгія 2-ой степени тѣхъ трехъ храбрецовъ, которые первыми взберутся на высоту. И разумѣется такіе храбрецы нашлись и охотно согласились полѣзть на Гунибъ, туда, гдѣ парили только горные орлы, и гдѣ самый могучій изъ нихъ нашелъ свое послѣднее убѣжище...

ГЛАВА IV.

Старые знакомые.—За облака.

О чемъ замечтался, Зарубинъ? Или питаешь надежду попасть въ число трехъ избранныхъ? а?

Молодой офицеръ, къ которому были обращены эти слова, невольно вздрогнулъ и обернулся на говорившаго.

Сутуловатый, невзрачный, въ старомъ боевомъ сюртукѣ, полковникъ съ бѣлымъ Георгіевскимъ крестикомъ въ петлицѣ подошелъ къ нему и ласково положилъ руку на плечо.

— Ахъ, Алексѣй Яковлевичъ!—искренно произнесъ его молодой товарищъ, въ мужественномъ, загрубѣломъ и загорѣломъ лицѣ котораго съ трудомъ можно было узнать когда-то нѣжныя юношескія черты Миши Зарубина, — не знаю, никогда не былъ трусомъ, а жуть беретъ, какъ задерешь голову кверху и взглянешь на эту махину.

Вѣдь высь-то, высь какая! Выше облаковъ! выше неба, кажется!

— А завтра мы уже будемъ за этими облаками! Будемъ, Зарубинъ!—увѣренно произнесъ его старшій товарищъ.

— Ты вѣришь въ это, Поляновъ?—робкимъ звукомъ спросилъ молодой офицеръ.

— Еще-бы!

Это „еще-бы“ было произнесено такимъ тономъ, съ такой, не подлежащей сомнѣнію, увѣренностью, что синіе глаза Зарубина блеснули счастьемъ, и весь онъ разомъ проникся сознаніемъ и увѣренностью, что дѣйствительно завтра они будутъ за облаками и возьмутъ Гунибъ.

Гунибъ!

Передъ нимъ между темными Аварскимъ Койсу и Кара-Койсу высилась огромная гора съ крутыми скатами, въ видѣ усѣченнаго конуса, отвѣсно вздымающаяся надъ бездной.

Верхняя площадка ея представляла изъ себя котловину, гдѣ помѣстилось недоступное послѣднее гнѣздо Шамиля.

Послѣднее убѣжище имама-вождя!

Миша Зарубинъ даже глаза зажмурилъ; имъ больно было смотрѣть въ эту вышину. Даже глазамъ больно, а они полѣзутъ туда! И не дальше, какъ сегодня ночью полѣзутъ.

Генералъ-майоръ Келлеръ, командующій передовыми войсками, вызвалъ охотниковъ пробраться на Гунибъ во главѣ команды. Первымъ вступившимъ туда тремъ была обѣщана награда, высокая награда, заставившая смѣльчаковъ не думать объ опасности. А опасность была большая: у каждаго подъема, у каждаго завала засѣли мюриды Шамиля, приготовившіеся собственной грудью защитить гнѣздо своего вождя.

Но Миша нимало не думалъ объ этихъ врагахъ. Его смущали иныя мысли. Его точно подавляла высота этой

страшной твердыни,—высота и неприступность Гуниóской горы.

Однако онъ, по первому-же слову генерала, вызвался, въ числѣ прочихъ храбрецовъ, войти на эту высоту...

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Миша упалъ подъ ударомъ Гассановаго кинжала и какъ его безчувственнаго принесли въ маленькую крѣпость, а сколько воды утекло съ тѣхъ поръ! За отличіе при штурмѣ маленькой крѣпости Зарубина перевели съ повышеніемъ въ Апшеронскій полкъ. Полянову также дали иное, видное назначеніе. Они успѣли уже отличиться и при Буртунаѣ, и при Ведени. Теперь предстоитъ еще отличиться при Гунибѣ или... умереть!

Въ эту послѣднюю ночь передъ штурмомъ они находились оба въ лагерѣ Апшеронцевъ, расположенныхъ недалеко отъ селенія Куяда, у самаго подножія Гуниба.

— Я радъ, Алексѣй Яковлевичъ,—произнесъ Миша,—что ты зашелъ поговорить со мною; Богъ знаетъ, что можетъ случиться... Такъ, по крайней мѣрѣ, отведу душу съ тобою въ эту послѣднюю ночь.

— Ну, ужь и въ послѣднюю!—недовольно протянулъ тотъ.—И что ты только не выдумаешь, Зарубинъ. Если такіе молодцы, какъ ты, да будутъ уми...

Поляновъ не окончилъ и махнулъ рукою.

—Ты мнѣ лучше вотъ что скажи,—послѣ минутной паузы произнесъ онъ,—давно получалъ извѣстіе о Тэклѣ?..

— Какъ-же! Какъ-же! — разомъ оживился Миша. — Сестра мнѣ пишетъ, что она весела, здорова и скоро опять ее повезутъ въ институтъ. Каникулы кончаются. Славная дѣвчурка! Какъ привязалась ко мнѣ! Никогда не забуду, какъ тамъ, въ Цинондалахъ, куда я повезъ ее къ княгинѣ Чавчавадзе, она растрогала меня,—„Ты, говоритъ, спасъ мнѣ жизнь, ты мой братъ навѣки... Не хочу разставаться съ тобою ни за что... Хочу быть дочкой

твоей матери, сестрой твоей сестры. Вези меня къ своимъ"...

— Такъ и сказала?—дрогнувшимъ голосомъ переспросилъ Поляновъ.

Хотя онъ уже нѣсколько разъ слышалъ этотъ разсказъ изъ устъ Миши, но зная, съ какимъ удовольствіемъ тотъ повторяетъ его, желалъ хотя этимъ пустякомъ развлечь и порадовать друга.

— Да, съ тѣхъ поръ какъ она у насъ поселилась, точно солнце засіяло въ домѣ. И сестра успокоилась немного отъ тяжелой утраты Джемала. Вѣдь она, какъ родного брата, любила его... Всѣхъ оживила, расшевелила и пригрѣла эта милая дѣвочка! Ты не успѣлъ, конечно, узнать ее за коротенькое пребываніе въ крѣпости, Поляновъ, но что это за золотая душа!

— Сколько ей теперь лѣтъ, Зарубинъ?

— Четырнадцать, но она кажется взрослой не по лѣтамъ, какъ и всякая восточная женщина. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ сестра. Они съ Потапычемъ положительно боготворятъ ее. Впрочемъ всѣ ее боготворятъ—и отецъ и мама. Ее нельзя не любить—Тэклу! Подумать только: съ какой стойкостью выдерживала она всѣ мученія и обиды, не желая измѣнить вѣрѣ! И это восьмилѣтняя крошка! Какъ послѣ того еще не вѣрить въ существованіе героинь! Знаешь, Поляновъ,—съ внезапнымъ воодушевленіемъ подхватилъ послѣ минутнаго молчанія Миша,—мнѣ кажется, что не даромъ очутилась на моемъ пути эта дѣвочка, точно сказочная фея, тамъ въ Андійскомъ лѣсу. Съ первой минуты этотъ ребенокъ заполнилъ все мое сердце. Дастъ Богъ, останусь я живъ сегодня, подожду, пока подрастетъ Тэкла, а тамъ...

— Ты хочешь жениться на ней, Зарубинъ?

— Да. Вѣдь никто никогда не привяжется ко мнѣ такъ сильно, какъ этотъ милый ребенокъ. И я никого не полюблю сильнѣе ее, моей Тэклы. Мы видѣли оба смерть

передъ глазами, вмѣстѣ молились и вмѣстѣ были спасены Милосерднымъ Творцомъ. Насъ связала сама судьба, Поляновъ! Я вѣрю въ это!

— Дай Богъ вамъ счастья, тебѣ и ей!—растроганнымъ голосомъ произнесъ его другъ,—оба вы славные. Дай вамъ Господь! отъ души желаю те...

Тихій, едва слышный сигналъ горниста, прозвучавшій надъ лагеремъ, прервалъ его рѣчь.

— Пора!—произнесъ Миша,—это капитанъ Скворцовъ даетъ знать, что надо идти!... Прощай, Поляновъ. Тутъ уже не увидимся больше. Либо на Гунибѣ, либо...

Онъ махнулъ рукою въ небо и обнялъ товарища. По суровому, некрасивому лицу Полянова пробѣжала короткая судорога.

Видно боевой служака крѣпился черезъ силу, чтобы не проронить непривычную слезу.

— Слушай, Зарубинъ!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—я тебѣ. вотъ что скажу: ты, братъ, горячій парень. Безъ толку въ пекло не суйся. Я вѣдь тебя знаю... Помни, твоя жизнь нужна; храбрость и безъ этого проявить можно. Осторожнѣе дѣйствуй и зря на кинжалъ не лѣзь,—и потомъ, помолчавъ немного, заключилъ онъ нахмурясь,—человѣкъ ты золотой и солдатъ бравый и мнѣ душевно будетъ жаль, если эти разбойники убьютъ тебя.

— Во всякомъ случаѣ, если убьютъ, — произнесъ Миша не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—ты сообщи отцу. Онъ тебя знаетъ по письмамъ моимъ и чтитъ, какъ героя. Ты ему передай, Алексѣй, что онъ можетъ быть спокоенъ: его сынъ шелъ по его слѣдамъ и жизнь свою не щадилъ ради царя и родины...

— Передамъ, Зарубинъ. Облегчу душу старика. А теперь позволь благословить тебя, какъ старшему брату.

— Спасибо, Алексѣй! Благодарю, товарищъ! — могъ только произнести Миша.

Поляновъ нѣсколько разъ перекрестилъ его, потомъ обнялъ крѣпко, по-братски.

Снова прозвучалъ сигналъ горниста. По этому сигналу охотники должны были неслышно выступить изъ лагеря и сосредоточиться у самой подошвы горы.

Миша еще разъ крѣпко обнялъ своего друга, пожалъ ему руку и поспѣшилъ къ командѣ, выстроившейся длинной шеренгой и готовой къ началу своего труднаго пути.

— Или тамъ, за облаками, или на томъ свѣтѣ!— мысленно повторялъ Поляновъ и медленно поплелся къ своей палаткѣ.

ГЛАВА V.

Роковая задача.—Снова Гассанъ.

НОЧЬ на 25-ое августа была черна, какъ могила. Только зловѣще бѣлѣли уродливыми привидѣніями горные уступы среди ея непроглядной темноты. Тишина царила кругомъ. Такая тишина, что казалось вымеръ и Гунибъ, и окруживший его плотнымъ кольцомъ русскій лагерь. Только Кара-Койсу да Андійскій Койсу нарушаютъ своимъ монотоннымъ шопотомъ эту тишину. Лишь едва уловимый, какъ скребъ тигровыхъ когтей по камню, шелестъ чуть прорывается сквозь ревъ потоковъ.

Тихо, неслышно поднимается охотничья команда съ уступа на уступъ, съ камня на камень.

Смѣльчаки, какъ кошки, взбираются на утесъ, подсаживая одинъ другого, зацѣпляя за чуть замѣтную горную выбоину шестами.

Что-бы не производить шума, на ногахъ у всѣхъ надѣты мягкіе чевяки. Впереди охотниковъ лѣзетъ безстрашный начальникъ, капитанъ Скворцовъ. За нимъ удальцы-юнкера Сресули, Теріевъ и Миша Зарубинъ.

Руки и ногти Миши давно уже изодраны объ острые кремни и утесы. Страшная ломота отъ продолжительной непривычной и непосильной гимнастики охватила все тѣло. Голова кружилась. Сердце бьется такъ сильно, что кажется можно услышать самый звукъ его біенія.

— Еще, еще немного! — подбодрялъ себя молодой человѣкъ,—и я буду вонъ на томъ утесѣ, что бѣлымъ гребнемъ выступаетъ изъ темноты. — И онъ лѣзетъ и лѣзетъ впередъ и впередъ, цѣпляясь ногтями за каменную грудь утесовъ, стараясь не отставать отъ Сресули, Теріева и другихъ.

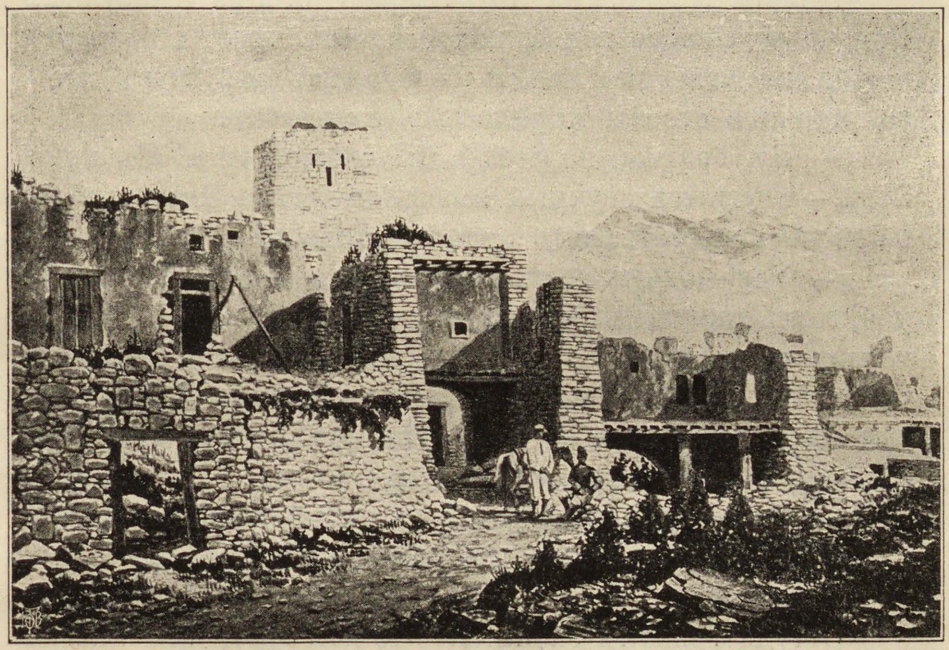
— Ваше высокородіе! — слышится гдѣ-то надъ его головою шопотъ,—пожалуйте. Я лѣсенку прикрѣпилъ къ утесу, на первую террасу влѣземъ.

Это рядовой Молодыхъ, ловкій гигантъ-парень привязалъ веревочную лѣстницу къ уступу и приглашаетъ его... Минута, другая... Слава Богу! Онъ достигаетъ террасы, согнувшись въ три погибели, на четверенькахъ, какъ звѣрь. А впереди много еще такихъ утесовъ. Только врядъ-ли достигнутъ они ихъ. Каждую минуту могутъ замѣтить или, вѣрнѣе, услышать ихъ мюриды и тогда... Тогда они на выборъ по одному перестрѣляютъ ихъ, какъ куропатокъ.

Еще долго, очень долго ползти, а уже ночь начинаетъ расползаться понемногу, и гдѣ-то на верху чуть брезжитъ первая полоса разсвѣта. Теперь уже яснѣе выступаютъ надъ ними глыбы террасъ. О, сколько силъ, нечеловѣческихъ силъ надо положить здѣсь, прежде нежели они достигнутъ послѣдняго уступа! Теперь не только эти уступы, но и лица своихъ спутниковъ можетъ отличить Миша въ побѣлѣвшей пеленѣ разсвѣта. Блѣдныя, изну-

ренныя лица. Вонъ змѣей извивается передъ нимъ юнкеръ Сресули, повиснувшій надъ бездной, ухватясь руками за утесъ... Вотъ съ трудомъ вскарабкался онъ на выступъ и оборачивается къ Мишѣ.

— Пожалуйте руку, поручикъ. Я вамъ помогу,—и улыбается, а у самого потъ катится градомъ. Взобрался



Сакля Шамиля въ Гунибѣ.
Картина Занковскаго.

совсѣмъ, Мишѣ помогъ взобраться.—Теперь-бы вонъ на вторую террасу!—бормочетъ онъ озабоченно,—засвѣтло-бы.

И приноравливается забросить веревку за новый гребень.

Одинокій выстрѣлъ нежданно раздается надъ ихъ головами.

За нимъ другой, третій.

— Пропало наше дѣло!—прошепталъ какой-то солдатикъ и истово перекрестился широкимъ крестомъ.

— Врешь, не пропало,—съ какимъ-то бѣшенымъ оже-

сточеніемъ произнесъ другой голосъ.—Мы, гляди, робя, у цѣли... Вонъ и караулка Шамилева на ладони... Такъ оно и есть.

Миша поднялъ голову. Что такое? Неужели они подъ мракомъ ночи доползли до самой башни, гдѣ Шамиль утвердилъ первую защиту Гуниба!

Дѣйствительно, на той террасѣ стоитъ караулка... При окончательно водворившемся надъ горами разсвѣтѣ можно уже ясно разглядѣть башню, изъ амбразуръ которой торчатъ стволы мюридовыхъ винтовокъ.

— Ну, братцы, не робѣй. Шашки на голо! Съ нами Богъ!—слышится звучный голосъ капитана Скворцова,— не дадимъ перестрѣлять себя въ одиночку. Ура!

— Ура!—эхомъ подхватили неустрашимые солдатики и бѣгомъ кинулись къ башнѣ. Немного ихъ кинулось; человѣкъ десять во главѣ съ юнкерами Теріевымъ и Сресули, поднявшимися первыми на Гунибъ. Остальные еще карабкаются на террасу. Еще работаютъ руками и крючьями. Но ихъ некогда ждать.

— Ура!—кричитъ вмѣстѣ съ остальными не своимъ голосомъ Миша и несется съ обнаженной шашкой прямо ко входу башни.

Оттуда грянулъ залпъ. Кто-то изъ бѣгущихъ тяжело рухнулъ съ утеса прямо въ бездну, кто-то съ тихимъ стономъ безшумно опустился на землю. Некогда смотрѣть, некогда жалѣть.

Изъ караулки выбѣжало человѣкъ двадцать мюридовъ, шашки на голо, кинжалы въ зубахъ.

— Ля-илляхъ-иль-Алла!—завопили они и съ остервенѣніемъ кинулись на русскихъ.

— Съ нами Богъ!—еще разъ мощнымъ призывомъ прогремѣлъ голосъ Скворцова, и разомъ завязалась жаркая схватка.

Миша очутился въ самомъ центрѣ сражающихся. Вся мысль молодого офицера сводилась къ одному: какъ можно

больше уничтожить враговъ, какъ можно скорѣе проложить путь къ Гунибу.

Но русскихъ было вдвое меньше, нежели мюридовъ. Команда еще не успѣла взобраться на уступъ, и число штурмующихъ обогатилось лишь двумя, тремя подоспѣвшими солдатиками.

Зарубинъ смутно понималъ одно: надо было драться съ удвоенной силой, потому что одному приходилось биться противъ двоихъ. А между тѣмъ онѣ значительно ослабли, эти силы, отъ долгаго же карабканья на горы дрожала рука, нанося невѣрные удары.

Быстро таетъ число нападающихъ. Миша не можетъ не замѣтить этого. Нѣсколько человѣкъ изъ его спутниковъ уже лежатъ на землѣ, кто съ раздробленнымъ черепомъ, кто съ прорванной шашкой грудью... А изъ караулки бѣгутъ новые мюриды...

— Алла! Алла!—вопятъ они.

О, какъ невозможно рѣзокъ и противенъ ему этотъ крикъ! Онъ напоминаетъ ему отвратительное время его плѣна, тѣ ужасныя мгновенія, когда онъ бѣжалъ, преслѣдуемый Гассаномъ, по полянѣ къ крѣпостнымъ воротамъ.

— Помоги, Господи!—шепчутъ пересохшія губы Миши, и онъ, собравъ послѣднія усилія, поднимаетъ шашку. Передъ нимъ высокій, сухой горецъ съ горящимъ взоромъ и черной бородою. Красная чалма обвиваетъ его голову. Зарубинъ быстро поднялъ на него глаза, и вдругъ невольный крикъ вырвался изъ груди молодого офицера.

Онъ узналъ красную чалму и хорошо знакомое лицо мюрида.

Гассанъ-бекъ-Джанаида былъ снова передъ нимъ.

Вмигъ усталость какъ-то разомъ исчезла изъ его существа. Безумная, острая ненависть охватила его при видѣ своего мучителя. Жгучей враждой запылало сердце.

— Наконецъ-то я встрѣтилъ тебя, разбойникъ!—кри-

кнулъ онъ охрипшимъ голосомъ, совершенно не заботясь о томъ, понимаетъ-ли его мюридъ.

Но тотъ, очевидно, понялъ, потому что его глаза ярко блеснули, непримиримой враждой исказилось сухое лицо. Онъ также съ перваго взгляда узналъ своего бывшаго плѣнника и врага.

— Будь ты проклятъ! — вскричалъ онъ дико и съ обнаженнымъ кинжаломъ кинулся на Мишу.

Но тотъ былъ наготовѣ встрѣтить нападеніе. Онъ поднялъ саблю и предупредилъ ею ударъ Гассана. Оружія ихъ скрестились теперь. Глаза враговъ пожирали взорами другъ друга.

Вотъ снова взмахнулъ своимъ кинжаломъ Гассанъ, и алая струя крови брызнула изъ руки Миши. Но Зарубинъ даже и не замѣтилъ раны; все его существо было наполнено однимъ порывомъ, одною цѣлью: уничтожить во что-бы то ни стало своего злѣйшаго врага. Онъ поднялъ шашку и готовился нанести ударъ прямо въ сердце мюрида, но въ эту минуту Гассанъ ловкимъ движеніемъ вышибъ изъ его рукъ оружіе и сильнымъ толчкомъ бросилъ своего противника на землю...

Въ одну минуту онъ былъ уже на груди Зарубина и, придавливая его къ землѣ, хрипѣлъ глухимъ, срывающимся голосомъ:

— Урусъ!.. гяуръ!.. собака!.. Будешь помнить канлы Гассана... Умри... собака... гяуръ!

Острый кинжалъ быстро взвился надъ головою Миши.

Въ пылающей головѣ Зарубина въ одинъ мигъ мелькнулъ милый образъ: кроткіе черные глазки и бѣлокурое личико ребенка. —Молись за меня, Тэкла!—успѣли шепнуть губы Миши... Кинжалъ молніей блеснулъ передъ его глазами... и... разомъ тѣло Гассана рухнуло всею своею тяжестью на него: чья-то мѣткая дружеская сабля ловко ударила въ грудь бека Джанаида.

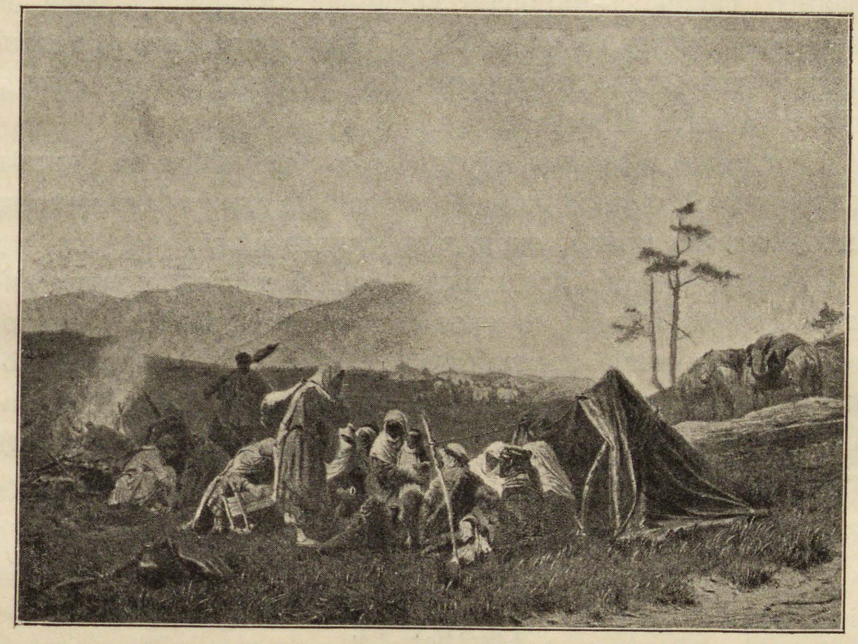
Взятіе Гуниба въ 1859 г.

Картина проф. Грузинскаго.

Но и съ искаженнымъ отъ муки лицомъ, съ залитой кровью грудью онъ еще грозилъ Мишѣ, протягивая къ нему свой окровавленный кинжалъ.

Зарубинъ выхватилъ револьверъ и, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ своего врага.

— Великъ... Алла... и... Магометъ... его пророкъ!.. Я



Плѣнные мюриды.

Картина Горшельта.

умираю въ священномъ газаватѣ!—простоналъ Гассанъ и закрылъ глаза.

Злая улыбка скорчила лицо его и застыла въ немъ навсегда.

Пуля Миши угодила ему въ сердце.

* * *

Слѣдомъ за командой охотниковъ на Гунибъ поднялся и первый баталіонъ Апшеронцевъ подъ начальствомъ полковника Егорова.

На каждомъ утесѣ, за каждымъ заваломъ ихъ поджидали неутомимые защитники Гуниба, принимая прямо на шашки и кинжалы храбрецовъ, русскихъ удальцовъ. И, несмотря на страшное сопротивленіе, къ шести часамъ утра этотъ путь на Гунибъ былъ очищенъ.

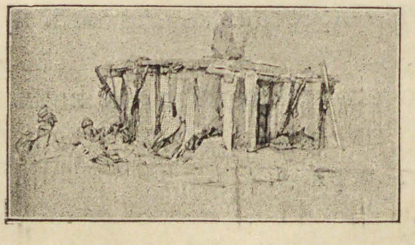
Въ то же время 21-ый стрѣлковый баталіонъ, по приказанію генералъ-майора Тарханова, взобрался туда по сѣверному скату, а шедшій съ нимъ баталіонъ Грузинскаго полка былъ отправленъ въ обходъ аула къ саклѣ, гдѣ находился Шамиль.

Тогда-же, нѣсколько позднѣе, взобравшійся на Гунибъ полковникъ Радецкій, командовавшій другимъ баталіономъ Апшеронскаго полка, окружилъ самый аулъ.

Густой туманъ застилалъ горы и мѣшалъ защитникамъ Гуниба видѣть движеніе русскихъ войскъ. Только когда штурмующіе показались у самыхъ стѣнъ аула, мюриды съ дикими криками кинулись во внутрь его и, засѣвъ въ сакли, приготовились мужественно встрѣтить нежданныхъ гостей.

ГЛАВА VI.

Въ мечети.—Долгъ чести и долгъ крови.



О, мой Абдурахимъ, мой повелитель, кажется, пришелъ нашъ смертный часъ! Ты слышишь эти ужасные крики? Гяуры въ аулѣ! Гяуры здѣсь!

И блѣдная, какъ смерть, Патиматъ закрыла въ невыразимой тоскѣ лицо руками. Это лицо, чуть-чуть освѣщенное лампадами мечети, теперь осунулось и исхудало, какъ у трудно-больной...

Страхъ и отчаяніе наложили свою тяжелую печать на нѣжныя черты молодой женщины. Прижавшись къ груди мужа, она скрыла на ней свое испуганное личико и не слышала тѣхъ ласковыхъ словъ и увѣщаній, которыми онъ старался успокоить свою юную подругу.

Да и не одна она была полна смятенія и страха. Шуанетъ, Зайдетъ, Нажабатъ и Написетъ, даже обычно спокойная и флегматичная Написетъ, были на смерть перепуганы всѣмъ происходящимъ.

Да и не только онѣ: у Кази-Магомы, у Магометъ-Шеффи и у прочихъ, укрывшихся вмѣстѣ съ ними въ мечети, были такія же взволнованныя лица.

Только двое людей спокойны, точно весь этотъ ужасъ не касается ихъ.

Эти двое людей—Зюльма и Шамиль.

Зюльмѣ нечего опасаться. Самое худшее, что можетъ ее ожидать—смерть, не пугаетъ вдову Джемала. Вѣдь смерть желанна для бѣдной Зюльмы. Только смерть соединитъ ее въ садахъ Аллаха съ ея мертвымъ Джемалэддиномъ.

А Шамиль? Какое властное и могучее рѣшеніе написано на его высокомъ челѣ! Послѣднее рѣшеніе... Онъ привелъ въ мечеть всю семью изъ аула, чтобы погибнуть послѣднимъ здѣсь, подъ сводами мечети.

И женщины и дѣти должны умереть вмѣстѣ съ нимъ Не въ рабство-же урусамъ отправить его бѣдныхъ, его дорогихъ дѣтей.

Нѣтъ! лучше пусть они примутъ смерть изъ рукъ своихъ близкихъ и родныхъ...

Когда русскіе подойдутъ къ джаміи, онъ прикажетъ сыновьямъ убить женщинъ, а потомъ... потомъ погибнетъ самъ съ пѣніемъ священнаго гимна на устахъ. Такъ велитъ ему долгъ чести, такъ приказываетъ ему его собственное сердце—сердце вѣрнаго слуги Аллаха и ретиваго

послѣдователя тариката. Онъ умретъ въ священномъ газаватѣ, умретъ въ борьбѣ за свободу горцевъ, какъ и подобаетъ имаму-вождю, какъ умеръ двадцать семь лѣтъ тому назадъ его учитель и наставникъ Кази-Мулла.

А шумъ битвы приближается съ каждой минутой. Уже слышно, какъ они штурмуютъ нагорныя сакли. Нѣтъ сомнѣнія больше: русскіе ворвались въ аулъ. А еще на зарѣ онъ, Шамиль, объѣзжалъ своихъ воиновъ, ободряя ихъ, повторяя имъ, что Гунибъ неприступенъ и что взять его невозможно...

Да развѣ есть что-либо невозможное для этихъ шайтановъ-русскихъ?..

Взяли Ахульго, взяли Дарго-Ведени, берутъ Гунибъ! Ничто не въ силахъ ихъ охранить. Надо покориться судьбѣ и отдать имъ все, и землю, и свободу, и жизнь... Только чѣмъ-же виноваты его бѣдныя дѣти, его несчастныя жены? Пусть казнятъ его—Шамиля, но помилуютъ ихъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно. Они не забудутъ его вины, эти урусы, не забудутъ гибели тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ убивалъ у себя въ плѣну, и не помилуютъ въ свою очередь его близкихъ...

— Мой вѣрный Юнусъ,—говоритъ онъ своему приспѣшнику и другу.—Ты слышишь? шумъ приближается, мои старыя уши не обманываютъ меня!

— Такъ, повелитель, гяуры близко!—отвѣчаетъ тотъ.

Дѣйствительно, страшный гулъ повисъ надъ ауломъ. Вотъ ближе и ближе шумъ кровавой сѣчи. Стоны и вопли повисли въ воздухѣ. Отчаянные крики „Аманъ, Аманъ“ [1] покрываютъ ихъ.

— Аманъ?,—нахмурясь произноситъ Шамиль.—Нѣтъ, пощады не будетъ. Напрасно проситъ о ней, у кого ослабѣла воля, и кто не имѣетъ мужества погибнуть въ газаватѣ!—мрачно заключаетъ онъ.

Вотъ уже совсѣмъ близко слышится побѣдный крикъ

[1] Пощады! пощады!

русскихъ. Русская непонятная рѣчь звучитъ уже на самой площади.

Сейчасъ они ворвутся сюда. Сейчасъ увлекутъ его и близкихъ отсюда, чтобы столкнуть въ черное отверстіе гудыни.

— Кази-Магома!—говоритъ онъ сурово, отворачивая свои взоры отъ глазъ сына,—дѣлай то, что я приказалъ тебѣ: обнажи твою шашку, наступилъ часъ, когда нужно исполнить то, о чемъ я тебѣ говорилъ, и да помилуетъ Аллахъ души невинныхъ.

Бѣлѣе бѣлаго снѣга на Дагестанскихъ вершинахъ стало лицо Кази-Магомы.

— Убить женщинъ? Это-ли велишь ты мнѣ, повелитель?—съ дрожью спрашиваетъ тотъ.

— Что-же лучше по твоему, чтобы онѣ, какъ послѣднія рабыни, прислуживали женамъ урусовъ или погибли въ мрачной тюрьмѣ у нашихъ враговъ?.. Исполняй то, что тебѣ приказываю, Кази-Магома, сынъ мой!—сурово заключилъ имамъ.

Тотъ нерѣшительно подошелъ къ группѣ женщинъ. Тамъ послышались стоны и плачъ.

— О, повелитель!—внѣ себя кричала Зайдетъ.—Ты всю жизнь свою посвятилъ Аллаху! Ты былъ ему вѣрнымъ слугой. Такъ неужели все это было для того только, чтобы увидѣть на закатѣ своей жизни окровавленные трупы твоихъ женъ и дѣтей!?... Если Аллахъ такъ могущественъ и великъ, если Онъ умѣлъ принимать людскія почести, то пусть спасетъ своихъ вѣрныхъ рабовъ, пусть помилуетъ ихъ!

— Не богохульствуй, женщина!—остановилъ ее, дико сверкнувъ глазами, Шамиль.

— Мать права!—изступленно рыдая, кричала Нажабатъ.—За что мы погибаемъ? Зачѣмъ ты требуешь нашей смерти, отецъ?... Я молода, я не вѣдала жизни, я жить хочу! Жить! Жить! Жить!

— Ты умрешь, потому что смерть лучше рабства, несчастный ребенокъ!—произнесъ печально имамъ.

— Я предпочитаю жить въ рабствѣ у русскихъ, которые простили и приняли моего отца, нежели умереть...— надменно произнесла Кериматъ, обдавая Шамиля негодующимъ взглядомъ.

И снова слезы и стоны наполнили своды мечети.

Имамъ отвернулся отъ женщинъ и, распростершись на полу, сталъ громко молиться:

— О, Великій, Предвѣчный Андъ! Прими въ Твои руки несчастныхъ! Невинная кровь ихъ чистой рѣкою польется къ подножію Твоего престола! Прими ихъ, Безсмертный, на лоно Твоихъ садовъ!

Обильныя слезы текли по лицу несчастнаго, скатываясь на его бѣлыя одежды и на каменный полъ мечети. До изступленія молился Шамиль.

Кази-Магома, не смѣя ослушаться отца, ближе придвинулся къ женщинамъ. Рука его дрожала. Лицо стало изсиня-блѣднымъ, какъ у мертвеца.

Сейчасъ поднимется надъ головою первой жертвы его острый кинжалъ и первая пара очей, волею Аллаха, потухнетъ навѣки...

Крики и стоны Зайдетъ перешли теперь въ смутныя угрозы. Кериматъ и прочія вторили ей. Онѣ боялись смерти и не хотѣли умирать.

— Да падетъ наша гибель на твою голову, имамъ!— истерично выкрикивали женщины и глаза ихъ бѣшено сверкали на помертвѣвшихъ отъ страха лицахъ.

— Отецъ! Отецъ! Пощади насъ!—вопила Нажабатъ, заламывая руки.

А двери мечети уже вздрагивали подъ напоромъ сильныхъ ударовъ. Громкіе крики слышались за порогомъ ея... Вдругъ чей-то нѣжный голосокъ прозвенѣлъ надъ склоненной головою Шамиля:

— Бѣдный отецъ! Бѣдный отецъ! Какъ ты страдаешь!

И въ одинъ мигъ смуглыя худенькія ручки обвились вокруъ его шеи... Чьи-то черные глаза впились въ имама наполненнымъ слезами взоромъ. Онъ поднялъ голову.

Передъ нимъ было измученное, кроткое личико Патиматъ.

Крѣпко обнялъ свою любимую дочь Шамиль и, прижавъ ее къ груди, тихо спросилъ.

— И ты, навѣрное, мое сердце, бранишь твоего стараго отца, что изъ-за него должна разстаться съ жизнью?

— О, повелитель! Ты приказалъ намъ умереть—и я умру! — произнесла безстрашно Патиматъ. — Онѣ боятся смерти, — кивнула она на остальныхъ женщинъ, — но я покажу имъ, какъ не страшно умирать тому, кто не чувствуетъ вины за собою!

И она смѣло подошла къ Кази-Магомѣ и твердо сказала, поднявъ на него свои прелестные глаза:

— Ударь меня первую твоимъ кинжаломъ, господинъ! Пусть остальныя видятъ, какъ смѣло умираетъ дочь имама!

Абдурахимъ и Зюльма съ двухъ сторонъ бросились къ ней.

— Спѣши, Кази-Магома!—повелительно крикнула она брату,—а то урусы сейчасъ ворвутся въ мечеть и уже будетъ поздно тогда.

Потомъ положила на грудь мужа свою бѣлокурую головку и кротко улыбнулась ему.

Кази-Магома взмахнулъ кинжаломъ. Минута... и кровь первой жертвы обагритъ каменныя плиты мечети.

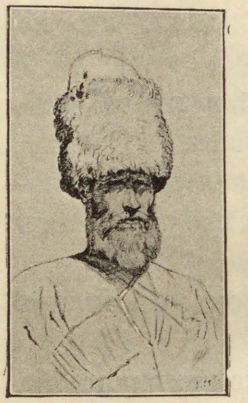
— Стой, Кази-Магома! — раздался въ ту-же секунду за его плечами отчаянный голосъ имама,—Патиматъ, моя бѣдная дочь, живи! И вы всѣ живите съ Аллахомъ и міромъ. Цѣною собственной жизни я куплю ваше спасеніе!.. Я отдамъ себя самого въ руки урусовъ, съ тѣмъ чтобы они сохранили вашу жизнь... Мой вѣрный Юнусъ,

и ты, Хаджи-Али, и ты, Магометъ-Худанатъ,—обратился онъ къ тремъ оставшимся въ его свитѣ мюридамъ,—ведите меня къ русскому сардару... Я, вашъ имамъ и повелитель, сдаюсь бѣлому падишаху!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ мечети въ сопровожденіи своихъ трехъ вѣрнѣйшихъ слугъ и друзей.

ГЛАВА VII.

За отцомъ.—Странная встрѣча.



Лишь только высокая, широкоплечая фигура имама скрылась за порогомъ мечети, сравнительное спокойствіе воцарилось тамъ.

Стоны и вопли женщинъ утихли.

Теперь онѣ знали, что имъ нечего бояться: опасность миновала. Шамиль отправился съ повинной къ русскому сардару. Они, русскіе, навѣрное казнятъ его, но за то онѣ останутся живы...

Одно только существо не переставало мучительно волноваться, поминутно прислушиваясь къ тому, что дѣлается на улицѣ.

— Ты слышишь, Зюльма? Какъ они кричатъ! Это они увидѣли отца!—въ тоскѣ лепетала Патиматъ своей маленькой подругѣ.

— Они торжествуютъ, что добрались до него... Онъ не легко достался имъ—повелитель!

— О, Зюльма! Мое сердце бьется, какъ подстрѣленная птица! Я боюсь, что они... они... убьютъ его! Да, да, они убьютъ его, Зюльма. Моя душа говоритъ мнѣ это. Онъ пошелъ умирать за насъ...

— Успокойся, звѣздочка-джанымъ! Если и суждена твоему отцу смерть пророкомъ, то онъ сумѣетъ умереть, какъ подобаетъ шагиду, во славу священнаго газавата. Успокойся, дитя!

И сама полуребенокъ по лѣтамъ, но вполнѣ взрослая по испытаннымъ ею тяжелымъ страданіямъ, Зюльма крѣпко обняла свою подругу.

Но Патиматъ уже не слушала ее. Какъ острыя лезвія кинжаловъ вонзились ей въ сердце слова Зюльмы: „Онъ сумѣетъ умереть, какъ шагидъ, во славу священнаго газавата“

Онъ, отецъ! Ея отецъ, котораго она такъ нѣжно и горячо любитъ!

О, какъ недосягаемъ онъ былъ для нея прежде, тамъ, въ Ведени, когда она видѣла его изъ оконъ сераля, идущимъ, въ сопровожденіи огромной свиты мюридовъ, въ мечеть или творившимъ судъ на гудеканѣ! Тамъ онъ былъ святѣйшій имамъ, властитель, вождь, на котораго она не смѣла поднять очи, котораго даже не смѣла любить, и вдругъ неожиданно въ ту ночь пути къ Тилетлю этотъ вождь и имамъ показался ей такимъ бѣднымъ, такимъ несчастнымъ, одинокимъ существомъ! Острая жалость впилась къ ней тогда въ сердце, и боязнь и страхъ передъ нимъ исчезли у нея: она увидѣла въ немъ въ ту минуту близкаго человѣка, любимаго отца.

И теперь ему, этому дорогому, любимому отцу, грозитъ опасность, смерть! Ему, всѣми покинутому, обиженному, оскорбленному! Его бросятъ въ гудыню, замучаютъ, убьютъ!

О!

Слезы разомъ высохли на прекрасныхъ глазахъ Патиматъ.

Она гордо выпрямилась. Взоръ ее загорѣлся дивнымъ огнемъ. И, выйдя на середину мечети, она обратилась къ толпѣ:

— Отецъ пошелъ отдавать свою жизнь за насъ урусамъ,—задрожалъ подъ сводами храма ея звенящій голосъ,—и мы отпустили его, старика, убитаго горемъ... Его, можетъ быть, убиваютъ въ это время, а мы спокойны! Мы согласились принять его жертву ради нашего спасенія!.. Нѣтъ! Нѣтъ! Этого не будетъ! Я пойду къ гяурамъ и на колѣняхъ вымолю пощаду отцу... Я до тѣхъ поръ буду ползать у ногъ сардара, пока онъ или помилуетъ его, или прикажетъ убить меня, какъ ничтожную муху!

И преже чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться, она съ быстротою молніи кинулась изъ мечети. Абдурахимъ бросился за нею.

* * *

— О, какой ужасъ! Сколько крови! О, мой Абдурахимъ, накрой мнѣ очи чадрою, чтобы я не видѣла этого кроваваго моря кругомъ!—тихо шептала Патиматъ, пробираясь по усыпанной изуродованными тѣлами улицѣ аула.

Нѣкоторыя сакли еще пылали. Русскіе, не зная, что вождь мюридовъ сдался, продолжали драться въ аулѣ, штурмуя и беря приступомъ сакли.

Абдурахимъ и Патиматъ, какъ кошки, крались задними переулками селенія, между дворами и пристройками, чтобы не быть замѣченными русскими. Они не знали, гдѣ находится сардаръ, и шли наугадъ, повинуясь голосу инстинкта.

А кругомъ нихъ кипѣла битва. Вонъ за тѣми зданіями дрались еще: длился неумолимый и страшный рукопашный бой. Всюду мелькали лица враговъ. Русская рѣчь и крики покрывали гортанные голоса горцевъ.

— О, лишь-бы они не замѣтили насъ!—въ тоскѣ лепетала Патиматъ, прижимаясь къ своему путнику.

— Ты боишься, ласточка?

— Не за себя, мой повелитель! Я—женщина, а съ

женщинами они не дерутся. Мнѣ страшно за тебя, мой Абдурахимъ!

— Пока со мною мой кинжалъ, тебѣ нечего бояться, дорогая,—сверкнувъ глазами произнесъ тотъ.—Впрочемъ мы теперь удаляемся отъ битвы. Вонъ за тѣми саклями начнутся болѣе безопасныя мѣста.

— Алла! Алла!—послышалось нѣсколько голосовъ неподалеку отъ нихъ въ эту минуту... И вмигъ затрещали выстрѣлы винтовокъ, зазвенѣли сабли...

Среди шума, крика и стоновъ раздался нестройный хоръ нѣсколькихъ голосовъ:

Воины смѣлые Аллаха!
Мечь священный обнажите...
И во славу газавата
Въ битвахъ головы сложите...

— Ты слышишь? — вскричалъ Абдурахимъ, — тамъ умираютъ наши мюриды. Они зовутъ на помощь своимъ гимномъ... Я долженъ спѣшить къ нимъ...

— И я! И я за тобою!

Въ одну минуту они были у входа въ саклю. Тамъ кипѣла схватка. Нѣсколько русскихъ солдатъ схватились съ засѣвшими въ ней мюридами, стараясь выбить ихъ изъ убѣжища.

При видѣ присоединившихся двухъ новыхъ враговъ (въ полутьмѣ сакли они не могли замѣтить женской чадры Патиматъ) нападающіе съ громкимъ крикомъ „ура!“ еще ожесточеннѣе кинулись въ бой. Мюриды не уступали имъ.

— Самъ имамъ прислалъ намъ своихъ дѣтей на помощь!—кричали мюриды, воодушевившись присутствіемъ молодой четы. — Умершихъ въ газаватѣ ждетъ рай, не бойтесь, правовѣрные!

Абдурахимъ тоже выхватилъ изъ-за пояса свой кинжалъ и кинулся въ средину мюридовъ.

Патиматъ, прижавшись къ стѣнѣ, въ ужасѣ слѣдила за мужемъ.

Вотъ высокій, плечистый стрѣлокъ-апшеронецъ бросился на него съ поднятымъ на-перевѣсъ штыкомъ. Но Абдурахимъ ловокъ, какъ тигръ, и однимъ прыжкомъ очутился въ сторонѣ отъ врага. Вотъ сзади него новый врагъ съ поднятой саблей. Но его движеніе подкараулилъ ближайшій мюридъ, и урусъ летитъ на полъ съ раскроеннымъ черепомъ. Тамъ уже много лежитъ такихъ урусовъ, а мюриды держатся стойко. Ихъ выбыло куда меньшее число, нежели враговъ.

„Слава Аллаху, теперь враговъ осталось только трое“, —быстро мелькаетъ мысль въ пылающемъ мозгу Патиматъ.

Вотъ и послѣдній изъ нихъ валится, пораженный шашкой правовѣрнаго.

Но вдругъ новая толпа урусовъ съ безумнымъ торжествующимъ крикомъ врывается въ саклю.

— Сдавайтесь на милость государя!—кричитъ ихъ предводитель, молодой загорѣлый офицеръ съ орденомъ въ петлицѣ.

Что-то знакомое чудится Патиматъ въ этомъ офицерѣ, въ его синихъ глазахъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего звѣрскаго. Но кого онъ ей напоминаетъ, она рѣшительно не можетъ вспомнить. Усталый мозгъ работаетъ вяло. А сердце бьется страхомъ за мужа и отца. До чего-либо иного ей нѣтъ дѣла теперь... О, если бы не этотъ гимнъ, обязывающій каждаго правовѣрнаго спѣшить на помощь братьямъ, она ни за что не пустила бы сюда Абдурахима...

— Во имя Аллаха умремъ въ священномъ газаватѣ, правовѣрные!—снова слышится призывъ обезумѣвшей отъ страха женщинѣ.

— Такъ умирайте-же, упрямцы!—кричитъ синеглазый урусъ и бросается въ самую толпу враговъ.

Одинъ за другимъ, какъ подкошенная трава, валятся мюриды. Вотъ ихъ уже трое, четверо осталось, не больше. Впереди всѣхъ рубится Абдурахимъ. Вдругъ русскій

офицеръ замѣтилъ его и бросается къ нему съ обнаженной шашкой. Вотъ они схватились оба. Вотъ бьются на смерть. Шашка уруса уже занесена надъ головой Абдурахима...

Вдругъ въ одинъ мигъ передъ синеглазымъ офицеромъ очутилась легкая фигурка и заслонила горца отъ его удара. Это женщина... Чадра ея отброшена на спину, и юное блѣдное личико почти у самаго его лица.

— Патиматъ!—вскрикиваетъ Миша Зарубинъ и роняетъ саблю.

Тамъ, на краю гудыни, въ свою предсмертную ночь онъ видѣлъ уже разъ это юное личико... Видѣлъ мальчика, горца съ этими знакомыми черными глазами и теперь сразу узналъ его.

— Патиматъ!—еще разъ произносятъ его губы.

— Есырь Гассана! Гяуръ-кунакъ!—отвѣчаетъ она, разомъ узнавъ въ свою очередь бывшаго веденскаго плѣнника, и счастливая улыбка озаряетъ ея блѣдное лицо.

— Эй, кто изъ васъ знаетъ по-чеченски!—въ ту-же минуту обращается къ солдатамъ Миша.

Одинъ изъ Апшеронцевъ, солдатъ Сидоренко, выступилъ впередъ; онъ побывалъ когда-то въ плѣну Шамиля и знаетъ горскій языкъ.

— Скажи ей,—приказалъ ему Зарубинъ,—что кто-бы ни былъ этотъ,—онъ кивнулъ на Абдурахима,—я дарю ему жизнь. Изъ-за нея дарю... За ея доброту и заботы обо мнѣ въ ту ночь, на краю гудыни, когда я сидѣлъ въ плѣну. Переведи ей и спроси, кто она?

Солдатикъ въ точности исполнилъ приказаніе. Выслушавъ отвѣтъ Патиматъ, онъ перевелъ его своему начальнику.

— Она не простая горянка, ваше высокородіе,—пояснилъ онъ.—Дочкой самого Шумилки приходится... а этотъ горецъ мужъ ейный, значитъ,—безцеремонно ткнулъ онъ пальцемъ въ Абдурахима.

Дочь Шамиля? Патиматъ? сестра Джемала? Та самая сестра, за которую Джемалъ просилъ заступиться его, Мишу? Патиматъ, подруга Тэклы, добрый ангелъ сераля!..

Такъ вотъ съ кѣмъ столкнула его судьба.

— Патиматъ... голубушка... милая!—оживленно заговорилъ Миша, протягивая руку молодой женщинѣ,—какъ я радъ, что вижу васъ... Вѣдь Джемалъ мнѣ другъ... кунакъ былъ... Да переведи ты ей, ради Господа, Сидоренко!—нетерпѣливо крикнулъ онъ солдату.

Тотъ живо исполнилъ приказаніе.

Патиматъ радостно закивала головою.

— Яхши! Яхши! Кунакъ Джемала, нашъ кунакъ,—залепетала она оживленно, и вдругъ легкій румянецъ, набѣжавшій было на ея лицо, внезапно скрылся, и она снова побѣлѣла, какъ стѣны сакли.

— А отецъ? Гдѣ отецъ? урусъ, не знаешь?—схвативъ за руки Мишу, въ смертельной тоскѣ прошептала она.

Сидоренко, продолжавшій свою роль переводчика, перевелъ ея слова.

Миша, ничего не знавшій про Шамиля, поспѣшилъ однако успокоить свою старую знакомую.

— Скажи ей, братецъ, что Шамиля мы разыщемъ и отведемъ ее къ нему. Что я не дамъ ея въ обиду и буду защищать обоихъ, потому что они близкіе моего друга Джемала. Переведи ей это.

Тотъ исполнилъ приказаніе молодого офицера.

Тогда Абдурахимъ, до сихъ поръ хранившій упорное молчаніе и мрачно поглядывавшій на своего недавняго врага, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Я зналъ и прежде, что урусы храбры и дерутся, какъ львы, но что они великодушны, это я узнаю теперь. Веди насъ къ сардару, саибъ. Тамъ нашъ отецъ!

Сидоренко передалъ его слова, и молодые люди крѣпко пожали руки другъ другу.

— Патиматъ!—вскрикиваетъ Миша Зарубинъ и роняетъ саблю...

ГЛАВА VIII.

Плѣнный вождь.

ВЪ ту-же минуту, когда изъ мечети вышелъ Шамиль въ сопровожденіи своей вѣрной свиты, громкое „ура“ пронеслось надъ ауломъ.

Это „ура“ заставило вздрогнуть до сихъ поръ безстрашнаго имама. Въ этомъ „ура“ ему почудился голосъ смерти.

Магометъ-Худанатъ, слѣдовавшій за своимъ вождемъ и повелителемъ, увидя этотъ трепетъ, успѣлъ шепнуть ему:

— О, святѣйшій! Прикажи, и я обнажу шашку... Умремъ въ газаватѣ, имамъ, но не дадимъ торжествовать урусамъ...

— Нѣтъ!—угрюмо отвѣтилъ Шамиль,—Аллахъ требуетъ, чтобы я испыталъ за мои и ваши грѣхи весь ужасъ униженія передъ врагами и принялъ позорную смерть въ плѣну и изъихъ рукъ. Пусть исполнится воля его!

На площади аула уже ждалъ имама присланный за нимъ главнокомандующимъ полковникъ Лазаревъ.

— Имамъ,—обратился послѣдній къ Шамилю,—всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ никогда. Мы, русскіе, привыкли цѣнить и уважать героевъ, даже если они наши враги. Если ты, покорясь силѣ судьбы, выйдешь къ главнокомандующему и предашься великодушію нашего государя, то спасешь этимъ отъ гибели тысячи оставшихся въ живыхъ, тебѣ преданныхъ людей. Заверши же твои славные подвиги поступкомъ благоразумія и великодушія и сдайся добровольно... Отъ имени главнокомандующаго даю тебѣ честное слово русскаго офицера, что тогда ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы твоей и всѣхъ твоихъ близкихъ... Главнокомандующій, кромѣ того, будетъ ходатайствовать

передъ государемъ объ обезпеченіи будущности твоей и твоего семейства.

Шамиль съ угрюмымъ видомъ слушалъ рѣчь русскаго офицера. Онъ точно еще колебался, но вдругъ молча рванулся впередъ и вскрикнулъ:

— Иншаллахъ!

Кто-то подвелъ лошадь къ Шамилю, кто-то помогъ ему сѣсть въ сѣдло и, окруженный толпою русскихъ, плѣнникъ направился къ ставкѣ русскаго главнокомандующаго, князя Барятинскаго. За нимъ пошли 60 вооруженныхъ нукеровъ, его вѣрныхъ тѣлохранителей.

Громовое русское „ура“ не переставая гремѣло надъ ауломъ, и это „ура“ разрывало сердце плѣннаго вождя.

Шамиль былъ твердо убѣжденъ, что его везутъ на вѣрную смерть и что слова русскаго полковника были сказаны только, чтобы ускорить сдачу. Кругомъ него пылали сакли и еще далеко не затихала битва, вырывая послѣднія жертвы изъ рядовъ его доблестныхъ защитниковъ—мюридовъ.

Вотъ онъ ближе и ближе подвигается къ ставкѣ. Вотъ и березовая роща, гдѣ поджидаетъ его русскій сардаръ и гдѣ ждетъ его... смерть. Да, смерть, потому что онъ увѣренъ, что тамъ, въ русскомъ лагерѣ, для него ужь приготовлена плаха... О! онъ не боится смерти. Смерть въ священномъ газаватѣ всегда улыбалась ему. Каждый воинъ Аллаха, погибшій за вѣру и свободу мусульманъ, обрѣтаетъ рай. Онъ это знаетъ твердо и вѣритъ этому. Но умереть отъ руки палача! умереть плѣнникомъ!.. Не такая смерть снилась ему—безстрашному имаму!

А между тѣмъ, съ каждымъ шагомъ коня онъ приближается къ ней. Вотъ уже видна и ставка на опушкѣ. О, какая большая толпа ожидаетъ его тамъ! Гяурамъ, конечно, лестно взглянуть на гибель ихъ заклятаго врага...

Смерть послѣдуетъ тотчасъ-же, или его будутъ судить раньше?.. О, какъ мучительна эта неизвѣстность!

Взятіе въ плѣнъ Шамиля въ 1859 г.

Картина проф. Ф. Рубо.

Успѣетъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, обнять женъ и дѣтей? Позволятъ-ли ему это?... Вотъ и ставка. Теперь уже близко,

Рисунокъ В. Тимма.

близко отъ него фигура сардара,—его послѣдняго смертельнаго врага.

И, повинуясь какому-то внутреннему инстинкту, Шамиль быстро спѣшился въ тридцати шагахъ отъ мѣста,

гдѣ его ждалъ Барятинскій, и медленно сталъ приближаться къ князю...

Блестящая свита и видъ самого сардара смутили плѣнника. Съ опущенными глазами, опершись одной рукой на кинжалъ, приближался къ нимъ Шамиль, и молча предсталъ передъ сидѣвшимъ на камнѣ русскимъ главнокомандующимъ.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Первымъ нарушилъ его князь, сказавъ черезъ переводчика:

— Ты не принялъ моихъ условій, Шамиль, и не пожелалъ придти ко мнѣ въ лагерь на Кегерскія высоты, когда я предлагалъ тебѣ сдаться. Теперь я съ войсками пришелъ за тобою. Ты видишь, Богъ и справедливость на нашей сторонѣ. Ты мой плѣнникъ.

Непобѣдимый когда-то вождь весь вздрогнулъ при первомъ же звукѣ этого послѣдняго слова.

„Да, онъ плѣнникъ! Больше того! Онъ приговоренный! Почему-же медлитъ князь и зачѣмъ не велитъ казнить его тотчасъ-же“?

— Сардаръ!—произнесъ онъ глухимъ, но твердымъ голосомъ, хотя губы его дрожали,—я не внялъ твоимъ совѣтамъ, не осуждай меня! Я тридцать лѣтъ только и мечталъ о томъ, чтобы добыть свободу для правовѣрныхъ. Тридцать лѣтъ я стремился освободить отъ русскаго владычества горцевъ, такъ какъ я считалъ, что нашъ смѣлый, свободный по духу народъ не долженъ нести позорное иго у христіанъ: это противно нашей вѣрѣ, противно завѣтамъ Магомета... Тридцать лѣтъ я только и думалъ о томъ, какъ бы доставить свободу всѣмъ народамъ Кавказа, и никакія трудности, никакія неудачи, никакія пораженія не могли отнять у меня надежды на успѣхъ. Но теперь я вижу, что еще не наступилъ день свободы, вижу, что пророку угодно, чтобы его народы и впредь терпѣли чужое иго... У меня осталась лишь небольшая горсть вѣрныхъ воиновъ. Самъ я старъ, утомился и не въ силахъ уже больше вдохновитъ горцевъ къ новой борьбѣ.

Я подчиняюсь волѣ Аллаха, не достигнувъ того, чему я посвятилъ всю жизнь: не завоевавъ свободы моему народу... Я сдаюсь, и моя жизнь отнынѣ въ твоихъ, сардаръ, рукахъ...

Потомъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Я не боюсь смерти, нѣтъ! И до послѣдней

Плѣнный Шамиль передъ главнокомандующимъ кн. Барятинскимъ въ Гунибѣ 25 августа 1859 г.
Картина Горшельта.

капли крови сражался-бы въ священномъ газаватѣ во славу Аллаха! Я погибъ-бы съ мечомъ, какъ повелѣлъ великій пророкъ, но моя борьба повлекла-бы къ гибели моихъ женъ и дѣтей. Ради нихъ я сдался, сардаръ, и готовъ умереть на плахѣ, но мои дѣти... мои бѣдныя дѣти!... Ихъ я сдаю на милость бѣлаго падишаха!... Теперь я сказалъ все и готовъ умереть...

Страннымъ огнемъ загорѣлись очи Шамиля. Фигура его выпрямилась. Губы горделиво сложились. Что-то пре-

красное и могучее было въ эти минуты въ плѣненномъ. Что-то безстрашное въ спокойныхъ, словно изваянныхъ изъ мрамора чертахъ. Да, онъ не боится смерти! Не ищетъ спасенія!

— Слушай, Шамиль,—и голосъ князя зазвучалъ неизъяснимой лаской, когда онъ обратился къ плѣннику,— слушай: нашъ государь милостиво рѣшилъ твою участь. Онъ не желаетъ смерти ни твоей, имамъ, ни твоихъ женъ, ни дѣтей... Онъ цѣнитъ тебя какъ героя, боровшагося за свободу и даруетъ тебѣ жизнь. Ты, съ семьею твоей, будете перевезены въ Россію. Никто изъ васъ не потерпитъ лишеній и обиды. Государь соизволилъ даже назначить тебѣ пожизненную пенсію, чтобы ты могъ жить безбѣдно, какъ приличествуетъ вождю храбраго народа. Нашъ всемилостивѣйшій императоръ признаетъ твою храбрость, твои высокіе порывы, твои боевыя заслуги, имамъ!

Что это? Не ослышался-ли онъ, Шамиль?.. Такъ-ли сумѣлъ понять слова сардара?

„Императоръ признаетъ твою храбрость, твои высокіе порывы, твои боевыя заслуги!“

Счастливымъ блескомъ загорѣлись очи имама. Неизъяснимой гордостью наполнилось его сердце.

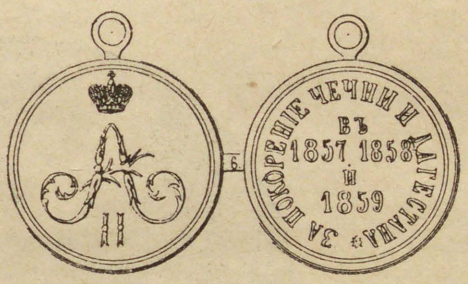
— Сардаръ!—съ дрожью въ голосѣ произнесъ онъ, вперивъ свой огненный взоръ въ лицо Барятинскаго,— сардаръ! Я до сихъ поръ шелъ противъ васъ, русскихъ, по повелѣнію тариката. Я былъ вашимъ врагомъ. Я въ одинъ годъ взялъ до тридцати русскихъ крѣпостей. Я уничтожалъ ваши войска въ Андійскихъ лѣсахъ. Я едва не создалъ одного могучаго Дагестанскаго царства на Кавказѣ... Теперь я, безсильный плѣнникъ, сдался на милость бѣлаго падишаха, и падишахъ даруетъ мнѣ жизнь... Аллахъ разсудилъ мудро. Волею Его далась вамъ побѣда надъ нами. Значитъ вы были болѣе достойны ее. Передай государю, сардаръ: я благодарю его за его милость ко

мнѣ, поздравляю его съ владычествомъ надъ Дагестаномъ, и да будетъ отнынѣ миръ на благо нашего и вашего народа!

Шамиль кончилъ. Взоръ его потухъ. Стройная не по годамъ фигура какъ-то разомъ сгорбилась и поникла.

И вдругъ взоръ его загорѣлся снова... Въ сторонѣ ставки онъ увидѣлъ всю свою семью, доставленную сюда русскими изъ гунибской мечети.

Быстрыми глазами окинулъ онъ толпу женщинъ и остановилъ ихъ на дорогомъ, заплаканномъ личикѣ своей Патиматъ.



Медаль за покорение Чечни и Дагестана.

Черные глаза молодой женщины впивались въ отца любящимъ, скорбнымъ взоромъ.

Ей уже успѣли сказать, что Шамилю не грозитъ никакая опасность, но она все еще недовѣряла русскимъ и готова была ежеминутно кинуться къ сардару и молить его о пощадѣ для своего стараго отца.

Шамиль все это ясно въ одинъ мигъ прочелъ въ печальныхъ встревоженныхъ глазахъ дочери.

Что-то горючее, какъ лава, подошло къ его сердцу.

Воинъ и вождь какъ-то разомъ исчезли въ немъ.

Всю душу наполнило сладкое отцовское чувство.

— Моя бѣдная Патиматъ,—произнесъ онъ беззвучно,— всѣ вы бѣдныя мои! Сколько невольнаго горя причинилъ вамъ старый вашъ отецъ!

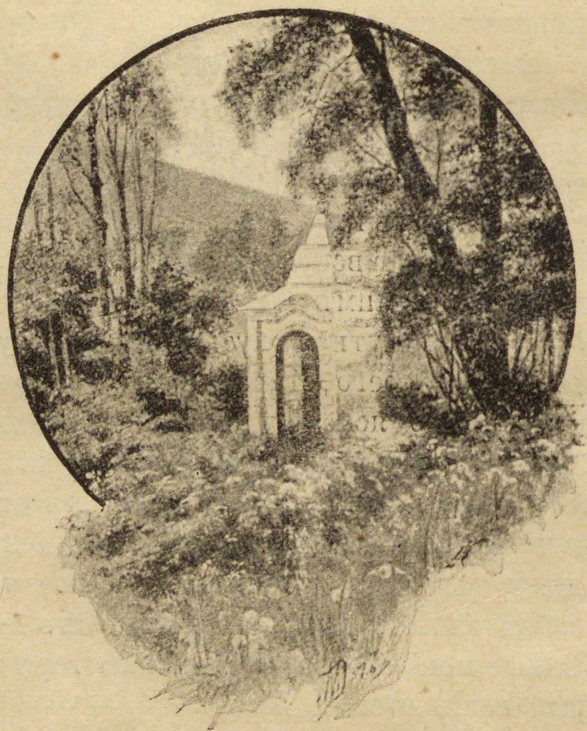
И вдругъ передъ его мысленнымъ взоромъ предстала чья-то легкая воздушная фигура, чье-то блѣдное лицо улыбнулось ему свѣтлой, ласковой улыбкой...

Старикъ весь замеръ на мгновенье. Потомъ тихій свѣтъ разлился по его суровымъ чертамъ. Губы беззвучно прошептали:

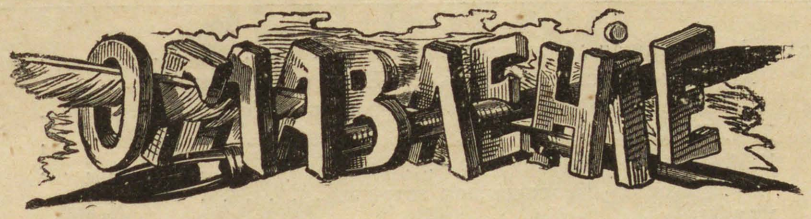
— О, мой Джемалэддинъ! Твоя душа можетъ быть спокойна. Я помирился съ бѣлымъ падишахомъ. Я предался въ его руки. Сни съ миромъ, мой бѣдный любимый сынъ!..

И тихимъ скорбнымъ свѣтомъ засіяли обычно мрачныя очи плѣннаго Шамиля.

КОНЕЦЪ.



Памятникъ на Гунибѣ.



стр.

Отъ издателей . . . . . I—II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Заложникъ.

стр.

Глава I. Предсказаніе Фатимы 1
» II. Джемалэддинъ.—Гяуры 9
» III. Первые мюриды 14
» IV. Нежданный гость Хаджи-Али 22
» V. Видѣнія Шамиля 32
» VI. Воля Аллаха.—Новый мюридъ 41
» VII. Гарай! Гарай! 46
» VIII. Осада длится.—Подъ кровомъ восточной ночи 53
» IX. На штурмъ 61
» X. Юный защитникъ.—Женщина-джигитъ 67
» XI. Пророчество Фатимы сбывается 74
» XII. У враговъ 81
» XIII. Неожиданный спаситель.—Голосъ сердца и голосъ крови . 86
» XIV. Прыжокъ шайтана 97

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ плѣну.

стр.

Глава I. Разлука 105
» II. Сладкія грезы 111
» III. Вновь воскресшій.— Пятнадцать лѣтъ войны 121
» IV. Ураганъ и Кривоножка.—Горе Тэклы 132
» V. Мучители.—Бѣлокурая избавительница 140
» VI. Отецъ и сынъ 147
» VII. Маленькая крѣпость. — Разсказъ стараго солдата о томъ, какъ умирали герои 153
» VIII. Мечты сбываются—враги наступаютъ 162
» IX. Штурмъ.—Черноглазый юноша-воинъ.—Погоня 171

		стр.
Глава	X. Страшная дѣйствительность	176
»	XI. Рукъ-эта-намазъ.—Зюльма.—Новость Патиматъ	181
»	XII. Жертва Зайдетъ.—Неожиданное спасеніе	189
»	XIII. Плѣнникъ	201
»	XIV. На волосъ отъ смерти	207
»	XV. Бѣгство.—Неожиданная встрѣча	214
»	XVI. Погоня	219
»	XVII. Лаки.—Старикъ Амедъ и юноша Идиль	223
»	XVIII. Предатели.—Снова въ когтяхъ Гассана	229
»	XIX. Отверженный.—Къ Иссѣ!	239

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣднее убѣжище.

		стр.
Глава	I. Русскіе наступаютъ	249
»	II. Горе имама.—Пѣсенка Нажабатъ.—Свои враги	260
»	III. Переговоры	271
»	IV. Старые знакомые.—За облака	278
»	V. Роковая задача.—Снова Гассанъ	283
»	VI. Въ мечети.—Долгъ чести и долгъ крови	290
»	VII. За отцомъ.—Странная встрѣча	296
»	VIII. Плѣнный вождь	303

2007086430

БОГАТЫРИ И БИТАЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

По былинамъ, сказаніямъ и пѣснямъ составилъ

Н. А. НАДЕЖДИНЪ

Съ акварелями, отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ худ. Э. К. Соколовскаго.

КО временамъ давно минувшимъ, въ совсѣмъ особый міръ,—міръ витязей и богатырей, неслыханныхъ геройскихъ подвиговъ, силъ могучихъ, не знающихъ удержу, переносятъ насъ старинныя пѣсни, распѣваемыя народомъ, такъ-называемыя былины.

Когда былины собрали и напечатали, всѣ съ удивленіемъ узнали о новомъ богатствѣ русской поэзіи, о новыхъ красотахъ, которыя скрывали въ себѣ эти «сказки», какими ихъ раньше считали. И за этими «сказками», помимо ихъ глубокой поэзіи, признали громадное педагогическое значеніе, признали, что былины учатъ насъ любить родину и создавшій ихъ народъ, сила, доблесть, недюжинный умъ и добрыя качества котораго открываются въ созданныхъ имъ легендахъ.

Но въ подлинномъ своемъ видѣ, въ томъ видѣ, какъ ихъ «сказывалъ» народъ, былины слишкомъ объемисты и неудобны для чтенія мало подготовленному читателю. Тутъ нуженъ доступный для общаго пониманія пересказъ, но такой, который сохранилъ бы всѣ основныя формы былины, духъ и образцы оригиналовъ, устраняя все неподходящее, противорѣчивое, или слишкомъ часто повторяющееся въ ущербъ ясности содержанія.

Удовлетворить этому требованію и имѣетъ цѣлью настоящее изданіе, въ которомъ собраны всѣ наиболѣе выдающіяся былины о русскихъ богатыряхъ и витязяхъ.

То, что дано могучей фантазіей народа, дополнено въ настоящемъ изданіи рисунками художника, всецѣло проникшагося героическимъ духомъ былинъ и пытавшагося соотвѣтственно этому воспроизвести дивные эпизоды богатырскихъ дѣяній и воплотить величавые образы могучихъ русскихъ былинныхъ богатырей и витязей.

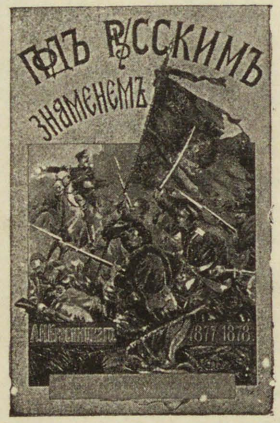
Большой томъ in 8°, на велен. бум., въ роскошн. коленк. перепл. **3 р. 50 к.**

А. И. КРАСНИЦКІЙ

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ.

Повѣсть-хроника эпохи Освободительной войны 1877—78 гг.

Со множествомъ отдѣльныхъ картинъ и иллюстрацій въ текстѣ художника Э. К. Соколовскаго и др.



Въ видѣ интереснаго описанія многочисленныхъ приключеній юнаго вольноопредѣляющагося, авторъ знакомитъ юныхъ читателей съ исторіею этой послѣдней русско-турецкой войны, съ ея выдающимися героями, съ подвигами храбрыхъ воиновъ, сражавшихся «подъ русскимъ знаменемъ». Многочисленныя иллюстраціи воспроизводятъ не только приключенія героя разсказа, но и всѣ крупныя событія русско-турецкой войны, битвы и сраженія, а также портреты главныхъ дѣятелей.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 к.

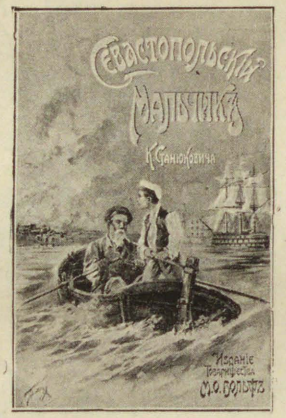
Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 16280, 25 мая 1903 г.).

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Повѣсть изъ временъ Крымской войны.

Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями художника Э. К. Соколовскаго, со снимками съ современныхъ картинъ и портретами героевъ войны.



«Севастопольскій мальчикъ» — это исторія и приключенія одного изъ многочисленныхъ юныхъ героевъ знаменитой обороны Севастополя. Повѣсть написана такъ увлекательно и интересно, что юные читатели не могутъ оторваться отъ чтенія. По своему характеру книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя читаются обыкновенно по нѣсколько разъ и не утрачиваютъ при этомъ своего интереса. Одно, впрочемъ, имя пользующагося популярностью автора служитъ ручательствомъ достоинства книги.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ папочнымъ футляромъ—3 р. 50 к.

Уч. К-томъ М. Н. Пр. допущено въ ученич., средн. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. народн. библ. и читальни, а также для выдачи въ награду ученикамъ означеннаго возр. (Отз. Д-та Нар. Пр. № 15804, 21 мая 1904 г.).

А. И. КРАСНИЦКІЙ

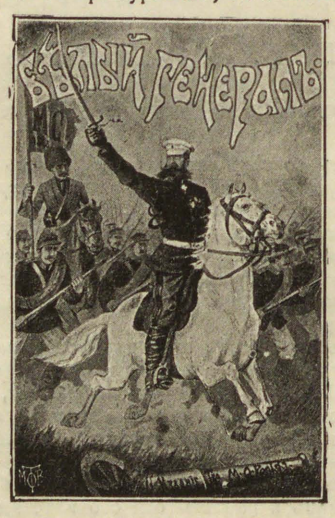
БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ

Повѣсть-хроника изъ жизни генерала М. Д. Скобелева.

Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями худ. Э. К. Соколовскаго, съ снимками съ картинъ: В. В. Верещагина, Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Кившенко и др. и портретами героя.

Война ужасное дѣло, но нѣтъ народа, который не гордился-бы героями своихъ войнъ, съ сердечнымъ трепетомъ восторга не вспоминалъ бы ихъ подвиги, не стремился-бы, часто совершенно невольно, подражать имъ. Горои-богатыри выступаютъ и въ сказкахъ, полныхъ тихой прелести, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, полныхъ великой красоты, и на страницахъ справедливой исторіи. Матери разсказываютъ своимъ дѣтямъ про богатырей, прославившихъ свою родину на поляхъ битвъ съ ея врагами, юноши съ увлеченіемъ читаютъ описанія подвиговъ знаменитыхъ полководцевъ, воиновъ и невольно у нихъ зарождается искреннее желаніе подражать этимъ великимъ своимъ соотечественникамъ.

И такое вниманіе, такая завидная участь выпадаетъ почти всегда на долю только героевъ войны. Есть и другіе герои—герои мирнаго труда, науки, но слава ихъ доступна пониманію не каждаго, а только лишь тѣхъ, кто ясно и зрѣло представляетъ себѣ все величіе ихъ подвиговъ, часто даже незамѣтныхъ для обыкновеннаго глаза. Между тѣмъ, военные подвиги поражаютъ,



ослѣпляютъ всѣхъ, надолго остаются въ памяти людей,—и прославленный герой Скобелевъ является русскому юношеству и русской молодежи великимъ образцомъ, какъ обладатель высочайшаго душевнаго могущества, какъ строжайшій исполнитель всего принятаго на себя, какъ неутомимый работникъ, для котораго самый тяжелый трудъ являлся наслажденіемъ. Бѣлый генералъ—герой военнаго, подвига герой долга предъ родиной,—и нашей скромной задачею было представить его предъ русской молодежью именно въ такомъ изображеніи. Въ настоящей книгѣ разсказаны жизнь и подвиги Бѣлаго генерала въ томъ видѣ, въ какомъ возможно разсказать ихъ теперь, когда прошло еще такъ немного лѣтъ со дня кончины. Все выдающееся, все характерное, но не относящееся къ области анекдота, нашло себѣ отраженіе въ настоящей повѣсти-хроникѣ,—и думается, что эта повѣсть, сопровождаемая многочисленными иллюстраціями, наглядно изображающими не только моменты изъ жизни Бѣлаго генерала, но также и по возможности все, что имѣло отношеніе къ его жизни, заслужитъ вниманіе молодыхъ читателей.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 3р. 50 к.

B